

ISSN 1818-4019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

№2 (99) 2022

ХАБАРОВСК

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2022 г. № 2 (99)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2022 г. № 2 (99)

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: О. Г. Поливаева

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор
(Россия)

И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)

А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор
(Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр.
(Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)

С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор
(Россия)

Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)

Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)

Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр.
(Китай)

Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2022, no. 2 (99)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: O. G. Polivaeva

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

Yu.V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyannpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Маслюк Н. А. Медведева Н. В.	Инструментарий реализации регионально-го инвестиционного стандарта нового поколения	8
Тюрина Ю.А. Луценко Е. Л. Казаку О. В.	Реализация приоритетного проекта «Экспорт образования» в социологическом измерении	21
Рензин О. М.	Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: конфигурации и взаимодействия	33
Найден С. Н. Домнич Е. Л. Ступникова А. В.	Поведение потребительских цен в условиях пандемии COVID-19: Дальний Восток России	41
Грицко М. А.	Демографические последствия пандемии в Хабаровском крае	53
Буланова М. А.	Оценка результативности демографической политики по стимулированию рождаемости (на примере Дальневосточного федерального округа)	61
Ефременко В. Ф.	Оценка влияния изменения структуры занятости на численность постоянного населения Дальнего Востока России	73
Ланец Т. Н.	Оценка структурных сдвигов на региональном рынке труда Дальнего Востока и Хабаровского края	87

Теория и практика экономики и управления

Осипова Е. С.	Дискуссионные аспекты налоговых отношений: авторский взгляд	101
Волков А. Ф.	Пенсионная политика России в постсоветский период: исторический аспект	113

Салогуб А. М.	Креативность и кризис – новые ресурсы коммерческой организации в условиях цифровой трансформации	126
Пахомов А. А. Соломонов М. П.	Один из приводов механизма выравнивания жизненного уровня населения Севера	138
Мазанкова Т. В.	Розничная торговля как индикатор качества жизни населения	151
Лю Бо	Исследование инновационных издательских услуг китайских библиотек в эпоху больших данных и Интернета	162

Социология

Березутский Ю. В. Мугдин К. В.	Межнациональные отношения в Хабаровском крае в социологическом измерении: состояние, проблемы, перспективы	169
Невеличко Л. Г. Баженова Н. Г. Богаченко Н. Г. Баженова Р. И. Воротилкина И. М.	Интернационализация образовательной деятельности российских вузов: дальневосточный вектор развития	181
Клеймёнов Е. А.	Социальный потенциал участия граждан в деятельности народных дружин: региональный аспект	194

Представляю к защите

Федорищева Е. К.	Формирование здоровьесберегающего поведения у студентов медицинского университета: к разработке концепции исследования	210
------------------	--	-----

CONTENTS

The Far East: strategies and development models

Maslyuk N. A. Medvedeva N. V.	Instruments of implementation of a new regional investment standard	8
Tyurina Yu. A. Lutsenko E. L. Kazaku O. V.	Implementation of the priority project «Export of education» in sociological dimension	21
Renzin O. M.	The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: interaction configurations	33
Naiden S. N. Domnich Ye. L. Stupnikova A. V.	Consumer Price Behavior During the COVID-19 Pandemic: The Russian Far East	41
Gritsko M. A.	Demographic impact of the pandemic COVID-19 in the Khabarovsk territory	53
Bulanova M. A.	Assessment of the effectiveness of demographic policies to stimulate fertility (on the example of the Far-Eastern federal district)	61
Efremenko V. F. Bakharev S. M. Gabunov V. V.	Assessment of the impact of changes in the employment structure in the permanent population of the Russian Far East	73
Lanets T. N.	Assessment of structural shifts in the regional labor market of the Far East and the Khabarovsk territory	87

Theory and practice of economics and management

Osipova S. O.	Debatable aspects of tax relations: the author's view	101
Volkov A. F.	Pension policy of Russia in the post-Soviet period: historical aspect	113

Salogub A. M.	Creativity and crisis – new resources of commercial organization in the conditions of digital transformation	126
Pakhomov A. A. Solomonov M. P.	One of the actuators of the living standard leveling mechanism population of the North	138
Mazankova T. V.	Retail trade as an indicator of the quality of life of the population	151
Liu Bo	Exploring the China's innovative library publishing services in the age of big data and the Internet	162

Sociology

Berezutskiy Yu. V. Mugdin K. V.	Interethnic relations in the Khabarovsk territory in sociological dimension: state, problems, perspectives	169
Nevelichko L. G. Bazhenova N. G. Bogachenko N. G. Bazhenov R. I. Vorotilkina I. M.	Internationalization of educational activities of the Russian universities: the Far-Eastern development vector	181
Kleymyonov E. A. .	Social Potential of Citizens' Participation in the Activities of People's Teams: Regional Aspect	194

Post-Graduate Research

Fedorishcheva E. K.	Formation of healthy behavior among the students of medical university: to the development of the concept of research	210
---------------------	---	-----

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 338.2

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-8-20

Инструментарий реализации регионального инвестиционного стандарта нового поколения

Маслюк Наталья Альбертовна¹, Медведева Надежда Васильевна²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал, Санкт-Петербург, Россия

¹ maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

² medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

Аннотация. *Изменение социально-экономических условий, внешнеэкономическая нестабильность влияют на формирование нового вектора инвестиционного развития территорий Российской Федерации в направлении повышения самостоятельности в привлечении инвестиционных ресурсов, а также повышения стимулирующей роли инструментов государственного регулирования инвестиционной активности. Логическим продолжением целенаправленной деятельности по унификации и стандартизации деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по привлечению инвестиций стала разработка в 2021 году Регионального инвестиционного стандарта и внедрение его функциональных элементов в пилотных регионах. Целеполагающим элементом стандарта является инвестиционная декларация, содержащая целевые ориентиры и условия привлечения инвестиций в регион. Во всех субъектах Российской Федерации, выбранных в качестве пилотных, процесс формирования и утверждения этого документа завершён. Признанным лидером в этом процессе является Сахалинская область. Изучение практики внедрения инструментов Регионального инвестиционного стандарта имеет существенное значение с позиции тиражирования лучшего опыта, так как при наличии утверждённых методических рекомендаций регионы подходят к решению этой задачи по-разному. В процессе проведённого исследования авторами выявлены отклонения при разработке инвестиционной декларации Сахалинской области от методических рекомендаций. Помимо этого, открытым остаётся вопрос о соотношении положений декларации и стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Анализ комплементарности положений инвестиционной декларации и положений стратегии социально-экономического развития Сахалинской области позволил выявить ряд несоответствий. Это может существенно затруднить реализацию процесса инвестиционного развития, нацеленного на достижение целей социально-экономического развития региона.*

Ключевые слова: региональный инвестиционный стандарт, методические рекомендации, инвестиционная декларация, инвестиционный налоговый вычет, инвестиционные проекты

Для цитирования: Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Инструментарий реализации регионального инвестиционного стандарта нового поколения // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 8–20. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-8-20>

Instruments of implementation of a new regional investment standard

Nataliya A. Maslyuk¹, Nadezhda V. Medvedeva²

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia

²The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia

¹ maslyuk-na@ranepa.ru

² medvedeva-nv@ranepa.ru

Abstract. *Changing of socio-economic conditions and the external economic instability influences formation of a new vector of investment development of the Russian Federation's territories in the direction of increasing independence in attracting investment resources, as well as increasing the stimulating role of state regulation of the investment activity. Development in 2021 of the Regional Investment Standard and introduction of its functional elements in the pilot regions became a logical continuation of the purposeful activities to unify and standardize the actions of the constituent entities of the Russian Federation's state authorities to attracting of the investments. The investment declaration is a goal-setting element of the standard which contains targets and conditions for attracting investments to the region. In all subjects of the Russian Federation selected as the pilot regions, the process of formation and approval of this document has been completed. The recognized leader in this process is the Sakhalin region. Researching of the practice of implementing tools of the Regional Investment Standard is essential for replicating the best experience, because in the presence of approved methodological recommendations, the regions approach solution of this problem in different ways. During of researching, the authors identified deviations in development of the investment declaration of the Sakhalin region from the methodological recommendations. In addition, the question of correlation between the provisions of declaration and the strategy of socio-economic development of the subject of the Russian Federation remains open. The analysis of complementarity of provisions of the investment declaration and provisions of the socio-economic strategy of the Sakhalin region revealed a number of inconsistencies. This can significantly complicate implementation of the investment development achieving the goals of socio-economic development of the region.*

Keywords: *regional investment standard, methodological recommendations, investment declaration, investment tax credit, investment projects*

For citation: Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. Instruments of implementation of a new regional investment standard // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 8–20. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-8-20>

Введение

В условиях динамической сложности социально-экономического развития наиболее приемлемым вариантом выступает последовательное снятие наиболее значимых институциональных ограничений, препятствующих экономическому росту. Ключевое место в системе институциональных и правовых механизмов, стимулирующих повышение инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации, по праву занимает региональный инвестиционный стандарт, содержание которого направлено на создание благоприятных условий для ведения бизнеса.

В ходе эволюционного и поступательного развития Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (далее – Стандарт 2013 г., внедрен во всех субъектах Российской Федерации с 2013 года)¹ [Кожевина, 2019. С. 89] получает свое точечное развитие в системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации, которая получила свое название «Региональный инвестиционный стандарт» 2021 г. (далее – Региональный инвестиционный стандарт).²

Как отмечают авторы [Маслихина, 2017. С. 83; Никитин, 2016. С. 195], внедрение Стандарта 2013 г. способствовало существенной активизации инвестиционной деятельности в регионах и позволило преодолеть наметившийся спад инвестиционной активности. В этой связи на Региональный инвестиционный

стандарт 2021 года возлагается роль активатора инвестиционных процессов в условиях современных вызовов и вывод условий инвестиционной деятельности на новый уровень.

Понятие и содержание инвестиционной декларации

Под «новыми инвестиционными проектами» понимаются проекты на создание или реконструкцию инфраструктуры в ряде отраслей по установленному перечню.³ Инфраструктурные инвестиционные проекты известны науке и практике [Астафьева, Гончаров, Козловский, 2020. С. 122; Кожевина, 2019. С. 91], однако характерной особенностью новых инвестиционных проектов выступает источник их финансирования – это высвобождаемые средства (средства бюджета субъекта Российской Федерации, высвобождаемые в 2021–2024 гг. в результате снижения объема погашения задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам). Стимулирующим фактором соответствия Региональному инвестиционному стандарту является упрощение получения регионами дотации по инвестиционному налоговому вычету [Чудиновских, 2019. С. 45].

Внедрение Регионального инвестиционного стандарта происходит в пилотном режиме в ряде регионов в 2021–2022 гг. с постепенным охватом всех субъектов Российской Федерации.

Содержание Регионального инвестиционного стандарта составляют шесть элементов в форме методических рекомендаций по их внедрению:

¹ Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе: приказ Минрегиона России от 24 сентября 2013 г. № 408 // <https://docs.cntd.ru/document/499050661?section=status>

² О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»): приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 // <https://docs.cntd.ru/document/608913625?section=status>

³ Об утверждении Правил определения новых инвестиционных проектов, в целях реализации которых средства бюджета субъекта Российской Федерации, высвобождаемые в результате снижения объема погашения задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам, подлежат направлению на выполнение инженерных изысканий, проектирование, экспертизу проектной документации и (или) результатов инженерных изысканий, строительство, реконструкцию и ввод в эксплуатацию объектов инфраструктуры, а также на подключение (технологическое присоединение) объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения: постановление Правительства РФ от 19 октября 2020 г. (с изм. на 18 марта 2022 г.) № 1704 // Собр. законодательства РФ. – 2020. - № 44. - Ст.6981.

по подготовке инвестиционной декларации субъекта Российской Федерации;

по созданию агентства развития субъекта Российской Федерации;

по созданию инвестиционного комитета субъекта Российской Федерации;

по формированию инвестиционной карты субъекта Российской Федерации;

по внедрению свода инвестиционных правил субъекта Российской Федерации;

по мониторингу и подтверждению внедрения системы поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации.

Одним из элементов Регионального инвестиционного стандарта нового поколения, который является системообразующим фактором инвестиционной политики субъекта Российской Федерации, выступает инвестиционная декларация, которая разрабатывается с целью формирования направлений и условий опережающего инвестиционного развития и достижения национальных целей развития Российской Федерации. Со стороны разработчика – государственной власти региона – данный документ носит характер обязательств этой власти перед инвестором по созданию условий максимального благоприятствования.

При формировании инвестиционной декларации органам власти субъекта необходимо руководствоваться рядом принципов⁴, следование которым обеспечивает единообразие условий этого формирования, а также качество результата в виде системного информационно наполненного документа, нацеленного на развитие благоприятного инвестиционного климата, в том числе за счёт повышения эффективности всестороннего использования гарантированных мер государственной поддержки. С позиции федерального центра инвестиционная декларация – это инструмент целена-

правленного максимально адресного и «рентабельного» использования инвестиционного налогового вычета для стимулирования инвестиционной активности.

Согласно рекомендациям, закрепление положений инвестиционной декларации субъекта Российской Федерации должно осуществляться нормативным правовым актом (указом или распоряжением) высшего должностного лица субъекта на срок исполнения им своих полномочий или законом субъекта.

Для обеспечения единообразия подходов к подготовке инвестиционной декларации предусмотрена её рекомендованная структура, включающая разделы:

- общее описание целей инвестиционного развития субъекта Российской Федерации;

- ключевые характеристики субъекта Российской Федерации;

- инвестиционные обязательства субъекта Российской Федерации;

- инвестиционная команда субъекта Российской Федерации.⁵

Более того, рекомендации содержат достаточно чёткие и конкретные требования к содержанию каждого раздела.

Особенности разработки инвестиционной декларации Сахалинской области

Внедрение Регионального инвестиционного стандарта началось в пилотных регионах и на сегодняшний день продолжается в большинстве субъектов Российской Федерации. С целью оценки качества инвестиционной декларации выбрана Сахалинская область, которая стала флагманом внедрения положений документа.⁶ Учитывая, что при внедрении нового инвестиционного стандарта предусмотрена система «наставничества» со стороны регионов, успешно прошедших этот путь, то Сахалинская область должна стать «эталонным образ-

⁴ О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»): приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 // <https://docs.cntd.ru/document/608913625?section=status>

⁵ О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»): приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 // <https://docs.cntd.ru/document/608913625?section=status>

⁶ Об утверждении инвестиционной декларации Сахалинской области: распоряжение Губернатора Сахалинской области от 30 ноября 2021 г. № 237-р // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/>, 02.12.2021

цом» встраивания элементов стандарта в стратегию социально-экономического развития региона.

Что касается соответствия структуры инвестиционной декларации Сахалинской области рекомендациям, то все разделы, указанные выше, нашли в ней отражение. Более детальное изучение содержания каждого раздела позволило заключить следующее.

Так, в первом разделе должны быть отражены перспективы развития территории, влияющие на принятие решения об инвестировании в неё, а также генеральная цель инвестиционного развития как составляющая глобальной цели, закреплённой Указом Президента Российской Федерации⁷. Что касается перспектив, то в принятой декларации они видоизменились до основных направлений, которые обеспечат рост инвестиций. То есть, можно заметить, что перспективы для инвесторов заменены на те направления, которые «видит» власть как приоритетные для экономики региона. Что же касается цели инвестиционного развития, то она полностью повторяет национальную цель увеличения реального роста инвестиций в основной капитал на 70% до 2030 г. по сравнению с 2020 г. При этом речь в методических рекомендациях идёт лишь о том, что цель инвестиционного развития региона должна быть вкладом в достижение национальной цели. В этой связи, с одной стороны, недостаточная обоснованность и увязка данной цели с социально-экономическими условиями и стратегическими целями региона может стать причиной её недостижения. С другой стороны, инвестиционная декларация принимается на срок полномочий губернатора региона, следовательно, считаем, что и цель в декларации должна быть ограничена данным периодом.

Соглашаясь с позицией [Никитин, 2018. С. 101], что основной задачей любого стандарта становится установление разделяемых и одобряемых сторонами процесса (деятельности) реально достижимых и обуславливающих развитие целей, можно заметить, что цель, заяв-

ленная в исследуемом документе, установлена без каких-либо согласований с другими участниками инвестиционного процесса. Вследствие этого есть опасение её недостижения.

Второй раздел инвестиционной декларации должен содержать описание объектов инфраструктуры территории, которые станут одним из факторов привлечения инвесторов. Однако в декларации Сахалинской области этого нет, что может повлиять на качество применения документа для активизации инвесторов. Вместо этого указаны сильные стороны территории, на наш взгляд, достаточно усечённо и обобщенно. Также рекомендовано в разделе отразить наличие в регионе преференционных режимов, но в исследуемом документе эта информация содержится в следующем разделе «Инвестиционные обязательства субъекта Российской Федерации», что нарушает логику документа. Также отсутствует весьма важная с точки зрения инвесторов информация о соблюдении сроков предоставления уполномоченными органами и организациями разрешительной документации. Остальные блоки рекомендованной информации представлены в разрезе планируемых к реализации инвестиционных проектов по приоритетным отраслям экономики. Учитывая требование синхронизации срока декларации со сроком полномочий губернатора, по нашему мнению, перечисление проектов, планируемых к реализации после 2024 г. (срока окончания полномочий Губернатора Сахалинской области), возможно, не вполне корректно.

Далее рекомендуется изложить инвестиционные обязательства, гарантирующие максимальное получение предусмотренной поддержки инвесторов со стороны федерального центра и региональных властей в строгом соответствии с утверждёнными для этого правилами и процедурами, а также неухудшение условий бизнеса. В инвестиционной декларации Сахалинской области в этом разделе перечислены меры поддержки инвестора, реализуемые в регионе, включая пре-

⁷ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 // Собр. законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

ференционные режимы (как было отмечено ранее). Этим содержание данного раздела ограничивается. Следовательно, инвестор, если он ориентируется на данный документ с целью получения полной информации о готовности публичной власти территории взаимодействовать с ним, вряд ли эту цель достигнет.

Четвёртый и заключительный раздел инвестиционной декларации должен включать перечень членов инвестиционной команды с указанием их ответственности в части взаимодействия с инвесторами и условия её формирования. В действительности в исследуемом документе есть перечень должностных лиц с указанием их функционала в пределах полномочий в сфере инвестиционной политики (и это не тождественно ответственности) и отсутствует описание условий формирования команды. Особо следует отметить, что у губернатора как лидера инвестиционной команды круг полномочий и ответственности не определён. Можно предположить, что подобное наполнение данного раздела не несёт никакой смысловой нагрузки и мало информативно для инвестора.

Детальное исследование инвестиционной декларации Сахалинской области в сопоставлении с Методическими рекомендациями по подготовке инвестиционной декларации субъекта Российской Федерации позволяет заключить, что фактический документ лишь отчасти соответствует требованиям рекомендаций и его качественное наполнение, возможно, не удовлетворит запросы инвестора в части получения исчерпывающей информации о намерениях власти оказывать содействие. В том виде, в котором на сегодняшний день утверждена декларация Сахалинской области, она более похожа на описание планов власти в части привлечения инвестиций и стандартного перечня мер поддержки, предусмотренного федеральным и региональным законодательством. При этом специфика региона, отражённая в конкурентных преимуществах и призванная сделать регион привлекательным для инвестирования, не нашла отражения в данном документе.

Резюмируя, отметим, что несмотря на стремление федерального центра уни-

фицировать и стандартизировать условия осуществления инвестиций в регионах России с целью их поднятия на качественно новый уровень, необходимо раскрыть и задействовать уникальные черты каждой территории в конкурентной борьбе за инвестиции. Это, в первую очередь, должно отражаться в инвестиционной декларации региона. Только в этом случае возможно ожидать конкретный результат в виде роста объёма инвестиций в экономику регионов и страны.

Авторами была проведена экспертная оценка соответствия содержания инвестиционной декларации Сахалинской области Методическим рекомендациям по подготовке инвестиционной декларации субъекта Российской Федерации. Результаты экспертной оценки представлены в таблице 1.

Таким образом, из возможных 38 баллов (по 2 балла за каждый пункт) декларация Сахалинской области набрала 11 баллов, что составило около 29 процентов. Учитывая, что данный документ призван стать «образцом» для разработки деклараций большинства субъектов Российской Федерации, возможно предположить тиражирование допущенных неточностей. В этой связи наиболее предпочтительна ситуация, когда каждый регион в рамках стандартного набора рекомендаций создаст уникальный качественный документ, имеющий целью не декларирование пожеланий, а реальное привлечение потенциальных инвесторов на территорию.

Соотносимость стратегии социально-экономического развития и инвестиционной декларации региона

Важным обстоятельством успешного внедрения элементов Регионального инвестиционного стандарта выступает их соответствие и взаимная имплементация с положениями стратегии социально-экономического развития региона [Арсланов, 2017. С. 68]). В составе документов стратегического планирования не предусматривается (как самостоятельного документа) инвестиционной стратегии. Вместе с тем, логика содержания стратегии социально-экономического развития подразумевает наличие в ней всех отраслевых стратегических направлений раз-

вития территории, исходя из конкурентных преимуществ и потенциала региона [Иванов, Бухвальд, 2018. С. 42].

При выстраивании иерархической структуры документов, определяющих, обеспечивающих и развивающих декомпозицию целей, задач и направлений, становится очевидным, что стратегические направления инвестиционного развития региона имманентно базируются на положениях инвестиционной декларации и, собственно, встраиваются в содержание стратегии социально-экономического развития. Соответственно, формирование инвестиционной декларации, имеющей свои цели и задачи, не может происходить вне связи со стратегией социально-экономического развития региона. Декларируемые положения должны найти свое качественное наполнение и механизмы реализации в положениях стратегии социально-экономического развития, а затем по нисходящей – в плане мероприятий реализации стратегии социально-экономического развития, государственных программах и региональных проектах, направленных по восходящей на достижение федеральных проектов во исполнение национальных проектов и национальных целей развития страны.

Функциональное назначение инвестиционной декларации, по логике Регионального инвестиционного стандарта, заключается в определении основных приоритетов развития и поддержки инвестиционной деятельности соответствующей территории. Соответственно, инвестиционная декларация нацеливает «стратегию социально-экономического развития» на особое внимание к созданию условий для опережающего инвестиционного развития региона, что стало обязательным условием её реализации. Более того, как считают авторы, тщательная проработка инвестиционного «среза» всех стратегий и программ становится одним из главных условий их успешной реализации [Иванов, Бухвальд, 2018. С. 31]. Следуя логике стратегического планирования, инвестиционную декларацию субъекта Российской Федерации можно отнести к документам целеполагания (и по формальным признакам, и по срокам действия рассматриваемых документов).

Аналогичным образом достижение рекомендуемой главной цели инвестиционного развития региона по обеспечению к 2030 г. реального роста инвестиций в основной капитал не менее установленного порогового значения подразумевает свою реализацию через инструментарий стратегии социально-экономического развития. Данная цель обоснована положениями стратегии экономической безопасности, где в числе основных вызовов и угроз экономической безопасности указан недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом [Бурлакова, 2020. С. 1025].

В целом внедрение Регионального инвестиционного стандарта в субъектах Российской Федерации имеет своей целью формирование системы поддержки новых инвестиционных проектов, сопряженных с инвестиционным налоговым вычетом [Шеховцов, Колесников, Новицкая, 2017. С. 89–90]. Данное обстоятельство вновь указывает на взаимосвязь со стратегией социально-экономического развития, которая должна предусматривать условия и механизмы реализации «новых инвестиционных проектов».

Обращаясь к положениям Регионального инвестиционного стандарта и методических рекомендаций по подготовке инвестиционной декларации субъекта Российской Федерации, приходится констатировать отсутствие требования (а это не может быть рекомендацией) представленной выше взаимосвязи. Определение механизма взаимосвязи и его методического обеспечения и по иным направлениям в сфере стратегического планирования остается провальным местом социально-экономического развития. В отсутствии единых методологических подходов каждый участник стратегического планирования самостоятельно определяет, как обязательное условие, способ каскадирования (согласованности) в стратегировании социально-экономических процессов.

В качестве обоснования заявленной взаимосвязи положений инвестиционной декларации и положений стратегии социально-экономического развития могут выступить два направления: соответ-

Таблица 1

**Экспертная оценка соответствия содержания инвестиционной декларации
Сахалинской области Методическим рекомендациям**

Рекомендованное содержание разделов инвестиционной декларации субъекта Российской Федерации	Фактическое наличие информации в инвестиционной декларации Сахалинской области	Экспертная оценка качества информации в инвестиционной декларации Сахалинской области в баллах*
Раздел 1. Общее описание целей инвестиционного развития субъекта Российской Федерации - главная цель инвестиционного развития субъекта Российской Федерации - перспективы развития	отражена, полностью повторяет национальную цель; описаны в виде приоритетов	1 1
Раздел 2. Ключевые характеристики субъекта Российской Федерации - наличие необходимой инфраструктуры - наличие на территории субъекта Российской Федерации преференциальных режимов - соблюдение сроков согласований и предоставления разрешительной документации - приоритетные направления инвестиционного развития - новые инновационные отрасли экономики - развитие традиционных отраслей экономики субъекта Российской Федерации с прогнозом достижения качественных показателей по ним - планируемые к реализации инвестиционные проекты	отсутствует содержится в другом разделе отсутствует частично присутствует присутствует отсутствует присутствует	0 1 0 1 2 0 2
Раздел 3. Инвестиционные обязательства субъекта Российской Федерации - неухудшение условий реализации инвестиционных проектов - соблюдение алгоритмов действий инвестора по присоединению к инфраструктуре - оперативное рассмотрение споров - общедоступность информации о мерах государственной поддержки инвестиционной деятельности - неукоснительное соблюдение условий предоставления мер поддержки инвесторов - обеспечение конкурентного распределения ресурсов для целей реализации инвестиционных проектов - повышение уровня доходов населения субъекта Российской Федерации	отсутствует отсутствует отсутствует отсутствует отсутствует отсутствует	0 0 0 0 0 0 0
Раздел 4. Инвестиционная команда субъекта Российской Федерации - состав инвестиционной команды - условия формирования команды - распределение ответственности между членами инвестиционной команды в части взаимодействия с инвесторами	присутствует отсутствует представлена в виде функционала в сфере инвестиционной политики	2 0 1
Суммарное количество баллов		11

Источник: составлено авторами на основе экспертной оценки.

* 0 баллов – информация отсутствует или не соответствует требованиям; 1 балл – информация частично представлена (частично отражена); 2 балла – информация полностью соответствует требованиям

ствие методологическое и соответствие фактическое.

Результаты сопоставления Методических рекомендаций по подготовке инвестиционной декларации субъекта Российской Федерации и Методических рекомендаций по разработке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации⁸ подтверждают искомую взаимосвязь.

Инвестиционная декларация отражает:

- перспективы развития субъекта Российской Федерации (информативно – для инвесторов);

- инвестиционный потенциал и инвестиционные преимущества ведения бизнеса в субъекте Российской Федерации, а именно:

- наличие необходимой инфраструктуры (промышленной, транспортной и инженерной) для инвесторов, площадок для реализации инвестиционных проектов;

- наличие преференциальных режимов (территорий опережающего социально-экономического развития, особых экономических зон);

- приоритетные направления инвестиционного развития (отраслевые, технологические приоритеты);

- новые инновационные отрасли экономики в субъекте Российской Федерации;

- развитие традиционных отраслей экономики субъекта Российской Федерации с прогнозом достижения качественных показателей по ним, включая инвестиции в основной капитал по данным отраслям;

- планируемые к реализации инвестиционные проекты, оказывающие влияние на инвестиционный климат субъекта Российской Федерации.

В свою очередь, стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, начиная с вводной части, основной части и заканчивая заключительной частью, пронизана инвестиционной составляющей.

Так, при разработке стратегии учи-

тываются результаты оценки инвестиционной привлекательности. В качестве ключевых целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации предусматривается рост объема инвестиций в основной капитал. Все рекомендуемые функциональные разделы содержат состав инвестиционных проектов. Реализация стратегии предусматривает использование инвестиционных инструментов.

Результаты фактического соответствия положений инвестиционной декларации и положений стратегии социально-экономического развития получены на типовом примере – Сахалинской области,⁹ учитывая по аналогии все другие субъекты Российской Федерации.

1. Принятие инвестиционной декларации не повлекло внесения изменений в стратегию социально-экономического развития и план мероприятий по ее реализации. Есть опасения, что внедрение нового инструмента государственной экономической и инвестиционной политики не является прогрессирующим для сложившегося состояния развития территории. Вместе с тем, внедрение Регионального инвестиционного стандарта предусматривает формирование системы новых инвестиционных проектов, что прямо влечет концентрацию усилий на новом направлении и определенные изменения, в частности, включение обособленного раздела в стратегию или план мероприятий по реализации стратегии.

2. Отсутствие в стратегии социально-экономического развития информации о Региональном инвестиционном стандарте против наличия положений о Стандарте деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата 2013 г. Учитывая проведение пилотного проекта по внедрению Регионального инвестиционного стандарта, можно ожидать включение

⁸ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации: приказ Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. (ред. от 18.02.2022) № 132.

⁹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2035 года: постановление Правительства Сахалинской области от 24 декабря 2019 г. № 618 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/>, 30.12.2019.

такой информации позже.

3. Отсутствие имплементации в стратегию социально-экономического развития показателя реального роста инвестиций в основной капитал, определенный в качестве главной цели инвестиционного развития региона. Субъект Российской Федерации мог выйти на достижение порогового значения такого показателя ранее. Данный показатель может оказаться собирательным по ряду составляющих стратегии.

4. Следует учитывать, что отражение в инвестиционной декларации перспектив развития субъекта Российской Федерации, необходимых инвесторам для принятия решений о вложении инвестиций в инвестиционные проекты, выступает составной частью информации, содержащейся в разделе стратегии о приоритетах, целях и задачах социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. На примере Сахалинской области в инвестиционной декларации дается перечень перспективных отраслей, информативно обеспечивая интересы инвесторов.

5. Целесообразно придерживаться рекомендуемой структуры инвестиционной декларации в части раздела о ключевых характеристиках субъектах Российской Федерации, отражающих инвестиционные преимущества и инвестиционный потенциал. В инвестиционной декларации рассматриваемого примера в указанном разделе представлен портфель инвестиционных проектов и тем самым, воспроизведены положения стратегии социально-экономического развития, однако это не раскрывает в полной мере структуру раздела (результаты были представлены в таблице 1).

6. Существенным является вопрос о «новых инвестиционных проектах», под которыми понимаются, как отмечалось, инфраструктурные проекты за счет высвобождаемых средств субъекта Российской Федерации.¹⁰ Ни методологически, ни фактически по рассматриваемому примеру инвестиционная декларация не предусматривает их обособления. Это относится и к стратегии социально-экономического развития Сахалинской области.

Причина заключается в несоответствии между понятиями «система новых инвестиционных проектов» и «региональный инвестиционный стандарт», представляемых в названии Приказа № 591¹¹ как синонимы, однако последний оказывается шире первого. В результате рассматриваются все без исключения инвестиционные проекты, и выделить из них «новые» не представляется возможным.

7. Остается открытым вопрос о «судьбе» Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата 2013 г. Исходя из смыслового назначения, Региональный инвестиционный стандарт призван дополнить сложившуюся систему обеспечения благоприятного инвестиционного климата условиями для реализации «новых инвестиционных проектов». Однако, не исключено предположение о фактической замене одного инструмента другим. Причина таких предположений видится в отсутствии правил о критериях и результатах влияния инструментов государственного управления на сферу приложения (социально-экономического развития). В частности, нет констатации факта неспособности влияния ука-

¹⁰ Об утверждении Правил определения новых инвестиционных проектов, в целях реализации которых средства бюджета субъекта Российской Федерации, высвобождаемые в результате снижения объема погашения задолженности субъекта Российской Федерации перед Российской Федерацией по бюджетным кредитам, подлежат направлению на выполнение инженерных изысканий, проектирование, экспертизу проектной документации и (или) результатов инженерных изысканий, строительство, реконструкцию и ввод в эксплуатацию объектов инфраструктуры, а также на подключение (технологическое присоединение) объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения: постановление Правительства РФ от 19 октября 2020 г. (с изм. на 18 марта 2022 г.) № 1704 // Собр. законодательства РФ. 2020. № 44. Ст. 6981.

¹¹ О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»): приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 // <https://docs.cntd.ru/document/608913625?section=status>

занного выше Стандарта на инвестиционное развитие субъектов Российской Федерации в текущих условиях, нет и результатов влияния благоприятного инвестиционного климата на показатели социально-экономического развития.

При этом обосновано, что внедрение инструментов Стандарта 2013 г. способствовало повышению эффективности деятельности высших должностных лиц и органов власти субъектов Российской Федерации по привлечению инвестиций на территории [Никитин, 2018. С. 104]. Региональный инвестиционный стандарт 2021 г. призван вывести инвестиционный процесс в регионах страны на новый качественный и количественный уровень в более сложных условиях внешней среды.

Выводы

Обобщение результатов экспертной оценки соответствия инвестиционной декларации Сахалинской области (как типового примера с распространением по аналогии на другие субъекты Российской Федерации) методическим рекомендациям по ее подготовке, а также сопоставления положений инвестиционной декларации и положений стратегии социально-экономического развития на этом же примере, позволило выявить ряд проблем методологического и практического характера. Систематизация проблемных аспектов внедрения Регионального инвестиционного стандарта ставит под сомнение правильность понимания субъектами Российской Федерации задач нового управленческого инструмента.

Список источников:

1. Арсланов Ш. Д. Совершенствование инвестиционной политики региона на основе корректировки и реализации программ его социально-экономического развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 2. С. 65–71. DOI 10.26726/2305-4484-2017-2-65-71 <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/43?articlesBySameAuthorPage=2> (дата обращения: 20.04.2022).
2. Астафьева О. Е., Гончаров И. Л., Козловский А. В. Реализация инфраструктурных инвестиционных проектов // Вестник университета. 2020. № 9. С. 121–127. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-9-121-127 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44029458> (дата обращения: 25.04.2022).
3. Бурлакова А. П., Скворцова Г. Г. Проблемы привлечения инвестиций в реальный сектор экономики России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 10. № 4. С. 1019–1034. doi: 10.18334/epp.10.4.100773 <https://elibrary.ru/item.asp?id=42900277> (дата обращения: 20.04.2022).
4. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Инвестиционные приоритеты в стратегиях социально-экономического развития регионов России // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 2. С. 31–47. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10014 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34881858> (дата обращения: 10.05.2022).
5. Кожевина О. В. Интеграция инвестиционных стратегий в систему стратегического планирования развития территорий // Управление. 2019. Т. 7. № 2. С. 87–94. DOI 10.26425/2309-3633-2019-2-87-94 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39161581> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Маслихина В. Ю. Эффективность инструментов и институтов содействия инвестиционному процессу на субфедеральном уровне // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 80–85. DOI: 10.24158/per.2017.12.17 <https://elibrary.ru/item.asp?id=32297818> (дата обращения: 25.04.2022).
7. Никитин А. С. Инвестиционный Рейтинг как инструмент стимулирования эффективности управления развитием регионов России // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 6. С. 192–221 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27810883> (дата обращения: 10.05.2022).
8. Никитин А. С. Стандартизация деятельности региональных управленческих команд // Российской предпринимательство. 2018. Т. 19. № 1. С. 99–110. DOI:

10.18334/rp.19.1.38761 <https://creativeconomy.ru/lib/38761> (дата обращения: 10.05.2022).

9. Чудиновских М. В. Корпоративные инвестиционные налоговые вычеты // *Налоги и налогообложение*. 2019. № 2. С. 41–48. DOI: 10.7256/2454-065X.2019.2.28772 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38567565> (дата обращения: 10.05.2022).

10. Шеховцов Р. В., Колесников М. В., Новицкая А. И. Управление инвестиционным развитием региона: процессный подход // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2017. № 1 (57). С. 86–93 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29344295> (дата обращения: 20.04.2022).

References:

1. Arslanov Sh. D. (2017) Improving the investment policy of the region based on the adjustment and implementation of programs for its socio-economic development *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of transformation of the economy]. No. 2: 65–71. DOI 10.26726/2305-4484-2017-2-65-71 <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/43?articlesBySameAuthorPage=2> (accessed 20.04.2022). (In Russ.)

2. O. E. Astafieva, I. L. Goncharov, and A. V. (2020) Kozlovsky, Acoust. Implementation of infrastructure investment projects *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. No. 9: 121–127. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-9-121-127 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44029458> (date of access: 04/25/2022). (In Russ.)

3. Burlakova A. P., Skvortsova G. G. (2020) Problems of attracting investments in the real sector of the Russian economy *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo* [Economics, entrepreneurship and law]. Volume 10. No. 4: 1019–1034. doi: 10.18334/epp.10.4.100773 <https://elibrary.ru/item.asp?id=42900277> (date of access: 20.04.2022). (In Russ.)

4. Ivanov O. B., Bukhvald E. M. (2018) Investment priorities in the strategies of socio-economic development of Russian regions *Etap: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [Stage: economic theory, analysis, practice]. No. 2: 31–47. DOI: 10.24411/2071-6435-2018-10014 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34881858> (date of access: 05/10/2022). (In Russ.)

5. Kozhevina O. V. (2019) Integration of investment strategies into the system of strategic planning for the development of territories *Upravleniye* [Management]. Vol. 7. No. 2: 87–94. DOI 10.26425/2309-3633-2019-2-87-94 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39161581> (date of access: 20.04.2022). (In Russ.)

6. Maslikhina V. Yu. (2017) Effectiveness of instruments and institutions to promote the investment process at the sub-federal level *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. No. 12: 80–85. DOI: 10.24158/pep.2017.12.17 <https://elibrary.ru/item.asp?id=32297818> (date of access: 25.04.2022). (In Russ.)

7. Nikitin A. S. (2016) Investment rating as a tool for stimulating the effectiveness of managing the development of Russian regions *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy]. Vol. 11. No. 6: 192–221 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27810883> (Accessed: 05/10/2022). (In Russ.)

8. Nikitin A. S. (2018) Standardization of activities of regional management teams *Rossiyskoy predprinimatel'stvo* [Russian entrepreneurship]. Vol. 19. No. 1: 99–110. DOI: 10.18334/rp.19.1.38761 <https://creativeconomy.ru/lib/38761> (accessed 10.05.2022). (In Russ.)

9. Chudinovskikh M. V. (2019) Corporate investment tax deductions *Nalogi i nalogooblozheniye* [Taxes and taxation]. No. 2: 41–48. DOI: 10.7256/2454-065X.2019.2.28772 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38567565> (date of access: 05/10/2022). (In Russ.)

10. Shekhovtsov R. V., Kolesnikov M. V., Novitskaya A. I. (2017) Management of

---

the investment development of the region: a process approach *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH)* [Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)]. No. 1 (57): 86–93 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29344295> (date of access: 20.04.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 26.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 26.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

Информация об авторах

Н. А. Маслюк – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Н. В. Медведева – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-западный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. A. Maslyuk – Candidate of Economics, Associate Professor, the public and municipal administration and the office right chair, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

N. V. Medvedeva – Candidate of Economics, Associate Professor, the public and municipal administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья

УДК 378:316.354

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-21-32

Реализация приоритетного проекта «Экспорт образования» в социологическом измерении

**Тюрина Юлия Александровна¹, Луценко Екатерина Леонидовна²,
Казаку Олеся Викторовна³**

^{1,2,3} Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹ jultur2005@yandex.ru

² luce-ekaterina@yandex.ru

³ kazaku-13@ya.ru

Аннотация. В силу исторических, геополитических и экономических причин высшая школа регионов России находится в различных условиях при реализации федерального проекта «Экспорт образования». Основной составляющей проекта, на которую ориентированы вузы в организации международной деятельности на сегодняшний день, является показатель – численность иностранных студентов в определенном соотношении с численностью обучающихся вуза. Однако ключевая стратегическая цель проекта – это повышение конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг за счет привлекательности отечественных образовательных программ для иностранных граждан, улучшения условий их проживания в период обучения в России, что, в конечном итоге, должно в разы увеличить объем выручки от экспорта образовательных услуг. Организация международной деятельности и работы с иностранными студентами в вузах, а также выполнение показателя «численность иностранных студентов» в рамках реализации проекта стало темой представленного исследования, основными методами которого были определены: нестандартизированное интервью руководителей, курирующих вопросы международной деятельности университетов, и опрос иностранных студентов вузов Хабаровского края. Полученные результаты позволяют утверждать, что проект «Экспорт образования» не учитывает региональные условия его реализации, выполнение количественных показателей дополнительно не финансируется и отдается на откуп университетам. Иностранные студенты края не демонстрируют полной удовлетворённости обучением и организацией жизнедеятельности. Все это, с одной стороны, объясняется особенностями мотивации их нахождения в вузах России, а именно Хабаровского края, с другой – отечественной спецификой системы высшего образования.

Ключевые слова: экспорт образования, высшее образование, международная деятельность, студенты, университет, обучение, мотивация, работа, социологическое исследование, Хабаровский край

Для цитирования: Тюрина Ю. А., Луценко Е. Л., Казаку О. В. Реализация приоритетного проекта «Экспорт образования» в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 21–32 . <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-21-32>

Implementation of the priority project «Export of education» in sociological dimension

Yulia A. Tyurina¹, Ekaterina L. Lutsenko², Olesya V. Kazaku³

^{1,2,3}The Far-Eastern state university of communication, Khabarovsk, Russia

¹ jultur2005@yandex.ru

² luce-ekaterina@yandex.ru

³ kazaku-13@ya.ru

Abstract. Implementation of the priority project «Export of education in sociological dimension annotation due to historical, geopolitical and economic reasons, higher education in the regions of Russia is in different conditions in implementation of the federal project «Export of Education». The main component of the project, which universities are focused on in organizing international activities, today is the indicator - the number of foreign students in a certain ratio with the number of university students. However, the key strategic goal of the project is to increase the competitiveness of Russian education in the international market of educational services due to the attractiveness of domestic educational programs for foreign citizens, improve their living conditions during the period of study in Russia, which, ultimately, should significantly increase the amount of revenue from export of educational services. Organization of international activities and work with foreign students in universities, as well as the implementation of the indicator «number of foreign students», within the framework of the project, became the subject of the presented study, the main methods of which were determined: non-standardized interviews of leaders in charge of international activities of universities, and a survey foreign students of universities of the Khabarovsk territory. The obtained results allow us state that the project «Education Export» does not take into account the regional conditions for its implementation, the implementation of quantitative indicators is not additionally funded and is left to the mercy of universities. Foreign students of the region do not demonstrate complete satisfaction with education and organization of life. All this, on the one hand, is explained by the peculiarities of the motivation for their stay in the universities of Russia - the Khabarovsk territory, on the other hand, by the domestic specifics of the higher education system.

Keywords: export of education, higher education, international activity, students, university, training, motivation, work, sociological research, the Khabarovsk territory

For citation: Tyurina Yu. A., Lutsenko E. L., Kazaku O. V. Implementation of the priority project «Export of education» in sociological dimension // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 21–32. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-21-32>

Введение

Федеральный проект «Экспорт образования» реализуется в России с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. Основная стратегическая цель создания проекта – «повысить привлекательность и конкурентоспособность российского образования на международном рынке образовательных услуг и таким образом нарастить несырьевой экспорт Российской Федерации»¹. Одними из исполнителей проекта являются Министерство науки и

высшего образования РФ и университеты страны, в чьи нормативные документы и целевые показатели внесены составляющие рассматриваемого проекта.

В контексте работы вузов проект затрагивает вопросы организации обучения иностранных студентов, организации студенческих городков, подготовки преподавателей для работы с иностранными студентами, интеграции иностранных обучающихся в жизнедеятельность университетского сообщества

¹ Паспорт Федерального проекта «Экспорт образования». Приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Образование» от 07 декабря 2018 г. №3-образования». URL: <http://government.ru/info/27864/>

и в социально-культурное пространство города или региона.

Рассмотреть реализацию проекта (который в исполнении уже более двух лет) возможно на основе анализа организации международной деятельности университетов и работы с иностранными студентами, для чего авторами и было проведено:

- нестандартизированное интервью руководителей международной деятельности университетов Хабаровского края, в чьи задачи входит организация международного процесса и весь спектр работы с иностранными обучающимися (привлечение иностранных обучающихся в вуз, адаптация, обучение, внеучебная деятельность, проживание в студенческом городке и т. д.);

- опрос иностранных студентов Хабаровских вузов как основных потребителей образовательных услуг в контексте реализации проекта.

Полученные результаты выявили ряд проблем в реализации проекта, свойственных как вузовской системе России в целом, так и региональным вузам, в частности.

Результаты исследования

Руководители служб и управлений, курирующих международную деятельность и организацию работы с иностранными студентами трех университетов Хабаровского края, выступили экспертами в вопросах организации международного процесса и работы с иностранными обучающимися в рамках реализации Проекта «Экспорт образования». Эксперты стали участниками нестандартизированного интервью² и ответили на вопросы по следующим блокам:

- реализация проекта «Экспорт образования»;

- мотивация выбора иностранными студентами региона (Хабаровский край);

- мотивация выбора иностранными студентами программы обучения;

- организация учебного процесса: особенности, проблемы;

- внеучебная работа;

- мероприятия для привлечения иностранных студентов в вузы региона.

Реализация проекта Экспорт образования

Все эксперты, принявшие участие в интервью, знают о проекте и ориентированы в своей деятельности на выполнение основного показателя (численность иностранных студентов). Данный показатель университетами выполняется, несмотря на трудности, возникшие из-за пандемии в последние годы, и благодаря возможности работать со студентами из других стран в режиме онлайн.

Мотивация выбора региона

По мнению экспертов, мотивация приезда иностранных студентов в Хабаровский край и в конкретный вуз отличается в зависимости от страны прибытия.

Студенты из дальнего зарубежья (в основном это студенты из КНР) обучаются на внебюджетной основе и приезжают в Хабаровский край по следующим причинам:

- близость с территориями проживания в Китае;

- не смогли сдать хорошо выпускные экзамены и не смогли поступить в вуз на родине;

- образование в Хабаровском крае дешевле, чем в стране их проживания.

Данные, полученные в ходе нестандартизированных интервью экспертов, коррелируют с результатами исследования «Академическая мобильность китайских студентов в России», в рамках которого основными мотиваторами для обучения в российских вузах выделены «доступная китайским студентам стоимость обучения», «общая положительная для них психологическая атмосфера в России» [Танатова, Погосян, Королев, 2019. С. 152, 156].

Приезжающие из ближнего зарубежья

² Интервью «Организация международной деятельности и работы с иностранными студентами в контексте реализации федерального проекта «Экспорт образования» проведено в январе 2022 года, интервьюер – профессор кафедры «Философия, социология и право» ДВГУПС, д-р социол. наук Ю.А. Тюрина. В интервью приняли участие три руководителя, курирующие международную деятельность и организацию работы с иностранными студентами трех вузов Хабаровского края. Полномочия и должностные обязанности участников интервью гарантируют полную осведомленность в анализируемых направлениях деятельности и достоверность представленной информации.

по квотам Министерства науки и высшего образования РФ и программе переселения соотечественников⁶ выбирают Хабаровский край из-за проживающих в этом регионе родственников и близких (трудоустроенные мигранты). Следует заметить, что студенты из стран ближнего зарубежья практически сразу устраиваются на работу, так как работа и гражданство являются их основной целью.

Мотивация выбора программы обучения

Выбор студентами образовательной программы также зависит от страны прибытия и статуса заезда. Для студентов из стран дальнего зарубежья, обучающихся на внебюджетной основе, интересны программы, которые востребованы на рынке труда в их странах. Эксперты называли среди таковых программ: менеджмент, лингвистику, инженерные направления. Отметим, что, по мнению экспертов, программы инженерной направленности стали менее доступны для иностранных студентов из дальнего зарубежья, так как практическое обучение на технических объектах не всегда возможно организовать из-за отсутствия допуска к ним иностранных граждан. Студенты из ближнего зарубежья выбора программ обучения не имеют, так как заезжают по квотам, при которых программы уже определены.

Озвученные экспертами варианты мотивации выбора иностранными студентами региона и образовательной программы влияют на эффективность обучения. Для приезжающих из ближнего зарубежья обучение в вузах становится каналом миграции и последующего закрепления на территории РФ и Хабаровского края, а для студентов из дальнего зарубежья – возможность упрощенного и более дешевого получения диплома о высшем образовании.

Организация учебного процесса: особенности, проблемы

При характеристике учебного процесса все эксперты отметили ряд проблем,

влияющих на эффективность его организации и усвоения знаний студентами.

Первыми по значимости, по их мнению, являются поточно-групповая организация учебного процесса и языковой барьер.

Поточно-групповая организация учебного процесса, характерная для российских вузов, не позволяет выстроить индивидуальную траекторию обучения студентов. Эта особенность являлась одной из проблем реализации Болонского соглашения [Тюрина, 2009], ориентированного на реализацию принципов мобильности студентов в образовательном пространстве мира. Стала она и проблемой при обучении иностранных студентов.

Если иностранные студенты заезжают по программам обмена группами, то они легко «встраиваются» в поточно-групповую систему. Работающие с ними преподаватели ориентированы на особенности обучающихся (языковые, ментальные и т. д.), тем самым создаются более комфортная среда для адаптации студентов, условия обучения, соответствующие их восприятию и усвоению учебного материала, но исчезает языковая среда страны обучения. Если же иностранный студент прибыл в индивидуальном порядке, то он включается в группу с российскими студентами. В этом случае преподаватель, работающий с группой и с лекционным потоком (в который входит эта группа), стоит перед выбором, либо уделять дополнительное время на «особенного» студента, либо работать со всей группой, не выделяя этого студента, что конечно сказывается на эффективности усвоения материала иностранным студентом.

Языковой барьер, несмотря на развитие партнерских отношений в международном пространстве вузами региона, до сих пор является одной из ключевых проблем в работе с иностранными студентами. Особенно эта проблема обостряется в работе с приезжающими из дальнего зарубежья. Студенты плохо знают русский язык,

³ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 г. № 1289).

не все преподаватели владеют должным образом английским языком или языком страны приезда студентов (китайский и т. д.). В итоге языковой барьер не позволяет студентам свободно воспринимать учебный материал, осваивать профессиональную терминологию, интегрироваться в научно-исследовательские проекты и студенческие сообщества. Изменить ситуацию довольно сложно, так как все показатели работы преподавателей ориентированы на эффективность работы групп и потоков. Индивидуальная работа с иностранными студентами дополнительно не оплачивается, либо оплачивается, не покрывая затраченные, по мнению профессорско-преподавательского состава (далее – ППС), ресурсы.

Нивелировать данную проблему, по мнению экспертов, непросто.

Во-первых, отсутствует заинтересованность ППС не только в изучении иностранного языка, но и в преподавании на иностранном языке. На изучение и преподавание на иностранном много затрачивается личных ресурсов преподавателя (временные ресурсы, трудозатраты и т. д.), а отдачи как таковой нет. В вузах есть определенное количество преподавателей с языковой подготовкой, но тем не менее для обеспечения одной образовательной программы на иностранном языке требуется целый коллектив преподавателей, который собрать в вузе не удается даже для обеспечения одной образовательной программы.

Во-вторых, недостаточный уровень языковой подготовки приезжающих студентов, который опять же объясняется их мотивацией. Студенты, мотивированные на обучение по выбранной программе в вузах региона, заблаговременно заботятся о своих языковых знаниях и приезжают подготовленные, но таких меньшинство. Студенты, приезжающие из ближнего зарубежья с целью трудоустройства и последующего получения гражданства, и студенты из дальнего зарубежья, выбравшие приезд в регион из-за дешевизны обучения и невозможности поступления в вуз у себя на родине, не были мотивированы к эффективному процессу изучения русского языка заранее, что им и не позволяет быстро адаптироваться к языковой

среде и преодолеть языковой барьер.

Для решения проблем языковой подготовки студентов, как отметили эксперты, в вузах организуют факультативы по русскому языку для отстающих, вовлекают в студенческую внеучебную жизнь, в общежитиях селят иностранцев по соседству с носителями русского языка для создания единой русскоязычной среды. Названные мероприятия экспертами (по их же мнению) полностью проблему не решают.

Отсутствие заинтересованности и специальной подготовки ППС в работе с иностранными студентами влечет за собой педагогические и методические проблемы в учебном процессе, среди которых эксперты в разной степени значимости отметили следующие:

- чтение лекций и ведение занятий без учета специфики мышления, языковых компетенций и предметной подготовки иностранных студентов;
- отсутствие толерантности и политкорректности по отношению к обучающимся из разных стран мира.

Названные экспертами проблемы, по их мнению, возможно было бы решить через разработку и применение методического и педагогического материала для работы с иностранными обучающимися, но выполнение этого затрудняется поточно-групповой организацией учебного процесса (применение разных методик в одной группе сложно), отсутствием мотивации преподавателей к этой деятельности (не оплачивается должным образом) или компетенций.

Среди экспертов было отмечено еще одно решение проблем – введение в работу с иностранными студентами института наставничества/тьюторства. Наставник/тьютор курировал бы работу конкретных иностранных студентов, помогая им интегрироваться в учебный процесс и в научные сообщества для выполнения исследовательских работ, а также во внеучебную студенческую жизнь. Основная сложность введения данного института в жизнь университета – дополнительная финансовая нагрузка для вуза.

Озвученные экспертами проблемы имеют системный характер и в основе своей свойственны отечественным ву-

зам в целом. Поточно-групповая организация учебного процесса (исторически свойственная российской системе высшего образования [Тюрина, 2012]) более дешевая и массовая, и отказ от нее для вузов – это глубинные изменения. Для обучения иностранных студентов, которое объективно дороже из-за их неподготовленности (как минимум языковой), дополнительных ресурсов для вузов (в проекте «Экспорт образования»¹) не предусмотрено, и вузу приходится изыскивать их самостоятельно, что не у всех получается. Возникает вопрос целесообразности таких затрат лишь только для обеспечения установленных показателей.

Внеучебная деятельность

Внеучебную работу эксперты характеризуют как действенный механизм социализации и адаптации иностранных студентов как к жизнедеятельности в вузе в целом, так и к специфике учебного процесса в отечественных вузах.

По мнению всех экспертов, важно развивать программы социально-культурной адаптации, вовлекая в эту работу волонтеров, кураторов учебных групп, преподавателей. В вузах формируются интернациональные клубы или клубы интернациональной дружбы, ориентированные в своей работе на установление коммуникаций между студентами, реализацию социально значимых проектов и мероприятий в целях развития межкультурного взаимодействия и профилактики межконфессиональных и межнациональных конфликтов, приобщения иностранных студентов к российской культуре и интеграции их в университетское сообщество.

В работе с иностранными студентами во избежание культурно-религиозных проблем в вузах акцентируется внимание на светском образовании при уважении к культуре и религии каждого. В общении студенты расселяются с учетом межнациональной специфики. Все религиозные обряды студентам рекомендуется совершать в соответствующих местах (храмы и т. д.). Благодаря данной работе эксперты констатируют толерантное отношение студентов друг к другу, несмотря на их полинациональное сообщество (китайцы, мьянмцы, вьетнамцы, кирги-

зы, таджики, узбеки и т. д.)

В организации внеучебной деятельности с иностранными студентами эксперты отмечают важный институт – волонтерство. К сожалению, по их мнению, в студенческой среде данный вид волонтерства (наставники или волонтеры-buddy) не прижился по сравнению с другими видами. Студенты не «рвутся» работать по организации жизнедеятельности иностранных студентов или сопровождению таковых в университетской среде.

Мероприятия для привлечения иностранных студентов в вузы региона

Характеризуя ситуацию по привлечению иностранных студентов в вузы региона, эксперты высказали ряд проблем:

- отсутствие интересных образовательных программ (устаревшие, невостребованные на рынке труда для стран, из которых приезжают студенты);
- нет образовательно-экспортного портфеля (программы плохо «упакованы» на международном рынке образовательных услуг);
- научно-исследовательская работа неярко представлена и не известна за рубежом;
- региональная и городская среда не адаптирована для иностранцев совсем, нет визуализации на иностранном языке и т. д.;
- нельзя назвать регион привлекательным для иностранцев с точки зрения культурно-исторического наследия или природно-климатических условий;
- отсутствуют социально-значимые программы или проекты международного уровня, привлекательные для иностранцев.

Все эксперты сошлись во мнении, что далеко не все проблемы вуз может решить самостоятельно. Требуется системная работа органов государственной власти федерального и регионального уровней, результатом которой должны стать действенные меры по привлекательности как самого региона, так и его высшей школы. Самостоятельно вузы продвигаются в международном пространстве, но на это требуются значительные ресурсы.

Особенности пребывания и обучения в России, в том числе в Хабаровском крае, иностранных студентов как потреби-

телей образовательных услуг в рамках реализации федерального проекта «Экспорт образования»¹ возможно проиллюстрировать на основании результатов опроса обучающихся, проведенного в двух вузах Хабаровского края⁴.

Иностранные студенты высказали свое мнение об обучении в России по следующим блокам:

- организация учебного процесса;
- внеучебная деятельность;
- привлекательность вузов региона для иностранных студентов.

Важно отметить, что выводы, полученные на основе анализа мнений экспертов, коррелируют с ответами студентов, принявших участие в опросе.

Организация учебного процесса

Обучение в университете включает в себя несколько процессов – непосредственно сам процесс усвоения знаний; взаимодействие (коммуникация) с преподавателями, кураторами, одногруппниками и другими студентами; организация внеучебной деятельности и т. д. [Казаку, Спасский, Любичкая, 2020. С. 68–77]. Для иностранных студентов всё это осложняется необходимостью интеграции в иную культурную и языковую среду. Полученные в ходе опроса данные показывают, что менее половине (45%) иностранных студентов нравится или скорее нравится процесс обучения в России (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Подскажите, пожалуйста, нравятся ли Вам учиться в России?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
да	10
скорее да, чем нет	35
скорее нет, чем да	20
нет	35

Источник: авторское исследование⁴.

Наиболее популярные ответы на открытый вопрос о неудовлетворенности обучением в России представлены в та-

блице 2. Так, абсолютное большинство (98%) отметили языковой барьер как фактор неудовлетворенности обучением, что подтверждает мнение экспертов о том, что это является ключевой проблемой в работе с иностранными студентами.

На втором месте – условия проживания в общежитии (70%), что, на наш взгляд, требует дальнейшего изучения и понимания причин высокого уровня неудовлетворенности. Среди таковых могут быть: необходимость проживания в комнате с малознакомыми людьми (часто – представителями других стран), изменение привычного ритма жизни (в том числе смена часового пояса и климата), необходимость самостоятельно обустроить быт и выполнять всю работу по поддержанию чистоты, готовить еду (часто из непривычных продуктов) на общей кухне, проблемы материально-технической оснащенности и т. д.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Чем Вы не удовлетворены во время обучения в России?»⁵ (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
языковой барьер	98
условия проживания в общежитии	70
возможность подработки	68
организация процесса обучения	50

Источник: авторское исследование.

Интересно, что большой процент (68%) респондентов, отвечая на вопрос о неудовлетворенности обучением в России, отметили, что неудовлетворены имеющимися возможностями трудоустройства. Такое внимание к проблеме трудоустройства участников опроса, с одной стороны, актуализирует изучение мотивации обучения иностранных студентов в России, с другой стороны, актуализирует рассмотрение вопроса возможности их подра-

⁴ Опрос «Обучение в вузах Хабаровского края в представлениях иностранных обучающихся» проводился в январе 2021 г. – феврале 2022 г. через Google-форму, с использованием квотной выборки, выборочная совокупность составила 157 респондентов. Генеральная совокупность иностранных студентов, обучающихся в вузах составила 1235 человек. Организатор опроса – доцент кафедры ДВГУПС «Международные коммуникации, сервис и туризм», канд. социол. наук Луценко Е. А.

⁵ При ответе на данный вопрос респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа.

ботки во время учебы. Напомним, что по мнению экспертов, принявших участие в опросе, получение образования в России для студентов из ближнего зарубежья – это канал миграции и последующего закрепления на территории РФ.

Половина участников опроса указали, что не удовлетворены организацией процесса обучения, что коррелирует с данными в таблице 1.

Представленные в таблицах 2, 3 и 4 ответы респондентов иллюстрируют наличие языкового барьера в учебном процессе (96% ответивших). И именно языковой барьер – главный фактор, по их мнению, неудовлетворенности процессом обучения (98%) и причина сложностей выстраивания коммуникации (23% «да, из-за незнания русского языка» и 49% «да, я не понимаю русских студентов»). При этом 90% участников опроса изучают русский язык.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«На Ваш взгляд, существует ли языковой барьер в учебном процессе?»
(в % от числа опрошенных).**

Вариант ответа	%
да	96
нет	4
если да, то вы учите русский язык?	90

Источник: авторское исследование.

Организация процесса обучения и языковой барьер отмечаются как главные факторы неудовлетворенности иностранными студентами и в ряде других социологических исследований [Рахимов, 2010. С. 127–130; Иванова, 2001], выявивших, что более 70% опрошенных испытывали на себе данные факторы, и они вызвали у них дискомфорт в период обучения, в том числе как результат недостаточного уровня языковой подготовки преподавателей, ведущих общепрофессиональные дисциплины.

Ответы на вопросы о взаимодействии иностранных студентов с русскими обучающимися подтверждают мнения экспертов о сложностях реализации учебного процесса при наличии языкового ба-

рьера и поточно-групповой организации учебного процесса при обучении иностранцев смешанных группах.

Четверть респондентов не стремятся к взаимодействию с русскими студентами и половина – не понимают их (табл. 4). Данная ситуация усложняет процесс включения иностранных студентов в активное усвоение русского языка, знание которого необходимо как для успешного обучения, так и для жизнедеятельности в вузе, не позволяет качественно организовать учебные занятия как в группах, так и индивидуально.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«По Вашему мнению, сложно ли взаимодействовать с русскими студентами?»
(в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	%
да, из-за незнания русского языка	23
мне не нужно это взаимодействие	25
да, я не понимаю русских студентов	49
нет, не сложно, есть русские друзья	3

Источник: авторское исследование.

Характеризуя восприятие материала на лекциях, только 10% принявших участие в опросе, отметили, что им несложно это делать (табл. 5). Однако необходимо учитывать, что преподаватели в российских вузах зачастую адаптируют (упрощают) учебный материал, представляют большую его часть в письменном виде (конспекты, презентации), у студента есть возможность воспользоваться электронным переводчиком или словарем.

71% студентов ответили, что материал лекций сложен, но они стараются его понимать; 19% считают, что им сложно понять терминологию. Это объяснимо, так как во многих дисциплинах используются термины, имеющие специфическую трактовку именно в аспекте изучаемой науки, в этих случаях словари не могут дать точный перевод, и студентам требуются дополнительные объяснения преподавателей.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос:
«Сложно ли Вам воспринимать
материал на лекциях?»
(в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	%
да, но стараюсь понимать	71
сложно понять терминологию	19
нет	10

Источник: авторское исследование.

Участники опроса получают такую помощь от преподавателей. Так, на вопрос «Занимаются ли преподаватели с вами дополнительно?» 17% ответили «да, постоянно», при этом 35% ответили «да, когда попрошу». Почти половина (48%), принявших участие в опросе такой помощи от преподавателей не получают.

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос:
«Занимаются ли преподаватели с
Вами дополнительно?»
(в % от числа опрошенных)**

Вариант ответа	%
нет	48
да, когда попрошу	35
да, постоянно	17

Источник: авторское исследование.

Помощником в российских вузах в решении вопросов и сложностей при организации учебного процесса и внеучебной деятельности для студентов является куратор. Институт кураторства существует достаточно давно, и во многих университетах сложилась практика закрепления куратора для группы в целом и дополнительно для иностранных студентов.

Все иностранные студенты, принявшие участие в опросе, отметили, что у них есть куратор, и большинство (70%) – он помогает в учебе, чаще всего по личной просьбе – 56%.

Внеучебная деятельность

Уровень удовлетворенности студентов

процессом обучения сопряжен с внеучебной деятельностью. Её организация и вовлеченность обучающихся – еще одно направление деятельности куратора.

Ответы респондентов вновь показывают противоположные позиции: примерно половина (48%) отметили, что «куратор помогает вне учебы» (в том числе – когда попрошу) и почти столько же (52%) – «не помогает».

При этом только 10% иностранных студентов участвуют во внеучебных мероприятиях, треть – не участвует совсем. Вовлеченность студентов во внеучебные мероприятия университета имеет важное значение для социализации⁶, усвоения языка и культуры, выстраивания взаимодействия. Однако сами иностранные студенты зачастую не проявляют желания участвовать в таких мероприятиях, и, по словам экспертов, предпочитают привычный отдых – просмотр фильмов (чаще всего на родном языке) и компьютерные игры, сон, либо работают.

В российских университетах реализуются программы адаптации первокурсников к учебному процессу, включающие знакомство с вузом, специализированные организационные, культурно-массовые и социально-значимые мероприятия для иностранных студентов, учитывающие национально-этнические и культурно-религиозные особенности.

Адаптация первокурсников начинается со знакомства с университетским комплексом [Тюрина, Бикбулатова, Надорожная, Луценко, 2021. С. 11] – расположение аудиторий, библиотек, спортзалов, столовых, общежитий и т. д. Студентам объясняют правила организации учебного процесса (в том числе расписание занятий, где можно найти эту информацию и т. п.) и проживания в общежитиях.

Все респонденты отметили, что получили помощь в адаптации, когда приехали на место учебы.

Абсолютное большинство получило по-

⁶ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 года с изменениями 2020 года. <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/>; Федеральный закон от 31.07.2020 N 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075?index=4&rangeSize=1>

мощь в знакомстве с университетом, в прохождении медицинской комиссии и получении страховки (табл. 7).

19% опрошенных не отметили, что получили помощь в знакомстве с городом, в котором расположен университет, хотя с точки зрения культурной адаптации, мобильности в городской среде и выстраивания социальной жизни это является необходимым.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Какую помощь Вам оказывали при приезде в университет?»⁷ (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
знакомство с университетом	100
прохождение медкомиссии	100
экскурсия по городу	81
получение страховки	100
другое	1

Источник: авторское исследование.

Привлекательность вузов региона для иностранных студентов

Важными факторами выбора вуза и удовлетворенности обучением является привлекательность региона месторасположения университета.

Как показывает исследование⁸, менее четверти иностранных выпускников планируют вернуться после завершения обучения к себе на Родину, 80% предполагают остаться в России для получения следующих ступеней образования либо трудоустройства.

В своих оценках иностранные студенты отметили, что им «нравится Россия» (37%), «условия проживания в России и возможность получения гражданства» (30% ответов).

Результаты, представленные в таблице 8, показывают, что чаще всего вуз выбирают из-за проживающих в этом регионе родственников и близких (72%), а также из-за возможности получения хорошей специальности (70%).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы выбрали вуз, в котором учитесь?»⁷ (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
учатся знакомые и родственники	72
возможность получить хорошую специальность	70
могу здесь найти работу после окончания вуза	61
нравится город, хочу здесь остаться	54

Источник: авторское исследование.

61% опрошенных отметили вариант «могу здесь найти работу после окончания вуза», что коррелирует с полученными в целом в опросе данными о намерении иностранных студентов остаться в России, после окончания обучения и привлекательности РФ и Дальневосточного региона для дальнейшего трудоустройства.

Более половины респондентов (54%) отметили, что им «нравится город, хочу здесь остаться», что подтверждает дальнейшие миграционные намерения иностранных студентов.

Половина участников опроса не стали бы менять регион/вуз, поскольку «всё устраивает здесь» (табл. 9). 45% респондентов сменили бы регион для учебы (большинство из них на Краснодарский край и центральную часть России).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Если бы была возможность выбрать другой регион для учебы, куда бы Вы уехали?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Краснодарский край	20
центр России (Москва, Санкт-Петербург)	18
Приморский край	2
все устраивает здесь	55
другое	5

Источник: авторское исследование.

⁷ При ответе на данный вопрос респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа

⁸ Коррелирует с исследованиями и других авторов. Шаталова-Давыдова Д. А. Иностранные студенты как часть новой образовательной системы в России // Молодой ученый. 2019. № 2 (240). С. 382.

Заключение

Подводя итог, отметим, что Федеральный проект «Экспорт образования» определяет для вузов России конкретные задачи. Основным показателем на сегодняшний день – это количество иностранных студентов. Его выполнение вузами, со слов экспертов, принявших участие в опросе, дополнительно не финансируется и отдается на откуп университетам. Ситуация для вузов Хабаровского края осложняется отсутствием привлекательности региона (по сравнению с другими регионами России и мира) для иностранных студентов и сложностью конкуренции с ведущими и сильноресурсными вузами страны (которые благодаря своему расположению и исторически сложившимся партнерским связям находятся в более плотном бизнес-пространстве). Работа с иностранными студентами для вузов региона трудозатратна, и вузы заинтересованы в большей степени в выполнении показателя – численность иностранных студентов в определенном соотношении

с численностью обучающихся вуза.

Принявшие участие в опросе иностранные студенты вузов Хабаровского края не демонстрируют полной удовлетворенности обучением, они испытывают серьезные проблемы из-за языкового барьера и особенностей организации учебного процесса, не интегрированы во внеучебную работу должным образом. Все это, с одной стороны (как и отмечали эксперты), объясняется особенностями мотивации нахождения в вузах России – Хабаровского края: миграционные каналы, получение более дешевого образования при невозможности поступления из-за плохих результатов экзаменов в своей стране, что не способствует эффективности учебного и внеучебного процессов. С другой стороны, объясняется спецификой системы высшего образования России: поточно-групповая организация учебного процесса, низкий уровень языковых компетенций преподавательского состава, финансовые проблемы в обеспечении международных программ, региональная специфика.

Список источников:

1. Иванова М. И. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России: дисс. ... д-ра психол. наук. СПб., 2001. 353 с.
2. Казаку О. В., Спасский Е. Н., Любичкая Г. С. Образовательное поведение студентов (на примере технического вуза). Социально-педагогические технологии в социализации будущего профессионала. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции представителей академической науки и специалистов-практиков в области воспитательной деятельности в высшей школе. Под редакцией Ю. А. Тюриной. 2020. С. 68–77.
3. Рахимов Т. Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе // Язык и культура. 2010. № 4 (12). С. 123–136.
4. Танатова Д. К., Погосян В. Г., Королев И. В. Обучение китайских студентов в российских университетах: мотивация и демотивация // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 150–157.
5. Тюрина Ю. А., Бикбулатова А. А., Надорожная М. В., Луценко Е. А. Организационные и социально-педагогические аспекты внедрения изменений в законодательстве РФ об образовании на примере вуза // Гуманитарные науки на Дальнем Востоке России. 2021. Выпуск № 71. С. 11–17.
6. Тюрина Ю. А. Социодинамика образовательного процесса в России: социологический анализ. СПб.: Изд. дом С.-Петербург. ун-та, 2009. 256 с.
7. Тюрина Ю. А. Трансформация образования в советской и постсоветской России: сравнительный анализ: монография. В 2 т. Т. 2. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2013. 232 с.
8. Шаталова-Давыдова Д. А. Иностранные студенты как часть новой образовательной системы в России // Молодой ученый. 2019. № 2 (240). С. 381–383. URL: <https://moluch.ru/archive/240/55472/> (дата обращения: 19.04.2022).

References:

1. Ivanova M. I. (2001) Socio-psychological adaptation of foreign students to higher education in Russia: diss. ... Dr. psikhol. Sciences. SPb.: 353. (In Russ.)
2. Kazaku O. V., Spassky E. N., Lyubitskaya G. S. (2020) Educational behavior of students (on the example of a technical university). Socio-pedagogical technologies in the socialization of the future professional in Materials of the III All-Russian scientific and practical conference of representatives of academic science and practitioners in the field of educational activities in higher education. Edited by Yu. A. Tyurina: 68–77. (In Russ.)
3. Rakhimov T. R. (2010) Features of the organization of training of foreign students in a Russian university YAzyk i kul'tura [Language and Culture]. No. 4 (12): 123–136. (In Russ.)
4. Tanatova D. K., Pogosyan V. G., Korolev I. V. (2019) Education of Chinese students in Russian universities: motivation and demotivation Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research]. No. 5: 150–157. (In Russ.)
5. Tyurina Yu. A., Bikbulatova A. A., Nadorozhnaya M. V., Lutsenko E. L. (2021) Organizational and socio-pedagogical aspects of introducing changes in the legislation of the Russian Federation on education on the example of a university Gumanitarnyye nauki na Dal'nem Vostoke Rossii [Humanities in the Far East of Russia]. Issue No. 71: 11–17. (In Russ.)
6. Tyurina Yu. A. (2009) Sociodynamics of the educational process in Russia: a sociological analysis. SPb.: Ed. house St. Petersburg. un-ta: 256 p.
7. Tyurina Yu. A. (2013) Transformation of education in Soviet and post-Soviet Russia: a comparative analysis: a monograph. In 2 vols. T. 2. Khabarovsk: Publishing House of the Far Eastern State University: 232. (In Russ.)
8. Shatalova-Davydova D. A. (2019) Foreign students as part of the new educational system in Russia Molodoy uchenyy [Young scientist]. No. 2 (240): 381–383. URL: <https://moluch.ru/archive/240/55472/> (date of access: 04/19/2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 4.04.2022.

The article was submitted 07.02.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 4.04.2022.

Информация об авторах

Ю. А. Тюринина – доктор социологических наук, профессор, проректор по воспитательной работе и связям с общественностью, Дальневосточный государственный университет путей сообщения;

Е. Л. Луценко – кандидат социологических наук, доцент Дальневосточный государственный университет путей сообщения;

О. В. Казаку – кандидат социологических наук, доцент Дальневосточный государственный университет путей сообщения

Information about the authors

Yu. A. Tyurina – Doctor of Sociology, Professor, the philosophy, sociology and law chair, pro-rector for educational work and PR, the Far-Eastern state university of communication

E. L. Lutsenko – Candidate of Sociology, Assistant Professor, the chair of international communications, service and tourism, the Far-Eastern state university of communication

O. V. Kazaku – Candidate of Sociology, Assistant Professor, the Far-Eastern state transport university Russian Federation

Научная статья

УДК 339.9(571.6:510)

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-33-40

Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: конфигурации взаимодействия

Олег Маркович Рензин

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, renzin@ecrin.ru

Аннотация. Развитие Дальневосточного региона России в последнее десятилетие было тесно связано с реализацией программы интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, экономического «продвижения на Восток». В 2013–2021 гг. значительное количество правительственных, отраслевых и региональных программ было посвящено реализации этих задач. В первом квартале 2022 года сильное корректирующее воздействие на этот процесс оказало резкое изменение международных политических отношений, разделение стран – экономических партнеров России на группы, придерживающихся по отношению к ней в разной степени конфронтационных позиций. В результате участие РФ в мировом экономическом взаимодействии и, соответственно, связанные с этим процессы развития национальной экономики стали испытывать многочисленные дополнительные риски и ограничения, генерированные активным санкционным творчеством стран, получивших классификацию «недружественные». Это принципиально осложнило потенциальные возможности трансграничных контактов России, происходящие изменения на внешнем контуре национальной экономики трансформировали роль и место России в международном разделении труда и, соответственно, потребовали формирования новой внешнеэкономической политики как для текущей ситуации, так и для среднесрочной и долгосрочной перспективы. Частью этого процесса становится реформативное изменение международных отношений в Северо-Восточной Азии. С одной стороны, оно требует оперативных изменений в организации трансграничных товарных и финансовых потоков, их ускоренной адаптации к новым условиям. С другой стороны, учитывая прогнозируемую долговременность действия введенных (и, очевидно, ожидаемых в будущем) ограничений в международном сотрудничестве России, необходима системная перестройка экономики Дальневосточного региона. Она потребует переоценки ряда стратегических позиций в региональном развитии, а также осуществления целенаправленных производственных, социальных, инфраструктурных и институциональных преобразований.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Северо-Восточная Азия, стратегия регионального развития, международное разделение труда, санкционное давление, дезинтеграция

Для цитирования: Рензин О. М. Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: конфигурации взаимодействия // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (98). С. 33–40. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-2-33-40>

The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: interaction configurations

Oleg M. Renzin

The Economic Research Institute of FEB RAS, Russia, renzin@ecrin.ru

Abstract. The development of the Russian Far East region in the last decade was closely connected with the implementation of the program of Russia's integration into the Asia-Pacific

region, the economic «advance to the East». In 2013–2021, a significant number of government, industry and regional programs were devoted to the implementation of these tasks. In the first quarter of 2022, this process was strongly corrected by a sharp change in international political relations, the division of countries - Russia's economic partners into groups that adhere to varying degrees of confrontational positions towards it. As a result, the participation of the Russian Federation in global economic interaction, and, accordingly, the processes of development of the national economy related to this, began to experience numerous additional risks and restrictions generated by the active sanctions creativity of the countries that received the classification “unfriendly”. This fundamentally complicated the potential opportunities for Russia's cross-border interactions; the ongoing changes in the external contour of the national economy have transformed the role and place of Russia in the international division of labor, and, accordingly, required the formation of a new foreign economic policy both for the current situation and for the medium and long term. Part of this process is the reformatting of international relations in Northeast Asia. On the one hand, it requires prompt changes in the organization of cross-border commodity and financial flows, their accelerated adaptation to new conditions. On the other hand, given the predicted long-term effect of the imposed (and, obviously, expected in the future) restrictions on Russia's international cooperation, a systemic restructuring of the economy of the Far East region is necessary. It will require a reassessment of a number of strategic positions in regional development, as well as the implementation of targeted production, social, infrastructural and institutional reforms.

Keywords: the Russian Far East, the Northeast Asia, regional development strategy, international division of labor, sanctions pressure, disintegration

For citation: Renzin O. M. The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: interaction configurations // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (98). Pp. 33–40. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-98-2-33-40>

Введение

Проблема экономического взаимодействия Дальнего Востока России с сопредельными странами Северо-Восточной Азии практически на всех этапах освоения и развития региона относилась к числу одновременно и наиболее значительных, и наиболее сложных.

Значительность вытекала из высоких оценок потенциальной возможности использования природно-географического положения региона для сотрудничества со структурами, концентрированными здесь в составе производственных центров мировой экономической системы. Это отчетливо зафиксировано в российских правительственных документах, определяющих действующую стратегию развития Дальневосточного федерального округа. Так, «место Дальнего Востока и Байкальского региона в глобальной экономике невозможно представить

без учета оценки потенциала, тенденций развития и потребностей стран Азиатско-Тихоокеанского региона».¹ Позже к важным конкурентным преимуществам Дальневосточного федерального округа были отнесены «экономико-географическое положение в непосредственной близости к самому большому в мире и быстро растущему рынку Азиатско-Тихоокеанского региона», а также «ключевое расположение в естественном транспортном коридоре между Азией и Европой»².

Сложность этого процесса тоже была отчетливо обозначена правительством страны. «Для развития Дальнего Востока и Байкальского региона как центра экономического партнерства Российской Федерации с приграничными государствами (с северо-восточными провинциями Китая, Монголией, а также с другими странами Северо-Восточной Азии) необходимо формирование условий...

¹ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. С. 4.

² Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. №2464-р. С. 2.

На территории Дальнего Востока и Байкальского региона должны быть созданы мощные экспортно-ориентированные высокотехнологичные производства на уровне мировых стандартов, крупные исследовательские центры. Необходимо уделить особое внимание развитию производств высокой степени переработки, инвестициям в образование, в науку, в образование крупных научных центров в целях создания собственной базы для развития высоких технологий. Немаловажным является создание транспортно-логистической инфраструктуры в целях обеспечения выхода на рынки стран Северо-Восточной Азии».³

Россия в системе международных экономических отношений

Эти задачи и ожидаемые результаты от их решения хорошо вписывались в общемировой тренд экономического развития. Оно происходило в режиме активной реализации имеющегося народнохозяйственного потенциала для получения ценностей и достижения ориентиров, соответствующих национальным интересам участников. Практически безусловной была парадигма минимизации затрат на производство благ за счет международного разделения труда, стремительного и опережающего использования для этого научно-технических новаций, достижения за счет этого высоких темпов роста производства и потребления. Интеграция и инновационность для максимизации потребления стали ключевой формулой при определении направленности глобального развития во второй половине XX в. – начале XXI в.

Всё изменилось в 2020-е гг. Они стали для мировой экономической системы периодом неожиданных и крайне глубоких трансформаций, вызванных возникновением новых рисков, резко изменивших алгоритмы национального экономического развития. Сначала пандемийные, а затем политические осложнения привели к разрывам в сложившихся контрактных отношениях, в трансграничных производственных цепочках, в традиционно используемых логистических маршрутах. В этих условиях внешнеэкономическая

политика стран начала не просто эволюционировать под воздействием происходящего, но по ряду составляющих стала меняться кардинально.

Одним из генеральных направлений таких изменений стала резко возросшая конфронтационность между крупнейшими мировыми экономическими державами. В частности, она стала реализовываться (что, с большой вероятностью, будет продолжаться в обозримой перспективе) через осуществление одними странами по отношению к другим крупных санкционных программ, построенных на введении ограничений в осуществлении международной экономической деятельности. Вполне логичные ответные реакции в виде контрсанкций усиливали противодействие стран-участниц. В результате их применения новейшая история глобальной экономики стала характеризоваться, прежде всего, лавинообразным разрушением её системной архитектуры, изменением функциональных ролей отдельных стран и регионов, отказом ряда сформировавшихся в предыдущие периоды международных финансовых и хозяйственных механизмов.

Для Российской Федерации, экономика которой за многие годы плотно инкорпорировалась в международные системы хозяйствования, это стало определяющей причиной принятия важных организационных решений по корректировке своей международной позиции. Взрывной характер жесткого воздействия внешнеполитических рисков генерировал шлейф производных экономических, финансовых и социальных рисков, и тем самым перевел экономическую политику – как внутреннюю, так и внешнюю – в качественно другое состояние. Это вызвало необходимость реализации новых подходов к развитию национальной экономики, осуществления принципиальных изменений в устоявшихся и казавшихся незыблемыми стратегиях, тактиках и механизмах её функционирования.

Прежде всего, изменилась алгоритмизация принимаемых решений. Ранее логика программных действий национальных экономических властей имела направлен-

³ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. С. 240.

ность от постановки внутренних задач к использованию внешнеэкономических возможностей для их эффективного решения. Теперь планирование и регуляторика имеют прямо противоположное движение: на внешнем контуре экономики возникают проблемы, задаются ограничения и риски для общественного развития, а затем для их преодоления разрабатываются решения о необходимой перестройке процессов формирования, структурирования и использования внутреннего экономического потенциала. Кроме того, высокая скорость и гигантские масштабы происходящих нежелательных внешнеэкономических изменений предопределили необходимость значительной интенсификации управленческих решений по организации противодействия появляющимся тенденциям разрушительного характера.

В целом спектр составляющих новой (постфевральской) экономической политики российского правительства чрезвычайно широк и динамичен. При этом к числу ключевых (и отметим, наиболее дискуссионных) относится внешнеэкономическая проблематика, связанная с возможностями использования старых инструментов и форматов, а также формированием новых вариантов международного сотрудничества.

С одной стороны, возникновение серьезных проблем развития во внешнем контуре российской экономики вызвало и в экспертном сообществе, и во властных структурах, и в функционирующем бизнесе активизацию идеологии отказа от дискредитировавшей себя практики международного сотрудничества. Активно стала обсуждаться необходимость ускоренного перехода к значительно более высокому уровню суверенизации экономического развития, основанного на приоритетности импортозамещения, выхода страны из международных организаций и реализуемых ими глобальных экономических проектов.

Однако, предлагаемый рецепт далеко не однозначен и не универсален. С одной стороны, это доказала экономическая теория международного сотрудничества, согласно которой даже частичная закрытость экономики чревата потерями в эффективности долгосрочного развития [Баллас, 2004. С. 220–232; Блумфилд,

Этьер, 1981. С. 721–745]. С другой стороны, об этом свидетельствует и мировой, и отечественный исторический опыт преодоления чрезвычайных внешних и внутренних рисков, близких к современным как по масштабности, так и глубине воздействия.

Международное экономическое сотрудничество в условиях кризисных ситуаций: российский опыт

В нашей стране при организации хозяйственной жизни в разные исторические периоды использовались кардинально отличающиеся макроэкономические модели. Однако при всех принципиальных отличиях по формам и историческому времени реализации все они в качестве важной составляющей рассматривали участие в этих процессах вариантов международного сотрудничества, с одной стороны, как способа получения для национальной экономики более широкой ресурсной базы и, с другой, для расширения возможностей в реализации имеющегося потенциала.

Это наблюдалось в активный период строительства социализма в СССР в 1920–1930 гг., когда, несмотря на проповедуемый межгосударственный классовый антагонизм, «значительная часть экономистов была далека от мысли об экономической автаркии СССР, серьезно изучала возможности и перспективы участия страны в международном разделении труда» [Всемирная..., 1990. С. 202].

В чрезвычайно сложной экономической ситуации, сложившейся в СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., жесткая мобилизационная модель организации народного хозяйства также дополнялась использованием международных контактов. Как писал председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, несмотря на различие в общественном строе и понимании послевоенного устройства мира, международное экономическое сотрудничество с союзниками дало СССР позитивные результаты [Вознесенский, 1979. С. 489].

Различные версии и механизмы организации международных взаимосвязей для преодоления коллапса в экономике переходного периода и формирования новой экономической системы были широко использованы в период либеральной трансформации России (1991–2000 гг.)

[Аганбегян, 2009; Евстигнеева, Евстигнеев, 2005].

И в современной ситуации официальная позиция по поводу использования международного сотрудничества выглядит скорее конструктивно, чем ограничительно⁴.

То есть как бы институционально не выглядел внутренний контур развития национальной экономики (от директивного планирования до либерального рынка), на внешнем контуре обязательно осуществлялось – даже при очень жестких противоречиях между отечественными и зарубежными системами – формирование работоспособных механизмов для использования возможностей экономического сотрудничества в реализации стратегий развития. Очевидно, что с учетом этих позиций интеграционная повестка для России вовсе не исчерпана. Однако в связи с изменениями ситуации она требует корректировок и обновления, определения новой роли внешней торговли, новых приоритетов в использовании экспорта и импорта товаров, услуг, инвестиций. Этот процесс приобрел особую актуальность, начиная с февраля 2022 г., когда для российской экономики относительно гомогенный ранее глобальный контактный мир раскололся. В одной его части позиционировались страны, официально определенные как «недружественные». На этой платформе объединились около 50 государств мира, среди которых есть более активные или менее активные, но все они определились в проведении решительной ограничительной политики в экономических контактах с Россией. В другой части нового экономического мира находятся государства, которые можно отнести к условной группе «не дружественных», объединяющей страны, которые или дружественно, или лояльно, или, по крайней мере, нейтрально, относятся к продолжению и потенциальному развитию хозяйственных контактов. При этом практически все они отчетливо стремятся к максимально возможному балансированию интересов и рисков, ре-

ализуемых как при экономических операциях с Россией, так и с её санкционными vis-a-vis. Фактически они вынуждено учитывают определенные риски для развития национальных экономик, которые формируются, с одной стороны, в виде угрозы вторичных санкций, исходящих от экономических противников России, и, с другой стороны, от проводимых Россией контрсанкционных мероприятий, связанных с экспортом отдельных технологических и сырьевых товаров.

В соответствии с этой дифференциацией потенциальных экономических партнеров, в современной международной практике необходимо осуществить обособление моделей организации взаимодействия с ними, реализации своеобразного многослойного интеграционного процесса. Следует отметить, что близкую по содержанию, но не такую масштабную и сложную как сейчас, интеграционную проблему в России уже решали. Так, при создании и организации работы ЕАЭС (Евразийского экономического союза) постоянно приходилось преодолевать, с одной стороны, проблемы, связанные с многоаспектной (а иногда и поляризованной) повесткой социально-политического и экономического развития каждой из стран-участниц, с другой стороны, влияющие на них глобальные шоки. Как охарактеризовали этот процесс исследователи, «пожалуй, в мировой истории не было примера становления интеграционного сотрудничества в таких сложных условиях» [Оценка..., 2022. С. 4].

Этот опыт чрезвычайно важен для определения форматов не только общей национальной интеграционной стратегии, но и поиска вариантов реализации её локализованных проектов, включая разработку скорректированной интеграционной политики для такого важного региона как Дальний Восток России.

Дальневосточный вектор международного экономического взаимодействия

Согласно принятой в 2019 г. Стра-

⁴ «Только на основе честной и взаимовыгодной кооперации можно искать выходы из той кризисной ситуации, которая сложилась в мировой экономике» сказал В. В. Путин в ходе международной встречи, «Укрепление высококачественного партнерства БРИКС, вступающего в новую эру глобального развития» (цитата по: <http://kremlin.ru/events/president/news/68696>)

тегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., эта территория получила статус «приоритетной геостратегической». Это означает, что она имеет «существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации», а также «характеризуется специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности»⁵.

Международная составляющая решения этих задач реализуется в очень неоднородном, а потому постоянно проблемном регионе Северо-Восточной Азии. В нём в течение нескольких десятилетий формировалась система относительно сбалансированных взаимодействий между кардинально отличающимися по потенциалу и масштабам развитыми и развивающимися экономиками. Китай, Япония, Южная и Северная Кореи, Монголия и Российский Дальний Восток где-то в рамках создаваемых и функционирующих в регионе экономических международных организаций, где-то путем межправительственных соглашений, где-то методом проб и ошибок в бизнес-проектах создали некий контур взаимодействия с периодически возникающими противоречиями и формами их решения.

В 2020-х гг. на смену устойчиво продолжавшегося несколько десятилетий генерального тренда на использование инструментов глобализации и региональной интеграции пришли процессы дезинтеграции и локализации в организации экономических процессов. Дезинтеграционный сценарий в АТР давно прогнозировался не только по политическим причинам, но и как следствие использования различных моделей экономической организации. В результате наблюдения за возрастанием противоречий нами делалась следующая оценка: «вероятен разрыв взаимосвязей, реформатирование контактов в новых конфигурациях и возникновение новой многополярности в Восточной Азии» [Синтез..., 2011. С. 655].

В 2020-х гг. такой сценарий реализовался в полной мере, сначала в виде шоковой реакции на последствия пандемии, затем – разрушения производственных и логистических цепочек, и в продолжение (скорее всего, долговременное), обострения политических рисков. При этом необходимо отметить, что мировой политический риск-профиль до февраля 2022 г. оставался без особого внимания специализированных экономических структур. Даже в конце 2021 г. в списках ожидаемых рисков, сформированных авторитетными международными организациями, «дезинтеграционный риск» не включался⁶. Взрывной характер новых неопределенностей вызвал необходимость изменений в идентификации, оценке и разработке методов минимизации рисков социально-экономического развития как для каждой из стран-участниц, так и всего сообщества Северо-Восточной Азии [Рензин, 2021. С. 8–15].

Для Российского Дальнего Востока возникает ситуация, когда необходимо пересмотреть не только определенную ранее возможность по реализации планов развития сотрудничества (включая оценку рисков, связанных с возникновением трансграничных барьеров и прогнозной длительностью их сохранения), но и выдвигание и запуск новых альтернативных трендов в перспективных траекториях развития самой региональной экономической системы.

Ранее вялотекущее, а ныне активно происходящее смещение вектора политических и экономических интересов России на восток может принести Дальневосточному региону значительные выгоды и одновременно сгенерировать новые риски и проблемы.

Следует отметить, что функционирование экономической системы региона более чувствительно к миграционным и демографическим рискам, чем к любым внешним санкциям. Поэтому в качестве безусловного императива для рассмотрения перспектив развития Дальнего Востока необходимо сохранение и воз-

⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. №207-р.

⁶ The Global Risk Report 2022.17 Edition. World Economic Forum. 2022. 116 p.; Global Economic Prospects. January 2022. World Bank Group. 2022. 240 p.

можное усиление реализуемых в регионе социально-ориентированных программ, обеспечение опережающего социального развития центров экономического роста.

В свою очередь, перестройку производственной системы, вызванную разрушением внешних кооперативных связей и их исправлением через внутренние решения, необходимо решительно связать с ранее многократно прописанными (и слабо реализованными) направлениями перспективного развития – формированием в регионе новой производственной базы с высокотехнологичными приоритетами. Именно эта цель ставилась в качестве главной для Дальнего Востока и в стратегии развития региона (2009 г.), и в Стратегии пространственного развития РФ (2019 г.), и в Национальной программе развития Дальнего Востока (2020 г.).

По мнению специалистов, это позволит реально изменить конкурентоспособность товаров и услуг, производимых на Дальнем Востоке, как на внутренних, так и на внешних рынках. Пока Дальний Восток – это в основном ресурсодобывающая экономика, которая некоторое время еще будет использовать в международной торговле свой природный потенциал, но с всё меньшей эффективностью. А для поддержания и расширения своих экономических позиций региону следует преодолеть узкую сырьевую направленность экспорта, осуществить диверсификацию промышленного комплекса региона для реального перехода от ресурсной специализации к эффективной высокотехнологичной. Реально «вывести на рынок можно только то, что мы в состоянии эффективно производить» [Минакир, 2022. С. 34]. Пока это природные ресурсы. Но, как показали многочисленные региональные исследования, это может быть и глубокая переработка добываемых сырьевых ресурсов; и производство ряда товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью; и продукция инновационных предприятий.

Безусловных корректировок требует другой базовый для Дальнего Востока аспект развития. Взаимосвязанные ранее задачи по совершенствованию транспортной инфраструктуры, ориентированной

на обслуживание как внутрироссийских товарных потоков, так и международного транзита, стали в определенной степени конфликтными. Санкционное перекрытие объемов отечественной внешней торговли и обслуживающих ее инфраструктурных мощностей на западе страны перевело значительную часть этих потоков на восток, что в целом соответствует макроэкономическим интересам, но одновременно ограничивает транспортные возможности региональных производителей и, соответственно, реализацию ими программ промышленного развития.

Важное место в предстоящих адаптациях программ развития Дальневосточного региона может занять новый институциональный механизм, обеспечивающий как внутреннее развитие, так и потенциальную внешнеэкономическую деятельность. Учитывая сложившуюся дихотомию в распределении потенциальных партнеров «по дружественности», следует согласиться с предложениями о целенаправленном формировании устойчивых каналов внешнеэкономического сотрудничества с дружественными и нейтральными по отношению к России странами. Они должны быть обеспечены комплексом институциональных решений в части логистики, финансовой, особенно страховой поддержки, и т. д. Но одновременно, необходимо рассмотреть варианты экономического взаимодействия с другими потенциальными партнерами, которые в перспективе могут изменить приоритеты в организации сотрудничества с политических на экономические и технологические.

Заключение

Современная ситуация для развития России, включая Дальний Восток, связана с крайне высокой экономической турбулентностью и генерированными ею рисками. Это, безусловно, создает сложности в реализации планов развития региона. Однако, комплекс новых неопределенностей может значительно расширить сценарную вариативность перспективных целей и задач, включить дополнительные механизмы активизации экономического роста, и, возможно, реально изменить традиционные подходы к развитию территориальной экономической системы.

Список источников:

1. Аганбегян А. Кризис: беда и шанс для России. М.: АСТ Астрель. 2009. 285 с.
2. Балласа Б. Экономическая интеграция // Экономическая теория (New Palgrave) М.: Инфра-М. 2004. 931 с.
3. Блумфилд А., Этьер В. Развитие теории международных экономических отношений // Современная экономическая мысль. М.: Прогресс. 1981. 815 с.
4. Всемирная история экономической мысли. Т. 4. М.: Мысль 1990. 592 с.
5. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Избранные произведения. М.: Изд-во политической литературы. 1979. 606 с.
6. Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. М.: Наука, 2005. 519 с.
7. Крюков В., Порфирьев Б., Широков А. Меморандум суверенного роста // Эксперт. № 20. 16 мая 2022 г.
8. Минакир П. А. О «рапортоёмкости» момента // Федерал Пресс. 2022. № 2. С. 32–37
9. Рензин О.М. Дальний Восток России и СВА: новые проекты и новые риски. Власть и управление на Востоке России №4 (97). 2021, с.8-15
10. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050. Владивосток. Дальнаука. 2011. 912 с.

References:

1. Aganbegyan A. (2009) Crisis: trouble and chance for Russia. Moscow: AST Astrel: 285. (In Russ.)
2. Ballas B. (2004) Economic integration *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory (New Palgrave)]. M.: Infra-M: 931. (In Russ.)
3. Bloomfield A., Etyer V. (1981) Development of the theory of international economic relations // Modern economic thought. M.: Progress: 815. (In Russ.)
4. World history of economic thought. T. 4. M.: Thought 1990: 592. (In Russ.)
5. Voznesensky N. A. (1979) Military economy of the USSR during the Patriotic War. Selected works. M.: Publishing house of political literature: 606. (In Russ.)
6. Evstigneeva L. P., Evstigneev R. N. (2005) Economic growth: a liberal alternative. M.: Nauka: 519 p. (In Russ.)
7. Kryukov V., Porfiriev B., Shirov A. (2022) Sovereign Growth Memorandum *Ekspert* [Expert]. No. 20. May 16. (In Russ.)
8. Minakir P. A. (2022) On the “report capacity” of the moment *Federal'naya pressa* [Federal Press]. 2022. No. 2: 32–37. (In Russ.)
9. Renzin O. M. (2021) Russian Far East and NEA: new projects and new risks. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia] No. 4 (97): 8-15. (In Russ.)
10. Synthesis of scientific, technical and economic forecasts: Pacific Russia 2050. Vladivostok. Dalnauka. 2011. 912 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.05.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 18.05.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

Информация об авторе

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник научного руководителя, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the scientific head, The Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья

УДК 339.13.017(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-41-52

Поведение потребительских цен в условиях пандемии COVID-19: Дальний Восток России

Светлана Николаевна Найден¹, Егор Леонидович Домнич², Анна Владимировна Ступникова³

^{1,2,3} Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

¹ nayden@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853>

² chaosraven@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1379-8053>

³ stupnikovaann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8255-0334>

Аннотация. В статье рассматриваются сложившиеся тенденции распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 и ее последствия в период пандемии (2020–2021 гг.) в разрезе регионов Дальнего Востока. С использованием авторегрессионной модели с распределёнными лагами (ARDL) проанализировано динамическое воздействие числа заболевших после заражения новой коронавирусной инфекцией COVID-19 на индексы цен (минимального набора продуктов питания, фиксированного набора потребительских товаров и услуг, и полного набора потребительских товаров и услуг) в экономике Дальнего Востока в период 2020–2021 гг. Выявлен слабый положительный статистически значимый эффект увеличения числа заболевших на изменение стоимости минимального набора продуктов питания. Показано, что пандемия вызвала неоднозначную ценовую реакцию в дальневосточных регионах на рост числа заболевших после заражения вирусной инфекцией COVID-19. Установлено, что в целом по Дальневосточному федеральному округу (ДФО) преобладает долгосрочная (лаг 2 – 3 месяца) положительная связь между числом заболевших и индексом минимального набора продуктов питания (ИМН), особенно характерная для северных и отдалённых территорий. Выявлено, что цены на медикаменты в дальневосточных регионах изменялись достаточно синхронно по отношению к среднероссийским трендам, то есть не отличались высокой волатильностью.

Ключевые слова: население, заболеваемость, смертность, пандемия COVID-19, потребительские цены, медицинские препараты, регион, Дальний Восток

Для цитирования: Найден С. Н., Домнич Е. Л., Ступникова А. В. Поведение потребительских цен в условиях пандемии COVID-19: Дальний Восток России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 41–52. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-41-52>

Consumer Price Behavior During the COVID-19 Pandemic: The Russian Far East

Svetlana N. Naiden¹, Yegor L. Domnich², Anna V. Stupnikova³

^{1,2,3} The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ nayden@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1647-7853>

² chaosraven@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1379-8053>

³ stupnikovaann@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8255-0334>

Abstract. The article discusses the current trends in the spread of a new coronavirus infection COVID-19 and its consequences during the pandemic (2020–2021) in the context of the regions of the Far East. Using a distributed lag autoregressive model

(ARDL), we analyzed the dynamic impact of the number of cases after infection with a new coronavirus infection COVID-19 on price indices (the minimum set of food products, a fixed set of consumer goods and services, and a full set of consumer goods and services) in the economy of the Far East. East in the period 2020-2021 A weak positive statistically significant effect of an increase in the number of cases on a change in the cost of a minimum set of food products was revealed. It is shown that the pandemic caused an ambiguous price reaction in the Far Eastern regions to the increase in the number of cases after infection with the COVID-19 virus infection. northern and remote areas. It was revealed that the prices for medicines in the Far Eastern regions changed quite synchronously with respect to the average Russian trends, that is, they did not differ in high volatility.

Keywords: population, morbidity, mortality, COVID-19 pandemic, consumer prices, medicines, region, Far East

For citation: Naiden S. N., Domnich Ye. L., Stupnikova A. V. Consumer Price Behavior During the COVID-19 Pandemic: The Russian Far East // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 41–52. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-41-52>

Введение

Глобальные события в России и мире в 2020–2021 гг., связанные с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, спровоцировали изменения в национальных укладах социально-экономической жизни. Почти два года большинство сфер человеческой деятельности, включая экономику, функционируют и развиваются в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки и медико-демографического коллапса, вызванного последствиями пандемии (росте заболеваемости и повышенной смертности населения). Карантинные меры, ограничившие территориальную мобильность россиян, закрытие практически всех предприятий сферы обслуживания, переход на онлайн-заказы продукции и ее доставку курьерами сказались на объемах и структуре потребления населения, которое, в свою очередь, испытало на себе неблагоприятную динамику падения реальных денежных доходов [Широв, 2021; Пролубников, 2021]. В условиях пандемии произошло снижение потребительского спроса, связанное, прежде всего с тем, что многие товары и услуги стали либо недоступны, либо временно не нужны в условиях карантина, самоизоляции и дистанционного режима работы и учёбы [Смирнов, 2020]. Ценовой шок в результате оказался мощным фактором, повлиявшим на сложившуюся ситуацию в стране. Именно поэтому мониторинг за поведением цен на това-

ры и услуги, анализ и оценка ситуации с ценами не только на национальном, но и на региональном уровне, остается неотъемлемой частью наблюдений за реакцией социально-экономической системы Дальнего Востока на вызовы внутренней и внешней среды, включая шоки, спровоцированные пандемией коронавируса [Дальний, 2021; Ступникова, 2022].

Обзор литературы и методика

Воздействие пандемии COVID-19 на общество не ограничивается только естественным влиянием на жизнь и здоровье человека. В литературе описана связь пандемии с обрушением финансового сектора [Goodell and Huynh, 2020; He et al., 2020], волатильностью цен на рынках недвижимости [Qian et al., 2021] и ценных бумаг [Li et al., 2021], падением уровня производства [Zhou et al., 2021]. Большое внимание уделяется выявлению долгосрочного влияния пандемии на экономические макроиндикаторы и структуры распределённого лагового воздействия [Atri et al., 2021; Kanamura, 2021, Musa et al., 2020].

Разработан эконометрический инструментарий и накоплен ряд результатов, позволяющий отслеживать и оценивать долгосрочное влияние заболеваемости коронавирусом на изменения цен на товары и услуги. Так, в работе [Musa et al., 2020] с использованием авторегрессионной модели распределённых лагов (ARDL) на данных глобальной статистики с января по март 2020 г. проанализи-

зировано влияние числа заболевших на изменение цен сырой нефти и продовольствия. Установлено, что в краткосрочном периоде увеличение числа заболевших статистически значимо и отрицательно воздействует как на цены на нефть, так и на цены на продовольствие. В долгосрочной же перспективе увеличение масштабов пандемии продолжает оказывать значимое отрицательное влияние на нефтяные цены, однако влияние на продовольственные цены становится положительным, но статистически незначимым. В исследовании [Atri et al., 2021] фактор пандемии включает в себя не только число заболевших и смертей, но также информационную составляющую – панику в обществе вследствие распространения тревожных вестей о COVID-19. Анализируя статистику за январь – июнь 2020 г. (ARDL – модель), исследователи приходят к выводу, что не только число смертей и сопутствующая им паника, но также пропаганда, транслируемая в средствах массовой информации, оказывают значимое негативное воздействие на нефтяные цены и положительное – на цены на золото. Содержательное объяснение полученных эффектов, в целом, фокусируется на психологическом влиянии шока, обусловленного лавинообразным распространением негативной информации о пандемии.

В настоящем исследовании на основе официальной статистики за апрель 2020 – декабрь 2021 гг. анализируется распределённое лаговое воздействие (ARDL) заболеваемости COVID-19 на основные индексы цен в регионах Дальнего Востока: индекс минимального набора продуктов питания¹ (ИМН), индекс фиксированного набора потребительских товаров и услуг² (ИФН) и индекс потребительских цен³ (ИПЦ). Для каждого региона Дальнего Востока подбиралось уравнение с наиболее значимой лаговой переменной числа заболевших (с максимальным лагом до

трёх месяцев). В общем виде оцениваемое уравнение имеет вид:

$$\Delta P_t^i = \beta_0^i + \beta_p^i P_{t-1}^i + \beta_{z0}^i Z_t^i + \beta_{z1}^i Z_{t-1}^i + \beta_{z2}^i Z_{t-2}^i + \beta_{z3}^i Z_{t-3}^i,$$

где P – индекс цен (ИМН, ИФН или ИПЦ), Z – индекс (темпа роста) числа заболевших, t – время (месяцы), i – регион (субъект Федерации, входящий в ДФО).

Выявленная структура распределённых лагов использовалась для построения итоговых уравнений связи числа заболевших с индексами цен, включающих лаговые значения индекса цен и наиболее значимые значения Z . На основании итоговых уравнений затем выполнена кластеризация регионов с точки зрения реакции региональных индексов цен на увеличения числа заболевших.

Динамика пандемии COVID-19 и потребительские цены на Дальнем Востоке России

На 1 января 2022 г. по официальным данным⁴ на Дальнем Востоке с начала эпидемии выявили 625333 случая новой коронавирусной инфекции COVID-19, что составляет примерно 6% от всех случаев заражений в целом по России. «В отличие от национальной динамики заражений, в которой отчетливо выделяются первая (апрель – июнь) и вторая (начиная с сентября) волны, на Дальнем Востоке первая волна (апрель – август) была относительно пологой, а вторая началась только с октября» [Минакир, 2020. С. 9] Динамика заражений выявила, как минимум, четыре пика: первый в июле 2020 г., когда заболеваемость достигла 14202 случая (или 174 чел. на 100 тыс. населения), второй в декабре 2020 г. – 52484 (643), третий в июле 2021 года – 48880 (602) и самый высокий в декабре 2021 г., когда заболело 67696 чел. (792) (рис. 1). Максимальные темпы роста числа заболевших фиксировалась в За-

¹ Изменение стоимости условного (минимального) набора продуктов питания, в который входит 33 товара. URL: <https://fedstat.ru/indicator/40613> (дата обращения: февраль 2022).

² Изменение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, который состоит из 83 наименований. URL: <https://fedstat.ru/indicator/40532> (дата обращения: февраль 2022).

³ Рассчитывается на основе корзины, сформированной из 505 наименований. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: февраль 2022).

⁴ Распространение коронавируса в регионах России // Коронавирус в России: оперативные данные. <https://ncov.blog/countries/ru/> (дата обращения: февраль 2022)

байкальском крае (до 862,3% в месяц), Республике Саха (Якутия) (до 832,4%), Амурской области и ЕАО (до 800%), Сахалинской области (до 744,6 %) и Чукотском АО (до 661,5%).

За время эпидемии от COVID-19 умерли 11 335 жителей макрорегиона или 3,7% от всех смертельных исходов по стране, вызванных коронавирусом. При этом смертность на Дальнем Востоке практически всегда отставала от среднероссийских показателей, за исключением ноября 2020 г., когда смертность среди дальневосточников превысила среднюю по стране на 1,85 (10,2 чел. на 100 тыс. чел. против 8,33 по РФ), а в июне-июле 2021 г. едва приблизилась к среднероссийскому уровню (рис. 2). Лидером по смертности в 2020 г. стала Республика Бурятия, где на каждые 100 тыс. населения коронавирус унес 60,3 человека, что более чем в 2 раза превысило среднее значение по Дальнему Востоку и на 35% оказалось выше, чем в среднем по стране. В 2021 г. в макрорегионе произошел 4-кратный рост смертности от коронавируса по сравнению с 2020 г., в том числе в Сахалинской области рост смертности

составил 30,5 раз за год, а на Чукотке почти в 9 раз. Однако наибольший вклад в дальневосточный прирост внесли регионы – традиционные аутсайдеры по заболеваемости: Еврейская автономная область (на 30% превысила смертность по коронавирусу в среднем по стране), Магаданская область (на 18%), Республика Бурятия (на 8,2%).

Наименьший прирост дали наиболее развитые и обеспеченные медицинской инфраструктурой регионы – Хабаровский и Приморский края, Амурская область, где смертность более чем в 2 раза оказалась ниже, чем в среднем по стране. Летальность за весь период с марта 2020 года, когда были зафиксированы первые случаи заражения COVID, до декабря 2021 г. в целом по Дальнему Востоку составила 1,81% в отличие от 2,94% в среднем по России (рис. 2). Здесь в «лидерах» остались два региона – Еврейская автономная область (3,64% против 2,94% в среднем по стране) и Республика Бурятия (3,19), где медицинские организации оказались в тяжелой ситуации на фоне роста заболеваемости новой коронавирусной инфекцией COVID-19⁵, а самый мини-

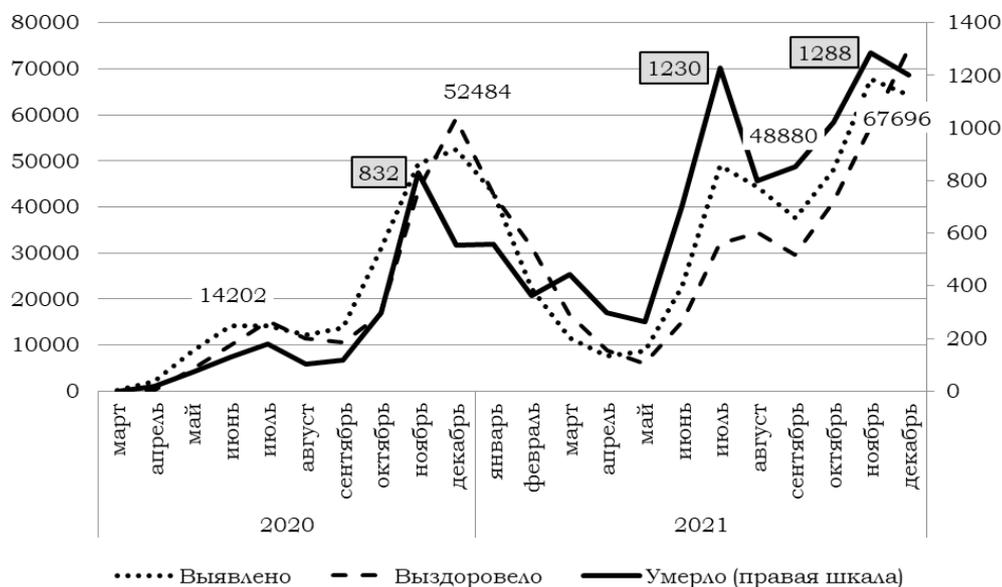

Рис. 1. Динамика распространения COVID-19 на Дальнем Востоке, человек в месяц

Источник: Распространение коронавируса в регионах России // Коронавирус в России: оперативные данные. <https://ncov.blog/countries/ru/> (дата обращения: февраль 2022)

⁵ Глава Бурятии заявил о тяжелой ситуации с коронавирусом в регионе // INTERFAX.RU. 21 июня 2021 г. <https://www.interfax.ru/russia/774090> (дата обращения: январь 2022); Трутнев выслал «бригаду» к губернатору ЕАО из-за COVID-мер в регионе // РБК. 27 октября 2021 г. <https://www.rbc.ru/society/27/10/2021/6179355d9a79470481c4e9bd> (дата обращения: декабрь 2021).

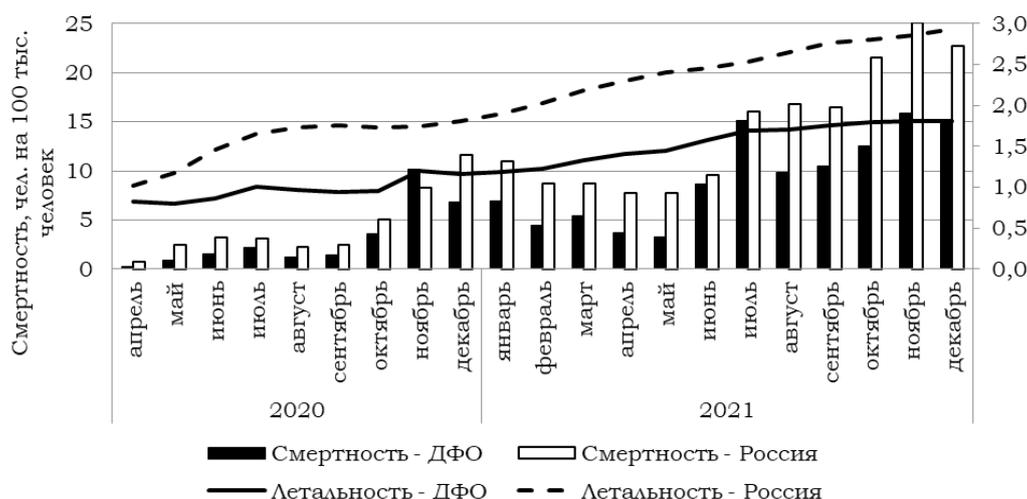

Рис. 2. Динамика смертности и летальности от COVID-19 на Дальнем Востоке

Рассчитано по: Численность постоянного населения на 1 января. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: октябрь 2021) и Коронавирус в России: оперативные данные. <https://ncov.blog/countries/ru/> (дата обращения: февраль 2022)

мальный уровень летальности продемонстрировали Республика Саха (Якутия) и Хабаровский край (менее 1%), традиционно отличающиеся по уровню развития систем здравоохранения среди субъектов Дальнего Востока.

Анализ динамики параметров, характеризующих течение пандемии в макрорегионе, показывает, что «при, в общем-то, благоприятном положении с точки зрения смертности от новой коронавирусной инфекции нагрузка на систему здравоохранения, превышает, и в ряде случаев очень значительно, те индикаторы, которые регистрируются в целом по России. Для отдельных дальневосточных регионов положение выглядит крайне тревожным с точки зрения количества так называемых активных случаев, требующих медицинского контроля и задействования кадровых, финансовых и материально-технических ресурсов. В ходе многолетних экспериментов по псевдооптимизации здравоохранения мобилизационные возможности здравоохранения были существенно подорваны. В наибольшей степени это коснулось не просто регионов, но тех из них, которые характеризуются низкой плотностью населения и дефицитностью собственных бюджетов. Практически все дальневосточные регионы находятся в этой кате-

гории» [Минакир, 2020. С. 10] Кроме того, экономические условия последних лет не способствовали положительной динамике благосостояния населения Дальнего Востока, в первую очередь в силу отсутствия роста реальных денежных доходов [Найден, 2021; Широ, 2021]. Пандемия коронавируса и введение карантинных мер лишь усугубили это положение.

Динамика цен на Дальнем Востоке значительно более консервативна (табл. 1). За полтора года (с января 2020 г. по июль 2021 г.) изменения ИМН в целом по ДФО составили 119,9%, в то время как соответствующее изменение ИФН – 109,1%, а ИПЦ – 108,5%. Таким образом, наиболее значительное повышение цен наблюдалось в сегменте продуктов питания, что позволяет предположить наличие значимой положительной связи ИМН с заболеваемостью COVID-19. Увеличение цен на минимальный набор продуктов питания имело локальный пик в июле 2020 г. (109,9% относительно января 2020 г.), снизившись к октябрю того же года до 104,7%, после чего вновь начался монотонный рост. Наибольшее увеличение ИМН по состоянию на июль 2021 г. имело место в Республике Бурятия, Забайкальском крае и Амурской области (125% к январю 2020 г.), а также Хабаровском крае и Еврейской АО (122%).

Это подтверждается ранее полученными оценками, согласно которым в период пандемии в большинстве дальневосточных регионов, также как и в среднем по России, цены на продовольственные товары росли быстрее, чем цены, например, на услуги. Исключение составили два субъекта ДФО – Чукотский автономный округ и Республика Саха (Якутия), где цены на услуги опередили цены на продовольственные и непродовольственные товары, что связано с климатическими и технико-экономическими удорожающими особенностями работы сферы услуг, включая оказание жилищно-коммунальных услуг.

Динамика ИФН и ИПЦ не имела локальных пиков; средние цены на широкий диапазон потребительских товаров и услуг в течение рассматриваемого периода монотонно увеличивались без заметных шоков. Уместно поэтому ожидать, что и реакция ИФН и ИПЦ на заболеваемость COVID-19 будет выражена заметно слабее, чем у ИМН.

Оценка влияния заболеваемости COVID-19 на поведение потребительских цен

Реализация методики исследования позволила выявить наиболее значимые лаговые эффекты заболеваемости COVID-19 на индексы цен в экономике

Дальнего Востока. Установлено, что в каждом регионе такие эффекты не превышают автокорреляционного влияния лаговых значений ценовых индексов.

Среднестатистические цены, как на продукты питания, так и на широкий ассортимент товаров и услуг в условиях пандемии продолжают зависеть, прежде всего, от предыдущей траектории ценовых трендов, а не от числа заболевших. Однако возможно, что принятый в исследовании максимальный лаг (3 месяца) недостаточен для обнаружения истинных масштабов последствий пандемии для потребительских цен.

Влияние числа заболевших на цены наиболее ощутимо для ограниченной корзины из 33 продуктов питания (ИМН). Во всех регионах обнаружены слабые положительные статистически значимые эффекты лаговых значений числа заболевших на ИМН. Исключение составляет Амурская область, где фиксируется слабое отрицательное влияние с лагом 2 месяца. В целом по ДФО преобладает долгосрочный (лаг 2 – 3 месяца) положительный эффект числа заболевших на ИМН, особенно характерный для северных и отдалённых территорий: Республики Саха (Якутия), Забайкальского и Камчатского краёв, Магаданской и Сахалинской областей, Чукотского АО. Это

Таблица 1

Средние темпы роста числа заболевших COVID-19 и индексы цен по регионам Дальнего Востока, %

Субъекты РФ	Число заболевших*	ИМН**	ИФН***	ИПЦ****
Дальний Восток	135,9	100,9	100,5	100,5
Республика Бурятия	145,3	101,1	100,6	100,6
Республика Саха (Якутия)	164,3	101,1	100,6	100,6
Забайкальский край	173,3	100,6	100,5	100,4
Камчатский край	126,9	100,6	100,3	100,4
Приморский край	137,4	100,9	100,5	100,5
Хабаровский край	137,2	101,0	100,5	100,5
Амурская область	165,9	101,0	100,6	100,5
Магаданская область	130,9	100,7	100,5	100,5
Сахалинская область	171,0	100,8	100,5	100,5
Еврейская авт. область	158,7	101,0	100,5	100,6
Чукотский авт. округ	153,3	100,5	100,2	100,3

Примечание: * в среднем за период май 2020 – декабрь 2021 гг.; ** январь 2020 – ноябрь 2021 гг.; *** январь 2020 – июль 2021 гг.; **** январь 2020 – декабрь 2021 гг.

Источник: рассчитано по данным <https://russian-trade.com/coronavirus-russia> и <https://fedstat.ru> (дата обращения: февраль 2022)

может объясняться транспортной удалённостью и особенностями снабжения этих территорий продовольственными товарами. В Хабаровском и Приморском краях, где сконцентрировано основное население Дальнего Востока, фиксируется положительный краткосрочный (лаг 1 месяц) эффект заболеваемости на ИМН. Уместно предположить, что региональные рынки продовольствия в этих двух регионах склонны более оперативно реагировать на распространение пессимистических ожиданий и паники, чем в северных регионах ДФО.

Влияние числа заболевших на цены ограниченного набора товаров и услуг (ИФН) и широкого набора товаров и услуг (ИПЦ) в ДФО фиксируется не во всех регионах (не ощутимо для ряда регионов). По всей видимости, задержка эффекта в данном случае значительно превышает 3 месяца и при данной продолжительности статистики (и текущей продолжительности пандемии) пока что неуловима.

Одними из наиболее чувствительных к изменениям в период пандемии COVID-19 оказались цены на фармацевтические товары, которые по объективным причинам испытали влияние различных факторов, включая особенности размещения производств и рынков сбыта фармацевтической продукции, внутреннюю динамику спроса и предложения на лекарственные препараты и медицинские услуги, валютный курс рубля, меры технического, санитарного и фитосанитарного регулирования экспорта и импорта, как в России, так и за рубежом, что, в общем и целом, должно было обеспечить защиту от распространения новой коронавирусной инфекции. Многими странами принимались меры по либерализации и упрощению торговли, направленные на снижение стоимости импорта путем

отмены таможенных пошлин на товары (средства индивидуальной защиты, дезинфицирующих средств, медицинских масок, респираторов и т. п.), способствующие сдерживанию коронавируса в странах Евросоюза. В то же самое время во многих странах Юго-Восточной Азии, наоборот, вводились ограничения на экспорт медицинских товаров, а в некоторых государствах Европы был введён запрет на экспорт ряда фармацевтических препаратов в страны за пределами Европейского экономического пространства. Избирательно вводились количественные ограничения экспорта (меры лицензирования, контроля, наблюдения)⁶.

В результате ухудшения эпидемиологической ситуации стремительно возросла заболеваемость, увеличилась нагрузка на медицинские учреждения, возник повышенный спрос⁷ со стороны населения на антибиотики и противовирусные препараты, что вместе с нарушением логистических связей и географии поставок, спровоцировало дефицит и рост цен на отдельные значимые позиции лекарств [Тогузаков, 2021] и средства индивидуальной защиты органов дыхания. Последнее продемонстрировало неэффективность механизма государственного регулирования рынка социально-значимых товаров [Котлярова, 2017. С. 119; Пролубников, 2021].

Поведение цен на лекарственные препараты в регионах ДФО также оказалось в зоне ажиотажного спроса. Если в 2018 г. темпы роста ИПЦ на медикаменты практически у всех субъектов Дальнего Востока не превышали среднероссийское значение (104,5% к уровню 2017 г., исключение составила Еврейская автономная область – 104,7%), то в 2019 г. среднее значение по стране (106,9% к уровню 2018 г.) превысили уже Камчатский край⁸ (+1,1

⁶ Тангаева А.В. Торговая политика стран в условиях пандемии // Исследовательский центр Международная торговля и интеграция (ИТИ). 23 апреля 2020. URL: <http://www.itandi.ru/ru/analytics/298-torgovaya-politika-stran-v-usloviyah-pandemii/> (дата обращения: 14.08.2021).

⁷ Ажиотажный спрос: фармацевты предупредили о дефиците лекарств // Газета.Ru. 22 октября 2020. <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/22/13328923.shtml?updated> (дата обращения: октябрь 2021)

⁸ Статистики: цены на медицинские товары на Камчатке в два раза выше среднероссийских // Информационное агентство «Кам 24». 17 декабря 2020 г. <https://kam24.ru/news/main/20201217/78471.html#.NuQdLOh6.dpuf> (дата обращения: январь 2021) Выросли вдвое: цены на антибиотики возмутили хабаровчан // ДВ-новости на DVHAB.ru. 20 ноября 2020 г. <https://www.dvnovosti.ru/khab/2020/11/20/123110> (дата обращения: декабрь 2020)

п.п.), Амурская область (+1,9%). Хабаровский край (+3,5 п.п.) (рис. 3). На 2020 г. пришелся максимальный скачок цен на медикаменты, который в целом по России составил 109,8% или +2,9 п.п. к уровню 2019 г. Дальневосточные территории практически все опередили этот показатель: от минимального разрыва в Камчатском крае (+0,3 п.п. к среднему по стране) до максимального в Еврейской автономной области (+4,5 п.п.), где традиционно сложная ситуация с медицинским обслуживанием населения, и Амурской области (+5,0 п.п.). Исключение составили субъекты, удержавшие темпы роста индекса цен на медикаменты ниже среднего темпа по стране: Забайкальский край (-1,7 п.п.), Республика Саха (Якутия) (-3,0 п.п.), Чукотский автономный округ (-8-5 п.п.), в том числе и по причине их отсутствия в аптеках⁹. Принятые в 2021 г. на федеральном уровне меры по обеспечению регионов лекарственными препаратами для борьбы с вирусом COVID-19 частично сняли проблему ажиотажного спроса, но не смогли остановить продолжившийся рост цен на медикаменты, составивший 104,5% в среднем по России к уровню 2020 г. Лидерами среди дальневосточных территорий по темпам роста стали Магаданская область (+5,7 п.п. к уровню среднего по РФ), Чукотский автономный округ (+4,4 п.п.). Сконцентрировались на сдерживающей ценовой политике власти Хабаровского (-2,2 п.п.), Камчатского (-1,0 п.п.), Забайкальского (-0,8 п.п.), Приморского краев (-0,7 п.п.) и Республики Саха (Якутия) (-0,6 п.п.).

Анализ помесечных ИПЦ на медикаменты с января 2020 г. по октябрь 2021 г. в разрезе дальневосточных регионов позволил определить, что в большинстве из них наивысший взлёт цен пришелся на первую волну пандемии (апрель-май 2020 г.) (рис. 1). При этом максимальный рост цен был зафиксирован преимущественно в южных приграничных регионах Дальнего Востока, где проживает более половины всех жителей макрорегиона, и куда вирус проник в первую оче-

редь, быстро распространившись по территориям. Так, в апреле более чем на 3 п.п. выросли цены на медикаменты в Хабаровском крае, Приморском крае, Амурской области, Еврейской автономной области и Магаданской области. Больше всего цены на медикаменты по сравнению с предыдущим месяцем увеличились в Хабаровском крае (на 5,1 п.п.), в нём же на конец апреля было зафиксировано наибольшее среди дальневосточных регионов число заразившихся коронавирусом (536 чел.). На втором месте оказался Приморский край (403 чел. выявлено с вирусом), где прирост цен на медикаменты составил 4,7 п.п. Лишь в Чукотском АО цены на медикаменты в апреле 2020 г. не демонстрировали рост, а число заразившихся здесь было самым низким – 18 человек. Отсутствие или слабый рост цен на медикаменты в отдаленных регионах в первую волну пандемии могут быть связаны не только с малым количеством заболевших коронавирусной инфекцией, но с тем, что уровень цен здесь и без пандемии, как правило, чрезмерно высокий в силу их удаленности, труднодоступности и природных ограничений по доставке медицинских товаров. Кроме того, большинство аптек в первую волну продолжали распродавать лекарства, которые были закуплены еще до пандемии, то есть по ранее установленным ценам.

Вторая волна коронавирусной инфекции, приходящаяся на сентябрь-декабрь 2020 г., не вызвала ценовых всплесков в дальневосточных регионах. При этом наибольший рост цен в это время был характерен вновь для приграничных субъектов, цены в которых выросли более чем на 2,8-3% относительно периода первой волны. Третья волна (май – июнь 2021 г.) вызвала ценовой всплеск лишь в Чукотском автономном округе, где сработал механизм отложенного спроса и цены на медицинские препараты только в мае выросли на 5,2%, в то время как в других регионах рост цен в тот же период не превышал 2%. Четвертая волна коронавирусной инфекции, начавшаяся в сен-

⁹ Масштабная дефектура: Из забайкальских аптек пропали лекарства. Какие и почему? // Государственный Интернет-Канал «Россия». Вести-Чита. 13 декабря 2020 г. <https://grtkchita.ru/news/?id=36467> (дата обращения: январь 2021 г.)

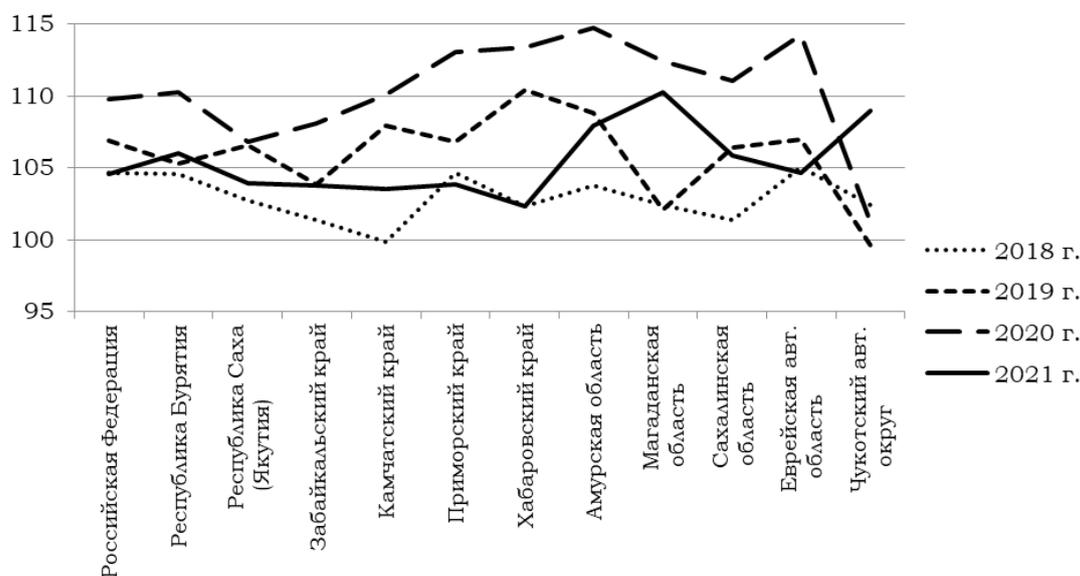

Рис. 3 Динамика ИПЦ на медикаменты в целом по ДФО и РФ, в % декабрь к декабрю предыдущего года

Источник: Индексы потребительских цен на товары и услуги // Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/57982> (дата обращения: май 2022)

тябре 2021 г., оказалась самой короткой (8 недель) и не вызвала существенных ценовых реакций в дальневосточных регионах, что было связано с введением в действие нормативных актов, регламентирующих порядок лекарственного обеспечения населения¹⁰.

Сравнение динамики ИПЦ позволило выявить в 2020 г. опережающий темп роста цен на медикаменты в ДФО по сравнению с аналогичным трендом в России, как в первую, так и во вторую волну пандемии. В поведении ИПЦ на медицинские услуги, тем временем, отсутствовала чрезмерная негативная реакция: цены росли, но не более чем на 1,4 п.п. в месяц. Во вторую и третью волну, цены и на медикаменты, и на медицинские услуги не демонстрировали значительных всплесков.

Оценка дифференциации цен на медикаменты в ДФО относительно среднероссийского уровня с помощью показателя волатильности¹¹ не выявила значительной изменчивости относительных ИПЦ в период пандемии, следовательно, цены на медикаменты в дальневосточных регионах изменялись достаточно синхронно по отношению к среднероссийским трендам. Средние отклонения месячных относительных ИПЦ от средних относительных ИПЦ за весь исследуемый период в дальневосточных регионах не превышали 1,7%. Однако в 2020 г., когда началась пандемия в стране, во всех регионах Дальнего Востока за исключением Амурской и Сахалинской областей, волатильность относительных ИПЦ превышала уровень 2019 г. В 2021 г. в Республике Бурятия, Магаданской области и Чукот-

¹⁰ «О внесении изменений в статью 60 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» и статью 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.03.2020 № 67-ФЗ; «О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств»: Федеральный закон от 3 апреля 2020 г. N 105-ФЗ; «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»: Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ

¹¹ Для оценки уровня пространственной дифференциации цен в регионах ДФО был использован показатель волатильности, рассчитываемый как стандартное отклонение натуральных логарифмов относительных ИПЦ. При этом относительные ИПЦ рассчитывались как отношение ИПЦ конкретного дальневосточного региона к ИПЦ всех остальных дальневосточных регионов.

ском автономном округе волатильность превысила уровень и 2019 г., и 2020 г., в Хабаровском крае – уровень 2019 г., а в Амурской области – уровень 2020 г. При этом волатильность относительных ИПЦ на медикаменты максимально возросла в Чукотском автономном округе: в 2021 г. в 1,7 раза по отношению к 2020 г. и в 3,7 раза по отношению к 2019 г.

Заключение

Проведенный статистический анализ влияния пандемии (числа заболевших) на поведение потребительских цен в экономике Дальнего Востока России, а также построение авторегрессионной модели с распределёнными лагами (ARDL) позволили выявить слабый положительный статистически значимый эффект взаимосвязи между увеличением числа заболевших на изменение стоимости минимального набора продуктов питания. Это вполне закономерно, поскольку анализируемый период был связан с карантинными мероприятиями и изоляцией в собственных

квартирах на длительный срок, которая объективно способствовала повышенному спросу на продукты питания. Показано, что пандемия вызвала неоднозначную ценовую реакцию в дальневосточных регионах на рост числа заболевших после заражения вирусной инфекцией COVID-19. Установлено, что в целом по ДФО преобладает долгосрочная (лаг 2 – 3 месяца) положительная связь между числом заболевших и ИМН, особенно характерная для северных и отдалённых территорий. Выявлено, что цены на медикаменты в дальневосточных регионах изменялись достаточно синхронно по отношению к среднероссийским трендам, то есть не отличались высокой волатильностью. Определено, что наибольший рост цен на медикаменты в дальневосточных регионах наблюдался в первую волну пандемии. При этом максимальные рост и изменчивость цен на медикаменты, наиболее востребованные в период пандемии, чаще выявлялись в труднодоступных регионах.

Список источников:

1. Дальний Восток России: тенденции экономического развития (последствия пандемии) / отв. ред. О.М. Прокапало; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2021. 200 с. <http://ecri.ru/publications/books-2021/1653-DV-21>
2. Котлярова С. Н., Лаврикова Ю. Г., Аверина Л. М. Роль локализации промышленного производства в политике импортозамещения Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 5. С. 115–127. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.8
3. Минакир П. А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 7–22. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022>
4. Найден С. Н., Грицко М. А. Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013–2020 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 53–64. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64>
5. Пролубников А. В. Трансформация государственной экономической политики в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1. С. 11–14.
6. Смирнов С.Н. Влияние пандемии COVID-19 на потребительский рынок России : статистический анализ // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 2. С. 149–159. DOI: 10.31249/snsn/2020.02.09
7. Ступникова А. В. Оценка поведения потребительских цен в Дальневосточном федеральном округе в условиях пандемии COVID-19 // Региональная экономика: теория и практика. 2022. Т. 20. № 5 (500). С. 800–830.
8. Толузаков А. К. Оценка уровня обеспеченности населения России лекарствами и их доступности на современном этапе // KANT. 2021. № 3(40). С. 101–105.
9. Широков А. А. Пандемический кризис экономики: механизмы развития и решения в области экономической политики // Журнал Новой экономической ассоциа-

- ции. 2021. № 1 (49). С. 209–216. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-49-1-10>
10. Atri, H., Kouki, S., Gallali, M. (2021). The impact of COVID-19 news, panic and media coverage on the oil and gold prices: An ARDL approach // *Resources Policy*. 2021. Vol. 72. Article 102061.
  11. Goodell, J.W., Huynh, T.L.D. (2020). Did Congress Trade Ahead? Considering the Reaction of US Industries to COVID-19 // *Finance Research Letters*. 2020. Article 101578.
  12. He, Z., Nagel, S., Song, Z. (2020). Treasury inconvenience yields during the COVID-19 Crisis. / NBER Working Papers. 2020. No. 27416.
  13. Kanamura, T. (2021). Timing differences in the impact of Covid-19 on price volatility between assets // *Finance Research Letters*. 2021. Article 109878.
  14. Li, Y., Zhuang, X., Wang, J., Dong, W. (2021). Analysis of the impact of COVID-19 pandemic on G20 stock markets // *North American Journal of Economics and Finance*, 2021. Vol. 58. Article 101530.
  15. Musa, K.S., Rabiou, M., Nafisa, M., Muktari, Y. (2020). COVID-19 pandemic, oil price slump and food crisis nexus: an application of ARDL approach // *Open Access Library Journal*. 2020. Vol. 7. No. e6403. DOI:10.4236/oalib.1106403
  16. Qian, X., Qiu, S., Zhang, G. (2021). The impact of COVID-19 on housing price: Evidence from China // *Finance Research Letters*, 2021, Article 161553.
  17. Zhou, Y., Feng, L., Zhang X., Wang Y., Wang S., Wu, T. (2021). Spatiotemporal patterns of the COVID-19 control measures impact on industrial production in Wuhan using time-series earth observation data // *Sustainable Cities and Society*. 2021. Vol. 2. No. 1.

References:

1. Russian Far East: Economic Development Trends (Consequences of the Pandemic) (2021) / ed. by O.M. Prokapalo; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk : ERI FEB RAS: 200 p. (In Russ.)
2. Kotlyarova S. N., Lavrikova Yu. G., Averina L. M. (2017) The role of industrial production localization in the import substitution policy *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 10. No. 5: 115–127. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.8 (In Russ.)
3. Minakir P. A. (2020) The Economy of the Pandemic: A Far Eastern Russian Aspect. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. Vol. 16. No. 4: 7–22. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022> (In Russ.)
4. Prolubnikov A. V. (2021) [Transformation of state economic policy in the conditions of the COVID-19 pandemic]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, social'naya sfera, tekhnologii = Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies*. No. 1: 11–14. (In Russ.)
5. Nayden S. N., Gritsko M. A. (2021) Trends and problems of social development in the Far-Eastern federal district: 2013–2020 *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (97): 53–64. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64>
6. Smirnov S. N. (2020) Impact of the COVID-19 Pandemic on the Russian Consumer Market: Statistical Analysis *Sotsial'nyye novatsii i sotsial'nyye nauki. = Social innovations and social sciences*. No. 2: 149–159. DOI: 10.31249/snsn/2020.02.09
7. Stupnikova A. V. (2022) Assessing Consumer Price Behavior in the Far Eastern Federal District During the COVID-19 Pandemic *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice]. Vol. 20. No. 5 (500): 800–830 (In Russ.)
8. Toluzakov A. K. (2021) Assessment of the level of provision of the Russian population with medicines and their availability at the present stage. *KANT = KANT*. No. 3(40): 101–105. doi: 10.24923/2222-243x.2021-40.19. (In Russ.)
9. Shirov A. A. (2021) The Pandemic Crisis: The Mechanisms of Development and Solutions for Economic Policy. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii = Journal*

of the New Economic Association. No. 1 (49): 209–216. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-49-1-10> (In Russ.)

10. Atri, H., Kouki, S., Gallali, M. (2021). The impact of COVID-19 news, panic and media coverage on the oil and gold prices: An ARDL approach *Politika resursov* [Resources Policy]. Vol. 72. Article 102061.

11. Goodell, J. W., Huynh, T.L.D. (2020). Did Congress Trade Ahead? Considering the Reaction of US Industries to COVID-19 *Pis'ma ob issledovaniyakh finansov* [Finance Research Letters]. Article 101578.

12. He, Z., Nagel, S., Song, Z. (2020). Treasury inconvenience yields during the COVID-19 Crisis. / NBER Working Papers. No. 27416.

13. Kanamura, T. (2021). Timing differences in the impact of Covid-19 on price volatility between assets *Pis'ma ob issledovaniyakh finansov* [Finance Research Letters]. Article 109878.

14. Li, Y., Zhuang, X., Wang, J., Dong, W. (2021). Analysis of the impact of COVID-19 pandemic on G20 stock markets *Severoamerikanskiy zhurnal ekonomiki i finansov* [North American Journal of Economics and Finance]. Vol. 58. Article 101530.

15. Musa, K. S., Rabi, M., Nafisa, M., Muktari, Y. (2020). COVID-19 pandemic, oil price slump and food crisis nexus: an application of ARDL approach *Zhurnal biblioteki otkrytogo dostupa* [Open Access Library Journal]. Vol. 7. No. e6403. DOI:10.4236/oalib.1106403

16. Qian, X., Qiu, S., Zhang, G. (2021). The impact of COVID-19 on housing price: Evidence from China *Pis'ma ob issledovaniyakh finansov* [Finance Research Letters]. Article 161553.

17. Zhou, Y., Feng, L., Zhang X., Wang Y., Wang S., Wu, T. (2021). Spatiotemporal patterns of the COVID-19 control measures impact on industrial production in Wuhan using time-series earth observation data *Ustoychivyye goroda i obshchestvo* [Sustainable Cities and Society]. Vol. 2. No. 1.

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

Информация об авторах

С. Н. Найден – доктор экономических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, Институт экономических исследований ДВО РАН;

Е. Л. Домнич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН;

А. В. Ступникова – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the authors

S. N. Naiden – Doctor of Economics, Professor of RAS, Deputy Director for Research, the Economic Research Institute FEB RAS;

Ye. L. Domnich – Candidate of Economic Sciences, Senior Research Fellow, the Economic Research Institute FEB RAS;

A. V. Stupnikova – Candidate of Economic Sciences, Junior Research Fellow, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья
УДК 314.1(571.62)
doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-53-60

Демографические последствия пандемии в Хабаровском крае

Мария Анатольевна Грицко

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия,
gritsko@ecrin.ru

Аннотация. Несмотря на предпринимаемые меры государственной региональной политики по опережающему развитию Дальнего Востока России, направленные на увеличение демографического потенциала, нисходящая кривая по-прежнему описывает демографическую динамику в большинстве дальневосточных субъектов. Принятие документов стратегического развития и имплантация различного рода институциональных новаций не приводят к улучшению реальной ситуации до уровня сформированных ожиданий. Хабаровский край, занимающий второе по численности населения место в округе, не является исключением. За три десятилетия население края сократилось более чем на 320 тыс. человек, основная часть из которых была потеряна в результате миграционного оттока, стабильно превышающего количество приезжающих в край жителей. В статье рассматриваются итоги демографического развития Хабаровского края за три последних десятилетия. При этом основной акцент сделан на периоде 2020-2021 гг., на который пришелся основной удар пандемии новой коронавирусной инфекции. За два года произошел значительный откат назад по основным планируемым показателям. Так, продолжительность жизни хабаровчан сократилась сразу на 2,2 года и вернулась к уровню показателя 2013 года. В складывающихся условиях сохраняется необходимость актуализации направлений и мер проводимой государственной политики не только в связи с высокими отклонениями реальных демографических параметров от заложенных в документах стратегического развития ожиданий, но и с учетом серьезных демографических провалов, которые спровоцировала новая коронавирусная инфекция.

Ключевые слова: численность населения, общий прирост населения, естественное движение, миграционное движение, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, Хабаровский край, Дальний Восток России

Для цитирования: Грицко М. А. Демографические последствия пандемии в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 53–60. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-53-60>

Demographic impact of the pandemic COVID-19 in the Khabarovsk territory

Marina A. Gritsko

The Institute of economic researches of FEB RAS, Khabarovsk, Russia, gritsko@ecrin.ru

Abstract. Despite the measures taken by the state regional policy for the rapid development of the Russian Far East, aimed at increasing the demographic potential, the downward curve still describes the demographic dynamics in most Far Eastern regions. The adoption of strategic development documents and the implantation of various kinds of institutional innovations do not lead to an improvement in the real situation to the level of formed expectations. The Khabarovsk Territory, which occupies

the second largest population in the district, is no exception. Over three decades, the population of the region has decreased by more than 320 thousand people, most of whom have been lost as a result of migration outflow, which consistently exceeds the number of residents coming to the region. The article discusses the results of the demographic development of the Khabarovsk Territory over the past three decades. At the same time, the main emphasis was placed on the period of 2020-2021, which was the main blow of the pandemic of a new coronavirus infection. In two years, there has been a significant rollback in terms of the main planned indicators. Thus, the life expectancy of Khabarovsk residents decreased immediately by 2.2 years, and returned to the level of 2013. In the current conditions, there is still a need to update the directions and measures of the state policy pursued, not only due to the high deviations of real demographic parameters from the expectations laid down in the strategic development documents, but also taking into account the serious demographic failures that were provoked by the new coronavirus infection..

Keywords: *population, total population growth, natural movement, migration movement, birth rate, mortality, life expectancy, the Khabarovsk Territory, the Russian Far East*

For citation: Gritsko M. A. Demographic impact of the pandemic COVID-19 in the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 53–60. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-53-60>

Введение

К числу основных вызовов, с которыми столкнулась глобальная экономика в 2020 г., следует отнести пандемию новой коронавирусной инфекции. Возникшее в Китае в конце 2019 г. ранее неизвестное заболевание с высокой скоростью распространилось среди других стран, а в марте 2020 г. инфекция проникла и в Российскую Федерацию. Пандемия затронула все аспекты социально-экономической жизни населения, при этом первый и самый мощный удар был нанесен по демографическому потенциалу. По оценкам экспертов, итоги первого года пандемии привели к избыточной смертности в России на уровне 300 тыс. человек, что стало максимальным показателем с середины 1990-х гг.¹ [Гришин, 2020; Дружинин, 2021].

Распространение инфекции внутри страны происходило неравномерно. Наиболее сильно пострадали густонаселенные западные регионы страны, в первую очередь Москва и Московская область, Санкт-Петербург, на которые приходится основной поток внешних взаимодействий. Для дальневосточных субъектов, напротив, отдаленное расположение от-

носителем центра сыграло положительную роль, и первая волна пандемии прошла относительно гладко, а рост показателей смертности стал фиксироваться с осени 2020 г. [Минакир, 2020; Дальний Восток России, 2021].

Демографическая ситуация в Хабаровском крае

Хабаровский край занимает второе место среди дальневосточных субъектов по численности населения и занимаемой площади. На начало 2022 г. в регионе проживало 1298,2 тыс. человек, относительно предыдущего года численность населения снизилась на 2,87 тыс. человек. Демографическая динамика в крае продолжает сохранять стабильно отрицательный тренд. Сокращение численности населения региона продолжается уже на протяжении трех десятилетий, ежегодно отличаясь только масштабами потерь. По сравнению с 1991 г. население Хабаровского края сократилось на 326,5 тыс. чел., из которых порядка 70% – это результаты массового миграционного оттока. Наиболее масштабные демографические потери края пришлось на 90-е годы (табл. 1).

В период пандемии Хабаровский край оказался в числе лидеров среди дальне-

¹ Коронавирус поднял смертность до середины 1990-х.// РБК. ЭКОНОМИКА, 15 июня 2021 г. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/06/15/60c4f6c19a794732b5523fa4> (дата обращения: 1 мая 2022 г.)

Таблица 1

Компоненты изменения численности населения Хабаровского края

Период	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
1991–2000	-164796	-43506	-121290
2001–2010	-117021	-53635	-63386
2011–2021	-43791	-20469	-23322

Источник: составлено по данным ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/> (дата обращения: 2 мая 2022 г.)

восточных субъектов по сокращению численности населения. Убыль населения за 2020 г. превысила 14,5 тыс. человек, увеличившись по сравнению с предшествующим годом в 2,5 раза. В 2021 г. сокращение населения края продолжилось, но не такими высокими темпами, как годом ранее. Относительно 2020 г. показатель сократился на 2149 человек. Практически семикратному сокращению убыли населения способствовало достаточно редкое для Хабаровского края явление – положительное миграционное сальдо в размере 6,5 тыс. человек.

В целом за 2020–2021 гг. число жителей в крае уменьшилось на 16665 человек. Основной вклад в высокие показатели сокращения населения внесла естественная убыль. В первый год пандемии она составила 6638 человек, превысив показатель предпандемийного 2019 г. в 2,1 раза. Следует отметить, что подобного двукратного скачка показателя не было зафиксировано на протяжении тридца-

тилетнего периода наблюдений, а такого масштаба абсолютные потери населения наблюдались в конце 90-х – середине 2000-х годов. В 2021 г. рост естественной убыли продолжился, и она достигла 8650 человек, увеличившись относительно предшествующего года в 1,3 раза. В результате неблагоприятных тенденций в естественной динамике численности потери Хабаровского края за два года составили 15288 человек (рис. 1).

Динамика основных потоков, определяющих характер естественного движения населения, в период пандемии находилась в русле общероссийских тенденций – продолжающееся снижение уровня рождаемости на фоне более высоких темпов роста смертности населения (рис. 2). Сохранилась тенденция превышения уровня рождаемости в Хабаровском крае относительно среднероссийского – 10,2 промилле против 9,6 промилле соответственно по итогам 2021 г. В отношении смертности сохранилась неблагоприятная

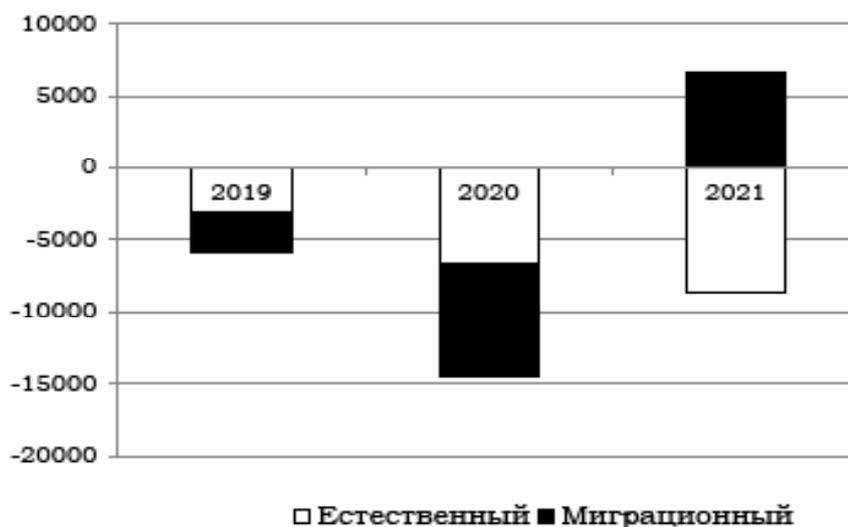

Рис. 1 Компоненты общего прироста населения Хабаровского края

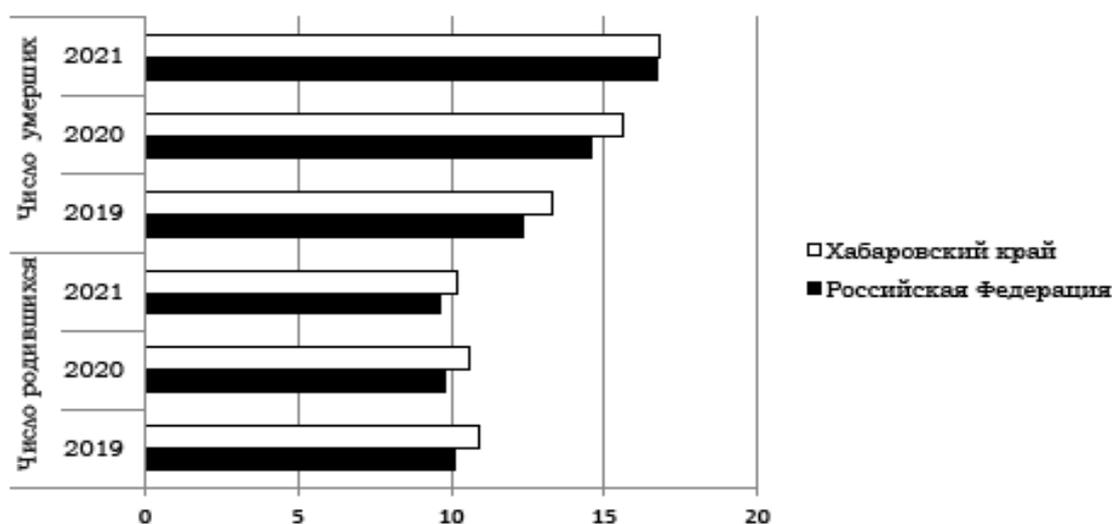

Рис. 2 Общие коэффициенты рождаемости и смертности, промилле

тенденция, как и в предыдущие годы общий коэффициент смертности населения в крае был выше среднероссийского. Однако за период 2019–2021 гг. рост в регионе был не таким стремительным, как в целом по стране. В Хабаровском крае показатель увеличился на 3,5 промилле, тогда как в целом по РФ на 4,4 промилле.

Высокие показатели смертности населения в Хабаровском крае относительно среднероссийской картины наблюдаются

практически по всем основным классам и отдельным причинам смерти (табл. 2). В целом уровень смертности в крае превысил средний по стране показатель на 0,48% по итогам 2021 г. Необходимо отметить, что за годы пандемии наметилась тенденция к сближению показателей. В 2019 г. уровень смертности в крае от всех причин в расчете на 100 тыс. чел. превышал среднероссийский практически на 9%, в 2020 г. – на 8%. Столь за-

Таблица 2

Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100000 населения за год (человек, значение показателя за год)

Территория	Период	Всего	в том числе от:						
			1	в т.ч. 1.1	2	3	4	5	6
РФ	2019	1225,3	22,4	5,1	203,5	573,2	40,3	67,0	93,8
	2020	1460,2	20,6	4,7	202,0	640,8	65,9	73,3	95,3
	2021	1673,9	19,0	4,3	194,1	640,3	78,7	74,5	95,3
Хабаровский край	2019	1331,1	22,5	10,9	202,4	646,4	46,9	88,3	139,5
	2020	1562,8	20,7	10,9	200,9	684,0	91,9	90,8	134,1
	2021	1681,9	18,9	10,0	200,7	649,4	82,6	91,7	141,6

Примечание: цифрами в таблице обозначены причины смертности: 1 – некоторые инфекционные и паразитарные болезни, в т.ч. 1.1 – туберкулез; 2 – новообразования, 3 – болезни системы кровообращения; 4 – болезни органов дыхания, 5 – болезни органов пищеварения; 6 – внешние причины.

Источник: Бюллетень «Естественное движение населения Российской Федерации» 2020, 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269> (дата обращения: 02 мая 2022 г.)

метное сближение показателей в 2021 г. было обусловлено выделением в официальной статистике в качестве отдельной причины смертности коронавирусную инфекцию. Число смертельных случаев в результате заболевания коронавирусом в целом по стране превысило показатель по краю на 5,3%.

По всем остальным причинам ситуация в крае отличалась от общероссийской в худшую сторону. Смертность от туберкулеза практически в 2,5 раза превысила среднее значение по РФ, в 1,5 раза выше летальность в результате воздействия внешних причин. Более того, по этим двум причинам в течение 2019–2021 гг. величина отклонения краевых показателей от среднероссийских не только сохранялась, но и увеличивалась. Ухудшилась ситуация в отношении смертности от новообразований. При общей тенденции к снижению числа смертельных случаев скорость сокращения показателя в Хабаровском крае отставала от среднероссийской, что привело в 2021 г. к более высокому уровню смертности в результате онкологических заболеваний в крае по сравнению со среднероссийским. Смертность в результате болезней органов пищеварения была выше среднероссийской на 23%. Уровень смертности по причине болезней системы кровообращения постепенно приближался к общероссийскому, по сравнению с 2019 г. разрыв между показателями сократился с 12,7% до 1,4% в 2021 г.

Серьезный удар пандемия нанесла по показателю продолжительности жизни при рождении. Рост смертности населения повлек за собой значительное снижение показателя. Для дальневосточных субъектов показатель продолжительности жизни выступает не только интегральной оценкой результативности функционирования системы здравоохранения и уровня социально-экономического развития региона в целом, но и является ключевым индикатором стратегического развития, на рост которого направлен комплекс мер государственной политики по ускоренному развитию макрорегиона. Для Хабаровского края, равно как и для всех дальневосточных субъектов, харак-

терно стабильное отставание от среднероссийского уровня продолжительности жизни, в отдельные годы оно достигало практически четырех лет (в 2011 г. он составил 3,83 года). При этом минимальный разрыв между ними был зафиксирован в 1991 г. – 1,7 года.

Своего минимального значения показатель продолжительности жизни в Хабаровском крае достиг в 2005 г., составив 61,7 лет для обоих полов. С 2006 г. наметилась положительная динамика, чему способствовало начало реализации национального проекта «Здоровье», развитие современных методов лечения, использование высокотехнологичного оборудования, ранняя диагностика заболеваний и другие меры, направленные на улучшение состояния здоровья населения. Рост продолжительности жизни продолжился до 2018 г., в котором было достигнуто максимальное значение 70,19 лет. В допандемийный 2019 г. снижение продолжительности жизни было незначительным и составило 0,14 года. В первый год пандемии показатель сократился практически на 1,5 года, а за 2021 г. снизился еще на 0,76 года (рис. 3). Всего за два года пандемии продолжительность жизни населения края сократилась на 2,2 года, что по сравнению со среднероссийским уровнем выглядит несколько лучше (в целом по стране показатель за два года упал на 3,28 года). Однако такое падение на фоне реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г., Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г., обнуляет уже достигнутые результаты и существенно увеличивает разрыв между реальными и запланированными показателями [Грицко, 2020; Грицко, 2021]. Фактическое значение ожидаемой продолжительности жизни в крае практически совпало с показателем 2013 г. и находится ниже уровня 2017 г. (69,74 года), который был принят в качестве базового при утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока.

Сокращение населения в результате

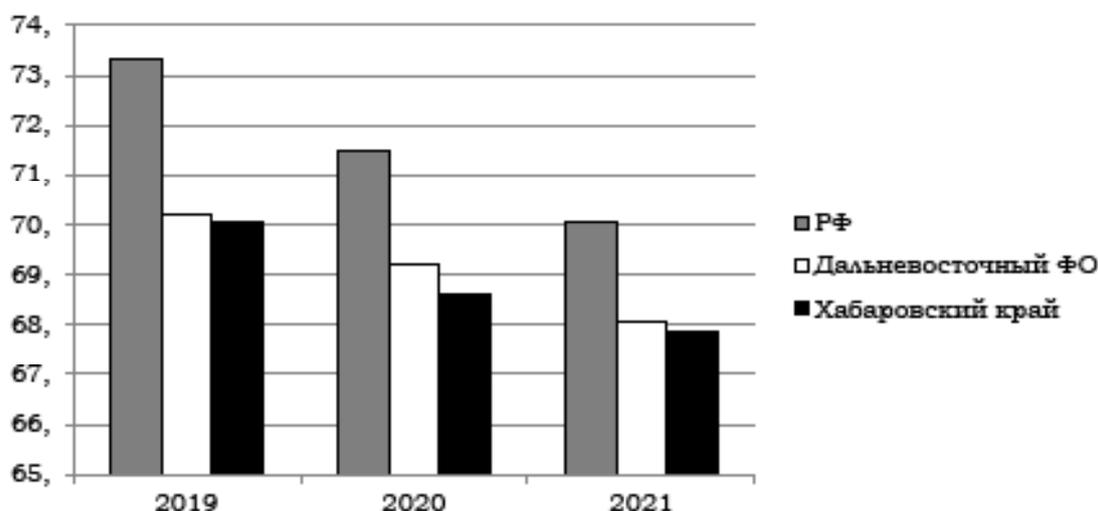

Рис. 3 Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

естественной убыли в период пандемии было обусловлено не только смертностью от коронавирусной инфекции, но и ростом смертельных случаев по другим причинам. Система здравоохранения в 2020–2021 гг. испытывала колоссальную нагрузку, многие больничные учреждения были перепрофилированы под ковидные госпитали, врачи переброшены на борьбу с COVID-19, отменены профилактические осмотры и плановая диспансеризация. В результате оказание медицинской помощи для лиц, чье заболевание не было связано с коронавирусной инфекцией, было приостановлено².

Косвенным подтверждением снижения доступности медицинской помощи для населения в период распространения коронавирусной инфекции можно считать данные о числе проведенных в

этот период операций (табл. 3). В первый год пандемии число операций, проведенных в больничных учреждениях государственной формы собственности, сократилось на 20% как в целом по РФ, так и на Дальнем Востоке, и в Хабаровском крае в частности. При этом произошло увеличение числа операций в негосударственном звене системы здравоохранения. В Хабаровском крае число операций в частных клиниках увеличилось на 24%. В целом по России рост составил чуть более 1%, а на Дальнем Востоке, напротив, сократился на 3,5%. Однако проведение операций в частном звене здравоохранения имеет существенные ограничения для населения. В первую очередь, платный характер услуги «отсекает» неплатежеспособных потребителей, во-вторых, не все профили медицинских услуг пред-

Таблица 3

Число проведенных операций, единиц

Территория	2019		2020	
	государственная	негосударственная	государственная	негосударственная
Российская Федерация	16399228	1916999	13097974	1943396
Дальневосточный федеральный округ	833652	103441	652092	99911
Хабаровский край	176301	14714	140188	18269

Источник: Число проведенных операций. Данные ЕМИСС. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/34089> (дата обращения: 31 мая 2022 г.).

Примечание: за 2021 год нет данных.

² Смертность в России за последний год стала рекордной со времен войны // Ведомости. 30 ноября 2021 года. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/11/29/898151-umershih-antirekord> (дата обращения: 27 апреля 2022 г.)

ставлены в частном звене.

Заключение

Проведенный анализ наглядно продемонстрировал отрицательные последствия пандемии новой коронавирусной инфекции, которая усугубила неблагоприятную демографическую ситуацию в Хабаровском крае. В 2020–2021 гг. продолжилось сокращение населения в регионе, основной причиной которого стала естественная убыль. Влияние миграции в этот период было различным: в 2020 году отрицательное сальдо усилило темп сокращения населения в регионе, а в 2021 году, напротив, положительное миграционное сальдо позволило компенсировать порядка 75% естественной убыли населения. Очевидно, что влияние пандемии не ограничится двумя годами активного распространения инфекции. В силу особен-

ностей демографических процессов, для которых характерен временной лаг между событием и его влиянием на процессы естественной динамики, последствия пандемии выйдут далеко за рамки исследуемого временного интервала. Можно утверждать, что вероятность достижения целевых демографических параметров, заложенных в документах стратегического характера, близка к нулю. В условиях наложения последствий пандемии на уже накопившиеся проблемы в области развития социальной и транспортной инфраструктуры, в сфере доступности и качества оказываемых населению медицинских услуг [Дьяченко, 2022; Гришин, 2020; Найден, 2021] требуется пересмотр и корректировка ожиданий относительно будущего демографического контура с учетом новой реальности.

Список источников:

1. Грицко М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46.
2. Грицко М. А., Поливаева О. Г. Демографический потенциал Дальнего Востока: ожидания и реальность // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 4 (93). С. 48–59. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-48-59
3. Гришин В. И., Домащенко Д. В., Константинова Л. В., Кошкин А. П., Устюжанина Е. В., Штыжно Д. А., Шубенкова Е. В. Жизнь после пандемии: экономические и социальные последствия // *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2020; (3):5–18. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-3-5-18>
4. Дальний Восток России: тенденции экономического развития (последствия пандемии) / отв. ред. О.М. Прокапало; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 200 с.
5. Дружинин П. В., Молчанова Е. В. Первая и вторая волны пандемии COVID-19 в российских регионах: сравнение изменения уровня смертности // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 14. № 7. С. 1028–1038. DOI: 10.17516/1997-1370-0782
6. Дьяченко В. Г. Либеральные реформы в здравоохранении Дальнего Востока России спровоцировали кадровый кризис // *Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России*. 2022. № 1 (46). С. 5–28.
7. Минакир П. А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 4. С. 7–22. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022>
8. Найден С. Н., Грицко М. А. Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013–2020 гг. // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 4 (97). С. 53–64. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64
9. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2021 г. // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 2. С. 135–182. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.135-182>

10. Симагин Ю. А. Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 4–22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1.

References:

1. Gritsko M. A. (2021) Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 2 (95): 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46. (In Russ.)
2. Gritsko M. A., Polivaeva O. G. (2020) Demographic potential of the Russian Far East: expectations and reality *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (93): 48–59. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-48-59. (In Russ.)
3. Grishin V. I., Domashchenko D. V., Konstantinova L. V., Koshkin A. P., Ustyuzhanina E. V., Shtykhno D. A., Shubenkova E. V. (2020) Life after the Pandemic: Economic and Social Consequences. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. No. 3: 5–18. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-3-5-18> (In Russ.)
4. Russian Far East: Economic Development Trends (Consequences of the Pandemic) / ed. by O.M. Prokapalo; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2021: 200. (In Russ.)
5. Druzhinin P. V., Molchanova E. V. (2021). The first and second waves of the COVID-19 pandemic in the Russian regions: comparison of the change in the mortality rate. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 14(7): 1028–1038. DOI: 10.17516/1997–1370–0782. (In Russ.)
6. Dyachenko V. G. (2022) Liberal reforms in healthcare in the Far East of Russia provoked a personnel crisis *Vestnik obshchestvennogo zdorov'ya i zdravookhraneniya Dal'nego Vostoka Rossii* [Bulletin of Public Health and Healthcare of the Far East of Russia]. No. 1 (46): 5–28. (In Russ.)
7. Minakir P. A. (2020) The Economy of the Pandemic: A Far Eastern Russian Aspect. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. Vol. 16. No. 4: 7–22. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022> (In Russ.)
8. Nayden S. N., Gritsko M. A. (2021) Trends and problems of social development in the Far-Eastern federal district: 2013–2020 *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (97): 53–64. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64>. (In Russ.)
9. Prokapalo O. M., Bardal A. B., Mazitova M. G., Suslov D. V. (2022) Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2021. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. No. 2: 135–182. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.135-182> (In Russ.)
10. Simagin Yu.A. (2021) Results of the study of demographic problems in Russia in the 21st century *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 24. No. 4: 4–22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Информация об авторе

М. А. Грицко – кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

M. A. Gritsko – Candidate of Economics, scientific secretary, the Institute of economic researches of FEB RAS.

Научная статья
УДК 314.15(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-61-72

Оценка результативности демографической политики по стимулированию рождаемости (на примере Дальневосточного федерального округа)

Марина Алексеевна Буланова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия, bulanova-ma@ranepa.ru

Аннотация. Одной из основных национальных целей, определенных Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», является сохранение населения, что должно обеспечиваться благодаря мерам демографической политики. Цель статьи – анализ результативности мер демографической политики по стимулированию рождаемости. Анализ проведен с помощью сопоставления запланированных показателей рождаемости (общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости) с фактически достигнутыми за период 2002-2020 гг. в дальневосточных субъектах Российской Федерации. Автором дана оценка влияния возрастнополовой структуры населения на рождаемость. Анализ рождаемости за двадцать лет показал рост с 2007 до 2016 гг. благодаря мерам демографической политики по стимулированию рождаемости, в том числе за счет выплат «материнского капитала» при рождении второго ребенка. По мнению автора, росту рождаемости в данный период способствовала благоприятная возрастная структура населения и меры демографической политики по стимулированию рождаемости.

Ключевые слова: результативность демографической политики, рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, женщины репродуктивного возраста, «материнский капитал»

Для цитирования: Буланова М. А. Оценка результативности демографической политики по стимулированию рождаемости (на примере Дальневосточного федерального округа) // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 61–72. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-61-72>

Assessment of the effectiveness of demographic policies to stimulate fertility (on the example of the Far-Eastern federal district)

Marina A. Bulanova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia, bulanova-ma@ranepa.ru

Abstract. One of the main national goals determined by the Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No 474 «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030» is preservation of the population, which should be ensured thanks to the demographic policy measures. The analysis was carried out by correlating the planned fertility rates (total fertility rate) with those actually achieved for the period 2002-2020 in the Far-Eastern constituent entities of the Russian Federation. The author gave an assessment of influence of the age-sexual

structure of population on the birth rate. Analysis of the birth rate for twenty years showed an increase from 2007 to 2016 thanks to the demographic policy measures to stimulate the birth rate, including through the payments of «maternity capital» at the birth of the second child. According to the author, growth of the birth rate during this period was facilitated by a favorable age structure of population and the measures of demographic policy to stimulate the birth rate.

Keywords: effectiveness of demographic policy, birth rate, total fertility rate, women of reproductive age, «maternity capital»

For citation: Bulanova M. A. Assessment of the effectiveness of demographic policies to stimulate fertility (on the example of the Far-Eastern federal district) // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 61–72. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-61-72>

Введение

Одной из основных национальных целей развития России является сохранение населения, что возможно только благодаря росту рождаемости¹. Анализ рождаемости за период 2000–2020 гг. по России в целом показывает, что ее рост продолжался вплоть до 2012 г. (составил максимум 1902084 детей); в 2019 г. уровень рождаемости снизился до показателя 2006 г. и составил 1481074 детей. Рождаемость в стране росла на протяжении двенадцати лет, а с 2015 г. стала снижаться, достигнув минимума в 2020 г. (табл. 1).

Какие факторы повлияли на изменение рождаемости в анализируемые годы: меры демографической политики России, благоприятная возрастно-половая структура населения?

В рамках данного исследования автором выдвигается гипотеза о том, что изменения в возрастно-половой структуре населения, в том числе значительное сокращение количества женщин репродуктивного возраста, не сопровождается аналогичным снижением рождаемости; инструменты демографической политики в целом обеспечивают положительный результат.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы в статье проводится сравнительный анализ рождаемости в целом по России и в субъектах Дальневосточного федерального округа.

Материалы и методы

В рамках проведенного исследования

анализ рождаемости проведен с помощью относительных показателей, так как абсолютные показатели зависимы от численности населения. В статье представлен результат анализа влияния на рождаемость возрастно-половой структуры населения.

В процессе исследования результативности демографической политики использовался метод системного анализа, с помощью которого были проанализированы целевые ориентиры и фактические значения показателей рождаемости (общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, рождаемость по очередности рождений). Проанализирована динамика количества женщин репродуктивного возраста и изменение репродуктивного поведения населения. Для анализа использовались данные информационно-аналитического бюллетеня «Естественное движение населения», статистического сборника «Демографический ежегодник», материалы выборочного наблюдения репродуктивных планов населения².

Результаты исследования

Анализ мер демографической политики по стимулированию рождаемости

Для стимулирования рождаемости в России в 2007 г. был принят Федеральный закон № 256 от 26.12.2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», в котором определены выплаты семьям при рождении второго (последующих детей, если до этого не воспользовались данным

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/565341150>.

² Выборочное исследование репродуктивных планов населения, 2017 год. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения 02.04.2022 г.).

Таблица 1

**Рождаемость, смертность и естественный прирост (убыль) населения
в РФ, человек**

Годы	Родившиеся	Рост (убыль) рождаемости
2000	1266800	52111
2001	1311604	44804
2002	1396967	85363
2003	1477301	80334
2004	1502477	25176
2005	1457376	-45101
2006	1479637	22261
2007	1610122	130485
2008	1713947	103825
2009	1761687	47740
2010	1788948	27261
2011	1796629	7681
2012	1902084	105455
2013	1895822	-6262
2014	1942683	46861
2015	1940579	-2104
2016	1888729	-51850
2017	1690307	-198422
2018	1604344	-85963
2019	1481074	-123270
2020	1436514	-44560

Источник: Естественное движение населения в Российской Федерации (статистический бюллетень). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269>

правом) ребенка («материнский капитал»). Первоначальный размер «материнского капитала» составлял 250 тыс. руб. Для дальнейшего стимулирования рождаемости в 2020 г. были внесены изменения в Федеральный закон № 256, «материнский капитал» начал выплачиваться при рождении первого ребенка в размере 483881 руб. 83 коп., при рождении второго ребенка – дополнительно 155550 тыс. руб. Таким образом, его общий размер составил 639 431 руб. 83 коп. При рождении третьего ребенка предусматривалось выделение средств на выплату ипотеки в размере 450 тыс. руб.

Наряду с мерами демографической политики по стимулированию рождаемости, принятыми на федеральном уровне, в субъектах РФ для стимулирования рождаемости с 2011 г. принимаются законы, которые устанавливают дополнительные меры поддержки семей при рождении детей в виде «регионального материнского капитала». Первоначально были предусмотрены выплаты при рождении третьего ребенка, величина выплат варьировалась в субъектах РФ от 100 тыс. руб. до 250 тыс. руб. Решение о региональных выплатах при рождении третьего ребенка были

приняты в 2011 г. во всех субъектах Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО). Например, в Законе Республики Саха (Якутия) от 16.06.2011 г. 952-3 № 803-IV «О республиканском материнском капитале «Семья»» определен размер выплаты на третьего ребенка в 100 тыс. руб. В законе Камчатского края от 06.06.2011 г. № 615 «О краевом материнском (семейном) капитале» выплата составляла 100 тыс. руб. В законе Хабаровского края от 27.07.2011 г. №112 № «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей на территории Хабаровского края» – 200 тыс. руб. В законе Приморского края от 13.02.2012 г. «О внесении изменений в закон Приморского края «О социальной поддержке льготных категорий граждан, проживающих на территории Приморского края» – 30 тыс. руб. В соответствии с Постановлением Амурской области от 27.01.2012 г. № 32 «Об утверждении Порядка предоставления регионального материнского капитала семьям, родившим (усыновившим) третьего или последующего ребенка» – 100 тыс. руб. и т. д.

В связи с изменениями, которые внесены в федеральный закон № 256 с 2020 г., «региональный материнский (семейный)

капитал» установлен во всех субъектах ДФО и предоставляется семьям при рождении детей. В Республике Бурятия, Хабаровском, Приморском, Забайкальском краях, Амурской, Магаданской областях, ЧАО³ региональный материнский (семейный) капитал выплачивается при рождении второго ребенка, размер выплат составляет 30% от размера материнского (семейного) капитала, предусмотренного федеральным законом⁴. В Республике Саха (Якутия) материнский капитал выплачивается, как и раньше, при рождении третьего ребенка в размере 100 тыс. руб.⁵ В ЕАО сохраняется право на полу-

чение материнского капитала при рождении третьего ребенка в размере 120 тыс. руб.⁶ В Сахалинской области материнский капитал выплачивается при рождении второго, третьего или последующих детей в размере 250 тыс. руб.⁷, в Камчатском крае размер регионального материнского капитала зависит от числа детей: на первого и второго ребенка выплачивается 100 тыс. руб., на третьего – 119 тыс. руб., на четвертого – 179 тыс. руб., на пятого – 238 тыс. руб., на шестого и последующих – 298 тыс. руб.⁸

Анализ рождаемости в субъектах Дальневосточного федерального округа

³ Закон Республики Саха (Якутия) от 16.06.2011 г. 952-3 № 803-IV «О республиканском материнском капитале «Семья»». URL: <https://docs.cntd.ru/document/453109686>; Закон Камчатского края от 06.06.2011 г. № 615 «О краевом материнском (семейном) капитале». URL: <https://docs.cntd.ru/document/453102787>; Закон Хабаровского края от 27.07.2011 г. № 112 № «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей на территории Хабаровского края». URL: <https://docs.cntd.ru/document/995140530>; Постановление Администрации Приморского края от 03.10.2012 г. N 272-па «Об утверждении Порядка предоставления регионального материнского (семейного) капитала в Приморском крае». URL: <https://docs.cntd.ru/document/494219278>; Закон Приморского края от 13.02.2012 г. «О внесении изменений в закон Приморского края «О социальной поддержке льготных категорий граждан, проживающих на территории Приморского края». URL: <https://docs.cntd.ru/document/494218453>. Постановление Амурской области от 27.01.2012 г. № 32 «Об утверждении Порядка предоставления регионального материнского капитала семьям, родившим (усыновившим) третьего или последующего ребенка». URL: <https://docs.cntd.ru/document/961721150>.

⁴ Постановление Правительства Хабаровского края от 12.02.2019 г. № 39-пр «О дополнительных мерах, направленных на поддержку рождаемости в Хабаровском крае». URL: <https://docs.cntd.ru/document/465358412?marker>; Постановление Правительства Приморского края от 18.12.2020 г. № 1053-пп «Об утверждении Порядка предоставления регионального материнского (семейного) капитала при рождении второго ребенка и Порядка ведения краевого регистра лиц, имеющих право на региональный материнский (семейный) капитал при рождении второго ребенка». URL: <https://docs.cntd.ru/document/571039514>; Постановление Правительства Амурской области от 25.02.2019 г. № 60 «Об утверждении Порядка предоставления регионального материнского (семейного) капитала при рождении (усыновлении) второго ребенка». URL: <https://docs.cntd.ru/document/553160529>; Постановление Правительства Магаданской области от 25.06.2019 г. № 452-пп «Об утверждении Правил направления средств (части средств) регионального материнского (семейного) капитала при рождении (усыновлении или удочерении) второго ребенка и подачи заявления о распоряжении средствами (частью средств) регионального материнского (семейного) капитала при рождении (усыновлении или удочерении) второго ребенка». URL: <https://docs.cntd.ru/document/553375559>; Постановление Правительства Забайкальского края от 28.03.2019 г. № 104 «О некоторых вопросах реализации дополнительных мер, направленных на поддержку рождаемости в Забайкальском крае». URL: <https://docs.cntd.ru/document/553237807?marker>; Постановление Правительства Республики Бурятия от 05.03.2019 г. № 93 «О региональном материнском (семейном) капитале в связи с рождением (усыновлением) второго ребенка». URL: <https://docs.cntd.ru/document/553165197>; Закон Чукотского автономного округа от 26.02.2019 г. № 13-ОЗ «О внесении изменений в Закон Чукотского автономного округа «О региональном материнском (семейном) капитале для семей, имеющих трех и более детей, в Чукотском автономном округе». URL: <https://docs.cntd.ru/document/553133747?marker>

⁵ Закон Республики Саха (Якутия) от 16.06.2011 г. 952-3 № 803-IV «О республиканском материнском капитале «Семья»». URL: <https://docs.cntd.ru/document/453109686?marker>.

⁶ Закон Еврейской автономной области от 29.06.2011 г. №965-ОЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей». URL: <https://docs.cntd.ru/document/906103389?marker>.

⁷ Закон Сахалинской области от 09.03.2011 г. № 21-30 «О дополнительных мерах поддержке семей, имеющих детей». URL: <https://docs.cntd.ru/document/895288111>

⁸ Закон Камчатского края от 06.06.2011 г. №615 «О краевом материнском (семейном) капитале». URL: <https://docs.cntd.ru/document/453102787>

(2002–2020 гг.)

Результативность мер демографической политики в процессе исследования оценена с помощью анализа рождаемости до и после применения «материнского капитала». Анализ рождаемости после начала выплат «материнского капитала» не показал устойчивой динамики роста (табл. 1) [Руднева, Соколова, 2020]. В 2007 и 2008 гг. рождаемость выросла на 130485 и 103825 детей соответственно. С 2009 г. и последующие три года рождаемость росла незначительно, и резкий рост произошел в 2012 г. (рост на 105455 детей). В 2013 г. впервые за семь лет с 2006 г. отмечается снижение рождаемости, в 2014 г. рождаемость выросла на 46861 ребенка, а в последующие годы – начала снижаться и в 2020 г. составила 1436514 детей, достигнув уровень рождаемости 2003 г.

Для оценки влияния «материнского капитала» проанализируем изменение динамики с помощью общего и суммарного коэффициентов рождаемости, так как относительные показатели позволяют сравнивать различные по численности населения территории, показывая ее интенсивность. Величина общего коэффициента рождаемости в субъектах ДФО повторяет картину в целом по России, за исключением Республик Саха (Якутия) и Бурятия, в которых общий коэффициент рождаемости выше на 3–4‰ (табл. 2). Рост общего коэффициента рождаемости продолжается примерно до 2015 г. во всех субъектах ДФО, затем начинается его снижение.

В соответствии со шкалой оценки величины общего коэффициента рождаемости, разработанной Б. Ц. Урланисом и В. А. Борисовым⁹, во всех субъектах ДФО низкий уровень общего коэффициента рождаемости, т. к. в соответствии со шкалой значение до 16‰ считается низким. В двух субъектах ДФО – в Республиках Бурятия и Саха (Якутия) – до 2016 г. был средний уровень рождаемости (значение общего коэффициента было в интервале от 17‰ до 17,8‰). В

последующие годы величина общего коэффициента рождаемости снижается и по итогам 2020 г. в указанных субъектах РФ составляет 12,9‰ и 13,4‰, соответственно.

В остальных субъектах ДФО величина общего коэффициента рождаемости показывает очень низкий уровень и варьируется в пределах от 11‰ до 9‰. В 2020 г. самый низкий коэффициент рождаемости – в Магаданской области и Приморской крае (составляет соответственно 9,1‰ и 9,6‰). Величина общего коэффициента рождаемости в остальных субъектах ДФО также низкая: 11,8‰ в Забайкальском крае и 10,0‰ в Амурской области. Таким образом, можно считать, что меры демографической политики, в частности, выплаты материнского капитала и регионального материнского (семейного) капитала, в определенной степени простимулировали рождаемость: рождаемость росла и в целом по России, и в субъектах ДФО вплоть до 2014–2015 гг. В последующие годы данные меры демографической политики уже не давали такого эффекта [Симагин, 2021]. Это подтверждает анализ динамики суммарного коэффициента рождаемости, который определяет число рожденных детей женщиной в течение всей жизни при заданных уровнях рождаемости и смертности для года, для которого он рассчитан.

Суммарный коэффициент рождаемости очень информативный показатель, т. к. с помощью его величины можно определить режим воспроизводства населения в определенные периоды времени. Величина суммарного коэффициента менее 2,1 определяет суженный режим воспроизводства населения [Журавлева, Гаврилова, 2017]. Поэтому желательная его величина определена в концептуальных документах. Например, в «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года»¹⁰ планировалось увеличить величину суммарного коэффициента в 1,3 раза к 2016 г. по сравнению с 2006 г., а к 2025 г. – в 1,5 раза (со значениями

⁹ Медков В. М. *Демография : учебное пособие. Серия «Учебники и учебные пособия».* Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. С. 95.

¹⁰ Указ Президента РФ от 09.10.2007 N 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/e063c227422c9a1f16ea884f03aee0d74aae0820/

Таблица 2

Рождаемость в субъектах ДФО, ‰

Субъекты ДФО	2002	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020*
РФ	9,70	12,5	13,3	12,9	11,5	10,9	10,1	9,8
ДФО	11,0	13,2	13,9	13,3	12,1	11,9	11,1	11,1
Республика Бурятия	13,0	17,0	17,3	16,4	14,5	14,1	12,7	12,9
Республика Саха (Якутия)	14,6	16,8	17,1	16,0	14,5	13,7	13,2	13,4
Забайкальский край	14,9	15,9	15,4	14,6	13,4	12,7	11,8	11,8
Камчатский край	11,5	1,02	13,1	12,9	11,9	10,8	10,5	10,4
Приморский край	10,0	11,8	12,7	12,2	10,9	10,5	9,6	9,5
Хабаровский край	10,0	12,9	14,3	13,4	12,0	11,4	10,9	10,6
Амурская область	111,6	13,8	13,3	12,9	11,8	11,1	10	9,9
Магаданская область	10,8	11,5	11,9	11,2	10,9	10	9,1	9,4
Сахалинская область	10,2	12,1	13,7	14,2	13	12,2	11,9	11,5
Еврейская автономная область	11,3	13,6	14,0	13,4	11,7	11,7	10,6	10,3
Чукотский автономный округ	12,0	14,7	13,6	13,6	13,1	12,6	10,5	10,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С.66.

*Данные за 2020 г. – из статистического бюллетеня «Естественное движение населения РФ за 2020 год».

равными 1,685 и 1,944 соответственно). По мнению автора, рост суммарного коэффициента рождаемости до запланированных значений не даст увеличение численности населения, т. к. для роста численности населения величина суммарного коэффициента должна быть более 2,15.

В соответствии с Указом Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года» установлен целевой ориентир суммарного коэффициента рождаемости на уровне 1,7. С целью оценки суммарного коэффициента рождаемости выполнен анализ достигнутых показателей за исследуемый период (табл.3).

Величина планируемого суммарного коэффициента рождаемости (1,685) в соответствии с «Концепцией демографической политики на период до 2025 года» была достигнута в 2016 г. в целом по России (1,762) и в ДФО со значением 1,858 (табл. 3) [Буланова, 2017].

Во всех субъектах ДФО после 2016 г. отмечается снижение суммарного коэффициента рождаемости, за исключением Республик Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальского края, Сахалинской области, ЕАО и ЧАО. В Республике Бурятия суммарный коэффициент более 2 был с 2011 г. по 2018 г., (т. е. на уровне простого воспроизводства). С 2019 г. от-

мечается его снижение, и в 2020 г. он составляет 1,951 детей. В Республике (Саха) Якутия на протяжении шести лет с 2012 г. до 2018 г. суммарный коэффициент рождаемости был выше 2, что говорит о простом воспроизводстве населения в данный период, в 2020 г. идет снижение показателя до 1,86. В Забайкальском крае суммарный коэффициент выше 2 был с 2013 г. по 2015 г., в 2020 г. величина суммарного коэффициента – 1,750. В Сахалинской области суммарный коэффициент выше 2 держался на протяжении трех лет с 2015 г. по 2018 г., в 2020 г. его значение незначительно снизилось до 1,970. В ЕАО значение суммарного коэффициента рождаемости выше 2 в течение исследуемого периода было в 2015 г. В течение пяти лет выше 2 суммарный коэффициент рождаемости отмечен в ЧАО с 2014 г. по 2019 г., в 2020 г. его значение снизилось до 1,761. В таких субъектах ДФО, как Хабаровский, Приморский, Камчатский края, Амурская и Магаданская области величина суммарного коэффициента рождаемости на протяжении исследуемого периода была ниже 2 (в 2020 г. суммарный коэффициент в данных субъектах составил 1,587; 1,520; 1,680; 1,541; 1,509 соответственно). Самый низкий показатель в 2020 г. наблюдается в Приморском крае (1,520).

Таблица 3

**Суммарный коэффициент рождаемости в России и субъектах ДФО,
2010–2020гг., детей**

Субъекты ДФО	2002**	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Российская Федерация	1,762	1,567	1,75	1,777	1,762	1,621	1,579	1,504	1,505 ¹¹
ДФО	1,392	1,625	1,869	1,893	1,858	1,725	1,741	1,671	1,700
Республика Бурятия	1,603	1,990	2,26	2,28	2,237	2,056	2,04	1,89	1,951 ¹²
Республика Саха (Якутия)	1,847	1,998	2,247	2,191	2,090	1,927	1,853	1,822	1,860 ¹³
Забайкальский край	1,935	1,871	2,078	2,057	1,979	1,873	1,821	1,741	1,750
Камчатский край	1,600	1,512	1,85	1,887	1,890	1,785	1,646	1,65	1,680
Приморский край	1,290	1,492	1,732	1,761	1,736	1,597	1,577	1,488	1,520
Хабаровский край	1,240	1,564	1,787	1,854	1,779	1,641	1,597	1,587	1,587 ¹⁴
Амурская область	1,425	1,690	1,849	1,838	1,817	1,710	1,649	1,531	1,541 ¹⁵
Магаданская область	1,368	1,438	1,659	1,664	1,596	1,604	1,506	1,418	1,509 ¹⁶
Сахалинская область	1,315	1,561	1,962	2,019	2,156	2,029	1,946	1,954	1,970
Еврейская автономная область	1,384	1,666	1,948	2,022	1,987	1,812	1,851	1,728	1,711 ¹⁷
Чукотский автономный округ	1,704	1,888	2,041	2,097	2,112	2,079	2,025	1,679	1,761 ¹⁸

*Данные суммарного коэффициента рождаемости за 2020 г. на сайте территориальных органов Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю, Приморскому краю, Камчатскому краю, Сахалинской области, ДФО не представлены, взяты из ЕМИСС (10.08.2021 г.)

**Демографический ежегодник России 2005 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B05_16/Main.htm (дата обращения 12.09.2021 г.).

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 78.

Анализ суммарного коэффициента рождаемости показал, что ни в России в целом, ни в субъектах ДФО не обеспечивается простое воспроизводство, следовательно, потенциала роста численности населения нет.

Действенность «материнского капитала» как инструмента демографической политики можно проверить по динамике очередности рождений. Несмотря на то, что «материнский капитал» как инструмент демографической политики внедрен в 2007 г., анализ динамики рождаемости по очередности рождений представляется возможным только с 2016 г. (в связи с отсутствием статистических

наблюдений за период 2007–2015 гг.). Данный анализ представлен в табл. 4.

Анализ рождаемости по очередности рождений не выявил резкого увеличения вторых рождений, но рост третьих рождений очевиден – ежегодно составляет 1% (табл. 4). Доля первых рождений с 2016 г. по 2020 г. варьируется в пределах 39–36%, вторых – 40–36%, третьих – 16–18%, четвертых – 4–8%, пятых – 1,8–3%. При общем снижении рождений с 2016 г. на 452 тыс. чел. растет доля третьих, четвертых и пятых рождений. Это показывает, что растет доля многодетных семей, что свидетельствует о результативности мер демографической политики [Малева,

¹¹ Суммарный показатель рождаемости. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

¹² Суммарный показатель рождаемости. URL: <https://burstat.gks.ru/demo>

¹³ Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32348>

¹⁴ Суммарный показатель рождаемости. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/25028>

¹⁵ Суммарный показатель рождаемости. URL: https://amurstat.gks.ru/storage/mediabank/q7B6141X/07_1_9.htm

¹⁶ Суммарный показатель рождаемости. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/25680>

¹⁷ Суммарный показатель рождаемости. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/25658>

¹⁸ Суммарный показатель рождаемости. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/27977>

Таблица 4

Динамика рождений по очередности рождений в Российской Федерации за 2016–220 гг., детей

Годы	Всего рождений (человек/%)	По очередности рождения ребенка					
		первый	второй	третий	четвертый	пятый	неизвестно
2016	1888729 (100)	735732 (39)	762701 (40)	255628 (16)	66333 (4)	33999 (1,8)	34336 (1,8)
2017	1690307 (100)	651448 (39)	652339 (39)	250299 (15)	67269 (4)	34927 (2)	34025 (2)
2018	1604344 (100)	602902 (38)	621668 (39)	258949 (16)	75328 (5)	40870 (2,5)	4627 (0,2)
2019	1481074 (100)	557207 (38)	549993 (37)	253093 (17)	77324 (5)	42948 (3)	509 (0,03)
2020	1436514 (100)	524238 (36)	519571 (36)	259793 (18)	82260 (8)	45972 (3)	4680 (0,3)

Источник: Естественное движение населения в Российской Федерации (статистический бюллетень). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269>

Третьякова, Макаренцева, 2017].

Анализ влияния возрастно-половой структуры населения на рождаемость

В исследуемый период в детородный возраст вышли многочисленные поколения 80-ых, которые оказали влияние на рост рождаемости [Рыбаковский, 2022]. В 80-е гг. ежегодно рождалось 2,4–2,5 млн детей, и это многочисленное поколение дает рост рождаемости, которую простимулировали «материнским капиталом». В 2020-е гг. данный резерв исчерпает себя, так как поколениям 80-ых будет около 40 лет [Симагин, 2021].

Влияние возрастно-половой структуры на рождаемость определяется количеством женщин репродуктивного возраста (табл. 5) [Рыбаковский, 2020].

Численность женщин репродуктивного возраста с 2002 г. по 2021 г. в целом по России сократилась на 13,7%, что составило 5,5 млн чел. Анализ рождаемости показывает, что такое сокращение не отразилось на интенсивности рождаемости в целом по России, в 2002 г. родилось 1,397 млн детей, а в 2020 г. – 1,436 млн детей, рождаемость выросла по сравнению с 2002 г. на 2,8%. В субъектах ДФО количество женщин репродуктивного возраста снизилось на 20%. Однако рождаемость в субъектах ДФО сократилась всего на 8,5%, с 98,5 тыс. детей до 90,1 тыс. детей (табл. 6). Наименьшими темпами по сравнению с другими субъектами ДФО шло сокращение женщин репродуктивного возраста в Республике Саха (Якутия) – 13,6%. В Камчатском крае, Магаданской области и ЕАО количество женщин

репродуктивного возраста уменьшилось на треть (31,0%, 35,8% и 30,0% соответственно). В Амурской и Сахалинской областях, Приморском, Забайкальском и Хабаровском краях сокращение составило около одной четвертой (25,2%, 27,0%, 24,4%, 24,4%, 21,7% соответственно). В ЧАО численность женщин репродуктивного возраста уменьшилось на 19,0%, в Республике Бурятия – на 16,9%.

Динамика изменения количества родившихся детей в субъектах ДФО не показывает выраженной динамики сокращения за период 2002–2020 гг. В целом во всех субъектах ДФО количество женщин репродуктивного возраста сократилось на 20%, количество родившихся детей сократилось всего на 8,6%. Количество женщин репродуктивного возраста в Республике Бурятия сократилось на 16,9%, а количество рождений увеличилось на 2,6%. Положительная динамика по количеству рождений отмечена также в Сахалинской области (+6,5%), в ЧАО (+4,0%). В остальных субъектах идет уменьшение рождаемости, но темпы снижения рождаемости ниже, чем темпы сокращения количество женщин репродуктивного возраста. Это может демонстрировать результативность мер демографической политики по стимулированию рождаемости.

Оценка населением мер демографической политики РФ

Выборочное исследование репродуктивных планов населения, которое проводилось в 2017 г., показало, что 55,8% женщин отметили, что меры поддержки не повлияли на принятие решения о

Таблица 5

**Количество женщин репродуктивного возраста в субъектах ДФО
за 2002–2021 гг., человек**

Субъекты ДФО	2002	2010	2015	2019	2020	Темпы роста (+) убыли (-) (2020/2002 гг.)%
РФ	39966700	37563045	35730236	34683401	34502030	- 13,7
ДФО	2396213	2285125	2041066	1956485	1943325	-20,0
Республика Бурятия	280531	262830	240507	232925	233250	-16,9
Республика Саха (Якутия)	276388	264270	244490	238316	238811	-13,6
Забайкальский край	340404	299769	269730	259029	257628	-24,4
Камчатский край	106667	89809	77192	74315	73603	-31,0
Приморский край	567942	521253	467458	445071	440440	-24,4
Хабаровский край	402073	376347	334805	318466	314672	-21,7
Амурская область	253308	231577	199043	190677	189431	-25,2
Магаданская область	53091	43302	36917	34562	34075	-35,8
Сахалинская область	153906	133843	117218	113440	112259	-27,0
Еврейская автономная область	52590	49284	40842	37370	36786	-30,0
Чукотский автономный округ	15277	12841	12864	12314	12370	-19,0

Источник: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1.01.2021 г.; 01.01.2020 г., 01.01.2019 г., 01.01.2015 г., 01.01.2010 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> ; Данные по 2002 г. – по материалам Всероссийской переписи населения 2002 г. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31> (дата обращения 02.04.2022 г.).

*С 2018 г. в состав ДФО вошли два субъекта РФ – Забайкальский край и Республика Бурятия.

Таблица 6

Количество родившихся в субъектах ДФО за 2002–2020 гг., человек

Субъекты ДФО	2002	2010	2015	2019	2020	Темпы роста(+) убыли (-) (2020/2002 гг.) %
РФ	1396967	1788948	1940579	1481074	1436514	+2,80
ДФО	98534	117099	86306	91046	90118	-8,60
Республика Бурятия	12361	16506	16937	12471	12682	+2,60
Республика Саха (Якутия)	13558	16109	16345	12817	13097	-3,40
Забайкальский край	15311	17577	16744	12547	12435	-18,8
Камчатский край	4013	3880	4150	3308	3248	-19,0
Приморский край	20268	23164	24494	18235	17975	-11,3
Хабаровский край	13923	17407	19085	14432	13810	-0,81
Амурская область	9566	11479	10778	7941	7800	-18,4
Магаданская область	1644	1807	1751	1285	1310	-20,3
Сахалинская область	5246	6016	6675	5802	5589	+6,50
Еврейская автономная область	2119	2408	2343	1683	1626	-23,3
Чукотский автономный округ	525	746	685	525	546	+4,00

Источник: Информационно-аналитический сборник «Естественное движение населения РФ». URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269>. *Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2003. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B03_34/Main.htm (дата обращения 02.04.2022 г.).

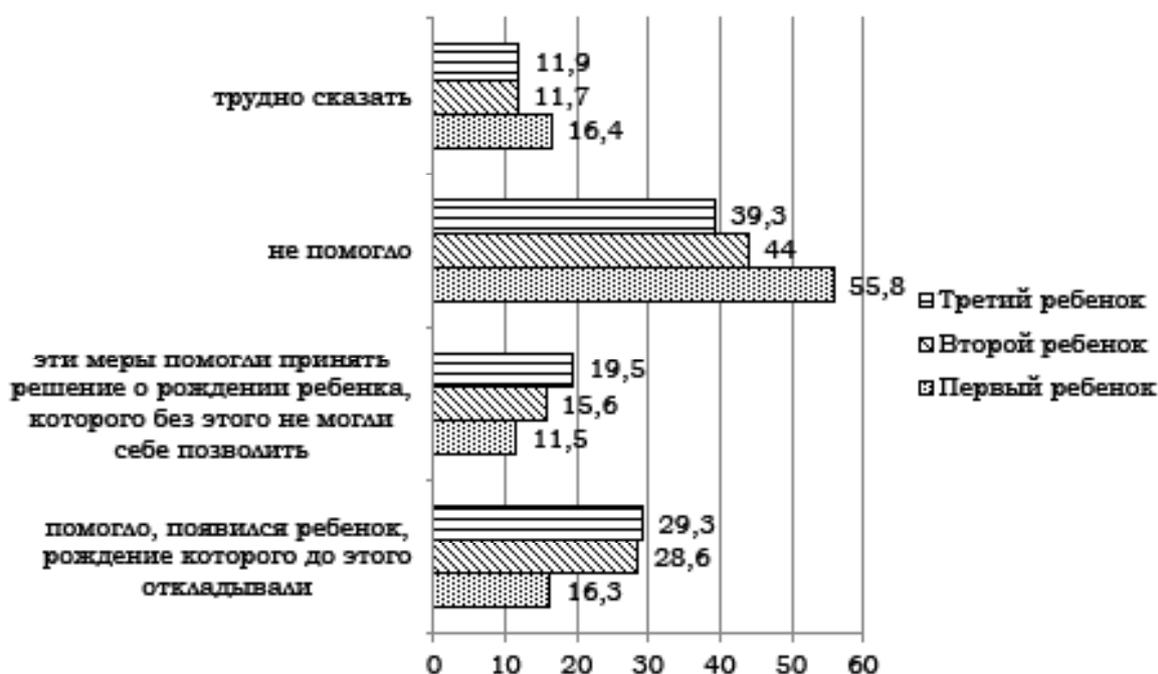

Рис. 1 Оценка женщинами влияния дополнительных мер государственной поддержки семей на решение о рождении ребенка, %¹⁹

рождении первого ребенка. Женщины, которые родили второго ребенка, отметили, что «материнский капитал» помог принять решение о рождении второго ребенка – 44,2%, и никак не повлиял – 44%. На принятие решения о рождении третьего ребенка меры государственной поддержки повлияли на половину женщин (48,8%), и только третья часть женщин (39,3%) ответила отрицательно. До 2020 г. «материнский капитал» выплачивался при рождении второго ребенка, и половина опрошенных женщин отметила, что данная мера повлияла на принятие решения о рождении

Результаты всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие россиян»²⁰, проведенного в 2019–2020 гг., показывают, что 57% респондентов отметили, что меры демографической политики не оказали влияния на рождение ребенка (единственного), 24% – «в той или иной степени послужило фактором рождения ребенка» [Ростовская, Золотарева, 2021; Архангельский и др., 2017]. Т. К. Ростовская и О. А. Зо-

лотарева отмечают, что меры демографической политики больше направлены на поддержку качества жизни, а не на формирование репродуктивных установок на многодетную семью. В ходе исследования выделено, что «материальные трудности являются преградой, не позволяющей иметь большее число детей» [Ростовская, Золотарева 2021].

Заключение

Таким образом, демографическая политика по стимулированию рождаемости имела положительные результаты вплоть до 2015 г. В дальнейшем шло снижение рождаемости, и вызвано оно изменениями возрастно-половой структуры населения. Мера поддержки семей в виде «материнского капитала» оказывает положительное влияние на рождаемость; данный вывод автора подтверждает В. Н. Архангельский, который отмечает, что после введения «материнского капитала» показатели рождаемости выросли [Архангельский, 2017]. Автором доказано, что при значительном сокращении женщин репродуктивного возраста, рождаемость

¹⁹ Выборочное исследование репродуктивных планов населения, 2017 год. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения 02.04.2022 г.)

²⁰ Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.]; Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. 214 с

снижается более медленными темпами, что свидетельствует о результативности мер демографической политики. Изменения, внесенные в федеральный закон № 256, в рамках которых материнский капитал с 2020 г. выплачивается при рождении первого ребенка, дополнительно при рождении второго и третьего, не повысят рождаемость, но предотвратят резкое снижение в последующие годы [Вишневский, 2017].

В рамках проведенного исследования доказано, что меры демографической

политики привели к положительному результату, в анализируемый период (2002–2020 гг.) сокращение количества женщин репродуктивного возраста в субъектах ДФО на 20% не привело к столь же значительному сокращению рождаемости. Рождаемость в дальневосточных субъектах РФ сократилась всего на 8,6%. Достижение запланированного значения суммарного коэффициента рождаемости – 1,7 ребенка к 2024 г. – оценивается как возможное в большинстве субъектов ДФО.

Список источников:

1. Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 43–50.
2. Буланова М.А. Демографическая политика в Российской Федерации: целевые установки и их достижение // Власть и управление на Востоке России. 2017. №4 (81). С. 82–96. DOI 10.22394/1818-4049-2017-81-4-82-96.
3. Вишневский А. Г. Демографический переход и проблема демографического саморегулирования. Ответ А.Б. Синельникову // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 93–104. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6820
4. Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Архангельский В. Н. [и др.] Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020 / Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. 214 с
5. Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 1. С. 145–182.
6. Симагин Ю. А. Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 4–22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4
7. Малева Т. М., Третьякова Е. А., Макаренцева Е. А. Пронаталистская демографическая политика глазами населения: десять лет спустя // Экономическая политика. 2017. № 12(6). С. 124–147. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-6-06
8. Ростовская Т. К., Золотарева О. А. Оценка значимости мер демографической политики в области рождаемости: мнения мужчин и женщин России // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 47–52. DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.4.
9. Руднева О. С., Соколова А. А. Предпосылки эволюции рождаемости и репродуктивного поведения: мировой и российский опыт // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 4. С. 140–152. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.13.
10. Рыбаковский О. Л. Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году // Народонаселение. 2020. Т.23. № 1. С.53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5.
11. Рыбаковский О. Л. Структурные волны населения России и её регионов: вопросы оценки и сравнения // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 1. С. 65–79. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.6.

References:

1. Arkhangelsky V. N., Zinkina Yu. V., Korotaev A. V., Shulgin S. G. (2017) Modern fertility trends in Russia and the impact of state support measures *Sotsiologicheskiiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 3: 43–50. (In Russ.)

2. Bulanova M. A. (2017) Demographic policy in the Russian Federation: target settings and their achievement *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (81): 82–96. DOI 10.22394/1818-4049-2017-81-4-82-96. (In Russ.)
3. Vishnevsky A. G. (2019) Demographic transition and the problem of demographic self-regulation. Answer A. B. Sinelnikov *Sotsiologicheskiiy zhurnal* [Sociological journal]. Volume 25. No. 4. P. 93–104. DOI: 10.19181/socjour..25.4.6820 (In Russ.)
4. Rostovskaya T. K., Shabunova A. A., Arkhangelsky V. N. [et al.] (2021) Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report 2020 / Rep. ed. T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova; FNISC RAS. M.: ITD “PERSPEKTIVA”: 214. (In Russ.)
5. Zhuravleva T. L., Gavrilova Ya. A. (2017) Analysis of fertility factors in Russia: what do the HSE RLMS data say? *Ekonomicheskiiy zhurnal VSH-E* [HSE Economic Journal]. Vol. 21. No. 1: 145–182. (In Russ.)
6. Simagin Yu. A. (2021) Research results of Russia’s demographic problems in the 21st century *Narodonaseleniye* [Population]. Vol. 24. No 4: 4–22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4 (In Russ.)
7. Maleva T. M., Tretyakova E. A., Makarentseva E. A. (2017) Pronatalist demographic policy through the eyes of the population: ten years later *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy]. No. 12(6): 124–147. DOI: 10.18288/1994–5124–2017–6–06 (In Russ.)
8. Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A. (2021) Assessment of the significance of demographic policy measures in the field of fertility: opinions of men and women in Russia *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 3: 47–52. DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.4. (In Russ.)
9. Rudneva O. S., Sokolova A. A. (2020) Prerequisites for the evolution of fertility and reproductive behavior: world and Russian experience *Narodonaseleniye* [Population]. Vol. 23. No 4: 140–152. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.13. (In Russ.)
10. Rybakovsky O. L. Reproduction of the population of Russia: tasks, trends, factors and possible results by 2024 *Narodonaseleniye* [Population]. 2020. Vol. 23. No. 1: 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5. (In Russ.)
11. Rybakovsky O. L. (2022) Structural waves of the population of Russia and its regions: questions of assessment and comparison *Narodonaseleniye* [Population]. Vol. 25. No. 1: 65–79. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.6. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.

The article was submitted 28.04.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 16.05.2022.

Информация об авторе

М. А. Буланова – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

M. A. Bulanova – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of the state and municipal administration and official law, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья

УДК 331.5:330.052(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-73-86

Оценка влияния изменения структуры занятости на численность постоянного населения Дальнего Востока России

Владимир Филиппович Ефременко¹, Сергей Михайлович Бахарев², Вадим Вадимович Габунов³

^{1,3} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Центр инновационных технологий города Хабаровска, Россия

¹ efremenko-vf@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4457-5653>

² lorygrad@mail.ru

³ gabunovv@mail.ru

Аннотация. Миграционный отток населения с территории Дальнего Востока является фактором, угрожающим безопасности государства, как это определено в Стратегии пространственного развития России. Для его преодоления необходимо определить сущность этого негативного явления, отражающего сложные процессы социально-экономического характера как внутри территориального сообщества, так и в стране в целом. Факторы миграции подразделяются на факторы-условия и структурные факторы. Целью настоящего исследования является определение социально-экономических факторов-условий миграционного оттока населения с территории Дальнего Востока и измерение силы корреляционных связей изменений в структуре занятости населения макрорегиона с его численностью. В исторических условиях перехода наиболее развитых стран и регионов к инновационному типу развития претерпевают изменения побудительные мотивы миграции, а также и сама структура миграционных потоков по полу, возрасту, образованию, квалификации. Установлено, что миграционный отток населения детерминируется продолжающимся на протяжении всего периода с начала 90-х гг. XX в. сокращением рабочих мест в высокотехнологичных обрабатывающих отраслях производства, а также в наукоемких видах деятельности, таких как производство электроэнергии, газа и воды, и в организациях социальной сферы: образовании, здравоохранении, социальном обслуживании. Реципиентами мигрантов, в большинстве своем имеющих высокий уровень образования и квалификации, в современном обществе как в России, так и за рубежом, становятся регионы, являющиеся лидерами в научно-техническом, инновационном развитии, центры высокотехнологичного производства, наукоемких услуг. Соответственно решение проблемы, имеющей государственную значимость, по развороту миграционных потоков на Дальний Восток, требует осуществления перехода субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока, на преимущественно инновационный тип развития.

Ключевые слова: социально-экономические факторы миграции, Дальний Восток России, структура занятости, инновационный тип развития

Для цитирования: Ефременко В. Ф., Бахарев С. М., Габунов В. В. Оценка влияния изменения структуры занятости на численность постоянного населения Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 73–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-73-86>

Assessment of the impact of changes in the employment structure in the permanent population of the Russian Far East

Vladimir F. Efremenko¹, Sergey M. Bakharev², Vadim V. Gabunov³

^{1,3} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia,

² The Center for Innovative Technologies of the city of Khabarovsk

¹ efremenko-vf@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4457-5653>

² lorygrad@mail.ru

³ gabunovv@mail.ru

Abstract. *The migration outflow of the population from the territory of the Far East is a factor threatening the security of the state, as defined in the Spatial Development Strategy of Russia. To overcome it, it is necessary to determine the essence of this negative phenomenon, reflecting complex socio-economic processes both within the territorial community and in the country as a whole. Migration factors are divided into factors-conditions and structural factors. The purpose of this study is to determine socio-economic factors-conditions of migration outflow of population from the Far East and to measure the strength of correlations of changes in the employment structure of the population of the macroregion with its size. In the historical conditions of the transition of the most developed countries and regions to an innovative type of development, the motivations of migration are changing, as well as the structure of migration flows by gender, age, education, qualifications. Their retirement is determined by the continuing reduction of jobs in high-tech manufacturing industries, as well as in knowledge-intensive activities, such as electricity, gas and water production, and in social organizations: education, healthcare, social services, throughout the entire period since the beginning of the 90s of the twentieth century. The recipients of migrants, most of whom have a high level of education and qualifications, in modern society, both in Russia and abroad, are regions that are leaders in scientific, technical, innovative development, centers of high-tech production, high-tech services. Accordingly, the solution of the problem of state significance, on the reversal of migration flows to the Far East, requires the transition of the subjects of the Russian Federation located in the Far East to a predominantly innovative type of development.*

Keywords: *socio-economic factors of migration, Russian Far East, employment structure, innovative type of development*

For citation: Efremenko V. F., Bakharev S. M., Gabunov V. V. Assessment of the impact of changes in the employment structure in the permanent population of the Russian Far East // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 73–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-73-86>

Введение

В Стратегии пространственного развития России установлено требование, необходимое для поддержания национальной безопасности страны, «обеспечения устойчивого прироста численности постоянного населения субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока»¹.

В то же время на протяжении 30-ти лет наблюдается прямо противоположный процесс – численность населения Дальнего Востока ежегодно сокращается. За период уже сформировавшейся в стране рыночной экономики 2000–2020 гг. суммарная численность населения субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Даль-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. // Консультант Плюс.

него Востока², сократилась с 6832 тыс. человек до 6085 тыс. человек³. Динамика естественного движения населения дальневосточных регионов в целом повторяет общероссийские тенденции демографического поведения, за счет превышения смертности над рождаемостью макрорегион ежегодно теряет до 3-х человек в расчете на 1000 человек проживающего населения.

Главной причиной сокращения населения на Дальнем Востоке, как отмечает Е. А. Мотрич, является его миграционный отток [Мотрич, 2022. С. 27–40].

Методология и методы

Анализ миграционного поведения населения Дальнего Востока проведем, исходя из теоретических положений, раскрывающих сущность факторов и причин миграции. «Вся совокупность факторов миграции населения, исходя из их природы и отношения к механизму детерминации миграционных потоков, – определяет Л. А. Рыбаковский, – должна быть распределена на две группы: факторы-условия и структурные факторы» [Рыбаковский, 2017. С. 51–61]. Характеристики природной (естественной) и социально-экономической (искусственной) среды жизнедеятельности населения относятся к факторам-условиям. К структурным факторам отнесены качественные характеристики самого населения в разрезе составляющих его совокупностей, оказывающих влияние на формирование миграционных потоков: демографические (возрастно-половые); этнические (национальные); генезисные (по степени «укорененности»); профессиональные (специальности, квалификация); образовательные (среднее, высшее); культурные и др. [Рыбаковский, 2017. С. 51–61].

Объективные факторы-условия, характеризующие социально-экономические условия среды, окружающей человека, и их изменение, порождают причины принятия решения о выбытии с данной территории. Причины миграции – это реакция населения на изменение экономических и социальных характеристик среды.

Основой экономического развития макрорегиона являются отрасли специализации, выпускающие продукцию, ориентированную на вывоз за пределы территории. Предприятия отраслей специализации составляют ядро производительных сил региона, вокруг которого формируются обслуживающие, вспомогательные и прочие отрасли хозяйства. Наличие и уровень развития отраслей специализации является определяющим в оценке экономических возможностей территории по обеспечению необходимыми материальными и нематериальными благами и услугами определенной численности постоянного населения.

Результаты исследования

Самый значительный в рамках Дальневосточного макрорегиона миграционный отток, как это показано на рисунке 1, наблюдается в Республике Саха (Якутия), что прямо противоречит экономическому лидерству региона в производстве ВРП и нивелирует естественный прирост населения, наблюдаемый в Республике. За период 2003–2019 гг. регион потерял около 100 тыс. человек населения, выбывших за его пределы. Высоки абсолютные значения отрицательного сальдо миграции в Приморском крае (около 60 тыс. человек за период), Амурской области (свыше 50 тыс. чел.), Магаданской области (свыше 30 тыс. чел.), Сахалинской области (свыше 30 тыс. чел.). Обращает на себя внимание сравнительно небольшой миграционный отток населения в Хабаровском крае (менее 20 тыс. чел. за период).

Относительные показатели миграционного оттока – коэффициенты миграционного прироста на 10000 человек населения – в расчетном периоде 2003–2019 гг. позволяют отнести к регионам с наименьшим потенциалом миграционного выбытия Приморский (23) и Хабаровский (26) края; при среднем по Дальнему Востоку показателе в 42 человека миграционной убыли на 10000 человек населения в Республике Саха (Якутия) он составляет 67, в Сахалинской области 33.

² Географически к территории Дальнего Востока относятся: Республика Саха (Якутия), Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Отрасли специализации Дальневосточного макрорегиона (добывающие и обрабатывающие производства) сконцентрированы в своей преобладающей части в четырех регионах, обеспечивающих основную массу прироста производства добавленной стоимости, создаваемой в субъектах Российской Федерации, расположенных на территории Дальнего Востока России. Мощности добывающей промышленности макрорегиона на 80% размещены в Сахалинской области и Республике Саха (Якутия), а более по-

ловины обрабатывающих производств осуществляют свою деятельность в Хабаровском и Приморском краях, как это показано на рисунках 2 и 3.

Добывающая промышленность занимается извлечением из недр Земли различного рода полезных ископаемых (а также их обогащением) и относится к первичному сектору материального производства. В силу большого числа видов природных ресурсов и условий их извлечения в этой отрасли возможен широкий спектр разнообразных инноваций,

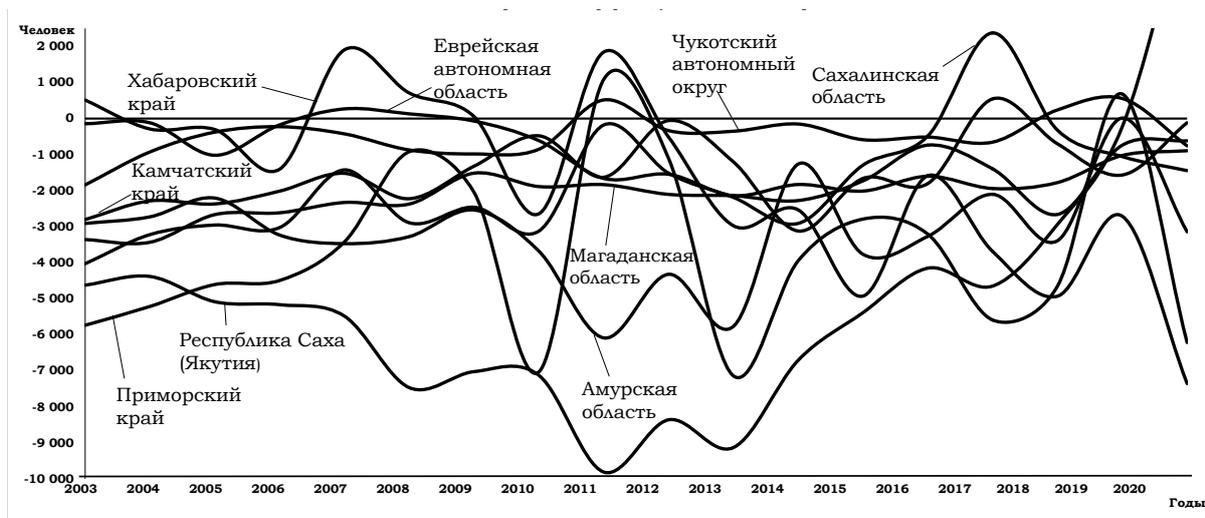

Рис. 1. Динамика механического прироста (убыли) населения регионов Дальнего Востока России

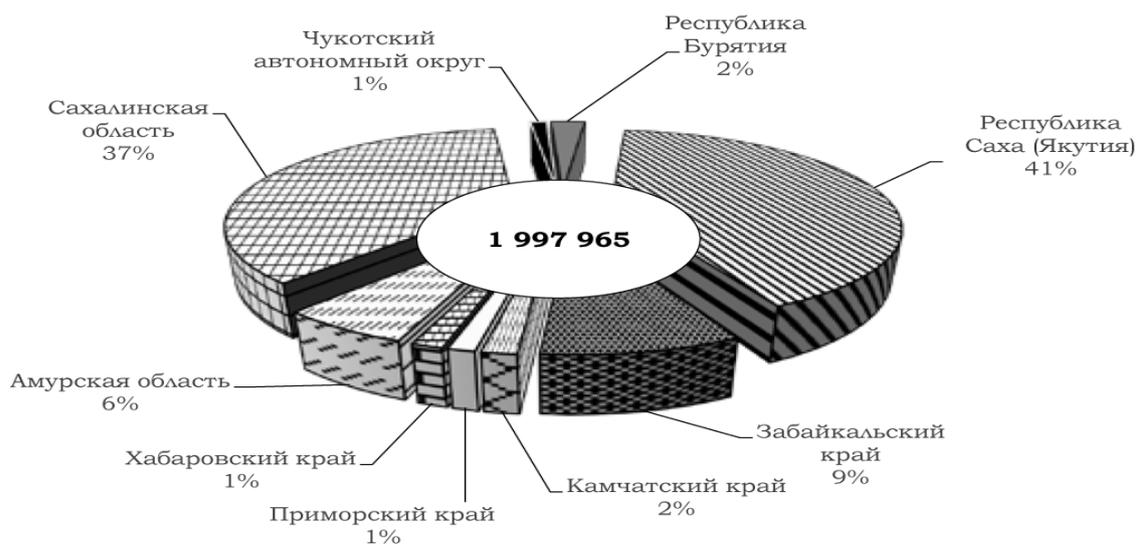

Рис. 2. Объем добычи полезных ископаемых по регионам ДФО РФ в 2020 г., млн руб., %

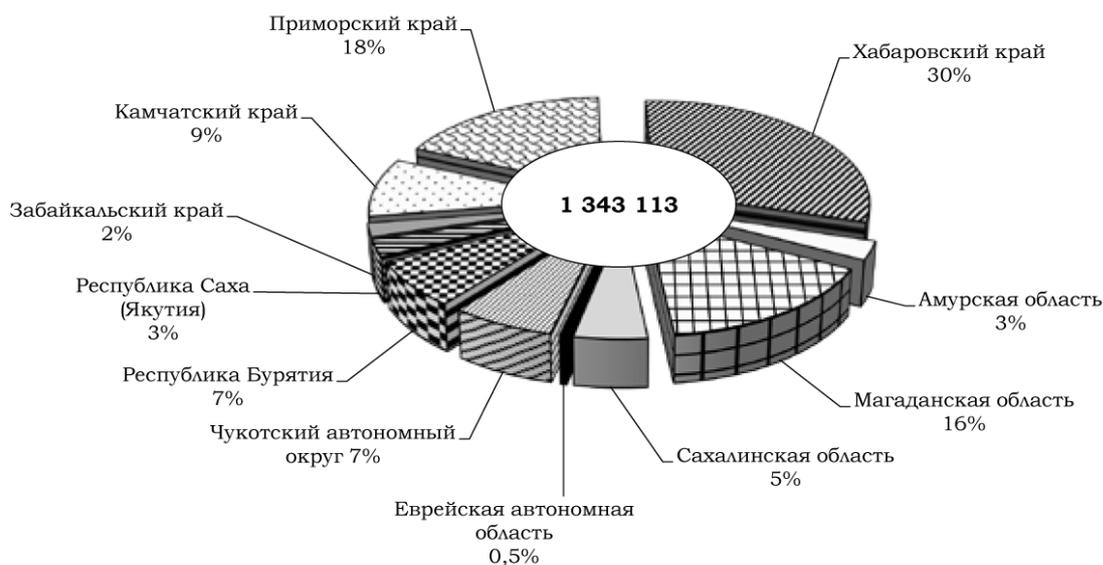

Рис. 3. Объем производства продукции обрабатывающей промышленности в регионах ДФО РФ в 2020 г., млн руб., %

но все они будут иметь преимущественно улучшающий характер и направлены на повышение эффективности добычи и степени извлечения полезного сырья.

К обрабатывающей промышленности относится совокупность предприятий, охватывающих широкий перечень видов производств, направленных на углубленную переработку сырья и создание конечных, готовых к потреблению продуктов. Основой обрабатывающей промышленности являются машиностроение и металлообработка, а вершиной – сложные, высокотехнологичные производства, в том числе приборостроение. Обрабатывающая промышленность в структуре секторов народного хозяйства представляет собой одну из основных сфер, где происходит активное обновление продуктов и технологий на основе новых научных достижений.

Добывающая и обрабатывающая промышленность, являющиеся основными отраслями специализации Дальневосточного федерального округа (ДФО), обладая сопоставимым потенциалом в производстве добавленной стоимости, существенно различаются в своей способности обеспечивать воспроизводство населения, проживающего на данной конкретной территории. Проведем сравнительный анализ потенциала ведущих отраслей, со-

ставляющих экономическую основу макрорегиона, по созданию и поддержанию рабочих мест, по своему количеству, качеству, квалификационным требованиям, культуре производства, уровню оплаты труда и т. д., соответствующим потребностям развивающихся индивидов.

Динамика капиталовложений, производимой добавленной стоимости и численности занятых в добывающих и обрабатывающих производствах Дальнего Востока представлена на рисунке 4.

За рассматриваемый период 2005–2019 гг. суммарный объем инвестиций в добывающие производства превысил соответствующий показатель обрабатывающих производств почти в 7 раз. Инвестиции, вложенные в добывающие отрасли, дают максимальную отдачу на вложенный капитал. В то же время численность занятых на предприятиях обрабатывающей промышленности в три раза превосходит численность работников в производствах, занятых добычей сырья. Требования к уровню образования и квалификации работающих на обрабатывающих предприятиях выше, чем на добывающих, что предполагает и более высокую культуру производства, качество рабочих мест.

Высокотехнологичные обрабатывающие предприятия являются ядром фор-

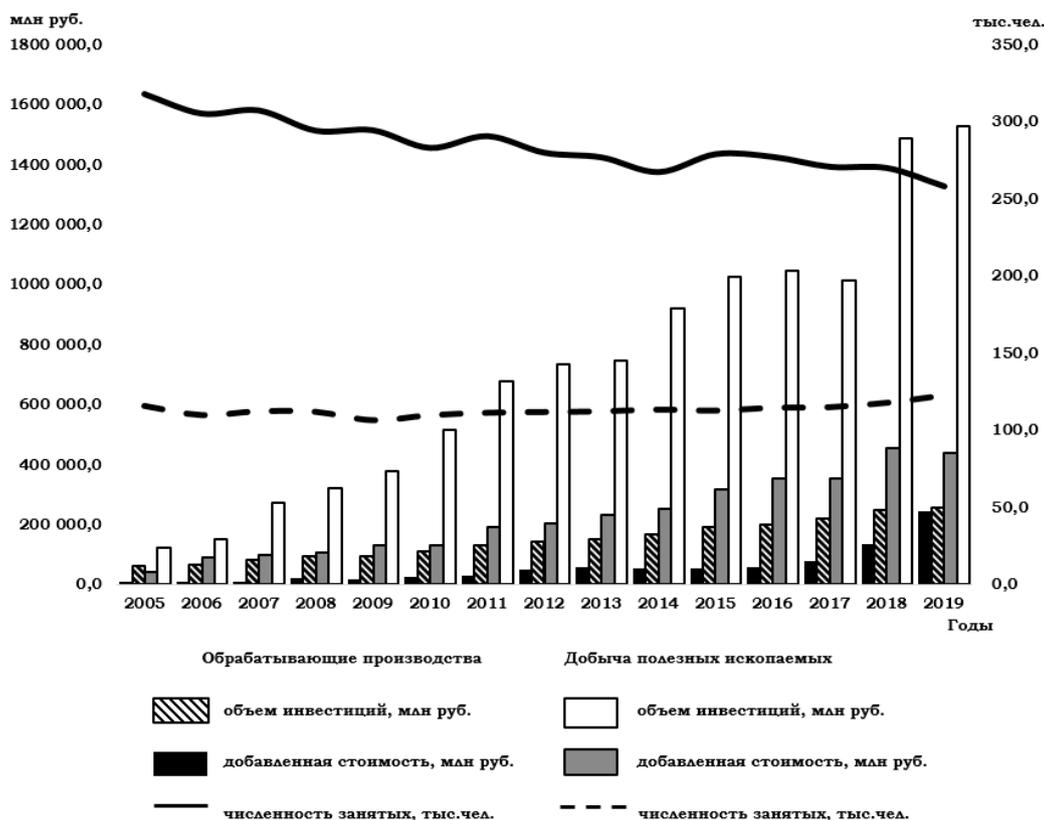

Рис. 4. Динамика развития добывающей и обрабатывающей промышленности в регионах Дальнего Востока России в разрезе основных показателей, 2005–2019 гг.

мирования поселенческой структуры, требуя формирования окружения из организаций производственной и социальной инфраструктуры, работающих на таком же высоком квалификационном уровне. Сокращение одного рабочего места в обработке приводит к сокращению нескольких в обеспечивающих производствах и социально-бытовой сфере. Как результат происходящих процессов, между численностью занятых в обрабатывающих производствах и численностью постоянного населения устанавливается положительная корреляционная связь.

Линейный корреляционный анализ позволяет установить прямые связи между переменными величинами по их абсолютным значениям. Формула расчета коэффициента корреляции построена таким образом, что, если связь между признаками имеет линейный характер, коэффициент Пирсона точно устанавливает тесноту этой связи. Поэтому он называется также коэффициентом линейной корреляции Пирсона.

В общем виде формула для подсчета

коэффициента корреляции такова:

$$r_{xy} = \frac{\sum(x_i - \bar{x}) \times (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x_i - \bar{x})^2 \times \sum(y_i - \bar{y})^2}}, \quad (1)$$

где

x_i – значения, принимаемые переменной X,

y_i – значения, принимаемые переменной Y,

$\bar{x}$ – средняя по X,

$\bar{y}$ – средняя по Y.

Для решения задачи представим исходные данные в виде таблицы 1, в которой введены дополнительные столбцы, необходимые для расчета по формуле, где значения X – это среднегодовая численность занятых в отраслях обрабатывающих производств, а Y – численность населения.

Рассчитаем отклонение от среднеарифметического каждого значения по переменной x_i и y_i , а также добавим дополнительные столбцы с результатами расчетов в таблицу 2.

Рассчитанные значения подставляем в формулу:

Таблица 1

Исходные данные для расчета коэффициента корреляции

Годы	Среднегодовая численность занятых в отраслях обрабатывающих производств, тыс. чел.	Численность населения, тыс. чел.
	X	Y
2005	318,0	6 460,0
2006	305,4	6 398,0
2007	307,4	6 369,0
2008	294,3	6 339,0
2009	294,6	6 320,0
2010	283,2	6 285,0
2011	290,8	6 266,0
2012	280,1	6 252,0
2013	277,1	6 227,0
2014	267,6	6 211,0
2015	279,1	6 195,0
2016	277,3	6 183,0
2017	271,0	6 165,0
2018	270,2	6 140,0
2019	258,4	6 123,0
2020	247,9	6 085,0
Сумма:	4 522,4	100 018,0
Среднеарифметическое значение:	282,7	6 251,1

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Промежуточные данные расчета коэффициента корреляции

Годы	Среднегодовая численность занятых в отраслях обрабатывающих производств, тыс. чел.	Численность населения, тыс. чел.	Отклонение значения от среднеарифметического		Квадрат отклонения от среднеарифметического		Произведение разности среднего арифметического и значения
			$x_i - \bar{x}$	$y_i - \bar{y}$	$(x_i - \bar{x})^2$	$(y_i - \bar{y})^2$	
2005	318,0	6 460,0	35,4	208,9	1 249,6	43 628,8	7 383,7
2006	305,4	6 398,0	22,8	146,9	517,6	21 572,3	3 341,4
2007	307,4	6 369,0	24,8	117,9	612,6	13 894,5	2 917,4
2008	294,3	6 339,0	11,7	87,9	135,7	7 722,0	1 023,7
2009	294,6	6 320,0	12,0	68,9	142,8	4 743,8	823,1
2010	283,2	6 285,0	0,6	33,9	0,3	1 147,5	18,6
2011	290,8	6 266,0	8,2	14,9	66,4	221,3	121,2
2012	280,1	6 252,0	-2,5	0,9	6,5	0,8	-2,2
2013	277,1	6 227,0	-5,5	-24,1	30,8	582,0	133,9
2014	267,6	6 211,0	-15,0	-40,1	226,5	1 610,0	603,9
2015	279,1	6 195,0	-3,5	-56,1	12,6	3 150,0	199,2
2016	277,3	6 183,0	-5,3	-68,1	28,6	4 641,0	364,5
2017	271,0	6 165,0	-11,6	-86,1	135,7	7 417,5	1 003,4
2018	270,2	6 140,0	-12,4	-111,1	155,0	12 348,8	1 383,5
2019	258,4	6 123,0	-24,2	-128,1	588,1	16 416,0	3 107,0
2020	247,9	6 085,0	-34,7	-166,1	1 207,6	27 597,5	5 772,8
	4 522,4	100 018,0	Сумма значений показателя				
	282,7	6 251,1	Среднеарифметическое по показателю				
Сумма квадратов отклонений:					5 116,4	166 693,8	
Сумма произведений разности среднего арифметического и значения							28 195,2

Источник: составлено авторами.

$$r_{xy} = \frac{28\,195,2}{\sqrt{5\,116,4 \cdot 166\,693,8}} = 0,965. \quad (2)$$

Определяем критические значения для полученного коэффициента корреляции, используя данные вспомогательной таблицы 3, где величины критических значений коэффициентов линейной корреляции Пирсона даны по абсолютной величине. Следовательно, при получении как положительного, так и отрицательного коэффициента корреляции по формуле оценка уровня значимости этого коэффициента проводится по той же таблице приложения без учета знака, а знак добавляется для дальнейшей интерпретации характера связи между переменными X и Y.

$$t_r = \frac{r_{xy}\sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r_{xy}^2}}. \quad (3)$$

Критическое значение t-критерия найдем по таблице, где при числе степеней свободы $k = n - 2 = 14$ и уровне значимости $p = 0,01$ значение $t_{\text{крит}} = 0,62$. Рассчитанное значение $t_r (13,86)$ больше $t_{\text{крит}} (0,62)$, следовательно, связь является

статистически значимой.

Иными словами, связь между среднегодовой численностью занятых в отраслях обрабатывающих производств и численностью населения статистически значима на 1% уровне и положительна. Полученная прямо пропорциональная зависимость говорит о том, что чем ниже численность населения, тем ниже число занятых в отраслях обрабатывающей промышленности и наоборот [Ефременко, Бахарев, 2017. С. 23–29].

Сокращение рабочих мест в обрабатывающей промышленности отражает процессы закрытия или вывода за пределы макрорегиона соответствующих производственных мощностей, что, в свою очередь, снижает потребности в тепловой и электрической энергии, транспортных услугах и т. д., и, в конечном счете, приводит к сокращению численности занятых в обеспечивающих и поддерживающих отраслях, таких как производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь, как это показано в таблице 4.

Таблица 3

Расчет критических значений коэффициентов линейной корреляции Пирсона

k = n - 2	P		k = n - 2	P	
	0,05	0,01		0,05	0,01
5,00	0,75	0,87	27,00	0,37	0,47
6,00	0,71	0,83	28,00	0,36	0,05
7,00	0,67	0,80	29,00	0,36	0,05
8,00	0,63	0,77	30,00	0,35	0,05
9,00	0,60	0,74	35,00	0,33	0,42
10,00	0,58	0,71	40,00	0,30	0,39
11,00	0,55	0,68	45,00	0,29	0,37
12,00	0,53	0,66	50,00	0,27	0,35
13,00	0,51	0,64	60,00	0,25	0,33
14,00	0,50	0,62	70,00	0,23	0,30
15,00	0,48	0,61	80,00	0,22	0,28
16,00	0,47	0,59	90,00	0,21	0,27
17,00	0,46	0,58	100,00	0,20	0,25
18,00	0,44	0,56	125,00	0,17	0,23
19,00	0,43	0,55	150,00	0,16	0,21
20,00	0,42	0,54	200,00	0,14	0,18
21,00	0,41	0,53	300,00	0,11	0,15
22,00	0,40	0,52	400,00	0,10	0,13
23,00	0,40	0,51	500,00	0,09	0,12
24,00	0,39	0,50	700,00	0,07	0,10
25,00	0,38	0,49	900,00	0,06	0,09
26,00	0,37	0,48	1000,00	0,06	0,09

Источник: составлено авторами.

Таблица 4
Структура занятости по видам экономической деятельности суммарно по регионам Дальнего Востока РФ, тыс. чел.*

Период (год)	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Строительство	Торговая оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Транспортная и складская деятельность	Деятельность в области информации и связи	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Образование	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Другие виды деятельности		Общее число
														Тыс. чел.	%	
2005	318,9	115,9	318,0	158,0	217,0	555,0	62,0	356,8	55,0	210,0	210,0	329,8	235,1	117,7	268,1	3 317,3
2006	315,8	109,9	305,4	145,7	231,1	573,4	63,1	361,0	54,2	212,3	212,3	325,3	236,8	125,9	285,2	3 345,1
2007	310,6	112,4	307,4	146,4	236,0	579,4	64,5	354,7	56,6	216,8	216,8	321,0	237,5	124,7	304,0	3 372,0
2008	303,2	112,0	294,3	140,6	252,5	591,6	62,5	346,2	57,5	217,8	217,8	315,4	234,0	126,9	318,5	3 373,0
2009	306,2	106,5	294,6	141,4	253,7	567,1	63,2	336,0	55,3	225,9	225,9	311,1	235,7	128,9	321,2	3 346,8
2010	307,3	109,8	283,2	153,3	260,0	557,7	60,4	336,8	54,4	242,7	242,7	306,2	232,3	122,4	328,8	3 355,3
2011	303,1	111,4	290,8	154,1	278,8	557,1	59,7	338,7	52,3	232,6	232,6	302,5	230,7	116,4	330,6	3 358,8
2012	303,9	111,9	280,1	153,1	280,5	565,3	59,9	341,1	50,5	235,2	235,2	298,2	228,3	115,4	324,5	3 347,9
2013	292,8	112,3	277,1	150,9	276,2	576,5	62,2	339,7	50,8	234,6	234,6	291,9	228,9	114,8	327,9	3 336,6
2014	283,2	113,5	267,6	150,6	270,6	583,5	63,2	343,2	49,7	237,0	237,0	284,3	226,2	115,9	329,1	3 317,6
2015*	223,9	114,8	279,1	131,3	276,7	530,9	71,2	292,8	59,0	78,0	78,0	279,6	218,2	588,1		3 179,9
2016	234,3	114,8	277,3	131,2	274,0	556,7	74,4	296,7	57,0	75,4	75,4	281,2	218,3	577,7		3 204,0
2017	224,6	115,3	271,0	129,9	286,2	553,0	71,8	295,5	56,7	73,4	73,4	279,4	215,5	584,2		3 190,1
2018	223,3	118,1	270,2	126,3	305,1	544,7	70,3	292,0	56,5	76,3	76,3	276,4	213,0	577,9		3 182,0
2019	211,5	122,9	258,4	124,0	308,4	526,5	68,4	287,5	53,3	76,7	76,7	274,2	211,0	574,4		3 129,3
2020	204,7	123,9	247,9	125,3	298,6	529,4	70,8	300,8	52,7	74,4	74,4	261,3	211,6	563,4		3 093,7
Прирост за период	-114,2	8,0	-70,1	-61,6	81,6	-25,6	8,8	-56,0	-2,3	-135,6	-135,6	-68,5	-23,5	177,6		-223,6
	%	-55,8	6,5	-28,3	-39,9	27,3	-4,8	-18,6	-4,4	-182,3	-182,3	-26,2	-11,1	31,5		-7,2

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
* См. сноску 4.

Сокращение численности занятых в производстве и численности проживающего населения детерминируют сокращение численности занятых в образовании, здравоохранении, предоставлении социальных услуг, что, в свою очередь, приводит к дальнейшему снижению привлекательности территории для проживания населения, образно говоря, раскручиванию отрицательной миграционной спирали.

Расчет коэффициента линейной корреляции Пирсона между численностью населения и численностью занятых в образовании даёт результат 0,977 (очень высокая сила положительной связи), а с численностью занятых в здравоохранении и предоставлении социальных услуг составляет 0,876 (высокая сила положительной связи).

Поскольку в составе выбывающих мигрантов около 75% составляют лица в трудоспособном возрасте, приведенная корреляционная связь может рассматриваться как важный фактор сокращения населения в Дальневосточном макрорегионе.

Относительно лучшие показатели миграционного прироста в Приморском и Хабаровском краях объясняются, в том числе, и наиболее благоприятными в рамках Дальневосточного макрорегиона природно-климатическими условиями, лучшей хозяйственной освоенностью. Стабилизирующее влияние оказывает и наличие предприятий обрабатывающей промышленности, обеспечивающих рабочими местами высокой квалификации

значительное количество работников. В 2005 году в обрабатывающих производствах Приморского края было занято 128,2 тыс. человек, Хабаровского края – 88,6 тыс. человек. В 2016 году численность занятых в обработке сократилась до 102,6 тыс. человек в Приморском крае и 80,3 тыс. человек в Хабаровском крае. Масштабное, в 26 тыс. человек, сокращение рабочих мест в обрабатывающей промышленности Приморского края стало важным фактором самого большого после Республики Саха (Якутия) миграционного оттока населения за рассматриваемый период, что является подтверждением высокой степени установленной выше корреляционной связи между числом рабочих мест в обрабатывающих производствах и численностью проживающего в регионе населения.

Ситуация с устойчивой тенденцией сокращения рабочих мест в основных отраслях специализации, но только с обратным знаком, – устойчивого роста, как это наблюдалось в 30-е гг. XX в. в городах США, переживающих индустриальный рост, – была исследована Х. Хойтом [Hoyt, 1939], автором одной из ранних моделей роста экспортирующего региона. Ученым доказано, что прирост численности населения территориального образования связан с увеличением числа занятых в экономике (LT), подразделяемого на занятых в базовом секторе (Lb), производящем продукцию, предназначенную преимущественно для вывоза за пределы региона, и занятых в секторе услуг (LS), продукция которого потребля-

---

⁴ в связи с переходом в 2016 году на новую редакцию классификатора ОКВЭД, изменились названия некоторых группировок видов экономической деятельности, так,

1. «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» разделено на два вида: «Обеспечение электрическое энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха» и «Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений»;

2. «Транспорт и связь, из них связь» - «Транспортировка и хранение» и «Деятельность в области информации и связи» соответственно;

3. «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» изменило название на «Деятельность по операциям с недвижимым имуществом»;

4. «Здравоохранение и предоставление социальных услуг» изменило название на «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг»;

5. «Гостиницы и рестораны» изменило название на «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания»;

6. «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» изменило название на «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов»

7. «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг» и «Другие виды деятельности» объединено в «Другие виды деятельности».

ется на месте и численность занятых в котором уступает базовому, и определяется по формуле:

$$L_s = aLT, 0 < a < 1. \quad (4)$$

Определяющим является рост внешне-го спроса на продукцию базовой отрасли специализации, являющийся экзогенным параметром модели, что приводит к росту занятости в базовом секторе. В свою очередь общий уровень занятости в регионе растет пропорционально росту занятости в базовом секторе, причем коэффициент пропорциональности больше единицы, то есть общий уровень занятости растет быстрее уровня занятости в базовом секторе, согласно формуле:

$$L_T = \frac{1}{1-a} L_b. \quad (5)$$

Мультипликативный эффект возрастает при увеличении поступления ресурсов для базовых отраслей из самого региона.

Модель была разработана для городов США с растущей обрабатывающей промышленностью и неприменима для сырьевых регионов, наращивающих добычу минеральных ресурсов с использованием преимущественно вахтового метода привлечения трудовых ресурсов.

Применение модели в части развития городских агломераций Дальнего Востока, в которых проживает большая часть населения макрорегиона, с необходимостью потребовало бы развития базовых производств, производящих продукцию, востребованную на российском и международном рынках, создающих новые рабочие места. Рост занятости в отрасли специализации в таком случае детерминирует приток рабочей силы и увеличение численности населения, что, в свою очередь, приводит к пропорциональному росту численности занятых в сфере услуг.

В настоящее время в части обрабатывающих производств, размещенных в городских агломерациях, наблюдаются признаки реализации модели, но с обратным знаком – сокращение рабочих мест в базовых обрабатывающих отраслях сопровождается сокращением общей численности занятых и приводит к снижению численности постоянного населения. В свою очередь, сокращение населения сопровождается снижением объемов

необходимых социальных услуг и сокращением занятых в сфере услуг.

За период 2005–2020 гг. сокращение числа работающих в обрабатывающих производствах составило 70,1 тыс. чел. или 22%, а общее сокращение численности занятых – 169,2 тыс. человек или 5,2%. Сокращение в обрабатывающих производствах, являющихся базовыми для городских агломераций, мультиплицируется в показателях общего числа работающих и оказывает прямое влияние на снижение численности постоянного населения и спроса на услуги социальной сферы, численность занятых в которой сократилась: в образовании на 68,4 тыс. чел. или 20,7%; в здравоохранении и предоставлении социальных услуг на 23,4 тыс. чел. или 10,0%.

Правомерно предположить, что кардинальный разворот тенденций развития базовых обрабатывающих производств с устойчивого сокращения численности работающих на их приращение за счет создания новых высокотехнологичных компаний, способен изменить демографическую ситуацию в целом и продемонстрировать признаки реализации экспортирующей модели Х. Хойта, многократно реализованной в американских городских агломерациях.

За период 2005–2020 гг., как это показано в таблице 4, в добывающей промышленности макрорегиона, являющейся главным реципиентом инвестиций и осуществляющей производство самой значительной доли добавленной стоимости, обеспечиваются работой всего 4% занятого населения макрорегиона и создано всего 8 тысяч дополнительных рабочих мест (увеличение на 6,9%). При этом в обрабатывающих отраслях численность работающих сократилась на 70,1 тыс. чел. или 22%, в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, рыбоводстве – на 114,1 тыс. чел. или 55,7%. Сокращение рабочих мест в отраслях специализации, составляющих ядро экономической системы региона, детерминирует сокращение занятых в отраслях производственной и социальной инфраструктуры макрорегиона: в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды на 3,7 тыс. человек или 2,3%, в образовании на 68,4 тыс. человек или 20,7%, в здравоохранении и предоставлении социальных услуг

на 23,4 тыс. человек или 10%, что, в свою очередь, приводит к дальнейшему снижению уровня потребления проживающим в макрорегионе населением благ и услуг, в особенности требующих для их оказания высшего уровня образования и квалификации работников [Ефременко, Габунов, 2018. С. 41–49].

Восприятие населением сужающихся возможностей трудоустройства на рабочие места высококвалифицированного, хорошо оплачиваемого труда, как побудительного мотива к переезду в другой регион, подтверждается данными социологических исследований [Мотрич, Березутский, 2018. С. 141–150]. Основываясь на результатах многолетних опросов молодежи, Ю. В. Березутский [Березутский, 2019] отмечает, что в молодежной среде усиливаются настроения на выезд с территории своего проживания. Так, на вопрос «хотели бы Вы постоянно жить и работать в районе Вашего проживания на территории Хабаровского края» регулярного обследования молодежи в 2005 г. 24,2% респондентов ответили «да, обязательно», а 38,9% – «скорее всего, да» [Березутский, 2019]. В 2017 г. намерение обязательно остаться высказали 16,8% опрошенных, а в высокой степени вероятности – 29,4%. Позиция «скорее всего нет» была отмечена 19,8% опрошенных в 2005 г. и 21,0% в 2017 г., тогда как «нет, однозначно» в 2005 году высказало 7,4% респондентов, а в 2017 г. – 15,9%. То есть доля молодежи, связывающей свои жизненные планы с этой территорией, снизилась за 20 с небольшим лет в 1,75 раз, а доля настроенных на выезд увеличилась в 1,7 раза. Анализ мотивов предполагаемого выезда за пределы территории показывает, что главными из них являются трудности в перспективном трудоустройстве – низкий уровень заработной платы отметили 45,0% опрошенных, трудность найти подходящую работу – 43,8% респондентов [Березутский, 2019].

Таким образом, потери населения Дальневосточным макрорегионом происходят главным образом за счет сформировавшихся отрицательных миграционных потоков во всех субъектах Федерации ДФО. Относительный миграционный отток в расчете на 10000 человек населения меньше в регионах раз-

мещения обрабатывающих производств и больше в регионах с доминирующей добывающей промышленностью. В миграционном обмене с другими территориями регионы ДФО проигрывают в качественных характеристиках трудового потенциала – во всех субъектах Федерации ДФО наблюдается отрицательное сальдо миграции в группах населения 14 лет и старше, имеющих высшее образование, в том числе ученые степени.

Обозначенные отрасли специализации обладают существенно различающимся потенциалом как в проведении модернизации и применении наукоемких технологий, так и в создании и поддержании рабочих мест. И в том и в другом случаях потенциал обрабатывающих отраслей кратно превосходит потенциал добывающих отраслей. Одно рабочее место в обрабатывающей промышленности детерминирует создание дополнительных рабочих мест в энергетике, транспорте, образовании, здравоохранении, социальном обслуживании. Добывающие отрасли, применяя преимущественно вахтовый метод организации работ, не требуют соответствующего развития производственной и социальной инфраструктуры. Отсюда, построение модели социально-экономического развития, при которой экономический рост опирается на достижения науки и технологий, а результаты роста экономики реализуются в обеспечении расширенного воспроизводства населения, возможно на пути сохранения и проведения модернизации высокотехнологичных, наукоемких обрабатывающих производств, а также введения вновь построенных.

Принятие решения о переезде предполагает наличие как минимум двух моментов: 1) ухудшение социально-экономических условий в месте проживания; 2) оценка параметров будущего места жительства, как несомненно превосходящих [Рыбаковский, 1990]. Как показывают проведенные нами исследования, миграционной привлекательностью в Российской Федерации обладают регионы, являющиеся центрами высокотехнологичной обрабатывающей промышленности и инноваций [Ефременко, 2020. С. 114–137]. Из 85 субъектов Российской Федерации только 32 региона (или 37%) являются реципиентами мигрантов. При

этом из 19 регионов, имеющих долю в результатах высокотехнологичного бизнеса России в 2017 г. выше 1%, реципиентами мигрантов являются 15 (или 78%). В большинстве случаев высокотехнологичные регионы являются и сильными инноваторами. В регионах, базовыми отраслями специализации которых являются высокотехнологичные обрабатывающие производства, развиваются наукоемкие виды деятельности в производственной и социальной сферах, институты постиндустриального общества, что в совокупности и придает им высокую миграционную привлекательность.

Ответом на вопрос «что же может сдерживать постоянное сокращение численности населения?»⁵, как обоснованно утверждает О. Д. Воробьева, может быть «только расширение сферы приложения труда, создание и развитие рабочих мест, повышение качества жизни населения. Эти факторы не только будут сдерживать отток населения из регионов Дальнего Востока, но сделают их миграционно привлекательными» [Воробьева, 2017. С. 35–40]. Отметим, что качество вновь соз-

даваемых рабочих мест должно соответствовать высоким требованиям развивающихся личностей, имеющих высокий уровень образования и квалификации.

Заключение

Опережающее развитие добывающих производств, наблюдаемое в настоящее время на Дальнем Востоке России, приводит к понижению технологического уровня производства, сокращению рабочих мест высококвалифицированного труда в обрабатывающей промышленности и, как следствие в отраслях производственной и социальной инфраструктуры. Установлена очень сильная корреляционная связь между количеством рабочих мест в обрабатывающей промышленности и численностью проживающего населения. Достижение состояния опережающего не только экономического, но и социального развития в Дальневосточном макрорегионе, рассматриваемых как основание демографического роста, возможны при условии преимущественного развития привлекательных рабочих мест в высокотехнологичных обрабатывающих производствах, наукоемких отраслях.

Список источников:

1. Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи региона: социологический анализ: монография. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019. 174 с.
2. Воробьева О. Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2. С. 35–40.
3. Ефременко В. Ф. Постиндустриальные факторы развития Дальнего Востока России // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2020. № 9. С. 114–137.
4. Ефременко В. Ф., Бахарев С. М. Высокотехнологичная обрабатывающая промышленность, как фактор сохранения и развития населения на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2017. №4. С. 23–29.
5. Ефременко В. Ф., Габунов В. В. Воспроизводственная структура Дальневосточного макрорегиона России – проблемы сбалансированности и развития // Власть и управление на Востоке России. 2018. №4. С. 41–49.
6. Мотрич Е. А., Березутский Ю. В. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России: проблемы и социальные последствия // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 2 (127). С. 141–150.
7. Мотрич Е. А. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 27–40.
8. Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2. С. 51–61.
9. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 138 с.

---

⁵ *Высокотехнологичный бизнес в регионах России: Национальный доклад [Электронный ресурс] / Под ред. Земцова С.П. М.: РАНХиГС, АИПП. URL: <https://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnyj-biznes-v-regionakh-rossii/2019/>.*

10. Hoyt H. The Structure and Grows of Residential Neighborhoods in American Cities. Washington: Government printing office, 1939. 178 p.

References:

1. Berezutsky Yu. V. (2019) Social activity of the youth of the region: sociological analysis: monograph. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of the RANEPА: 174. (In Russ.)
2. Vorobieva O. D. (2017) The labor market and migration of the population of the Far East *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of regions of Russia]. No. 2: 35–40. (In Russ.)
3. Efremenko V. F. (2020) Post-industrial factors in the development of the Russian Far East *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal EKO* [All-Russian Economic Journal ECO]. No. 9: 114–137. (In Russ.)
4. Efremenko V. F., Bakharev S. M. (2017) High-tech processing industry as a factor in the preservation and development of the population in the Far East of Russia *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4: 23–29. (In Russ.)
5. Efremenko V. F., Gabunov V. V. (2018) Reproductive structure of the Far Eastern macroregion of Russia – problems of balance and development *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4: 41–49. (In Russ.)
6. Motrich E. L., Berezutsky Yu. V. (2018) Migration in the demographic development of the Russian Far East: problems and social consequences *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology]. Vol. 17. No. 2 (127): 141–150. (In Russ.)
7. Motrich E. L. (2022) Migration in the demographic development of the Russian Far East *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of regions of Russia]. Vol. 18. No. 1: 27–40.
8. Rybakovsky L. L. (2017) Factors and causes of population migration, the mechanism of their relationship *Narodonaseleniye* [Population]. No. 2: 51–61. (In Russ.)
9. Rybakovsky L. L. (1990) Population of the Far East for 150 years. M.: Nauka: 138. (In Russ.)
10. Hoyt H. (1939) The Structure and Grows of Residential Neighborhoods in American Cities. Washington: Government printing office. 178 p.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Информация об авторе

В. Ф. Ефременко – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

С. М. Бахарев – экономист, Центр инновационных технологий города Хабаровска;

В. В. Габунов – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

V. F. Efremenko – Candidate of Economics, Associate Professor the chair of management and business law, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

S. M. Bakharev – Economist, The Center for Innovative Technologies of the city of Khabarovsk;

V. V. Gabunov – postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 316.4(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-87-100

Оценка структурных сдвигов на региональном рынке труда Дальнего Востока и Хабаровского края

Тамара Николаевна Ланец

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия, lanets-tn@ranepa.ru

Аннотация. Дальневосточный регион занимает в России стратегически важное положение, его развитию уделяется особое внимание как на федеральном, так и на региональном уровне. Рынок труда выступает важнейшим элементом региональной экономической системы, а происходящие на нем изменения являются индикаторами состояния экономики. Общие тенденции изменения российского рынка труда слабо чувствительны даже к сильным потрясениям, однако региональные сдвиги могут идти вразрез с общими тенденциями и менять его структуру. В статье проводится анализ динамики численности занятых в Российской Федерации, Дальневосточном федеральном округе и Хабаровском крае за 2010–2019 гг., выявлены структурные сдвиги на отраслевых рынках труда, проведена оценка их конкурентоспособности на основе метода сдвиг-составляющих и коэффициентов локализации. Применение методики позволяет выявить влияние факторов национального, отраслевого и регионального характера на состояние отраслевых рынков труда в крае. Расчет коэффициентов локализации позволяет выделить отрасли краевой специализации, наиболее значимые с точки зрения перспектив экономического роста, что важно для разработки комплекса мероприятий по укреплению их позиций, обоснованию качества принимаемых решений в области кадровой политики и подготовки кадров для регионального рынка труда. В методическом аспекте в дополнение к традиционной методике автором был проведен динамический анализ коэффициентов отраслевой локализации, а также учтен относительный вклад отраслей региона в создание ВРП, что позволило сделать более объективную оценку конкурентоспособности отраслей в Хабаровском крае.

Ключевые слова: занятость, отраслевая структура занятости, структурные сдвиги, методика анализа, метод сдвиг-составляющих, уровень локализации

Для цитирования: Ланец Т. Н. Оценка структурных сдвигов на региональном рынке труда Дальнего Востока и Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 87–100. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-87-100>

Assessment of structural shifts in the regional labor market of the Far East and the Khabarovsk territory

Tamara N. Lanets

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia, lanets-tn@ranepa.ru

Abstract. The Far-Eastern region occupies strategically important position in Russia, and special attention is paid to its development both at the federal and regional levels. Labor

market is the most important element of the regional economic system, and the changes taking place on it are indicators of the state of the economy. General trends in the Russian labor market are weakly sensitive even to strong shocks, but the regional shifts may run counter to general trends and change its structure. The article analyzes the dynamics of a number of employed in the Russian Federation, the Far-Eastern federal district and the Khabarovsk territory for 2010-2019, identifies structural shifts in the sectoral labor markets, evaluates their competitiveness based on the method of shift components and localization coefficients. Application of the methodology makes it possible to identify the influence of factors of national, sectoral and regional nature on the state of sectoral labor markets in the region. Calculation of localization coefficients makes it possible to identify the branches of regional specialization that are most significant from the point of view of economic growth prospects, which is important for the development of a set of measures to strengthen their positions, substantiate the quality of decisions made in the field of personnel policy and training for the regional labor market. In the methodological aspect, in addition to the traditional methodology, the author carried out a dynamic analysis of the coefficients of industry localization, and also took into account the relative contribution of the region's industries to the creation of GRP, which made it possible to make the more objective assessment of competitiveness of industries in the Khabarovsk territory.

Keywords: employment, industry structure of employment, structural shifts, analysis methodology, method of shift components, localization level

For citation: Lanets T. N. Assessment of structural shifts in the regional labor market of the Far East and the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 87–100. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-87-100>

Введение

Дальневосточный регион относится к числу стратегически важных как в геополитическом, так и в экономическом аспектах. Площадь региона составляет 40,6% территории Российской Федерации, здесь имеется колоссальный природно-ресурсный потенциал, однако численность проживающего населения составляла в 2019 г. 5,57% от общей численности населения Российской Федерации. В Посланиях Президента РФ от 2012, 2015 и 2018 гг. сделан особый акцент на развитии Дальнего Востока как о национальном приоритете на весь XXI век¹. В связи с этим необходимо уделить внимание изучению факторов экономического роста региона. Важнейшей задачей современного этапа развития является обеспечение роста численности населения и трудовых ресурсов в дальневосточном регионе и его субъектах для формирования и развития высококонкурентной экономики, что актуализирует проблему занятости населения и формирования ее

эффективной структуры.

Изучению состояния региональных рынков труда посвящен ряд работ, авторы которых рассматривали происходящие изменения как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных субъектов Российской Федерации на примере Алтайского края (2001), Республики Марий Эл (2012), Тамбовской области (2015), Свердловской области (2017) [Кузнецов, 2020. С. 504–520; Волков, 2015. С. 14–19; Коровкин, Полежаев, Андрюнин, 2002. С. 134–148; Кочкина, Радковская, Дроботун, 2017. С. 408–413].

Сравнительный анализ состояния рынка труда России, Дальневосточного федерального округа и Хабаровского края

Рассмотрим состояние рынка труда Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) и одного из его субъектов – Хабаровского края за десять лет. Хабаровский край обладает важным преимуществом перед большинством дальневосточных субъектов РФ. Экономика края

¹ Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года (с изменениями на 13.10.2020 г.) Постановление Правительства Хабаровского края от 13.06.2018 г № 215-пз (в ред. 20.06.2020 № 277-пз)

диверсифицирована, в ее состав входят природно-ресурсные отрасли, обрабатывающие производства, сервисные отрасли – транспорт, торговля, социальные услуги, операции с недвижимым имуществом. По объему валового регионального продукта (далее – ВРП) Хабаровский край занимает 5 место в Дальневосточном федеральном округе и составляет 0,84% в сумме валовых региональных продуктов по Российской Федерации за 2018 год. Край занимал 18 место в Российской Федерации по объему ВРП на душу населения в 2016 г.¹, а в 2018 г. – 17 место².

Структура рынка труда каждого региона формируется под влиянием многих факторов – это демографические процессы, изменения в составе, численности и структуре населения, уровень миграции, изменения в численности городских и сельских поселений, состояние экономической конъюнктуры, степень освоения территории, научно-технический прогресс (НТП), государственное регулирование. Рынок труда выступает важнейшим элементом региональной экономической системы, а происходящие на нем изменения являются индикаторами состояния экономики.

В экономике Хабаровского края отмечалось наличие общей тенденции к сокращению роли отраслей первичного и вторичного секторов в пользу развития третичного сектора при одновременном сокращении общей численности занятых в регионе, а также изменении возрастной структуры, «старении» населения, что означает устойчивый спад кадрового потенциала региона [Ланец, 2021]. Тогда каковы перспективы развития традиционных отраслей в экономике края, особенно в свете стоящих перед ним стратегических задач формирования и развития высококонкурентной экономики? Проведем анализ отраслевой структуры занятости ДФО и Хабаровского края с этих позиций.

Ряд авторов отмечает такую особенность российского рынка труда как слабая чувствительность «даже к сильнейшим макроэкономическим шокам». Такая устойчивость проявляется, прежде всего, на национальном уровне, а в конкретных регионах может идти вразрез с общими

тенденциями и менять пространственную структуру рынка [Ахапкин, 2019]. Анализ данных таблицы 1 подтверждает эту закономерность.

За десятилетний период (с 2010 по 2019 гг.) сохранилась тенденция к снижению численности занятых: в экономике ДФО она сократилась на 4,4%, (-181,8 тыс. чел.), а в Хабаровском крае сокращение занятых составило 3,5% (-24,5 тыс. чел.) (табл. 1). Структурные сдвиги на отраслевых рынках труда ДФО и Хабаровского края отражают наличие противоположных тенденций к росту и снижению занятых разными видами деятельности. Отрасли с высоким потенциалом роста занятости послужили основой стабилизации рынка труда, сохранения показателей развития региона.

Сравнение отраслевых показателей занятости в Российской Федерации, ДФО и Хабаровском крае позволило выявить отличия в динамике национальной и региональной занятости по отношению к краевому уровню. В Российской Федерации за прошедшее десятилетие общая численность занятых сократилась незначительно, всего на 0,6%. Вместе с тем темпы роста отдельных отраслей существенно отличались: одни отрасли сворачивались, другие, наоборот, развивались ускоренными темпами. Наиболее заметные положительные сдвиги отмечались в семи видах деятельности: гостиницы и рестораны (117,5%), информация и связь (110,6%), оптовая и розничная торговля (107,6%), операции с недвижимым имуществом (106,6%), транспортировка и хранение (105,4%), добыча полезных ископаемых (106,7%), строительство (104,3%). Отметим, что большинство отраслей, за исключением строительства и добычи полезных ископаемых, относятся к отраслям третичного сектора (сфера услуг).

В ДФО максимальный темп роста числа занятых был достигнут в сфере строительства (108,99%, 1 место), а также в сфере оптовой и розничной торговли (105,1%, 2 место). Средний региональный темп роста (сокращения) занятости в ДФО за 2010–2019 гг. составил 95,6%. Отталкиваясь от этого уровня, следует

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Статистический сборник. Росстат. М., 2020. 1242 с.

отметить более низкие темпы падения численности занятых в добыче полезных ископаемых (-1,1%), а также гостиничном и ресторанном бизнесе (-2,8%). Анализ происходящих изменений на рынке труда Хабаровского края показывает, что в крае за этот период можно выделить те же четыре вида деятельности, что и в дальневосточном регионе, однако поведение рынка труда в этих отраслях больше соответствует российским тенденциям, чем региональным:

лидирующее положение по темпам роста занятости занимает деятельность гостиниц и ресторанного бизнеса (114,77%);

значительно выросла численность занятых в оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств (112%);

на третьем месте находится строительная отрасль (107,53%);

отметим незначительный положительный рост занятых в сфере добычи полез-

Таблица 1

Динамика численности занятых в экономике РФ, ДФО и Хабаровском крае в 2010–2019 гг.

Виды деятельности	ДФО				Хабаровский край				РФ
	Тыс. чел.		отклонение		Тыс. чел.		отклонение		отклонение
	2010	2019	Тыс. чел.	в %	2010	2019	Тыс. чел.	в %	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	319,7	278,2	-41,5	87,02	36,6	29,1	-7,5	79,51	79,0
Добыча полезных ископаемых	149,4	147,8	-1,6	98,9	11,1	11,3	0,2	101,8	106,7
Обрабатывающие производства	360	325,6	-34,4	90,4	78,8	72,1	-6,7	91,5	94,6
Обеспечение электрической энергией, газом и паром	167,9	154,9	-13	92,3	20,6	19,5	-1,1	94,66	95,5
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов	45,6	38,4	-7,2	84,2	11,2	6,4	-4,8	57,14	94
Строительство	331,5	361,3	29,8	108,99	67,7	72,8	5,1	107,53	104,3
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	649	682,2	33,2	105,1	102,6	114,9	12,3	111,99	107,6
Гостиницы и рестораны	89	86,5	-2,5	97,2	14,9	17,1	2,2	114,77	117,5
Транспортировка и хранение	376,1	357	-19,1	94,9	61,9	59,7	-2,2	96,45	105,4
Информация и связь	74,5	67,7	-6,8	90,9	14,4	11	-3,4	76,39	110,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда	103,7	94,7	-9	91,3	21,8	19	-2,8	87,16	106,6
Образование	402,8	357,5	-45,3	88,8	61,2	54,8	-6,4	89,54	91,8
Здравоохранение	303,1	278,4	-24,7	91,9	48,6	44,9	-3,7	92,39	96,7
Другие виды деятельности	764,2	724,5	-39,7	94,8	140,7	135	-5,7	95,95	100,6
Всего	4136,5	3954,7	-181,8	95,6	692,1	667,6	-24,5	96,46	99,4

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Российского статистического ежегодника – 2011 и Российского статистического ежегодника – 2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>

ных ископаемых (101,8%).

Позитивные сдвиги в этих отраслях существенно сдерживали общее падение рынка труда в крае. Если анализировать прирост занятости в абсолютном выражении, то наибольший рост отмечен в оптовой и розничной торговле (+12,3 тыс. чел.) и в сфере строительства (+5,1 тыс. чел.). В гостиничном бизнесе прирост занятых значительно меньше и составил 2,2 тыс. чел., а в сфере добычи полезных ископаемых всего 0,2 тыс. чел. Несмотря на рост числа занятых в перечисленных сферах на 19,8 тыс. чел., в крае отмечается общее снижение числа занятых на 24,5 тыс. чел. Наибольшее сокращение отмечается (в порядке убывания) в следующих сферах деятельности:

сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство на 7,5 тыс. чел. (-20,49%),

обрабатывающие производства на 6,7 тыс. чел. (-8,5%),

сфера образования на 6,4 тыс. чел. (-10,46%),

в водоснабжении и водоотведении на 4,8 тыс. чел. (-42,86%),

здравоохранение на 3,7 тыс. чел. (-7,61%),

информация и связь на 3,4 тыс. чел. (-23,61%),

транспорт и связь на 2,2 тыс. чел. (-3,5%),

производство и распределение электроэнергии, газа и пара на 1,1 тыс. чел. (-5,34%),

другие виды деятельности на 5,7 тыс. чел. (-4,05%).

В отраслях первичного и вторичного секторов экономики тенденции в развитии отраслей однонаправленные, а в отраслях третичного сектора тренды развития отраслей на уровне страны и региона (ДФО) противоположны, а вот на уровне Хабаровского края отмечается как позитивная динамика, соответствующая общероссийским тенденциям, так и негативная, соответствующая региональным тенденциям в ДФО. Таким образом, видна неравномерность динамики отдельных отраслей с позиций за-

нятости.

Анализ изменений на рынке труда Хабаровского края методом сдвигов составляющих

В зарубежной и отечественной практике изучение изменений на региональных рынках труда проводится на основе метода сдвигов составляющих. В комплексе с расчетом коэффициентов локализации его применение позволяет дать оценку эффективности проводимой социально-экономической политики на региональном и местном уровне. В российской практике метод применялся для исследования рынков труда Алтайского края [Миляева, 2001] и Республики Марий Эл [Сарычева, 2012] и других субъектах Федерации. Сущность метода состоит в выделении трех групп факторов, оказывающих влияние на формирование рынка труда:

национальная составляющая NS, которая отражает тенденции развития национальной экономики;

отраслевая составляющая IM, отражающая тенденции развития отдельной отрасли экономики;

региональная составляющая LF, отражающая влияние факторов регионального уровня.

Сумма значений всех трех составляющих дает величину общего изменения численности занятых в той или иной отрасли региона как в абсолютном, так и в относительном выражении: $R=NS+IM+LF$.³

Проведем расчеты трех этих составляющих для Хабаровского края за период с 2010 по 2019 гг. Первоначально определим влияние национальной сдвигов составляющей NS. Для этого данные о численности занятых в каждой отрасли экономики Хабаровского края в базовом 2010 г. (табл. 1, столбец 6) были умножены на уровень прироста численности занятых по ДФО (-4,4%). Данные помещены в таблицу 2 (столбец 2). Темп прироста занятости по отраслям Хабаровского края рассчитан и представлен в таблице 1 (столбец 9). Общее изменение занятости (темп прироста или сокращения) R за 2010–2019 гг. (в %) представлено в табли-

³ Методика расчета составляющих изложена в статье Сарычевой Т. В. Сравнительный анализ структурных сдвигов в занятости населения региона // Статистика и математические методы в экономике. 2012. № 2. С. 170–176.

це 2 (столбец 4). Тогда легко определить суммарное влияние отраслевых и региональных факторов (IM+ LF). Данные представлены в таблице 2 (столбец 5).

Сокращение численности занятых в Хабаровском крае составило за 2010-2019 гг. 24,5 тыс. чел. (таблица 1, столбец 8). Влияние национальной сдвиг-составляющей для ДФО составило -30,45 тыс. чел. ($692,1 - 661,65 = -30,45$ тыс. чел.), что превышает общее изменение числа занятых в крае в 2019 г. Это означает, что влияние отраслевых и региональных факторов краевого уровня было положительным и выразилось в приросте занятых на 5,95 тыс. чел. ($-24,5 - (-30,45) = 5,95$).

Определим влияние отраслевой сдвиг-составляющей IM. Для этого численность занятых в каждой отрасли края в базо-

вом 2010 г. (таблица 1, столбец 6) нужно умножить на разность темпов прироста занятости по отраслям в ДФО (таблица 1, столбец 5) и общего по региону темпа изменения (сокращения) численности занятых в ДФО. Данные расчетов помещены в таблицу 3. Например, для сельского и лесного хозяйства величина IM составила: $36,6 * (-20,96 - (-4,4)) / 100 = 36,6 * (-0,1609) = -3,14$ (тыс. чел.).

Отраслевые факторы оказали положительное влияние на развитие выделенных нами выше четырех отраслей, т. е. способствовали притоку в эти сферы дополнительных трудовых ресурсов за счет их перераспределения.

Все компоненты изменения рынка труда Хабаровского края за 2010–2019 гг. сведены в таблицу 4. Анализ ее данных показывает, что самое сильное отрицатель-

Таблица 2

Национальная сдвиг-составляющая изменения занятости в Хабаровском крае

Виды деятельности	NS		изменение	
	Тыс. чел.	%	R, %	IM+ LF, %
1	2	3	4	5
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	-1,61	-4,4	-20,49	-16,09
Добыча полезных ископаемых	-0,49	-4,4	1,80	6,20
Обрабатывающие производства	-3,47	-4,4	-8,50	-4,10
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	-0,91	-4,4	-5,34	-0,94
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-0,49	-4,4	-42,86	-38,46
Строительство	-2,98	-4,4	7,53	11,93
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	-4,51	-4,4	11,99	16,39
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	-0,66	-4,4	14,77	19,17
Транспортировка и хранение	-2,72	-4,4	-3,55	0,85
Деятельность в области информации и связи	-0,63	-4,4	-23,61	-19,21
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-0,96	-4,4	-12,84	-8,44
Образование	-2,69	-4,4	-10,46	-6,06
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	-2,14	-4,4	-7,61	-3,21
Другие виды деятельности	-6,19	-4,4	-4,05	0,35
Всего	-30,45	-4,4	-3,54	0,86

Источник: составлено автором.

ное влияние на уровень занятости оказала национальная сдвиг-составляющая (на уровне федерального округа), а отраслевые и местные факторы оказали сдерживающее влияние на изменение занятости. Отрицательное влияние всех трех групп факторов сказалось на четырех видах деятельности:

сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство,

водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений,

деятельность в области информации и связи,

деятельность по операциям с недвижимым имуществом.

При наличии негативного воздействия национальной сдвиг-составляющей обнаруживается тенденция к сдерживанию падения занятости за счет положительного влияния отраслевых факторов в таких сферах, как:

оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов,

строительство,

добыча полезных ископаемых,

деятельность гостиниц и предприятий общественного питания.

Действие отраслевого фактора в этих сферах дополнялось положительным влиянием регионального фактора (за исключением строительства). В остальных сферах отраслевой фактор сыграл отрицательную роль.

Если говорить о влиянии регионального фактора LF, то данные таблицы 4 показывают, что в исследуемом периоде проводимые в крае меры способствовали сохранению и даже наращиванию численности занятых почти во всех сферах экономики. Отрицательное влияние краевой составляющей проявилось в отраслях:

водоснабжении и водоотведении,

Таблица 3

Влияние отраслевой сдвиг-составляющей на рынок труда Хабаровского края

Виды деятельности	IM		IM+ LF	LF
	Тыс. чел.	%	%	%
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	-3,14	-8,59	-16,09	-7,51
Добыча полезных ископаемых	0,37	3,32	6,20	2,88
Обрабатывающие производства	-4,07	-5,16	-4,10	1,06
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	-0,69	-3,35	-0,94	2,41
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	-1,28	-11,39	-38,46	-27,06
Строительство	9,06	13,38	11,93	-1,45
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	9,76	9,51	16,39	6,88
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,24	1,59	19,17	17,58
Транспортировка и хранение	-0,42	-0,68	0,85	1,53
Деятельность в области информации и связи	-0,68	-4,73	-19,21	-14,48
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	-0,93	-4,28	-8,44	-4,16
Образование	-4,19	-6,85	-6,06	0,79
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	-1,82	-3,75	-3,21	0,54
Другие виды деятельности	-1,13	-0,80	0,35	1,15
Всего	1,07	0,15	0,86	0,71

Источник: составлено автором.

Таблица 4

Влияние сдвиг-составляющих на рынок труда Хабаровского края, тыс. чел.

Виды деятельности	годы		Сдвиг составляющие			R
	2010	2019	NS	IM	LF	
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	36,6	29,1	-1,61	-3,14	-2,75	-7,5
Добыча полезных ископаемых	11,1	11,3	-0,49	0,37	0,32	0,2
Обрабатывающие производства	78,8	72,1	-3,47	-4,07	0,83	-6,7
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	20,6	19,5	-0,91	-0,69	0,50	-1,1
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	11,2	6,4	-0,49	-1,28	-3,03	-4,8
Строительство	67,7	72,8	-2,98	9,06	-0,98	5,1
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	102,6	114,9	-4,51	9,76	7,06	12,3
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	14,9	17,1	-0,66	0,24	2,62	2,2
Транспортировка и хранение	61,9	59,7	-2,72	-0,42	0,95	-2,2
Деятельность в области информации и связи	14,4	11	-0,63	-0,68	-2,08	-3,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	21,8	19	-0,96	-0,93	-0,91	-2,8
Образование	61,2	54,8	-2,69	-4,19	0,49	-6,4
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	48,6	44,9	-2,14	-1,82	0,26	-3,7
Другие виды деятельности	140,7	135	-6,19	-1,13	1,62	-5,7
всего	692,1	667,6	-30,45	1,07	4,88	-24,5

Источник: составлено автором.

сельском и лесном хозяйстве, деятельности в области информации и связи, строительстве, деятельности по операциям с недвижимым имуществом.

В остальных отраслях отмечается положительное действие факторов краевого уровня. Позитивное влияние отраслевых факторов привело к росту занятых в крае на 1,07 тыс. чел., а местная политика способствовала росту занятых на 4,88 тыс. чел.

Метод сдвиг-составляющих в единстве с коэффициентами локализации позволяет оценить уровень конкурентоспособности каждой отрасли региона. Исходя из значения коэффициента локализации все отрасли региона делятся на группы: отрасли специализации, среди которых можно выделить базовые отрасли и от-

расли местной специализации (М), предназначенные для сохранения, для обеспечения внутренних нужд субъекта, а также отрасли, на которых край не специализируется (Н/С); продукция этих отраслей может быть успешно замещена ввозимой из других регионов, а вопрос о перспективах их развития требует решения. Для разделения всех отраслей на эти группы имеет значение коэффициент локализации. Значение показателя на уровне 1,0 означает, что удельный вес деятельности по показателю занятости находится на уровне всего региона. Если значения показателя существенно превышают 1, делается вывод о том, что данные производства являются сферами рыночной специализации субъекта РФ, и, следовательно, в нем возможно создание кластеров [Вертакова, Рисин, Трещевский, 2016]. Если значение коэффициента ниже 1,0,

то это означает, что на данном виде деятельности субъект Федерации (край) не специализируется.

Т. В. Сарычева считает, что для отнесения отрасли к отраслям базовой специализации значение коэффициента локализации должно быть выше 1,251, а для того, чтобы отрасль не относилась к отраслям специализации, его значение должно быть менее 0,75. Виды деятельности со значением коэффициента в диапазоне от 0,75 до 1,25 относятся к отраслям местного значения [Сарычева, 2012. С. 174].

В соответствии с первым подходом, в Хабаровском крае к отраслям специализации в 2010 г. относились семь отраслей, среди которых обрабатывающие производства, строительство, водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, операции с недвижимым имуществом, деятельность в области информации и связи, другие виды.

Данные таблицы 5 показывают, что за прошедший период в экономике края произошли изменения в составе отраслей базовой специализации. В 2019 г. к ним относились только пять отраслей, среди которых несколько улучшилось положение обрабатывающих производств, что имеет для экономики края стратегически важное значение, а также деятельность гостиниц и предприятий общественного питания. Положительная динамика коэффициента локализации отражает растущее значение отрасли для экономики края, и наоборот. По-прежнему значимое, но ухудшающееся положение, занимали в крае сфера строительства и деятельность по операциям с недвижимостью. Деятельность в области водоснабжения и водоотведения, информации и связи утратили свое значение как отрасли базовой специализации, но сохранили свое значение для обеспечения внутренних потребностей края.

К отраслям местной специализации можно отнести оптовую и розничную торговлю, транспортировку и хранение, а также деятельность отраслей социальной сферы – образования, здравоохранения,

социальных услуг. Коэффициент локализации этих отраслей в течение всего периода был близок 1, но не превышал этого значения. По нашему мнению, близкие значения коэффициентов локализации разных отраслей (видов деятельности), их незначительный разброс позволяют сделать вывод о том, что экономика Хабаровского края носит диверсифицированный характер.

К отраслям, на которых край не специализируется, относятся сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство, добыча полезных ископаемых, а также производство и распределение электроэнергии. Для этих видов деятельности коэффициент локализации ниже критического значения в течение всего анализируемого периода, и положение, по сути, не меняется. В связи с этим стоит отметить, что национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока, разработанная на период до 2024 г и на перспективу до 2035 г. делает ставку на ускоренное развитие отраслевых промышленных кластеров, таких как лесопромышленный, рыбопромышленный, агропромышленный кластеры, развитие обрабатывающих производств, портово-логистического и туристического кластеров, многие из которых расположены на территории Хабаровского края, предполагает получение этими отраслями в приоритетном порядке государственной поддержки для преодоления сложившегося отставания⁴.

Анализ отраслевой структуры занятости Хабаровского края по уровню конкурентоспособности отраслей

Проведем анализ занятости в отраслях региона с позиций конкурентоспособности самих отраслей. В зависимости от темпов роста или спада они могут разделяться на типы:

сильные отрасли (растущие быстрее на региональном, чем на национальном уровне);

отстающие (растущие на национальном уровне выше региональных темпов);

ограниченно развивающиеся (падающие на региональном уровне медленнее, чем на национальном уровне),

⁴ Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.09.2020 г. № 2464-п .URL:<http://nats-programma.pdf> (minvr.gov.ru)

депрессивные (спад обнаруживается и в абсолютном, и в относительном выражении).

Результаты группировки представлены в таблице 6, данные которой отражают разное текущее состояние отраслей базовой специализации края и соответственно разные возможности перспективного развития. Деятельность в гостинично-ресторанном бизнесе обладает высокой степенью конкурентоспособности, относится к сильным отраслям, что, по нашему мнению, связано с активным развитием внутреннего и внешнего туризма. Вместе с тем доля занятых в этой сфере составляет менее 3% занятых, а вклад в производство ВРП края составляет лишь 1,4%². Необходимо проводить дополнительные исследования факторов, влияющих на развитие этой группы отраслей, чтобы обеспечить их дальнейший рост. Другая отрасль специализации, относящаяся к третичному сектору – операции

с недвижимостью, относится к слабым, депрессивным. За последние 10 лет этот рынок сократился более чем в 2 раза как по числу занятых (2,85% от общей численности занятых в 2019 г.), так и по участию в производстве ВРП (сократилось с 9,5% до 3,8%)².

Наиболее значимое положение в экономике края занимают отрасли вторичного сектора – обрабатывающие производства и строительство. Численность занятых в этих отраслях примерно одинакова (10,8% и 10,9% соответственно), однако их вклад в производство ВРП существенно отличается (9,9% и 5,6% соответственно) [Ланец, 2021. С. 75]. Тенденции развития отраслей различны. Строительная отрасль относится к числу отстающих, темпы роста ниже чем в ДФО, однако выше, чем в среднем по России. Требуется выявление причин роста и разработка мер по их дальнейшему развитию. Обрабатывающие производства в Хабаров-

Таблица 5

Распределение отраслей Хабаровского края по уровню локализации

Виды деятельности	2010	Кл.	2019	Кл.
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	0,684	Н/С	0,620	Н/С
Добыча полезных ископаемых	0,444	Н/С	0,453	Н/С
Обрабатывающие производства	1,308	Б	1,312	Б
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,733	Н/С	0,746	Н/С
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,468	Б	0,987	М
Строительство	1,221	Б	1,194	Б
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	0,945	М	0,998	М
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,001	Б	1,171	Б
Транспортировка и хранение	0,984	М	0,991	М
Деятельность в области информации и связи	1,155	Б	0,963	М
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1,256	Б	1,189	Б
Образование	0,908	М	0,908	М
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,958	М	0,955	М
Другие виды деятельности	1,100	Б	1,104	Б
всего	1	-	1	-

Примечание: Б – базовая отрасль; М – отрасль местного значения; Н/С – не является отраслью специализации

Источник: составлено автором.

ском крае в соответствии с динамикой темпов развития отнесены к группе ограниченно развивающихся. Это означает, что в крае сохраняется потенциал крупного промышленного производства, промышленность остается ядром экономики края. Однако темпы роста явно недоста-

точны, а возможности влияния органов власти на их развитие ограничены. Однако именно им, в соответствии со Стратегией развития Хабаровского края до 2030 г., отводится роль драйвера роста экономики «на основе новой индустриализации, модернизации и инноваций»¹.

Таблица 6

Группировка отраслей по уровню конкурентоспособности в Хабаровском крае

Группы видов экономической деятельности		Виды деятельности	Темпы роста занятых*		В % от общей численности занятых, 2019	Структура ВРП в % к итогу *		
			ДФО	Хабар. край		2010	2018	
Отрасли специализации	Базовые отрасли	Сильные	Гостиницы и рестораны	97,2	114,77	2,56	0,8	1,4
		Отстающие	Строительство	108,59	107,53	10,9	5,9	5,6
		Ограниченно развивающиеся	Обработка производств	90,4	91,5	10,8	15,0	9,9
			Другие виды	94,9	95,95	20,22	7,5	13,9
	Депрессивные	Операции с недвижимым имуществом	91,3	87,16	2,85	9,5	3,8	
	Отрасли местного значения	Сильные	Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств	105,1	111,99	17,21	13,0	15,9
		Отстающие	-					
		Ограниченно развивающиеся	Транспорт и хранение	94,9	96,25	8,94	19,1	19,9
			Здравоохранение	91,9	92,39	6,73	4,4	5,6
			Образование	88,8	89,54	8,21	4,8	4,5
		Депрессивные	Водоснабжение и водоотведение	84,2	57,14	0,96	0,9	0,6
	Информация и связь		90,9	76,39	1,65	2,7	2,7	
	Отрасли, на которых край не специализируется	Сильные	Добыча полезных ископаемых	98,9	101,9	1,69	4,7	6,9
		Отстающие	-					
Ограниченно развивающиеся		Производство и распределение электроэнергии, газа и пара	92,3	94,66	2,92	5,2	2,9	
Депрессивные		Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство	87,02	79,53	4,36	10,1	6,4	

* Составлено по данным Российского статистического ежегодника – 2011 и Российского статистического ежегодника – 2020 // Федеральная служба государственной статистики – официальный сайт; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Статистический сборник. Росстат. М., 2020.

Источник: составлено автором.

Для отраслей с разным уровнем конкурентоспособности рекомендованы разные сценарии региональной экономической политики. К сильным отраслям местного значения относятся оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов. Доля занятых от общей численности составила в них более 17%, значителен вклад в создание ВРП (15,9% в 2018 г.). Вместе с тем, отметим, что развитие этих отраслей сильно подвержено конъюнктурным колебаниям и требует более пристального внимания и изучения их поведения. В данном исследовании период изучения структурных сдвигов на рынке труда ограничен периодом до 2019 г., а в период пандемии (2020–2021 гг.) произошли существенные ограничения в деятельности предприятий общественного питания, торговых организаций, многих предприятий малого и среднего бизнеса, а также предприятий социальной сферы ввиду опасной эпидемиологической обстановки. Численность предприятий третичного сектора в пандемийный период подверглась сильным колебаниям, а тенденции развития отраслей могли кардинально измениться, что требует дополнительных исследований.

Среди отраслей местного значения следует обратить внимание на транспортную отрасль. Ее вклад в создание ВРП края в 2018 г. существенно выше других отраслей экономики и составлял около 20%, а численность занятых лишь 9% от общей численности занятых в крае. Вместе с тем, исходя из полученных расчетов, она относится к числу ограниченно развивающихся, а перспективы развития зависят не только от региональных, но, прежде всего, национальных факторов. Отметим, что мероприятия по развитию транспортной сети на территории края предусмотрены национальной программой социально-экономического развития Дальнего Востока⁴. Учитывая огромное значение транспортной отрасли для развития всего Дальнего Востока, региону необходимо уделить внимание подготовке кадров для этой сферы, а также политике сохранения кадрового потенциала отрасли.

К сильным отраслям, не относящимся к отраслям специализации, относится до-

быча полезных ископаемых. Численность занятых в отрасли растет, хотя очень незначительными темпами. К числу факторов роста отрасли можно отнести значительный вклад в создание ВРП, который выше, чем в строительстве, сельском хозяйстве или здравоохранении, где численность занятых намного выше. Динамика показателей развития отрасли отражает положительные тенденции в течение всего периода. Край обладает огромным природно-ресурсным потенциалом, это преимущество влияет на выбор политики поддержки и ускоренного развития этой отрасли со стороны федеральных и краевых структур, что, по нашему мнению, вполне оправдано.

Заключение

Реализация мероприятий национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. в Хабаровском крае предусматривает перевод многих отраслей на новую технологическую основу, развитие энергетической, транспортной, железнодорожной и газовой инфраструктуры для их ускоренного развития⁴. Комплекс таких мер рассчитан на повышение эффективности функционирования как отдельных отраслей экономики края, так и экономики всего дальневосточного региона. Результаты проведенного анализа показывают, что метод сдвиг-составляющих в единстве с другими критериями оценки может служить объективным основанием для выработки эффективной социально-экономической политики, концентрации ресурсов для развития перспективных отраслей, прогнозирования потребности в персонале и своевременного формирования кадров для рынка труда. С учетом стоящих перед краем и всем регионом стратегических целей ускоренного развития следует обратить внимание на те тенденции, которые сформировались в структуре занятости на отраслевых рынках, чтобы своевременно выявлять проблемные зоны в развитии ведущих отраслей и формировать адекватный комплекс мер по усилению действия благоприятных и нивелированию негативных факторов.

Список источников:

1. Ахапкин Н. Ю. Структурные изменения на российском рынке труда (региональный аспект) // Вестник ИЭ РАН. 2019. № 6. С. 26–40.
2. Блам Ю. Ш., Речко Г. Н., Фридман Ю. А., Ягольницер М. Я. Мониторинг структурных сдвигов в экономике региона с использованием показателя занятости // Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспект. Новосибирск, ИЭ и ОПП СО АН РАН, 2001. Вып. 2. С. 74–91.
3. Вертакова Ю. В., Рисин И. Е., Трещевский Ю. И. Итерационная технология оценки условий кластеризации в региональном экономическом пространстве // Экономика и управление. № 4 (126). 2016. С. 11–19.
4. Волков С. И. Структурные сдвиги на региональных рынках труда (Материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Управление и общество: от традиций к реформам», Тамбов, 2.04.2015) // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. 2015. № 2(10). С. 14–19
5. Коровкин А. Г., Полежаев А. В., Андрюнин А. В. Структурные изменения и взаимодействия региональных рынков труда: методы и анализ // Проблемы прогнозирования. 2002. №4. С. 134–138. URL: User/Downloads/strukturnye-izmeneniya-i-vzaimodeystviya-regionalnyh-rynkov-truda-metody-i-analiz.pdf
6. Кочкина Е. М., Радковская Е. В., Дроботун М. В. Региональный рынок труда: тенденции и структурные сдвиги (на примере Свердловской области) // Фундаментальные исследования. 2017. № 11 (часть 2). С. 408–413.
7. Кузнецов С. Г. Структурные сдвиги в занятости и качество экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования. 2020. С. 504–520. DOI 10.47711/2076-318-2020-504-520. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/12/strukturnye-sdvigi-v-zanyatosti-i-kachestvo-ekonomicheskogo-rosta>
8. Ланец Т. Н., Ланец С. А. Структурные сдвиги на отраслевом рынке труда Хабаровского края // Вестник Российского нового университета. Серия Человек и общество. 2021 № 3. С. 72–79.
9. Миляева Л. Г. Анализ структурных изменений в занятости населения методом сдвиг-составляющих. URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/2001-2/19/pap_19.html.
10. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения // Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ. Центр стратегических разработок, 2017. URL: www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf 2017
11. Сарычева Т. В. Сравнительный анализ структурных сдвигов в занятости населения региона // Статистика и математические методы в экономике. 2012. № 2. С.170–176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-strukturnyh-sdvigov-v-zanyatosti-naseleniya-regiona/viewer>

References:

1. Akhapkin N. Yu. (2019) Structural changes in the Russian labor market (regional aspect) *Vestnik IE RAN* [Vestnik IE RAS]. No. 6: 26–40. (In Russ.)
2. Blam Yu. Sh., Rechko G. N., Fridman Yu. A., Yagolnitser M. Ya. (2001) Monitoring of structural shifts in the regional economy using the employment indicator *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii: regional'nyy i otraslevoy aspekt* [Economic development of Russia: regional and branch aspect]. Novosibirsk, IE i OPP SO AN RAN. Issue. 2: 74–91. (In Russ.)
3. Vertakova Yu. V., Risin I. E., Treshchevsky Yu. I. (2016) Iterative technology for assessing clustering conditions in the regional economic space *Ekonomika i upravleniye* [Economics and Management]. No. 4 (126): 11–19. (In Russ.)
4. Volkov S. I. (2015) Structural shifts in regional labor markets (Materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference «Management and Society: From Traditions to Reforms», Tambov, 2.04.2015) *Politicheskoye upravleniye: nauchnyy informatsionno-obrazovatel'nyy elektronnyy zhurnal* [Political management: scientific information and

educational electronic journal]. No. 2(10): 14–19 (In Russ.)

5. Korovkin A. G., Polezhaev A. V., Andryunin A. V. (2002) Structural changes and interactions of regional labor markets: methods and analysis *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting]. No. 4: 134–138. URL: User/Downloads/strukturnye-izmeneniya-i-vzaimodeystviya-regionalnyh-rynkov-truda-metody-i-analiz.pdf (In Russ.)

6. Kochkina E. M., Radkovskaya E. V., Drobotun M. V. (2017) Regional labor market: trends and structural shifts (on the example of the Sverdlovsk region) *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental research]. No. 11 (part 2): 408–413. (In Russ.)

7. Kuznetsov S. G. (2020) Structural shifts in employment and the quality of economic growth *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya* [Scientific works: Institute of Economic Forecasting]: 504–520. DOI 10.47711/2076-318-2020-504-520. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2020/12/strukturnye-sdvigi-v-zanyatosti-i-kachestvo-ekonomicheskogo-rosta> (In Russ.)

8. Lanets T. N., Lanets S. A. (2021) Structural shifts in the sectoral labor market of the Khabarovsk Territory *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya Chelovek i obshchestvo* [Bulletin of the Russian New University. Series Man and Society]. No. 3: 72–79. (In Russ.)

9. Milyaeva L. G. (2001) Analysis of structural changes in employment of the population using the shift-component method. URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/2001-2/19/pap_19.html. (In Russ.)

10. Russian labor market: trends, institutions, structural changes (2017). Report of the Center for Labor Research (CETI) and Labor Market Research Laboratory (LIRT) NRU HSE. Center for Strategic Research. URL: www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf 2017 (In Russ.)

11. Sarycheva T. V. (2012) Comparative analysis of structural shifts in the employment of the population of the region *Statistika i matematicheskiye metody v ekonomike* [Statistics and Mathematical Methods in Economics]. No. 2: 170–176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-strukturnyh-sdvigov-v-zanyatosti-naseleniya-regiona/viewer> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted 19.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 12.05.2022.

Информация об авторе

Т. Н. Ланец – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал

Information about the author

T. N. Lanets – Candidate of Economics, Associate Professor the chair of management and business law, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 336.2

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-101-112

Дискуссионные аспекты налоговых отношений: авторский взгляд

Елена Степановна Осипова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал Хабаровск, Россия, osipovaes2006@rambler.ru

Аннотация. Трактовка налога как «безвозмездного платежа» сужает роль и место налоговых отношений в экономической системе, вызывает разнообразные негативные процессы на стадии его формирования и уплаты. Данный вопрос является одним из дискуссионных в сфере налоговых отношений и важным для формирования адекватного восприятия налоговой системы бизнесом и населением. Источником всех налогов является добавленная стоимость. Последняя содержит в себе факторы, которые формально принадлежат юридическому лицу, но по сути являются заслугой трудового коллектива. Отсюда и возникает сложность однозначного разделения налогов между разными категориями налогоплательщиков. В фазе конечного потребления товаров и услуг деление налоговой нагрузки между юридическими и физическими лицами теряет смысл, ибо она полностью ложится на благосостояние населения. Суть налога на добавленную стоимость неочевидна не только для населения, но и практиков. Объяснение прибыли «предпринимательскими способностями» как фактором производства безосновательно: три классических фактора: труд, земля и капитал вполне объясняют происхождение прибыли. Также и уникальная роль бизнесмена в формировании прибыли неоспорна. Бизнесмен (собственник) и наёмные работники объединяют свои усилия для более эффективного ведения деятельности и улучшения благосостояния всех участников производственного процесса. Прогрессивный подоходный налог воплощает в себе принцип справедливости налогообложения и сглаживает социальное неравенство в обществе. Введение с 2021 года в России дополнительной ставки рассматривается как введение прогрессивной шкалы, но реализует ли это в полной мере принцип социальной справедливости? Все эти вопросы автор критически рассматривает в статье, даёт свою интерпретацию и аргументацию процессов и явлений.

Ключевые слова: налог, сущность налога, налоговая нагрузка, налоговые отношения, добавленная стоимость, налог на доходы физических лиц, социальная справедливость

Для цитирования: Осипова Е. С. Дискуссионные аспекты налоговых отношений: авторский взгляд // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 101–112. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-101-112>

Debatable aspects of tax relations: the author's view

Elena S. Osipova

The Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia, osipovaes2006@rambler.ru

Abstract. Interpretation of the tax as a «gratuitous payment» impoverishes (narrows) the role and place of tax relations in the economic system, causes a variety of negative processes at the stage of its formation and payment. This issue is one

of the debatable in the field of tax relations and is important for the formation of an adequate perception of the tax system by business and the population. The source of all taxes is the value added. The latter contains factors that formally belong to a legal entity, but in fact are the merit of the labor collective. This is where the complexity of the unambiguous division of taxes between different categories of taxpayers arises. In the phase of final consumption of goods and services, the division of the tax burden between legal entities and individuals loses its meaning, because it completely falls on the well-being of the population. The essence of the value added tax is not obvious not only to the public, but also to practitioners. The explanation of profit in terms of «entrepreneurial ability» as a factor of production is far-fetched. Three classical factors: labor, land and capital fully explain the origin of profit. Also, the unique role of the businessman in the formation of profits is undeniable. A businessman (owner) and employees combine their efforts to conduct business more efficiently and improve the well-being of all participants in the production process. Progressive income tax embodies the principle of fair taxation and mitigates social inequality in the society. The introduction of an additional rate in Russia from 2021 is considered as the introduction of a progressive scale, but does this fully implement the principle of social justice? The author critically examines all these issues in the article, gives his interpretation and argumentation of processes and phenomena.

Keywords: *tax, the essence of tax, tax burden, tax relations, value added, personal income tax, social justice*

For citation: Osipova S. O. Debatable aspects of tax relations: the author's view // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp.101–112. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-101-112>

Введение

Экономисты нередко трактуют налоги как платежи, затраты, издержки, поборы. Это верно, но лишь отчасти. Налоговые отношения (именно налоговые отношения, а платежи – лишь форма их реализации) сложны, многогранны и противоречивы. Многие из них рассматривались в ранних публикациях автора.¹ Другие стороны экономических отношений представлены в авторской интерпретации в настоящей статье, некоторые из них дополнены.

Статья имеет цель рассмотреть и конкретизировать в авторской интерпретации отдельные дискуссионные стороны налоговых отношений. В связи с этим ставятся следующие основные задачи: рассмотреть и уточнить суть налога и налоговых отношений в обществе; уточнить место предпринимательских способностей в составе факторов производства; определить роль физических лиц в формировании валового внутреннего

продукта (далее – ВВП) и бюджета страны; показать сложность деления налогов между физическими и юридическими лицами; показать, что налоги могут быть и расходами, и доходами у различных групп населения.

Подходы к определению сущности налога

Налоговые отношения являются, пожалуй, одной из самых дискуссионных сфер экономических отношений, поскольку в них встречаются разнонаправленные интересы налогоплательщиков и государства. На современном этапе развития общества эти противоречия решаются компромиссным путём через оптимизацию налоговой нагрузки с использованием налоговых инструментов. Взаимоотношения власти и бизнеса в настоящее время построены на принципе сотрудничества: власть создаёт эффективные условия для ведения бизнеса, а бизнес является генератором налоговых поступлений; налоговое администри-

¹ Осипова Е. С. К вопросу о разграничении налоговой нагрузки между юридическими и физическими лицами // *Налоговая политика и практика*. 2018. № 8. С. 78–80; Осипова Е. С. Сложности и противоречия налоговых отношений // *Налоги*. 2020. №1. С. 14–18.

рование находится на высоком уровне; формирование культуры грамотного и добросовестного налогоплательщика стало нормой жизни. В то же время до сих пор сохраняется трактовка налогов как безвозмездных платежей, что препятствует пониманию бизнесом и населением сути налоговых отношений (например, статья 8 НК РФ).² На самом деле через эти платежи осуществляются сложные и важные экономические отношения между различными организациями, гражданами и обществом (государством). Налоги важны в решении вопросов жизнедеятельности общества: обороны страны и укрепления внутреннего правопорядка, охраны здоровья населения, его социальной поддержки и просвещения, подготовки кадров и других сферах экономики.

Юристы, как правило, критически рассматривают определение налога, данное в Налоговом кодексе РФ, на предмет соответствия правовым нормам, и уточняют его с этой точки зрения [Васильева, 2016; Гуреев, 2015]. Для разрешения налоговых споров, защиты законных прав и интересов налогоплательщиков требуются чёткие формулировки с целью разграничения налогов от иных обязательных платежей, но не для понимания экономической природы налогов и их роли в обществе.

Многие ученые исследуют сущность налога, опираясь на историю развития данной категории [Иванова, 2011; Полянская, 2015; Привалова, 2006; Пушкарёва, 2015; Сидорова, Черевиченко, 2017]. Отдельные авторы этим и ограничиваются, не предлагая собственной дефиниции, рассматривая современный этап развития общества, останавливаясь на разборе определения налога, данного Налоговым кодексом РФ.³ При этом согласимся с А. В. Сидоровой и Т. С. Черевиченко в том, что представление о сущности налога будет развиваться одновременно с трансформацией общественных отношений.

Исследование сущности налога С. Г. Приваловой опирается на две концепции конца XIX в., «которые легли в основу развития всех научных теорий, в том числе по построению эффективной налоговой системы» [Привалова, 2006. С. 107, 108]. Одну из них автор называет абсолютной (абсолютное право государства требовать уплаты налогов, а абсолютная обязанность граждан – платить налоги). В связи с этим и появляется такое качество налогов, как принудительность взимания без предоставления налогоплательщику соответствующего эквивалента. Вторую концепцию предлагает называть относительной, в которой налог выступает ценой за услуги государства. Соответственно этим подходам ведущие теории налогов основывались на той или иной концепции. Завершая своё исторически-логическое исследование, С. Г. Привалова предлагает такую формулировку: «регламентированные и правозакрепленные государством денежные отношения, выступающие в виде относительно безвозмездного (индивидуально безэквивалентного) изъятия части ВВП в форме обязательных периодических взносов юридических и физических лиц в бюджет и/или внебюджетные фонды для обеспечения потребностей общества, определяют сущность налога» [Привалова, 2006. С. 114].

Нестандартный подход для познания социально-экономической сути налога посредством категорий философии на основе диалектического метода мышления предлагает Н. М. Полянская: при помощи философских категорий (бытие, материя, пространство, время, качество, количество, противоречие, причина, следствие, содержание и форма) демонстрирует, как можно сформулировать дефиниции налогов [Полянская, 2015. С. 282]. На наш взгляд, автору это удаётся в тех случаях, когда та или иная философская категория позволяет обозначить конкретный признак налога. Например, «время» она свя-

² *Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая и вторая. Москва: Проспект, 2022. С. 10.*

³ *Под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения, принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.*

зывает с признаком «смена собственника», «пространство» в контексте налогообложения видит как взаимодействие граждан и государства по вопросам взимания налогов, «количество и качество» предлагает как основу для определения основных элементов налога: налогоплательщики, объект, ставка, налоговый период и т. п. [Полянская, 2015. С. 282–283]. В остальных случаях попытки увязать суть философской категории и характеристики налогов (налогообложения) не столь очевидны и конкретны. Да и сам автор в итоге не даёт формулировку в соответствии с логикой своих рассуждений, а констатирует, что «...налог – это общая категория, которой подчиняются такие частные категории, как налогообложение и налоговая система (система налогообложения) во всём многообразии форм их практического использования» [Полянская, 2015. С. 284]. Разделяем мнение автора, что для более полного познания сути налога необходимо использовать и функциональный подход, поскольку он позволяет увидеть, как реализует своё предназначение данная социально-экономическая категория в практике.

Отдельное место в изучении вопроса сущности налога следует отнести учебным изданиям, поскольку они в настоящее время по сути являются научно-просветительскими и подготовлены ведущими российскими учёными-налоговедами. О необходимости развития исследований в области теории налогообложения говорил д.э.н., профессор В. Г. Пансков: «В большинстве учебников, как правило, даются понятия и определения, взятые из Налогового кодекса, или же отражается исключительно позиция автора данного издания... большинство из выпускаемых бакалавров и магистров оказывается неспособными мыслить творчески и затем, придя в науку, стараются заняться исследованием чисто практических вопросов, всячески обходя стороной проблемы теории налогообложения» [Пансков, 2015. С. 451].

В специализированной литературе сохраняется приверженность пониманию налога как «индивидуально безвозмездного» платежа. Например, у В. Г. Панскова эта позиция неизменна [Пансков, 2015. С. 453–455; Пансков, 2018. С. 24]. Критически рассматривая определение налога, данного в НК РФ, он делает акцент на нечёткость формулировки, которая не позволяет определённо разграничить налоги и другие виды платежей, т. е. на внешние атрибуты. Это важно для практики налогообложения, но дефиниция налога «...это обязательный, индивидуально безвозмездный, относительно регулярный и законодательно установленный государством взнос, уплачиваемый лицами, признаваемыми налогоплательщиками, в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований», на наш взгляд, не даёт представления о природе налога и его социально-экономическом предназначении. В словаре финансово-экономических терминов налог также трактуется как «обязательный, индивидуальный, безвозмездный платёж...» [Шаркова, Килячков, Маркова и др., 2015. С. 342].

Однако можно констатировать, что за последние 10–15 лет произошли определённые изменения в подходах к изучению экономической категории «налог». Налоги раскрывают, опираясь на основные признаки, и также рассматривают экономическую суть, что ранее нечасто встречалось в учебных изданиях. Если раньше большинство мнений основывалось на определении налога, данном в НК РФ⁴, то в настоящее время говорят уже не столько о безвозмездности, сколько о безэквивалентности. М. В. Романовский и Е. А. Фирсова, рассмотрев историческую эволюцию данной категории, приводят формулировку, в которой налог звучит как «индивидуально безэквивалентное движение денежных средств», что точнее отражает взаимоотношения налогоплательщиков и государства⁵. И. В. Горский, опираясь на основные признаки, говорит

⁴ Более подробно эволюция взглядов на сущность налога рассмотрена в монографиях автора настоящей статьи, например, Осипов С., Осипова Е. *Налоговый потенциал экономики России. Анализ формирования и методы измерения*. Academic Publishing. Германия. 2015 г., 198 с.

⁵ *Налоги и налогообложение: учебник для академического бакалавриата / под ред. М. В. Романовского, Н. Г. Ивановой. М.: Издательство Юрайт. 2014. 441 с. – С. 23.*

о налоге как «безэквивалентном обязательном сборе, взимаемом государством на законном основании и являющимся источником формирования централизованных финансовых фондов»⁶. Ряд учёных экономическую суть налога понимают как «отношения по поводу перераспределения валового внутреннего продукта с целью формирования доходной части бюджета государства», с чем нельзя не согласиться⁷. Но если Л. Н. Лыкова говорит об изъятии в пользу государства (пусть и для дальнейшего финансирования государственных услуг), то Черник Д. Г. – в пользу общества, что, с нашей точки зрения, является более корректным и не противопоставляет налогоплательщиков и государство. Заметим, что «движение денежных средств» — это лишь форма движения натурально-вещественного состава ВВП.

Объединяет эти формулировки то, что в них воплощена в большей мере формальная сторона процесса: «формирование денежного фонда», «движение денежных средств», «для выполнения органами власти (или государства) своих функций». Однако суть налоговых отношений намного глубже и не столь очевидна в отличии от формальных проявлений. Термин «безвозмездность» противоречит реальным экономическим процессам и функционированию системы здравоохранения, социального обеспечения, правопорядка и других сфер. Все налоги, поступив в бюджет, возвращаются обратно населению через финансирование различных социально-экономических программ и в виде денежных выплат.

Также неубедительно звучит мысль о том, что «индивидуальная безвозмездность налогового платежа означает что факт уплаты налога налогоплательщиком не порождает встречной обязанности

государства совершать какие-либо действия, предоставлять товары или услуги конкретному налогоплательщику»⁸. Напротив, налогоплательщики доверяют часть своего трудового дохода в виде налогов государству как структуре, которая может распорядиться ими эффективно и в пользу широких слоёв населения. Общественный договор между законодательной и исполнительной властью и гражданами закреплён в Конституции РФ, в других нормативных документах и демократических процедурах.

Налоги действительно возвращаются индивидуально в неэквивалентной форме, что обусловлено дифференциацией в доходах и уровне жизни населения. И эти различия должны быть учтены и воплощены в системе налогообложения и государственной поддержке малообеспеченных слоёв населения. Можно сказать, что экономическое призвание налогов заключается в перераспределении общественных средств с целью обеспечения равного доступа в конечном потреблении благ населению с разными доходами и тем самым в выравнивании социального неравенства. В связи с этим пониманием сущности налогов авторская трактовка звучит следующим образом: «Налог – это категория, характеризующая экономические отношения, возникающие в процессе перераспределения доходов между различными социальными группами населения».⁹

Рассматривая содержательность налоговых отношений следует основываться на факторах производства, формирующих доходы, которые затем облагаются различными налогами. Кроме давно обоснованных трёх факторов производства (земля, труд и капитал) на определённом этапе появился четвёртый – предпринимательские способности, использование

⁶ *Налоги и налогообложение: учебник и практикум для СПО / Л. Н. Лыкова. М.: Издательство Юрайт, 2016. 353 с. – С. 17.*

⁷ *Налоги и налогообложение: учебник / коллектив авторов; под ред. Л. И. Гончаренко. – Москва: КНОРУС, 2018. – 240 с. – С. 36; Налоги: Учебное пособие / Под ред. Д.Г. Черника. 4-е изд.; перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2000. 544 с. – С. 14, 17.*

⁸ *Налоги и налогообложение: учебник и практикум для СПО / Л. Н. Лыкова. М.: Издательство Юрайт, 2016. 353 с. – С. 11.*

⁹ *Более развернуто обоснование авторской дефиниции рассмотрено в монографиях, например, Осипова Е. С. Теоретические аспекты трансформации системы налогообложения: от налога до налогового потенциала. Хабаровск: Изд-во ДВИ-филиал РАНХиГС, 2013. 89 с.*

которых в процессе производства приносят доход в виде прибыли. [Макконнелл, Брю, 1995, С. 182].

По-нашему мнению, они также уникальны, как и профессиональные характеристики других профессий. Предприниматели зачастую сами непосредственно управляют производством и получают за это вознаграждение (заработную плату, дивиденды). Но выделять предпринимателей в особый фактор производства для объяснения происхождения прибыли иллюзорно. Все три фактора, задействованные в процессе производства, формируют различные виды доходов (ренту, заработную плату, капитал и прибыль), которые являются источниками всех налогов.

О достоверности разделения налоговой нагрузки между юридическими и физическими лицами

В ходе реализации права на труд граждане формируют общенациональный доход в стоимостной форме – валовой внутренний продукт (ВВП) и в натурально-вещественной форме – промышленные товары, продукты питания и другие. Натуральное содержание ВВП формируется в материальном секторе экономики в общественно организованной и индивидуальной формах деятельности (подсобное хозяйство, заготовка ягод, грибов, и прочее). Деятельность граждан в сфере услуг объективно необходима для обеспечения полноценного функционирования общества, и они являются соучастниками процесса формирования стоимостной формы ВВП. Их вклад в ВВП, как его составную часть, является также доходом членов общества. Эта часть общественного дохода через налоги трансформируется в бюджеты. В контексте изложенного логического анализа налоги являются доходом государства, его отдельных структур и граждан – работников некоммерческого сектора экономики.

Реальные экономические процессы развиваются зачастую противоречиво и возникает множество нюансов и их интерпретации. Доходы всегда трансформируются в расходы. Например, основной доход граждан – зарплата становится расходом, когда совершаются покупки. Но она тут же превращается в доходы

различных фирм и их работников. Заметим, что на принципе трансформации доходов в расходы и наоборот базируется балансовый метод учёта результатов хозяйственной деятельности.

Представленные замечания теоретического характера позволят, надеемся, внести некоторую ясность в сложную и деликатную систему налоговых отношений. Например, какое должно быть соотношение вклада юридических и физических лиц в формирование бюджетов всех уровней? Налог на добавленную стоимость (НДС) – это налог на юридическое или физическое лицо? Можно оценивать по-разному.

Одни виды налогов уплачиваются непосредственно из личного дохода (налог на доходы физических лиц, налог на доходы в виде дивидендов). Другие увеличивают стоимость факторов производства, из которой затем осуществляются платежи в бюджет (НДС, таможенные пошлины, акцизы). Третьи виды платежей по технологии формирования очень похожи на налоги, но по своей экономической сути таковыми не являются. Речь идет о фондах социального страхования (ФСС). Они формируются из недополученных гражданами в личное распоряжение части своего дохода, созданного индивидуально или в общественно-организованной форме. Взносы в пенсионный фонд перечисляются персонифицировано, взносы в фонды медицинского и социального страхования в общественно организованной форме и обезличено. Граждане страхуют себя за счёт части своего дохода от различных неблагоприятных событий лично или обезличено. Похожесть ФСС на налоги не должно вводить в заблуждение читателей.

У хозяйствующих субъектов и государства имеется немало разнонаправленных экономических интересов. Для юридического лица безусловно налоговые платежи являются издержками, уменьшающими их экономические возможности по улучшению благосостояния своих работников. Компромисс интересов заключается в оптимизации уровня экономических отношений между государством и бизнесом, между хозяйствующими субъектами, между юридическими и физи-

ческими лицами, между социальными и профессиональными группами граждан, имеющими различные уровни доходов, между различными видами бизнеса, отраслями и субъектами РФ. Универсальных формул гармонизации этих процессов не существует, и они решаются преимущественно опытным путём.

Сложность и противоречивость экономических интересов обуславливают разнообразие видов налогов. В качестве обобщающего налога мог быть НДС, поскольку общим источником всех налогов является добавленная стоимость (близкая по своему содержанию ВВП). Но в этом случае из-под дифференцированного налогообложения выпадают многие социальные и профессиональные группы работников, имеющих различные уровни доходов.

Не утихают страсти по поводу высокой налоговой нагрузки на бизнес и необходимости её облегчения. Представители бизнеса и власти озвучивают подобное мнение в различных телевизионных дискуссиях и интервью. Олег Филиппов, гендиректор строительной компании «Центррегионстрой»: «Общая налоговая нагрузка... по данным опрошенных предприятий и непосредственно моей группы компаний, не соответствует декларируемому 34–35% общей налоговой нагрузки... по данным управленческого учета малых и средних предприятий, ... так называемая стартовая экономика и России и мира, составляет от 45% до 47% ..., хотя налоговая инспекция и декларирует снижение фискальных взносов в противовес, допустим, повышению НДС, на самом деле практика говорит о том, что в общем фактическая налоговая нагрузка растёт». Юрий Савелов, президент группы компаний «Сириус»: «... В конкретно нашем бизнесе налоговая нагрузка очень сильная». Алексей Петропольский, владелец сети кофеен Take&Wake также гово-

рит о росте налоговой нагрузки за счет повышения налогов и налоговых обязательств по проверке контрагентов.¹⁰ Министр финансов РФ Антон Силуанов в интервью РБК 20 февраля 2020 г. говорил о высокой нагрузке на труд: «Страховые взносы, которые платят работодатели за каждого сотрудника, в России чрезмерно высоки, но вопрос их снижения следует тщательно проработать, чтобы компенсировать ущерб внебюджетным фондам и не нарушить баланс федерального бюджета».¹¹

Видимо, это будет вечной проблемой. Но в случае снижения налоговой нагрузки, в том числе и за счёт предоставления налоговых льгот, под угрозой – финансирование государственных и муниципальных полномочий. Возможности компенсации отмеченных потерь за счёт повышения эффективности бизнеса нередко иллюзорны. Окончательную оценку может дать только последующая практика. Поэтому к решению проблемы снижения налоговой нагрузки надо подходить взвешенно. Также следует учитывать, что использование объективного интегрального показателя для оценки налоговой нагрузки является ключевым аспектом. Если на уровне страны используется показатель ВВП, то на уровне хозяйствующего субъекта – разнообразные показатели, не соответствующие ему по содержанию, например, прибыль, выручка, валюта баланса и другие показатели. В связи с этим и значение налоговой нагрузки может иметь серьёзную вариативность. Автор обращал ранее внимание на эту проблему.¹² Кроме этого, количественный состав налогов влияет на величину показателя. В 2020 г. нагрузка по всем доходам консолидированного бюджета РФ составила 35,7%, без неналоговых поступлений (с учётом таможенных пошлин) – 27%. Если исключить взносы на обязательное соци-

¹⁰ Работать по-старому не получается». Что говорят предприниматели о росте налоговой нагрузки? URL: <https://www.bfm.ru/news/417913>

¹¹ Силуанов назвал «запредельной» налоговую нагрузку на труд Когда будет возможно снижение страховых взносов и за чей счет. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/02/2020/5e4e87289a79474ea74e7a58>

¹² Осипова Е. С., Осипов С. А. Проблемы оценки налоговой нагрузки хозяйствующих субъектов // Экономика и предпринимательство. 2014. Часть 3. №12. С. 433–440

альное страхование, то – 19,4%.¹³

Или рассмотрим следующий аспект налоговых отношений: кто вносит решающий вклад в формирование бюджетов – юридические или физические лица? Для этого надо уточнить кто является юридическим лицом. Самое общее и абстрактное определение юридического лица – это группа профессионально подготовленных людей, объединившихся для эффективного решения экономических, социальных, моральных проблем, своих и общественных. Возможны разные уточнения данного определения. Все доходы создаются физическими лицами, работающими индивидуально или в составе трудового коллектива. Все налоги они уплачивают лично или через посредника, в качестве которого выступают юридические лица. Прибыль также создаётся наёмной рабочей силой при соучастии в этих процессах бизнесменов, и её часть в виде дивидендов принадлежит работникам трудового коллектива. Точка зрения, что прибыль является собственностью предпринимателя, была характерна для «первобытного капитализма»¹⁴. В настоящее время капиталистические производственные отношения и распределение доходов значительно социализировались, а происхождение необоснованных доходов отдельных членов общества является предметом криминальных расследований.

Обратим внимание на то, что все товары и услуги (ВВП) потребляются людьми, а значит, в конечном счёте всю налоговую нагрузку по всем налогам несут физические лица непосредственно (НДФЛ, налог на имущество физических лиц, транспортный налог) или через различные цены (косвенные и другие налоги). В процессе производства, обмена и распределения полноправно участвуют юридические лица, но всё же, в конечном счёте как посредники в решении экономических и социальных прав граждан.

Дискуссионные аспекты НДС и НДФЛ

В контексте высокой налоговой нагрузки критике подвергается НДС, занимающий 34,7% в налоговых доходах (взносы на социальное страхование не учитывались в налоговых доходах) и 18,8% в доходах консолидированного бюджета РФ¹⁵. По существу – это налог на почти валовой внутренний продукт, созданный факторами производства. Его трансформации (снижение или увеличение ставки, введение льгот, изменение порядка уплаты) и их последствия рассматривают исключительно с позиции налогоплательщиков – организаций и индивидуальных предпринимателей. Однако процедура начисления и уплаты налога никак не затрагивает экономические интересы предприятия (сформированного ими дохода): когда население приобретает товары, услуги и работы, оно оплачивает НДС. Данный налог не является доходом бизнеса, и последний вносит его сумму в бюджет как посредник. Следовательно, говорить о тяжести НДС следует с точки зрения благосостояния населения. Этим налогом реальная стоимость увеличивается на 20% (10%) без соответствующего материально-вещественного содержания, что формирует инфляционные процессы (рис. 1).

Бизнес считает НДС исключительно своей налоговой нагрузкой и борется за снижение ставки; отказывается сотрудничать с неплательщиками налога; разрабатывает схемы для ухода от налога, а налоговые органы сосредоточили администрирование на выявлении несоответствий в отчетности налогоплательщиков. Эти проблемы произрастают из действующего зачётного способа формирования и непонимания сути налога. Переход на прямое обложение добавленной стоимости существенно снизил бы напряжённость отношений, упростил и удешевил налоговое администрирование.

¹³ Рассчитано по: *Российский статистический ежегодник. 2021: Стат.сб. / Росстат. М., 2021. С. 49, 513.*

¹⁴ Авторский термин, отражающий взгляд на существо общественно-экономических отношений в период формирования рыночной экономики в России.

¹⁵ Рассчитано по: *Российский статистический ежегодник. 2021: Стат.сб. / Росстат. М., 2021 С. 513.*

Рис. 1. Состав добавленной стоимости и валового внутреннего продукта

ЛПХ – доходы от личного подсобного хозяйства, сбора дикоросов и т. п.;
 ФСС – фонды социального страхования;
 ДС₀ – добавленная стоимость, созданная факторами производства;
 ДС₁ – добавленная стоимость, увеличенная на НДС;
 ВВП₀ – валовой внутренний продукт, созданный факторами производства;
 ВВП₁ – валовой внутренний продукт, увеличенный на НДС

НДФЛ на первый взгляд стал прогрессивным, но прогрессия из двух ставок явно не учитывает различия в доходах бедных и богатых членов общества (коэффициент дифференциации доходов составляет 15–16 раз только по официальной статистике; в 2020 г. – 14,8¹⁶). Но к высоким доходам (превышающим 5 млн руб. в год) применяется ставка 15%, а не 35% и выше как за рубежом. Например, в 2022 г. максимальная ставка в прогрессивной шкале налогообложения на Кипре составила 35%, в Китае и Австралии – 45%, в Бельгии – 50%, Дании – 65%, хотя есть страны с предельной ставкой ниже 35% или применяется плоская шкала налогообложения.¹⁷ Вся эта неадекватность происходит за счёт ресурсов населения, в том числе и через налоги. Есть и другие аспекты обложения данным налогом, которые более тя-

желым бременем ложатся на плечи малообеспеченного населения. Например, спорной является социальная справедливость обложения вкладов свыше одного миллиона, поскольку для населения со средними доходами это практически единственный способ накопить средства для взноса по ипотечному кредиту или «на чёрный день». Эти проблемы неоднократно озвучивались в других публикациях автора.¹⁸

Вывод

Представленный материал затрагивает проблематику ключевых аспектов налогообложения. Их понимание и интерпретация адекватно реально происходящим в экономике и обществе процессам необходимы как для научной среды, так и практиков, и населения. Основным дискуссионным вопросом остаётся трактовка сущности налога. В научной среде

¹⁶ Российский статистический ежегодник. 2021: Стат.сб. / Росстат. М., 2021 С. 162.

¹⁷ Key Data on World Taxes, Income Tax Rates, Tax Rates Comparison Table, Business & Finance Worldwide. URL: <https://www.worldwide-tax.com/> (дата обращения 01.06.2022 г.)

¹⁸ Осипова Е. С., Осипов С. А. Парадоксы налогообложения добавленной стоимости // *Налоги*. – 2017. - №2. - С.15-18; Осипова Е. С. Эксперимент в налогообложении добавленной стоимости и его экономическая логика // *Налоги*. 2019. №1. С. 23–27; Осипова Е. С. Прогрессивное налогообложение доходов как условие социальной справедливости // *Налоги*. 2016. №1. С.10–16; Осипова Е. С. Механизм действия и социальная справедливость изменений по НДФЛ // *Налоги*. 2021. №1. С. 20–25.

сформировано понимание сути налога, соответствующее реалиям налогово-экономических процессов, но среди бизнесменов и населения на слуху термин «безвозмездность налога», что не способствует развитию культуры восприятия данной категории. Налог не может быть безвозмездным, поскольку это не соответствует практике функционирования экономики. Попытки объяснить «индивидуальную безвозмездность» непосредственно в момент уплаты налога бессмысленны в силу того, что если персонально безвозмездно, то и в отношении всего общества безвозмездно. А это не так. Некоторые авторы под безвозмездностью понимают безэквивалентность, что совсем не одно и то же.

В практике, а также в учебной литературе распространено мнение, что главная роль в формировании прибыли принадлежит предпринимателю, и он является её собственником. Но без наёмной рабочей силы, её профессионализма и усилий эффективность производства была бы ниже. Именно поэтому бизнесмен набирает трудовой коллектив – для продуктивного ведения деятельности и развития производства. Прибыль создаётся коллективом и принадлежит ему, в том числе и предпринимателю. Говорить о том, что она является исключительно достижением одного индивида – бизнесмена, ущербно для развития экономики и принижает значение труда наёмной рабочей силы. Дискуссионным является выделение предпринимательских способностей в самостоятельный фактор производства, поскольку труд, земля и капитал вполне объясняют формирование доходов, в том числе и прибыли.

В фазах производства, обмена, распределения и потребления воспроизводственного процесса предприятия формируют доходы, уплачивают налоги на свои доходы и частично на доходы своих работников. Деление налогов между юридическими и физическими лицами трудноразрешимо в практике и всегда имеет приближённую оценку. Так, добавленная стоимость формально принадлежит юридическому лицу, но она формируется физическими лицами – работниками предприятия. НДС и акцизы в бюджет перечисляет юридическое лицо, но фак-

тическими плательщиками являются физические лица. Существуют и другие трудноразрешимые вопросы деления налогов по объектам и направлениям. С позиции конечного потребления товаров и услуг все налоги включены в цены, и вся налоговая нагрузка ложится на доходы физических лиц. Именно граждане и формируют бюджет страны, работая в составе трудового коллектива.

Бизнес считает налоги своими расходами и стремится снизить эту нагрузку. Но эти расходы трансформируются в доходы работников бюджетного сектора, которые оказывают социально значимые услуги всем членам общества. Понимание баланса интересов и взаимосвязей в экономике является основой создания эффективной бюджетно-налоговой системы, которая нуждается в совершенствовании и развитии.

Рассмотренные проблемы и противоречия налогообложения не являются исключительно специфическими для российской практики. Данная сфера исторически является полем урегулирования разнонаправленных интересов физических лиц с разным уровнем достатка; налогоплательщиков и государства; малого и крупного бизнеса и т. д. Налоговые отношения следует рассматривать в контексте сближения и гармонизации экономических интересов всех членов общества. Высокий уровень общественных отношений на современном этапе основан на взаимодействии власти и бизнеса и компромиссном решении вопросов. Авторское мнение и предполагаемые пути решения этих проблем не исключает дискуссию в научной среде по следующим вопросам:

1) В чём экономическая суть налога? Оправдано ли называть его «индивидуально безвозмездным»?

2) Нужен ли четвёртый фактор производства «предпринимательские способности», формирующий стоимость ВВП?

3) Кто главный поставщик налогов в бюджет: физические или юридические лица? И какой должна быть пропорция между ними?

4) По какому критерию достоверно делить налоги на «налоги с юридических лиц» и «налоги с физических лиц», и возможно ли это на самом деле?

5) Требуется ли реформирование НДС для смягчения инфляционных процессов, снижения напряженности в обществе по поводу его исчисления и уплаты, облегчения налогового администрирования; и каким следует идти курсом: перейти на прямое налогообложение добавленной стоимости или на исчисление налога с продаж?

6) Необходима ли более дробная шкала налогообложения личных доходов (НДФЛ), но, чтобы она не приводила к снижению качества жизни мало- и сред-

необеспеченного населения?

Сложность, противоречивость, а порой и ошибочность трактовок налоговых отношений объясняется обрывочностью рассмотрения этих процессов. Они зачастую ограничиваются одномоментными актами – платежами, не вдаваясь во все аспекты налогов. Налоги участвуют во всех фазах воспроизводственного процесса: производство, обмен, распределение и потребление. Так полнее проявляется их сущность, роль и место в экономике и жизни людей.

Список источников:

1. Васильева Н. В. Современное состояние системы налогов и сборов: правовой аспект // *Baikal Research Journal*. 2016. Т. 7. № 2. С. 19.
2. Гуреев В. И. Проблемы понятия налог и пути решения правовой аспект. // *Международный научный журнал «Символ науки»*. 2015. № 9. С. 100–103.
3. Иванова Н. В. Этапы развития научного осмысления сущности налогов // *Наукovedение*. 2011. №3 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-nauchnogo-osmysleniya-suschnosti-nalogov/viewer> (дата обращения 05.01.2022)
4. Макконнелл Кэмпбэл Р., Брю Стэнли Л. *Экономикс: Принципы, проблемы и политика*. В 2 т.: Пер. с англ. 11-го изд. Т.2 М.: Республика, 1995. 400 с.: табл., граф.
5. Пансков В. Г. О некоторых проблемных вопросах понятийного аппарата в теории налогообложения // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2015. Т. 25. № 3. С. 450–456.
6. Полянская Н. М. Философская и социально-экономическая сущность налогов и налогообложения // *Вестник ИрГТУ*. 2015. №3 (98). С. 281–286.
7. Привалова С. Г. О сущности налогов // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2006. №5 (17). С. 107–115.
8. Пушкарева В. М. *История финансовой мысли и политики налогов: Учебное пособие*. Москва: Вузовский учебник, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 256 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/526991> (дата обращения: 04.01.2022).
9. Сидорова А. В., Черевиченко Т. С. Становление и развитие понятия «Налог» // *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*. 2017. № 1, том 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-ponyatiya-nalog/viewer> (дата обращения 05.01.2022).
10. Шаркова А. В., Килячков А. А., Маркина Е. В. и др. *Словарь финансово-экономических терминов / под общ. ред. д. э. н., проф. М. А. Эскиндарова*. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. 1168 с.

References:

1. Vasilyeva N. V. (2016) The current state of the system of taxes and fees: legal aspect *Baykal'skiy issledovatel'skiy zhurnal* [Baikal Research Journal]. Vol. 7. No. 2: 19.
2. Gureev V. I. (2015) Problems of the concept of tax and ways of solving the legal aspect *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «Simvol nauki»* [International scientific journal "Symbol of Science"]. No. 9: 100–103. (In Russ.)
3. Ivanova N. V. (2011) Stages of development of scientific understanding of the essence of taxes *Naukovedeniye* [Naukovedenie]. No. 3 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-nauchnogo-osmysleniya-suschnosti-nalogov/viewer> (accessed 01/05/2022) (In Russ.)

4. McConnell Campbell R., Brew Stanley L. (1995) Economics: Principles, problems and politics. In 2 volumes: Per. from English. 11th ed. T. 2 M.: Respublika: 400: tab., graph. (In Russ.)
5. Panskov V. G. (2015) On some problematic issues of the conceptual apparatus in the theory of taxation *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy]. Vol. 25. No. 3: 450–456. (In Russ.)
6. Polyanskaya N. M. (2015) Philosophical and socio-economic essence of taxes and taxation *Vestnik IrGTU* [Bulletin of ISTU]. No. 3 (98): 281–286. (In Russ.)
7. Privalova S. G. (2006) On the essence of taxes *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University of Economics]. No. 5 (17):107–115. (In Russ.)
8. Pushkareva V. M. (2015) History of financial thought and tax policy: Textbook. Moscow: Vuzovsky textbook, NITs INFRA-M: 256 p. URL: <https://znanium.com/catalog/product/526991> (date of access: 01/04/2022). (In Russ.)
9. Sidorova A. V., Cherevichenko T. S. (2017) Formation and development of the concept of “Tax” *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev]. No. 1. Vol. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-ponyatiya-nalog/viewer> (accessed 01/05/2022). (In Russ.)
10. Sharkova A. V., Kilyachkov A. A., Markina E. V. et al. (2015) Dictionary of financial and economic terms / ed. ed. e. n., prof. M. A. Eskindarova. M.: Publishing and Trade Corporation “Dashkov and Co”: 1168. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Информация об авторе

Е. С. Осипова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

E. S. Osipova – Doctor of Economics, Professor, associate professor, the chair of economics and financial law, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья
УДК 368.914(470)
doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-113-125

Пенсионная политика России в постсоветский период: исторический аспект

Андрей Федорович Волков

Институт горного дела ДВО РАН – обособленное подразделение ХФИЦ ДВО РАН,
Хабаровск, Россия
adm@igd.khv.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9800-5886>

Аннотация. В статье рассматривается развитие пенсионной политики России в исторический период перехода страны к рыночным экономическим отношениям. Целью данного исследования стал анализ опыта развития пенсионной политики Российской Федерации в конце XX – начале XXI вв. Представлена характеристика основных этапов формирования постсоветской пенсионной политики России в динамике и во взаимосвязи с общероссийскими историческими процессами, протекавшими в стране с момента появления первых попыток модернизации государственной системы пенсионного обеспечения РСФСР в конце XX в. и последующим их реформированием в начале XXI в., а также региональные особенности дальневосточной проблематики пенсионного реформирования в первые десятилетия XXI в. Автором сделан вывод о ненадежности рыночных страховых пенсионных систем, основанных на накопительных принципах, и необходимости продолжения поиска оптимальной модели пенсионной политики государства в новых реалиях политического и социально-экономического развития общемирового социума.

Ключевые слова: пенсионная политика, социальное страхование, пенсионное обеспечение, пенсионная реформа, прожиточный минимум, размер пенсии, коэффициент замещения

Благодарность: исследования проводились с использованием ресурсов Центра коллективного пользования научным оборудованием «Центр обработки и хранения научных данных Дальневосточного отделения Российской академии наук», финансируемого Российской Федерацией в лице Министерства науки и высшего образования РФ по проекту № 075-15-2021-663

Для цитирования: Волков А. Ф. Пенсионная политика России в конце XX - начале XXI вв.: исторический аспект // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 113–125. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-113-125>

Pension policy of Russia in the post-Soviet period: historical aspect

Andrey F. Volkov

The Institute of mining, the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences – separate division of the KHFIC of the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia
adm@igd.khv.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9800-5886>

Abstract. The article discusses development of the Russia's pension policy during the historical period of the country's transition to market economic relations. The purpose of the study: analysis of experience in the development of the pension policy

of the Russian Federation in the late XX - early XXI centuries. The article presents a description of the main stages of the pension policy. Regional features of the Far-Eastern problem of pension reform at the beginning of the XXI century are shown. Description of the history of formation of the Russia's post-Soviet pension policy in dynamics and in relation to the all-Russian processes that have taken place in the country since the first attempts to modernize the mandatory pension system of the RSFSR at the end of the 20th century and their subsequent reform at the beginning of the 21st century, as well as with the next stages of modernization and development of the pension system of the Russian Federation in the first decades of the 21st century, is presented. The author concluded about the unreliability of market insurance pension systems based on funded principles and the need to continue finding the optimal model of the state pension policy in the new realities of the political and socio-economic development of the global society.

Acknowledgments: *the research was carried out using resources of the Center for collective use of scientific equipment « the Center for processing and storage of scientific data of the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences,» funded by the Russian Federation in the person of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under the project No. 075-15-2021-663*

Keywords: *pension policy, social insurance, pension provision, pension reform, living wage, pension size, replacement rate*

For citation: Volkov A. F. Pension policy of Russia in the post-Soviet period: historical aspect // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 113–125. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-113-125>

Введение

В 2022 г. исполнилось 20 лет с начала проведения в Российской Федерации Пенсионной реформы 2002 года. В последнее время участились публичные высказывания политиков и экспертов [Синявская, Якушев, Червякова, 2021; Макаров, Простаков, Белоусов и др., 2021. С. 139–159] о необходимости изменения пенсионной системы России. Правительство РФ работает над проектом модели по созданию в России социального казначейства на основе единой цифровой платформы, объединяющей все социальные информационные системы и позволяющей централизованно производить социальные выплаты. В Государственной Думе РФ, по предложению Правительства России, обсуждается законопроект о преобразовании к 2023 г. Пенсионного фонда и Фонда социального страхования в единую организацию.

В этой связи представляет интерес исторический экскурс к российским событиям конца XX – начала XXI вв. – периода ранней трансформации политиче-

ской, экономической и социальной сферы страны и истоков реформирования пенсионной политики России в отношении граждан, застрахованных в системе обязательного пенсионного страхования.

Предпосылки постсоветской модернизации пенсионной политики России

В России с начала 90-х гг. XX в. при переходе к рыночным экономическим отношениям в условиях политической системы нового федеративного государства, на основе передачи обобществленной собственности в частную (приватизация производительных сил), произошло изменение производственных отношений (появились частные работодатели, рабочая сила превратилась в товар и др.), что в свою очередь сократило объемы поступления обязательных платежей от частного бизнеса в различные уровни бюджетов и социальные фонды, привело к уменьшению гарантий государственного социального обеспечения.

Прежняя (социалистическая) система социального обеспечения населения не имела возможности противодействовать

возросшим негативным последствиям социальных рисков, массово воспроизводимых рыночной экономикой. В этой связи встала задача модернизации всей системы социальной защиты населения и адаптации ее к требованиям функционирования рыночных производственных отношений через формирование новых экономических, организационных и правовых механизмов социального страхования с учётом региональных особенностей, складывающихся в субъектах Российской Федерации.

С 1990 года руководство страны приступило к созданию нормативной базы, обеспечивающей приоритет законов РСФСР над законодательством СССР. В связи с чем, несмотря на уже принятый в мае 1990 г. Закон СССР «О пенсионном обеспечении граждан в СССР», предусматривавший создание Пенсионного фонда Союза ССР, 20 ноября 1990 г. был принят Закон «О государственных пенсиях в РСФСР»¹, положивший начало новой пенсионной политике России.

После победы 12 июня 1991 г. на первых президентских выборах и завершения августовского кризиса 1991 г.² Президент РФ Б. Н. Ельцин объявил о начале в стране экономических реформ, проводимых на основе либерализации цен и внешней торговли, а также приватизации госпредприятий.

Со своей стороны, Верховный Совет РСФСР 22 декабря 1991 г. учредил новое финансово-кредитное учреждение Пенсионный фонд РСФСР. Тем самым произошло, с одной стороны, выделение из единой системы государственного социального страхования СССР российской составляющей, а с другой стороны, разделение российской компоненты на две самостоятельных системы – пенсионное страхование и социальное страхование. В дальнейшем были созданы Фонд занятости РФ и Фонд обязательного медицинско-

го страхования РФ. Существовавшее прежде единство государственного бюджета и бюджета социального страхования было заменено децентрализованной системой внебюджетных социальных фондов – Пенсионного фонда России (далее – ПФР), Фонда обязательного медицинского страхования (далее – ФОМС), Фонда социального страхования (далее – ФСС) и Фонда занятости. Источником формирования фондов стала уплата страховых взносов по тарифам, дифференцированным в зависимости от вида страхования, всеми участниками нарождающейся рыночной экономики. Создание независимой от государственного финансирования системы социального страхования должно было отвечать рыночным принципам построения экономической модели государства и преследовало цель внедрения в жизнь общепризнанных в мире в тот период страховых принципов построения социальной политики.

Российской особенностью формирования новой пенсионной политики явилось учреждение Верховным Советом РСФСР (Парламентом, а не Правительством) финансово-кредитного учреждения – Пенсионного фонда РФ. Данное обстоятельство стало следствием обострения продолжавшейся политической борьбы между исполнительной и законодательной ветвями государственной власти страны. Развязка этого противостояния произошла в ходе драматических событий в октябре 1993 г.³.

Постсоветская пенсионная система России

В целом реформирование системы пенсионного обеспечения Российской Федерации рассматривалось руководством страны как составная часть проводимых с начала 1990-х гг. экономических реформ. Но реальная практика структурной перестройки экономики России середины 90-х гг. XX века осу-

¹ О государственных пенсиях в РФ : закон РФ от 20.11.1992 г. № 340-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351.

² События 18–21 августа 1991 г. в Советском Союзе, сопровождавшиеся объявлением чрезвычайного положения в Москве, приостановлением деятельности политических партий, запретом проведения митингов, демонстраций, установлением контроля над СМИ и др.

³ Кульминация внутриполитического конфликта, начавшегося в 1992 г. и происходившая с 21 сентября по 4 октября 1993 г..

ществлялась в условиях крайней ограниченности финансовых ресурсов государства, обусловленных резким падением на международных рынках цен на энергоресурсы, что в свою очередь отрицательно влияло на общее состояние страны и обостряло социально-демографическую ситуацию в России. Неэффективная экономика переходного периода, сокращение производства и падение ВВП, нежелание нового российского капитала нести налоговую и социальную нагрузку привели к сокращению национального дохода и, как следствие этого, к дефициту средств на пенсионное обеспечение. Гиперинфляция 1992 г. [Лавровский, 2021. С. 36], обесценила реальный размер пенсий более чем на 200%⁴. К середине 1990-х гг., впервые в истории государственного пенсионного обеспечения России средний размер пенсий опустился ниже прожиточного минимума пенсионера.

Потребовалось срочно принять меры по повышению размеров пенсий. Но Пенсионный фонд РФ оказался не в состоянии выполнить свои обязательства, и к середине 1995 г. у ПФР возникла задолженность по выплатам пенсий, совпавшая по времени с обострением политической ситуации в стране [Малева, Синявская, 2005. С. 44]. Кроме этого, использовавшийся с начала 1990-х гг. механизм уменьшения уровня инфляции, стабилизации курса рубля и покрытия дефицита госбюджета за счет эмиссии денежной массы в 1995 г. был прекращен. Новые же источники бюджетных доходов за счет иностранных заимствований, размещения государственных ценных бумаг, приватизации госимущества не обеспечивали ожидаемые поступления, что привело к дефициту государственного бюджета страны и как следствие приостановлению финансирования социальных обязательств государства. Усугубляло ситуацию нарушение традиционных экономических

связей как между субъектами экономической деятельности, так и между регионами, проведение «шоковой» экономической политики, нецелевое расходование бюджетных средств и другие негативные социально-экономические процессы, господствовавшие в тот период.

В качестве одной из мер преодоления социально-политического кризиса правительство В. С. Черномырдина в августе 1995 г. начало активно бороться с дефицитом государственного бюджета. Также была разработана и утверждена «Концепция реформы пенсионного обеспечения в РФ» (далее – Концепция-95). В концепции отмечалось, что основной проблемой для пенсионеров России стал низкий уровень как абсолютных, так и относительных размеров пенсий, и предлагались меры по достижению сбалансированности пенсионной системы путем перехода к трехуровневой модели выплат, замены расчета пенсий, прежде основанном на продолжительности трудового стажа и размере начисленной заработной платы, к установлению пенсий в зависимости от наличия страхового стажа и объема уплаченных страховых взносов со всех видов заработка индивида⁵.

В 1996 г. была начата запланированная в Концепции-95 реализация программы по вводу персонифицированного учета пенсионных прав застрахованных лиц (далее – ЗЛ). Программа предусматривала создание электронной общенациональной информационно-технологической основы страховой пенсионной системы, обеспечивающей формирование в режиме онлайн пенсионных капиталов и последующее назначение пенсий [Орлов-Карба, 2005. С. 76, 79].

К началу 1997 года темпы инфляции и спада производства, роста потребительских цен и безработицы замедлились. Также несколько стабилизировались реальные доходы населения и курса рубля. В этих условиях министерством труда и социального развития РФ была организо-

⁴ Индексы потребительских цен на товары и услуги населению по Российской Федерации в 1991–2009 гг. // Росстат. URL : https://web.archive.org/web/20100227203140/http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/2009/I-ipc.htm. (дата обращения 20.08.2021).

⁵ О мерах по реализации концепции реформы системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 07.08.1995 г. № 790 // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3388.

вана работа по выработке направлений дальнейшей модернизации пенсионной системы страны. В тот период общепризнанным успешным примером модернизации государственной пенсионной системы считался чилийской опыт пенсионной реформы начала 1980-х гг. С учетом этого опыта рабочей группой Минсоцразвития была разработана обновленная модель, получившая название «Трехуровневая Концепция пенсионного обеспечения» (далее – Концепция-97) [Кирилловых, 2011. С. 21–27; Кащеева, 2005]. Концепция-97, также как и чилийская модель, предусматривала приватизацию государственной пенсионной системы на основе обязательного накопительного принципа финансирования пенсий, и с помощью инструмента персональных счетов индивидов и передачи управления пенсионными накоплениями граждан частным компаниям.

Но председатель Правительства РФ В. С. Черномырдин и Президент РФ Б. Н. Ельцин с учетом последствий недавно прошедших мировых финансовых кризисов, а также отсутствия развитых финансовых рынков в России не поддерживали предложенную рабочей группой модель приватизации пенсионной системы России. После доработки Концепции-97 с учетом зарекомендовавшей с положительной стороны на тот момент практики уже шведской пенсионной модели программа пенсионной реформы России, предусматривавшая создание системы условно-накопительных счетов для ЗЛ в системе государственного (обязательно) пенсионного страхования, была принята в мае 1998 г. Правительством С. В. Кириенко [Кирилловых, 2011. С. 21–27; Кащеева, 2005].

Согласно предложенной модели, новая пенсионная система также должна была состоять из трех уровней выплат: первый – гарантированный государством всем нетрудоспособным гражданам социальный (базовый) минимум, второй уровень – обязательное пенсионное страхование и третий уровень – дополнительное пен-

сионное обеспечение за счет негосударственных пенсионных фондов [Кирилловых, 2011. С. 21–27; Кащеева, 2005].

Но августовский экономический кризис 1998 г., вызвавший дефолт государственных обязательств, резко обострил негативные явления в финансовой сфере страны, став самой нижней точкой спада постсоветской российской экономики. В целом, последствия социально-экономических преобразований начала-середины 1990-х гг., проведенный дефолт показали высокую степень ненадежности предложенного накопительного механизма в качестве основы пенсионной системы и не позволили реализовать ни Концепцию 1995 г. В. С. Черномырдина, ни Программу 1998 г. С. В. Кириенко [Орлов-Карба, 2005. С. 79], а также обеспечить достойный уровень пенсий, назначаемых по текущему законодательству.

В ходе преодоления последствий кризиса 1998 г. был подготовлен и в 1999 г. принят Федеральный закон «Об основах обязательного социального страхования», передавший Правительству РФ управление общенациональной системой социального страхования. За ПФР была закреплена обязанность по страхованию индивида от последствий потери средств существования в случае старости, инвалидности, смерти и потери кормильца. Также был утвержден Бюджетный кодекс Российской Федерации, урегулировавший как статус денежных средств всех уровней бюджетной системы Российской Федерации, так и статус средств обязательного социального страхования⁶.

Вместе с тем продолжавшийся после 1998 г. рост цен обусловил дальнейшее снижение реальной покупательной способности населения. Пенсии и заработные платы бюджетникам не повышались до конца первого квартала 1999 г.

Пенсионная реформа 2002 г.

В начале XXI столетия новое руководство РФ с целью преодоления последствий затяжного кризиса конца XX века инициировало разработку прави-

⁶ Об основах обязательного социального страхования : федер. закон от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. № 29. Ст. 3686; .Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823..

тельствственной программы по социально-экономическому реформированию страны, так называемую «Программу Грефа», включившую в себя и разделы по модернизации всей системы социальной защиты населения РФ и её пенсионной составляющей [Вязовская, 2010. С. 30; Синявская, Якушев, Червякова, 2021. С. 79].

С началом роста российской экономики на рубеже XXI века финансовое положение пенсионной системы относительно улучшилось. Удалось преодолеть дефицит бюджета ПФР и погасить задолженность по выплате пенсий. Была завершена регистрация в системе обязательного пенсионного страхования экономически активного населения РФ, а также неработающих пенсионеров, позволившая начать назначение и перерасчет пенсий с использованием сведений индивидуального (персонифицированного) учета⁷.

Но вместе с тем к этому времени в РФ сложилась такая экономико-демографическая ситуация, «когда на одного пенсионера стало приходиться меньше двух работающих – 1,5 (или три работающих на двух пенсионеров). Из 63 млн работающих в 2000 г. только 49,8 млн являлись наемными работниками, за которых в ПФР поступило около 400 млрд рублей страховых взносов. Остальные 13 млн человек относились к samozанятому населению и за себя заплатили всего около 4 млрд рублей страховых взносов. В итоге на одного пенсионера фактически приходилось 1,28 чел. работающего населения, что не позволяло обеспечить финансовую сбалансированность пенсионной системы» [Соловьев, 2001. С. 168–177].

С другой стороны, стимулирующим фактором начала реформы в 2002 г. стала исторически сложившаяся в РФ демографическая ситуация, обусловленная предстоящим выходом на пенсию в период 2005–2006 гг. относительно малочисленного поколения, рожденного в тяжелейшие 40-е военные годы XX века. В

последующем прогнозировался выход на пенсию поколения послевоенного «демографического взрыва», что резко повышало расходы существующей пенсионной системы и могло вновь привести к её финансовому коллапсу. Кроме этого, с 2002 г. политическая жизнь страны вступала в очередной период предвыборной активности, связанной с выборами 2003 г. в Государственную Думу и президентскими выборами 2004 г. В такой период предвыборной турбулентности было бы сложно достичь компромисса по реформам социально-экономической сферы страны.

В ходе подготовки к началу преобразований в целях определения единого органа, осуществляющего пенсионное обеспечение в Российской Федерации, в сентябре 2000 г. был подписан Указ Президента РФ В. В. Путина (далее – Указ), предусматривающий передачу с начала 2002 г. полномочий по выплате государственных пенсий от органов социальной защиты населения Пенсионному фонду РФ⁸. В ходе выполнения Указа подписывались соглашения между руководителями Отделений ПФР в регионах и руководителями высших органов исполнительной власти субъектов РФ о принятии территориальными органами ПФР полномочий по назначению и выплате пенсий, решались вопросы по созданию трудовых коллективов единых пенсионных служб, их размещению в собственных или в арендованных служебных помещениях, обеспечению средствами вычислительной техники, материально-техническому снабжению, а также организации непрерывной текущей деятельности территориальных органов ПФР по взаимодействию со страхователями и назначению пенсий и пособий гражданам. В результате большой работы была создана единая организационная структура общероссийской системы пенсионного обеспечения – Пенсионный фонд России.

⁷ К 2007 г., через десятилетие после принятия Федерального закона 1996 г. «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного страхования», информационный массив системы индивидуального (персонифицированного) учета ПФР достигал 137,0 млн индивидуальных лицевых счетов (в 2015 г. – 149,7 млн ИЛС) еще через десять лет – к 2020 году уже 156,4 млн

⁸ О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в РФ : Указ Президента РФ № 1709 от 27.09.2000 // СЗ РФ. 2000. № 40. Ст. 3936.

В конце 2000 г. на заседании Правительства Российской Федерации были одобрены новые принципы построения всей пенсионной системы страны, основанной на страховых накопительных принципах [Вязовская, 2010, С. 31]. Кроме этого, с целью «выработки государственной политики в области пенсионного обеспечения, совершенствования пенсионного законодательства и достижения общественного согласия по ключевым вопросам реформирования пенсионной системы» был образован Национальный совет при Президенте РФ по пенсионной реформе (далее – Совет)⁹. В состав Совета вошли представители различных уровней органов государственной власти и общественных организаций страны. Продолжая тему подготовки к реформированию пенсионной системы РФ Президент В. В. Путин в своём послании Федеральному Собранию в апреле 2001 г. поставил задачу по формированию понятной системы накопления средств на старость, обеспечивающей уверенность граждан в том, «...что каждый рубль, заработанный ими, прямо влияет на величину их пенсии»¹⁰.

В мае 2001 г. на совместном заседании Совет и Правительство РФ рассмотрели и одобрили подготовленный пакет законопроектов по пенсионной реформе, реализацию которой планировалось начать с 2002 г. В июле 2001 г. Председателем Правительства РФ было подписано распоряжение, утвердившее Программу социально-экономического развития России на 2002–2004 гг., включившую в себя раздел о реформе существующей распределительной пенсионной системы «на основе введения механизмов накопительного финансирования пенсий и преобразования системы досрочных пенсий».

Цель очередной пенсионной реформы в РФ была сформулирована как: «...достижение текущей финансовой устойчивости пенсионной системы и долгосрочной сбалансированности пенсионных прав ЗЛ и пенсионных обязательств государства обеспечивающей повышение реального размера пенсий»¹¹.

В связи с чем трудовая пенсия стала включать в себя базовую, страховую и накопительную части. Базовая часть выплачивалась в фиксированном размере за счет части единого социального налога (ЕСН), позднее за счет части страховых взносов, зачисляемой в федеральный бюджет, с учетом возраста и социального статуса получателя и предназначалась для борьбы с бедностью пенсионеров. Страховая часть формировалась по результатам труда в виде накапливаемых пенсионных прав на индивидуальном лицевом счете (далее – ИЛС) за счет уплаты страховых взносов в ПФР в течение всей трудовой деятельности индивида; рассчитывалась с учетом ожидаемого периода получения пенсии ЗЛ («периода дожития»); обеспечивала сохранение источника существования индивида и членов его семьи в связи с невозможностью участия в трудовом процессе по старости, инвалидности или потери кормильца, а также смерти ЗЛ. Накопительная часть предназначалась для повышения уровня благосостояния пенсионеров за счет части страховых взносов, учитываемой в специальной части ИЛС, и дополнительного инвестиционного дохода от её размещения на финансовых рынках страны. Размер выплаты, также как и страховая часть, рассчитывался с учетом установленного периода выплаты пенсии.

В целом по-прежнему считалось, что

⁹ О Национальном совете при Президенте Российской Федерации по пенсионной реформе : Указ Президента РФ от 08.02.2001 г. № 137 // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 630.

¹⁰ О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства : Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 03.04.2001 г. б/н. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36350> (дата обращения 20.08.2021).

¹¹ О программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 г.) : Распоряжение Правительства РФ от 10.07.2001 г. № 910-р // СЗ РФ 2001. № 31. Ст. 3295; Т. М. Малева и О. В. Синявская, описывая причинно-следственные связи модернизации пенсионной политики начала 2000-х гг., отмечали, что: «...начинался четырехлетний цикл правления нового президента, от которого ждали активных действий» и что: «...история пенсионной реформы в России еще раз показывает, что принятие решений по столь значимому вопросу невозможно без прямого вмешательства первого лица государства».

вводимый механизм инвестирования накапливаемых средств должен был защитить их от обесценивания в результате инфляции и обеспечить получение процентного дохода, увеличивающего сумму внесенных страховых взносов.

Для граждан, не приобретших право на трудовую пенсию, сохранялся институт социальных пенсий по старости, инвалидности и потери кормильца, выплачиваемых за счет средств федерального бюджета.

После вступления в силу с 01 января 2002 г. пакета федеральных законов¹² ПФР, принявший от органов социальной защиты населения РФ полномочия по назначению и выплате трудовых пенсий и пенсий по государственному пенсионному обеспечению, приступил к назначению и выплате пенсий по новому законодательству – положив начало Пенсионной реформе 2002 г.

Основные итоги реформирования пенсионной системы России в первые десятилетия XXI в.

За прошедшие с момента начала Пенсионной реформы 2002 г. первые десять лет ПФР к 2012 г. стал одной из мощнейших структур социальной сферы России, включающей в себя 2 246 территориальных органов, 259 межрайонных управлений, 11 центров назначения и выплаты пенсий, обеспечивающих бесперебойность централизованных процессов назначения и выплаты пенсий и социальных пособий. В составе территориальных органов ПФР для удобства граждан непосредственно в муниципальных образованиях были созданы клиентские службы, обеспечивающие комфортные условия приема посетителей. Прием населения вели 2391 стационарных и 1000 передвижных мобильных высокотехнологических клиентских служб. Трудовой коллектив ПФР составлял 124000 квали-

фицированных специалистов¹³.

С 2010 г. работодатели (страхователи) стали уплачивать взносы на обязательное социальное страхование непосредственно в ПФР и ФСС. Уплата взносов для ФОМС осуществлялась (администрировалась) через ПФР. Также в ПФР работали информационный центр персонифицированного учета пенсионных и социальных прав граждан, 8 Управлений ПФР в федеральных округах, 81 Отделение в субъектах Федерации и отделение в г. Байконур. База данных персонифицированного учета велась в отношении 161,8 млн индивидуальных лицевых счетов, объем централизованной базы данных ПФР достиг 2010 Гб информации (включая ведение счетов умерших ЗЛ).

К 2012 г. нормативная база пенсионного обеспечения включала в себя 90 Федеральных законов, около 100 постановлений и распоряжений Правительства РФ, более 60 приказов отраслевых министерств РФ, более 400 межведомственных соглашений и договоров с органами государственной власти, негосударственными пенсионными фондами, управляющими компаниями, общественными организациями¹³.

В 2012 г. численность получателей пенсий по обязательному пенсионному страхованию и государственному пенсионному обеспечению в РФ составила 40,6 млн чел. или на 5,7% больше чем в 2002 г. (38,4 млн чел.). Бюджет ПФР в 2012 году составил по доходам 5,9 трлн руб. (9,6% от ВВП), расходы 5,5 трлн руб. (8,8% от ВВП). Для сравнения: в 2002 году доходы ПФР были утверждены в сумме 783,48 млрд руб., расходы – 739,56 млрд руб.¹³.

В целом к 2012 г. в РФ наметились положительные тренды – темп роста экономики достиг 103,4%, темп роста промышленного производства составил 102,6%. Численность населения увеличи-

¹² О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации : федер. закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ // СЗ РФ – 2001, № 51, ст. 4831; Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федер. закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ // СЗ РФ – 2001, № 51, ст. 4832; О трудовых пенсиях в Российской Федерации : федер. закон от 17.12.2001 г. № 173-ФЗ // СЗ РФ – 2001, № 52 (1 ч.), ст. 4920.

¹³ Итоги работы Пенсионного фонда РФ в 2012 году : материалы расширенного заседания Правления ПФР от 26.03.2013 года // текущий архив ПФР. 2013. 84 С.; Статистика пенсионной реформы // Вестник Пенсионного фонда России. 2006. № 5.

лась на 0,2% и составила 143,3 млн чел. Естественная убыль в 2012 г. была наименьшей с 1991 г.¹³

Вместе с тем накапливаемые на индивидуальных лицевых счетах граждан суммы пенсионных прав (страховых взносов) обесценивались в результате мировых и (или) российских финансово-экономических кризисов, что, в свою очередь, ухудшало ожидаемый уровень страховой социальной защиты наемных работников и малых предпринимателей. В первую очередь в результате роста инфляции обесценивались суммы пенсионных выплат и, как следствие, уменьшалась покупательная способность трудовых пенсий. В связи с чем удельный вес численности работающих пенсионеров в их общей численности постоянно повышался – с 16,9% в 2002 г. до 30,0% в 2009 г. Сохранялся дефицит бюджета пенсионного фонда. Если к 2005 г. удалось достигнуть устойчивости бюджета ПФР без привлечения средств федерального бюджета и даже сформировать финансовый резерв в сумме 135 млрд руб., то к 2009 г. дефицит средств в ПФР на выплату трудовой пенсии достиг 930 млрд руб. Также осталась нерешенной проблема обременения солидарной пенсионной системы РФ досрочными пенсиями, снижающими возможность повышения пенсий остальным категориям получателей.

Учитывая данные обстоятельства, в Бюджетном послании 2008 г. Федеральному Собранию РФ «О бюджетной политике в 2009–2011 годах» отмечалось: «Обеспечение сбалансированности пенсионной системы является одной из наиболее серьезных проблем экономической политики» и была поставлена задача: «сформировать устойчивый механизм пенсионного обеспечения на длительную перспективу, создав условия для получения достойной пенсии как тем, кто уже вышел на пенсию, так и тем, кому это предстоит в будущем»¹⁴.

В 2008 г. разразился глобальный экономический кризис, вызвавший тяжелейший финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. и в Российской Федерации. Но несмотря на возникшие финансово-экономические трудности, Правительством РФ под руководством В. В. Путина были разработаны и в 2010 г. приняты меры дополнительной материальной поддержки пенсионеров, финансируемые из федерального бюджета. В результате по сравнению со значением 2002 г. важнейший итоговый параметр любой пенсионной системы – коэффициент замещения (далее – КЗ)¹⁵ вырос к 2012 г. на 5,7% и достиг 36,8%. Также выросло и соотношение среднего размера пенсий и величины прожиточного минимума пенсионера (далее – Отношение) с 89% в 2002 г. до 191,1% в 2012 г.

Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», было поручено Правительству страны разработать Стратегию долгосрочного развития пенсионной системы (далее – Стратегия). В результате, учитывая сложившиеся экономические и демографические условия в стране, Правительством РФ с участием ПФР была разработана Стратегия до 2030 г. и в декабре 2012 г. утверждена¹⁶. Стратегия предусматривала достижение размера КЗ до значения, рекомендованного международной организацией труда – 40%, увеличение значения Отношения – до 2,5–3 раз, а также решение проблемы досрочных пенсий. В Стратегии отмечалось: «... Действующая в настоящее время система установления досрочных пенсий... не соответствует современным условиям рыночной экономики и, кроме того, социально несправедлива. По существу, льготные пенсии компенсируют работникам неблагоприятные условия труда, ответственность за которые должны нести работодатели... Сложившаяся ситуация не способствует заинтересованности работодателей в

¹⁴ О бюджетной политике в 2009–2011 годах: Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23.06.2008 // Финансовый вестник. Финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. Апрель, 2007 г. № 7.

¹⁵ Коэффициент замещения – отношение среднего размера пенсии к предшествующей (средней) заработной плате индивида.

¹⁶ Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы: распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р // СЗ РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 2), ст. 8029.

улучшении условий и повышении безопасности труда.... Самостоятельный источник финансирования досрочных пенсий в связи с особыми условиями труда отсутствует... Это снижает возможности для повышения пенсий остальным категориям получателей. В результате издержки, которые обязаны нести работодатели в целях обеспечения прав своих работников на досрочную пенсию, несут, по сути, все пенсионеры»¹⁶.

Для жителей дальневосточных территорий дополнительно к общероссийским проблемам складывалась своя, территориальная специфика [Волков, 2016. С. 26–41]. При уменьшении численности населения в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) с 6 675,7 тыс. чел. в 2002 г. до 6 251,7 тыс. чел. в 2012 г. (на 6,4%) среднее значение КЗ по ДФО, составляло в 2002 г. 24,5% или 77,5% к общероссийскому показателю, через десять лет к 2012 г. выросло до 35,6%, но по-прежнему оставалось ниже среднероссийского показателя на 3,3%. Величина Отношения в среднем по ДФО, составлявшая в 2002 году 70% и достигшая 155,3% в 2012 г., также оставалась ниже общероссийского показателя на 19% в 2002 г. и на 4,7% в 2012 г. Количество работающих пенсионеров в ДФО, выросшее с 568,9 тыс. чел. в 2005 г. до 741,8 тыс. чел. в 2012 г. (на 30,4%), сохранило рост удельного веса численности работающих пенсионеров в их общей численности с 34,5% в 2005 г. до 41,3% в 2012 г. или на 7,6%.¹⁷

Принимаемые в исследуемый период федеральные и региональные программы по развитию экономического потенциала страны и регионов в целом способствовали разрешению сложившейся негативной ситуации в пенсионной системе страны, защите работников от воздействия социальных и профессиональных рисков, созданию нормального жизненного пространства для населения России.

В связи с этим проводилась оптимизация пенсионной политики России.

Так, с 2014 г. был введен мораторий на перечисление страховых взносов на накопительную часть пенсии. Страховые взносы стали направляться только на формирование страховой части пенсии. С 2015 г. назначение страховых и накопительных пенсий, заменивших собой трудовые пенсии, стало основываться на пенсионных баллах, рассчитываемых в зависимости от возраста, продолжительности страхового стажа и суммы страховых пенсионных коэффициентов, сформированных у индивида. С 2016 г. была прекращена индексация страховых пенсий работающим пенсионерам. В 2017 г. сбор страховых взносов возвращен органам федеральной налоговой службы. С 2019 г. начался постепенный (в течение 10 лет) подъём общеустановленного пенсионного возраста – до 60 лет для женщин и до 65 для мужчин.

К сожалению, к 2020 г. сохранились и застарелые недостатки пенсионной системы. Особенно остро это отражалось на дальневосточниках, имевших, с одной стороны, средний уровень заработной платы выше чем у работников, занятых в других регионах РФ, а с другой – коэффициент замещения пенсией утраченного заработка ниже, чем в среднем по России. Очевидно, что это стало одной из причин миграционных потерь населения ДФО.

Выводы

Подводя итоги исследованию исторических процессов 90-х гг. XX – начала XXI века, проходивших в Российской Федерации и в ходе которых реформировалась пенсионная система страны, можно сделать следующие выводы.

Научное осмысление изложенных аспектов развития пенсионной системы России в период постсоветских трансформаций показывает, что основополагающей целью реформирования пенсионной политики государства стала попытка её адаптации к требованиям функционирования рыночных производственных отношений через формирование новых экономических, организационных и пра-

¹⁷ Назначенные пенсии по субъектам РФ. // Росстат: URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/i7OFWXL0/urov_p1.xlsx; Средняя зарплата по региону Дальневосточный федеральный округ в 2005–2016 гг. URL : // https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/index_old.php?id_region=34 . (дата обращения 20.03.2022).

вовых основ как в целом всей системы социальной политики, так и её важнейшей составляющей – пенсионной системы.

Реформирование осуществлялось с учетом рекомендаций международного [Barr N., (2002); Orszag, Peter y Joseph E. Стиглиц, (2001)] и отечественного экспертного сообщества на основании страховых, накопительных принципов формирования пенсионных прав граждан на индивидуальных (персонифицированных) счетах. Одновременно вводился механизм рыночного инвестирования пенсионных накоплений граждан государственной и частными управляющими компаниями, что, в конечном итоге, должно было обеспечивать достойные выплаты пенсионерам, соответствующие общепринятым мировым стандартам. К сожалению, волатильность мировых и национальных социально-экономических процессов, происходивших в первые десятилетия XXI в., показала неустойчивость современных страховых моделей накопительных пенсионных систем.

В современных реалиях глобальных экономических, демографических и политических кризисов, усугубляемых системными, нерыночными санкциями и ограничениями, пришло понимание ненадежности как общенациональных, так и локальных (региональных, корпоративных и др.) страховых пенсионных систем, основанных на рыночных накопительных принципах. Формирование персонифицированных пенсионных прав с их последующим длительным

инвестированием на, как прежде казалось, доходных и надежных финансовых рынках также не может гарантировать достаточность последующих пенсионных выплат.

В этой связи в РФ ведётся совершенствование пенсионной политики. В рамках этих преобразований к 2023 году ПФР и ФСС должны быть реорганизованы в единую организацию — Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации с уплатой в него страховых взносов на пенсионное и социальное страхование в виде общего платежа. Также, учитывая поручение Президента России В. В. Путина, данное 16 марта 2022 г. на совещании о мерах социально-экономической поддержки регионов о том, что «Все стратегические, национальные цели, которые мы поставили на период до 2030 г., должны быть достигнуты», продолжится выполнение задач, поставленных в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ до 2030¹⁶.

Таким образом, приведенное в статье научно-историческое осмысление постсоветского опыта разработки и построения пенсионной политики России в конце XX – начале XXI вв. позволяет глубже понять природу и особенности пока ещё далеко незавершенной истории поиска наиболее эффективной модели отечественной пенсионной политики, способной обеспечить поступательное развитие и социальную стабильность России и её регионов на длительную историческую перспективу.

Список источников:

1. Волков А. Ф. Кризисные явления в системе пенсионного обеспечения на Дальнем Востоке России в 90-е годы XX – начала XXI вв. // Система социального обеспечения и страхования Российской Федерации: история, современность, перспективы развития : сборник статей, Хабаровск, 17.12.2016. Хабаровск : ДВИУ – филиал РАН-ХиГС, 2016. С. 26–41.
2. Вязовская Т. Н. Исторический опыт разработки и реализации государственной пенсионной политики Российской Федерации (1990–2004 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
3. Кирилловых А. А. Развитие пенсионной реформы и проблемы ее правового обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2011. № 1. С. 21–27.
4. Кащеева О. А. Институт исчисления размеров пенсий в праве социального обеспечения: теория и практика правового регулирования : дис. ... канд. юрид.

наук. Москва, 2005. 203 с.

5. Лавровский И. К. Экономическая трансформация советской системы в 1980-1990-х годах: источники капитала и власти // ЭКО. 2021. № 12(570). С. 24–45. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2021-12-24-45.

6. Макаров И. А., Простаков И. В., Белоусов Д. Р. [и др.] Уроки выхода из кризисов последнего столетия (По материалам круглого стола в рамках XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 139–159. DOI 10.32609/0042-8736-2021-8-139-159.

7. Малева Т. М., Синявская О. В. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы : Аналитический доклад. Независимый институт социальной политики. – Москва : Поматур, 2005. С. 44.

8. Орлов-Карба П. А. Все о пенсионной реформе в России : монография. М. : Гардарики, 2005 (ОАО Можайский полигр. комб.). 302 с.

9. Соловьев А. К. Финансовая система государственного пенсионного страхования в России. Москва : Финансы и статистика, 2001.

10. Синявская О. В., Якушев Е. А., Червякова А. А. Российская пенсионная система в контексте долгосрочных вызовов и национальных целей развития : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 120 с.

11. Barr N. (2002). Reforming Pensions: Myths, Truths and Policy Choices // International Social Security Review. Vol. 55. № 2: 3–36.

12. Palmer E. (2000). The Swedish Pension Reform Model – Framework and Issues // SP Discussion paper. № 0012. The World Bank, June.

13. Sundén A. (2004). How Do Individual Accounts Work in the Swedish Pension System? An Issue in Brief, Center For Retirement Research, Boston College. № 22, August.

14. Kõnberg B., Palmer E. and Sundén A. (2006). The NDC Reform in Sweden: The 1994 Legislation to the Present.

15. Orszag, Peter у Joseph E. Стиглиц (2001) «Переосмысление пенсионной реформы: 10 мифов о системах социального обеспечения», ru New ideas about old age security: Towards sustainable pension systems in the 21st Century (Вашингтон, Округ Колумбия, Всемирный банк).

References:

1. Volkov A. F. (2016) Crisis phenomena in the system of pension provision in the Russian Far East in the 90s of the XX – early XXI centuries in The system of social security and insurance of the Russian Federation: history, modernity, development prospects: collection of articles, Khabarovsk, 12/17/2016. Khabarovsk: DVIU – branch of the RANEPА: 26–41. (In Russ.)

2. Vyazovskaya T. N. (2010) Historical experience in the development and implementation of the state pension policy of the Russian Federation (1990–2004): author. dis. ... Dr. ist. Sciences. M. (In Russ.)

3. Kirillovykh A. A. (2011) The development of pension reform and the problems of its legal support *Sotsial'noye i pensionnoye pravo* [Social and pension law]. No. 1: 21–27.

4. Kashcheeva O. A. (2005) Institute for calculating the size of pensions in the law of social security: theory and practice of legal regulation: dis. ... cand. legal Sciences. Moscow: 203. (In Russ.)

5. Lavrovsky I. K. (2021) Economic transformation of the Soviet system in the 1980-1990s: sources of capital and power *EKO Vserossiyskiy ekonomicheskiiy zhurnal* [EKO All-Russian Economic Journal]. No. 12(570): 24–45. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2021-12-24-45. (In Russ.)

6. Makarov I. A., Prostakov I. V., Belousov D. R. [et al.] (2021) Lessons of overcoming the crises of the last century (According to the materials of the round table within the framework of the XXII April International Scientific Conference of the National Research University Higher School of Economics) *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. No. 8: 139–159. DOI 10.32609/0042-8736-2021-8-139-159. (In Russ.)
7. Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (2005) Pension reform in Russia: history, results, prospects: Analytical report. Independent Institute for Social Policy. Moscow: Pomatur, 2005: 44. (In Russ.)
8. Orlov-Karba P. A. (2005) All about pension reform in Russia: monograph. M. : Gardariki, (OAO Mozhaisk polygraph comb.): 302.
9. Solovyov A. K. (2001) Financial system of state pension insurance in Russia. Moscow: Finance and statistics. (In Russ.)
10. Sinyavskaya O. V., Yakushev E. L., Chervyakova A. A. (2021) Russian pension system in the context of long-term challenges and national development goals: dokl. to XXII Apr. intl. scientific conf. on Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 13–30 April. 2021; National research University «Higher School of Economics». M. : Ed. house of the Higher School of Economics: 120. (In Russ.)
11. Barr N. (2002). Reforming Pensions: Myths, Truths and Policy Choices // International Social Security Review. Vol. 55. No. 2: 3–36.
12. Palmer E. (2000). The Swedish Pension Reform Model – Framework and Issues // SP Discussion paper. No. 0012. The World Bank, June.
13. Sunden A. (2004). How Do Individual Accounts Work in the Swedish Pension System? An Issue in Brief, Center for Retirement Research, Boston College. No. 22, August.
14. Kõnberg B., Palmer E. and Sunden A. (2006). The NDC Reform in Sweden: The 1994 Legislation to the Present.
15. Orszag, Peter y Joseph E. Stiglitz (2001) “Rethinking pension reform: 10 myths about social security systems,” en New ideas about old age security: Towards sustainable pension systems in the 21st Century (Washington, DC, World Bank).

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 13.05.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 13.05.2022.

Информация об авторе

А. Ф. Волков – главный инженер, Институт горного дела ДВО РАН – обособленное подразделения ХФИЦ ДВО РАН.

Information about the author

A. F. Volkov – chief engineer, The Institute of mining, the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences – separate division of the KHFIC of the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences.

Научная статья

УДК 338.1

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-126-137

Креативность и кризис – новые ресурсы коммерческой организации в условиях цифровой трансформации

Салогуб Анжела Михайловна

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
salogubam@yandex.ru.

Аннотация. В сложных, непредсказуемых, кризисных условиях организации вынуждены искать новые подходы для поддержания своей конкурентоспособности на рынке. Основная цель научной работы – анализ подходов к преобразованию стиля управления современной организацией. Автором отмечается, что креативность и кризис становятся мощными ресурсами изменения компании в условиях цифровой трансформации. В статье обоснованы теоретические положения по проблеме креативности как научной категории, разработаны практические рекомендации по организации креативного процесса, созданию продуктивной креативной среды, использованию потенциала индивидуального и командного творчества, определены параметры и условия сотрудничества корпораций и креативного класса в лице свободных агентов, лидеров движений и сообществ. Обоснована необходимость преобразования моделей управления организацией в условиях кризиса с использованием возможностей креативности как нового ресурса организации

Ключевые слова: креативность, креативный процесс, креативный класс, креативная среда, кризисные условия, преобразование

Для цитирования: Салогуб А. М. Креативность и кризис – новые ресурсы коммерческой организации в условиях цифровой трансформации // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 126–137. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-126-137>

Creativity and crisis – new resources of commercial organization in the conditions of digital transformation

Anzhela M. Salogub

The Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, salogubam@yandex.ru

Abstract. In difficult, unpredictable, crisis conditions, organizations are forced to look for new approaches to maintain their competitiveness in the market. The main goal of scientific work is to analyze approaches to transforming the management style of a modern organization. The author notes that creativity and crisis become the powerful resources for changing the company in the context of digital transformation. The article substantiates theoretical provisions on the problem of creativity as a scientific category, developed practical recommendations for organizing the creative process, creating a productive creative environment, using the potential of individual and team creativity, determined the parameters and conditions for cooperation between corporations and the creative class in the person of free agents, leaders of movements and communities. The need to transform the models of organization management in a crisis using the possibilities of creativity as a new resource of the organization is justified.

Keywords: creativity, creative process, creative class, creative environment, crisis conditions, transformation

For citation: Salogub A. M. Creativity and crisis – new resources of commercial organization in the conditions of digital transformation // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 126–137. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-126-137>

Введение

В деловой литературе популярно объясняют, что каждый период благоденствия одинаково прекрасен, кризис – неприятен по-своему. В то же время современное поколение организаций и сотрудников ловит волну успеха именно в период разного рода потрясений. Нассим Талеб, исследователь философии случайностей и автор термина «черный лебедь», удачно высказался на тему роли неопределенности в обществе: «Когда жизнь подбрасывает тебе лимон, сделай из него сладкий лимонад» [Коргова, Салогуб, 2020].

Деловой мир использует современные тренды и умело экстраполирует их в свое настоящее и будущее.

Результаты

Управляющий директор и старший партнер BCG Мартин Ривз поделился своими размышлениями о приоритетных трендах в жизни организаций и сотрудников¹. Ключевое наблюдение эксперта: кризис – момент возможностей; цифровая трансформация и бионические компании – закономерности экономики инноваций; глобальная креативность/талант – новый ресурс организации. Во-первых, нужно четко уяснить, что смысл любых проявляющихся трендов в том, что кто-то уже их адаптирует. Быть идейным лидером – это значит формировать новые стандарты управления в отрасли, внедрять открытую экосистему идей, создавать вместе с креативным сообществом ценные активы, обеспечивающие организации превосходство в рыночном пространстве. Время героического (насильственного) периода накопления капитала вышло, модели экономических отношений индустриальных систем изживают себя эволюционным путем.

Статистика исследований показывает, что в период высокой динамичности и волатильности рынка разрыв между «победителями» и «проигравшими» усиливается до 50%. Консультанты по вопросам бизнеса высказывают мнение:

чтобы добиться успеха необходимо учитывать четыре момента. Во-первых, кризисы нужно уметь прогнозировать. Во-вторых, к критическим моментам нужно подготовить «подушку безопасности». В-третьих, следует быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. И наконец, движущей силой организации становятся люди с богатым воображением и активные сообщества.

Цифровые технологии прочно вошли в современную жизнь, фактически с беспрецедентной скоростью погружают нас в научно-фантастическую реальность, где пользователи смогут общаться с помощью аватаров, у них появится виртуальный формат жизни и работы [Стивенсон, 2022].

Технологии – один из основных драйверов роста экономики компаний. Технологии способны улавливать и анализировать сигналы, генерировать большое количество данных, принимать сложные решения, автоматизировать дорогие процессы. Однако только люди принимают решения в пользу каких инновационных проектов и стратегий развития будет сделан выбор. Очевидный вывод в том, что в технологиях повышается субъектность.

Каждый очередной кризис становится своеобразным стресс-тестом для общества и бизнеса. Однако именно в период жестких вынужденных ограничений (к примеру, пандемия) общество преодолело драматизм и романтизм сторонников и противников технологий и нашло удобный для себя формат работы и жизни с разного рода программами и платформами. Футурологи такую перспективу просматривают в так называемых бионических организациях.

Бионическая компания успешно, комфортно объединяет цифровые технологии и человеческое мышление. У машин некоторые моменты получаются лучше, чем у людей. Но при этом люди гораздо эффективнее во всем, что связано с эмпатией, воображением, этикой. Необходимо, что-

¹ Управляющий директор BCG Мартин Ривз — РБК: «Не упускайте время кризиса» <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/61a6251b9a79470512e41ca0>

бы люди сфокусировались на своих уникальных конкурентных преимуществах.

Как достигнуть синергии машин и людей? Необходимо переосмыслить концепцию организации. Управленческие модели современных организаций, в основе которых лежат глубоко авторитарные ценности, морально устарели, культура управления «сверху вниз» вредит самой организации.

Организация будущего – это оптимальная комбинация машин, платформ, алгоритмов (искусственный интеллект) и людей, которые совместно могут создавать более эффективные результаты. Чтобы достичь такого будущего, нужно понять, какие роли отвести машинам, какие – людям, как оптимизировать дизайн организации, какие этические, социальные стандарты поведения сформировать в организации будущего, как сделать, чтобы у организации была экстравертивная направленность на создание ценности для общества. Многие технологические компании уже сегодня задумываются над такой формой организационной жизни.

Современная (креативная) организация – это относительно обособленная социальная общность, объединяющая предпринимателей и сотрудников, свободных агентов и представителей движений и сообществ специфическими интересами деятельности и требующая от всех субъектов взаимодействия творчества и самостоятельности для реализации конкретной задачи или конкретного проекта. В организации такого типа применяется новая парадигма управления людьми, системами и процессами.

Специфика современных экономических отношений постиндустриальных систем заключается в том, что успех на рынке можно удержать на достаточно короткий срок, максимум 1-2 года, тогда как в 90-годы XX века этот период длился до 10 лет.

А вторая особенность – компании вынуждены менять акценты в деятельности, искать разумный баланс эффективности и воображения. Креативность становится самостоятельным фактором в достижении конкурентных преимуществ и долгосрочным трендом.

Понятие «креативность» впервые в научном дискурсе использовал в 1922 г. Д. Симпсон. Этим термином он

обозначил способность человека отказываться от стереотипных способов мышления.

Креативность (от лат. *creatio* – созидание) – это способность человека порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных шаблонов мышления.

Несмотря на то, что накоплен большой и содержательный материал по изучению креативности, который обогатил как теорию вопроса, так практическую деятельность, единой и стройной теории креативности до сих пор не существует, как и не существует одинакового ее определения и всеми признанных методик, диагностирующих данную способность.

В научной литературе в конце XX века было дано более 60 определений креативности. Они были разделены на шесть типов:

1) гештальтистские, описывающие креативный процесс как разрушение существующего гештальта для построения лучшего;

2) инновационные, ориентированные на оценку креативности по новизне конечного продукта;

3) эстетические или экспрессивные, делающие упор на самовыражение творца;

4) психоаналитические или динамические, описывающие креативность в терминах взаимоотношений (Оно, Я и Сверх-Я);

5) проблемные, определяющие креативность через ряд процессов решения задач; к этому типу относится определение Дж. Гилфордом креативности как дивергентного мышления;

6) определения, не попавшие ни в один из вышеперечисленных типов, однако сохраняющие статус рабочих гипотез и версий [Ильин, 2009].

Таким образом авторы, размышляя об одном и том же феномене, добавляют в определение креативности все новые и новые нюансы. О. В. Буторина [Ильин, 2009. С. 176] смогла их систематизировать. Вот так понимается креативность разными авторами:

способность к творчеству;
интеллектуальное творчество;
нечто новое, оригинальное;
отдаленные ассоциации;
реструктурирование целостной системы;

необычное кодирование информации;
дивергентное мышление;
результат (либо отсутствие) внутриличностных конфликтов;

выход за пределы уже имеющихся знаний;

нетрадиционное мышление, позволяющее разрешить проблемную ситуацию и т. д. И этот список далеко неполный.

Мнения исследователей совпадают в разграничении определений креативности. Креативность в узком значении – это дивергентное мышление (Дж. Гилфорд), отличительной особенностью которого является готовность выдвигать множество в равной степени правильных идей относительно одного и того же объекта. В практике управления эту мысль толкуют следующим образом: к верному выводу можно прийти несколькими разными путями.

Креативность в широком смысле слова трактуется как творческие, интеллектуальные способности (Ф. Баррон), в том числе способность приносить новое в опыт [Ильин, 2009].

Правомерным и единственным, который не проблематизируется в российской научной мысли, следует признать подход к проблеме, выделяющий в теории креативности четыре аспекта: креативный процесс, креативный продукт, креативную личность и креативную среду [Еремина, 2018].

Известный американский исследователь креативности П. Торренс определяет креативность как процесс проявления чувствительности к проблемам, дефициту знаний, их дисгармонии, фиксации этих проблем; поиска их решений, выдвижения гипотез; и наконец, формулирование и сообщение результата [Ильин, 2009. С. 175].

Для бизнес-организаций проблема креативного процесса звучит следующим образом: как сконструировать такую логическую систему, которая вела бы сотрудников к научным открытиям и изобретениям. Креативность сотрудников становится в том случае золотым активом, когда его можно конвертировать в продукты и услуги, представляющие для рынка ценность.

Управлять процессом творчества мечтали и задавались целью еще в древности и посчитали это делом безнадежным. В

настоящее время активно продвигается концепция «машинного моделирования интеллектуальной деятельности» вплоть до полного замещения человека искусственным интеллектом. Однако большинство исследователей (Поппер, один из первых) четко заявляет, что попытки логически объяснить процесс творчества бесперспективны, так как обесценивается само творчество как особая форма деятельности. Исследователи мозга [Кавашима, 2018], опираясь на доказательную статистику, утверждают, что алгоритмизировать работу мозга не представляется возможным. Научная мысль не отрицает в принципе возможность управления креативным процессом. Ученые считают, что управление процессом генерирования новых идей сводится к созданию условий, среды, способствующей творчеству. Эта тема представляется актуальной для деловых организаций в современных условиях.

Прежде чем говорить о креативной среде, следует определиться со структурой самого креативного процесса. На этот счет научное сообщество опирается на результаты исследований Г. Уолласа, опубликованные в 1926 году в книге «Искусство мышления». В ней он сформулировал идею о том, что креативный процесс состоит из четырех основных этапов – подготовки, инкубации, озарения и проверки [Мильнер, 2010]. Данная модель стала прототипом практически для всех классических/современных, многочисленных, разнообразных моделей креативного процесса.

Практика управления демонстрирует успешный опыт управления этапами подготовки (накопление информации и ее структуризация), инкубации (здесь важны дискуссия и обсуждения) и проверки (экспериментирование, апробация). Этап озарения (инсайта) логическому объяснению не поддается. Это означает наличие косвенного пути повышения вероятности генерирования инновации (нового знания).

Этап инсайта – во многом непредсказуемый, в значительной степени случайный (зависит от множества факторов и обстоятельств) [Мильнер, 2010. С. 549]. Кроме того, как показывает деловая практика и история научных открытий и изобретений, далеко не всегда креативный про-

цесс завершается инсайтом в виде социально значимого события.

В своей концепции креативности А. Л. Галин дает психологическую характеристику восьми этапам креативного процесса, особо выделяя те этапы, которые поддаются логике управления [Ильин, 2009]. Ученый акцентирует внимание на этапе изложения идеи, включающей конкретную деятельность по сбору убедительных аргументов своей позиции, формализации данных, т.е. создания продукта креативной деятельности с логикой доказательств. Новая идея должна завоевать «себе место под солнцем» наряду с другими идеями, порой вступая с ними в конфликт. Этим элементом (как и некоторыми другими) креативного процесса вполне можно управлять.

Таким образом, для управления креативным процессом необходимо искать способы вероятности инсайта и совершенствовать работу с креативными идеями и с их носителями, креативными личностями. Эти вопросы эксперты и консультанты выделяют в качестве самостоятельного анализа как теории, так и практики управления.

Американский социолог Ричард Флорида, исследуя рынок труда США, пришел к выводу, что доминирующую роль на нем играют так называемые представители креативного класса, личности, которые, по мнению исследователя, в своей профессиональной деятельности создают новые формы (в материальной и нематериальной сфере) [Мильнер, 2010. С. 545].

Р. Флорида на основании результатов первичных и вторичных исследований, определил систему ценностей креативного класса и сгруппировал их по трем направлениям.

Первое направление – это индивидуальность. Креативная личность, демонстрирует приверженность индивидуальному своеобразие и самоутверждению. Это несистемные сотрудники, с трудом встраиваются в организационные структуры и практики.

Второе направление – меритократия. Креативный класс образуют крайне амбициозные люди, для которых важен профессиональный рост, обеспеченный собственными усилиями и способностями. С одной стороны, креативные личности, на первый взгляд, кажутся несносными

снобами, с другой стороны, современные организации не могут позволить себе содержать балласт; каждый должен вносить свой вклад.

Третье направление группировки ценностей – разнообразие и открытость. Ричард Флорида отмечает, что для представителей креативного класса разнообразие означает не просто толерантность к представителям другой расы/конфессии или формам социального поведения. Для них разнообразие – источник творчества, ценность чужого опыта/ нового знания, усиливающие личную креативность.

В своем блоге один программист написал: «Люди, которых часто обзывали монстрами, присвоили это слово себе, обернув в свою пользу маргинализацию и отличие от большинства – сделав их своими сильными сторонами» [Хейманс, 2019. С. 313].

Специфика системы ценностей креативной личности порождает и специфику их поведения. Креативные сотрудники крайне сложно вписываются в протокол классической иерархической организации, менеджмент которой основан на авторитарных ценностях. С другой стороны, компания не может развиваться в условиях анархичности и неорганизованности. Необходимо выстроить систему, которая обеспечивала бы совмещение творческих и рутинных процессов, с одной стороны, раскрепощала креативность персонала, с другой стороны – обеспечивала высокую эффективность производства товаров и услуг, получение сверхдоходов и перспективное состояние на рынке.

Социальные психологи (интересный обзор развития этой области в когнитивной науке дан во вступительной части книги американской исследовательницы Джейн Пурто «Понимание креативности») [Purto, 2004. р. 118] на основе данных первичных и вторичных исследований и научной статистики определили установки, лежащие в основе поведения креативных личностей.

Первой из них является непредвзятость, наивность, способность посмотреть на привычные вещи и явления как бы в первый раз, с удивлением.

Вторая установка креативной личности – это самодисциплина. Творчество как форма деятельности – это, прежде всего, упорный, кропотливый, вдохно-

венный труд, который требует максимального напряжения физических и духовных сил человека [Масалова, 2020. С. 88]. Креативные личности воодушевлены своими идеями, интеллектуальное напряжение воспринимают как естественное состояние в ходе научного поиска и экспериментирования.

Следующая установка – готовность к риску. Американский венчурный капиталист Гай Кавасаки удачно высказался на тему делового риска: «В любом деле самое важное – начать. Никому еще не удавалось добиться успеха только планированием». Для большинства риск связан с потерями, опасностью и личной несостоятельностью. Творец берет риск на себя, потому что занимается делом, не имеющим прецедента в истории мирового бизнеса.

Установка, исключительно важная для группового творчества – это доверие.

Доверие – открытые, положительные взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека, с которым доверяющий находится в тех или иных отношениях [Салогуб, 2019]. Главными признаками доверия выступают верность во взаимоотношениях, уважение и толерантность к инакомыслию, к критике. Одно из значимых условий для формирования доверия в группе состоит в обеспечении такой обратной связи при взаимодействии людей, которая свидетельствует о том, что они были услышаны [Мильнер, 2010. С. 550]. Решением этого вопроса выступает внедрение в практику механизма обратной связи.

В мире цифровых технологий комментарии (в терминах цифровых пользователей – «лайки») в социальных сетях и приложениях позволяют участникам социального движения чувствовать себя значительнее. При правильном подходе такие инструменты вызывают у людей ощущение связанности друг с другом и причастности к большему сообществу. Подобные циклы обратной связи в социальной системе являются эффективными, когда важен фактор времени или ставится масштабная цель, которую нужно достичь совместными усилиями.

В современной научной мысли есть мнение, что креативная деятельность складывается из: 1) творческо-

го выражения, 2) творческой позиции, 3) творческого продукта [Масалова, 2020. С. 91].

В творческом выражении креативная личность реагирует на сигналы внешней среды, при этом активизируется ее личная субъектность, проявляется воображение. Творческая позиция означает открытый, гибкий и самостоятельный способ реагирования на окружающую действительность. Творческая продукция/креативный продукт – это то, что человек в течение творческого процесса создает, такое сочетание ранее известных вещей, которое для него является новым.

Таким образом, креативность в широком смысле (как выполнение чего-либо общественно полезного) раскрывает потребность личности в самовыражении, самоактуализации. Именно поэтому креативный персонал выступает новым ресурсом эффективности и конкурентоспособности современной организации.

Есть гениальные личности, они встречаются невероятно редко, и управлять ими практически невозможно и чаще всего не требуется вообще, ведь они предпочитают быть независимыми от кого-либо в своей деятельности. Деловая организация заинтересована в создании креативной команды, которая создает новое научное знание, и путем организационного обучения знание приобретает форму вирусного контента, становится объектом интеллектуальной собственности компании.

В то же время организация должна быть лояльна к сотруднику, предпочитающему одиночество, демонстрирующему низкую «срабатываемость» с коллективом. Его «отстраненность» от коллектива не должна удивлять, поскольку он генерирует оригинальные идеи, чаще всего бросающие вызов существующим представлениям в организации.

Командная работа имеет огромные преимущества перед индивидуальной. Исследователями проблем современного управления [Коргова, 2013. С. 55] установлен синергетический эффект, в соответствии с которым объединение индивидуумов в группу приводит к результату, отвечающему аристотелевскому парадоксу $1+1>2$. Безусловно, руководство должно знать потенциальные возможности групповой работы, принимать участие в деятельности групп, иметь возможность

окончательного утверждения решений.

Эксперты определяют потенциал индивидуального и командного творчества в организации в конкретных условиях (табл. 1) [Ильин, 2009. С 31].

Важно особо подчеркнуть значимость индивидуального и командного творчества, способность лидера организации управлять экстраординарными личностями, иногда вступающими в конфликт с ценностями доминирующей культуры. Они приносят некий хаос, неупорядоченность, потому что в жесткой системе родиться новое не может по определению.

Творческие возможности внутри организации не отменяют индивидуальность в креативной работе даже при использовании стандартизированных методов и инструментов. Однако нельзя отрицать, что существует некое противоречие между творческим процессом отдельного индивида и потребностью любой компании систематизировать процессы в организации [Коргова, 2013. С. 48]. Следует необходимость правильного понимания командной работы: команда необходима не для того, чтобы заменить креативность индивидуума, а затем, чтобы помочь реализовать его идеи [Мильнер, 2010. С. 548].

Креативные организации научились уживаться с этим противоречием и даже им управлять, совмещая творческие и рутинные процессы.

Креативные организации удачно и смело совмещают противоречие разных

систем ценностей (на первый взгляд) и при этом добиваются баланса креативности и эффективности. Анализ передовой практики организаций различных национальных стандартов менеджмента, позволил систематизировать их опыт и представить в виде конкретных постулатов [Пизано, 2020].

Терпимость к неудачам и нетерпимость к некомпетентности. В креативных компаниях у сотрудников есть право на риск и на ошибку в случае несостоятельности проекта. При этом организации рекрутируют в проект лучших в своем деле, устанавливая высокие стандарты личной эффективности. Тех, кто не оправдывает надежд, либо увольняют, либо переводят на более подходящие для них позиции в организации: никто не позволит слабому сотруднику взять на себя рискованный проект. Вывод: «игроки класса А нанимают игроков класса А+».

Готовность к экспериментам и строгая дисциплина. Современная организация – это, своего рода, научная лаборатория, в которой тестируют рабочие гипотезы, экспериментируют с прототипами и аналогами будущих успешных моделей, технологий, решений. Компании жестко отбирают проекты, стремясь извлечь максимум ценных знаний при оптимальной смете расходов. Вывод: нужно иметь мужество, чтобы самому «убить» бесперспективную идею.

Психологическая безопасность и предельная откровенность. Оспаривать чу-

Таблица 1

Потенциал индивидуального и командного творчества в организации

Индивидуальное творчество	Командное творчество
Для решения простых задач или «головоломок»	Для решения сложных задач или проблем
Когда коллаборация удовлетворительна	Когда для решения необходим консенсус
Когда разнообразие мнений ограничено	Когда присутствует неопределенность и множественность вариантов решения
Когда задачу необходимо решить срочно	Когда необходима высокая самоотдача
Когда достаточно узкого диапазона компетентности	Когда требуется широкий диапазон компетентности
При наличии неустраняемого конфликта интересов	При возможности реализации целей членов команды
Когда организация предпочитает работу с независимыми экспертами	Когда организация предпочитает результаты командой работы для разработки перспективной стратегии
Когда необходим оптимальный результат	Когда необходим разносторонний подход

Источник: составлено автором

жое мнение, значит противопоставить себя команде, идти вразрез мнению большинства. Способность открыто критиковать и принимать критику в свой адрес – признак уважения и доверия. Вывод: жесткая критика как рыбий жир, полезно, но не вкусно.

Сотрудничество и личная ответственность. В креативных организациях коллаборация приходит на смену разрозненности. Это в большей степени характерно для экономических отношений постиндустриальных систем, в которых иерархия и командный стиль «сверху вниз» замещаются горизонтальностью и прозрачностью, гибкими структурами организационных отношений, принимающими разнообразную форму сотрудничества: креативные команды, стартапы, инновационное сообщество, венчурные коллективы, сообщество «агентов перемен». В такой коллаборации процветает атмосфера сотрудничества и развита система коллективной ответственности, выражающаяся в принципе «это наше общее дело». Коллективную ответственность не стоит путать с единодушием. Вывод: работая в проекте с высоким уровнем личной ответственности, лидер команды должен смириться, что именно он (а не команда) будет «праздновать» провал.

Плоская структура и сильное лидерство. Современные продвинутые организации – это крупные глобальные корпорации. Как правило, во главе крупной иерархической компании стоит правитель «твердой руки», во главе стартапа – харизматичный и неформальный лидер.

Руководители организаций должны быть сильными идейными лидерами. Они закладывают фундамент для работы команд, устанавливают приоритеты, конкретизируя цели и обеспечивая проект необходимыми кадрами и финансовыми ресурсами. Вывод: отсутствие иерархии не означает отсутствие сильного лидерства. Лидер в отличие от руководителя стремится не к доминированию, а к партнерству. Его власть и влияние на общественность распространяется «в сторону», а не «сверху вниз». Лидер креативной команды смещает фокус внимания с самого себя на сообщество, которым он управляет.

В современных условиях решением поставленных вопросов станет создание

структур, которые Фредерик Лалу назвал «бирюзовыми» или компаниями будущего, построенными на принципах контролируемого самоуправления [Лалу, 2017]. Речь идет о новой парадигме управления людьми и системами.

С нашей точки зрения, «бирюзовые» организации создаются на основе нововластной системы ценностей (понятие впервые использовал Джереми Хейманс, один из самых креативных деятелей бизнеса, лауреат Фонда Форда «Мечтатель») [Хейманс, 2019].

Джереми Хейманс размышляет, что сегодня в бизнесе и в обществе идет борьба двух типов мышления, которые сильно отличаются друг от друга. Двадцатое столетие ознаменовалось эрой крупных иерархических корпораций, вдохновленных идеями идеальной бюрократической машины М. Вебера. Чтобы машина работала в режиме автомата, сотрудники тоже должны были играть свои роли – необходимые, но в отдельности незначительные и стандартизированные.

Сегодня на смену стратегии соперничества приходит стратегия партнерства людей, систем и технологий.

Организации, придерживающиеся новой системы ценностей, усиливают присущее человеку инстинктивное стремление кооперироваться, вознаграждая тех, кто делится собственными активами или идеями, распространяет активы или идеи других, развивает чужие идеи, совершенствуя их и создавая что-то новое на их базе [Хейманс, 2019. С. 46]. Такая среда позволяет организациям вовлечь в свою орбиту интересов инновационную, активную общественность, используя «народную мудрость», расширять возможности собственной креативности за счет «открытых инноваций», создавать переломные продукты и услуги.

К примеру, в компании General Electric (США) не только считается нормальным, когда привлекается общественность в лице независимых конструкторов, инженеров, программистов, ученых (как в сети, так и на микрофабриках, разбросанных по всему миру) к разработке инноваций, а потом допускается ошибка и проект сворачивают: это даже приветствуется [Комсток, 2019].

Креативные личности черпают новые идеи в неожиданных местах, во время

спонтанных, неформальных встреч, в ходе случайных разговоров, в открытых форумах, поэтому границы между общественностью и корпоративным миром становятся прозрачными, что позволяет креативной среде организации приобретать глобальный характер по принципу: «Весь мир – моя лаборатория».

Креативность является попыткой устранения напряжения, испытываемого человеком, которое он может осознавать или не осознавать (Дж. Гетцельс, М. Чиксентмихай).

Значимость этого вывода состоит в том, что он указывает на один из путей развития креативности и способности к генерации нового знания – повышенная чувствительность к диссонансам разного рода [Мильнер, 2010. С. 560]. Смысл идеи в том, что потоком креативности можно управлять целенаправленными усилиями, задавать нужный вектор для воображения. При этом сохраняются субъектность креативной личности в творческом процессе.

Креативную команду и креативных сотрудников нужно консолидировать в точку напряженности, в проблемное поле организации. По мнению российских исследователей [Кравченко, 2010], креативные личности, впрочем, как предприниматели (социальные новаторы) обладают избирательной эвристикой. Они не только умеют нестандартно решать обычные задачи или активнее других людей сопротивляться давлению внешних обстоятельств, но, что еще важнее, они отбрасывают второстепенные и останавливаются на главных задачах, умеют видеть более перспективные идеи для воплощения.

Креативная личность отличается целым рядом психических особенностей, позволяющих преобразовывать сигналы динамичной внешней среды и идеи в реальные действия, что связано скорее не с технологиями, а когнитивной способностью людей и организационной гибкостью. Цифровые технологии становятся удобным и отличным инструментом для мобилизации глобальной креативности. Существует множество кейсов, иллюстрирующих эффективное партнерство системы, технологий и сообществ.

Технологии и коллаборации креативных сотрудников компаний с представи-

телями сообществ и движений обеспечивают беспрецедентные и неограниченные возможности современным организациям на глобальном рынке. Организация начинает жить как открытая экосистема идей, вести себя как движение, в которое легко можно войти и стать «агентом изменений».

Однако нужно четко осознавать, что движущая сила, к примеру, таких компаний как Apple, – отнюдь не анархия, а продуманный и отлаженный менеджмент постиндустриальной эпохи. Залог успеха глобальных лидеров рынка в том, что компания «задает четкие границы» сотрудничества с креативными сотрудниками и независимыми участниками движений: необходимо изначально задать ясные параметры и условия, в рамках которых сообщество может творить и создавать идеи. Сейчас компании прорабатывают свою политику, как лучше делиться с обществом капитализацией своих (и его) творений.

По мнению многих экспертов и менеджмента [Хейманс, 2019], чтобы сохранить дух сотрудничества и волонтерства, объединяющий сообщество с корпорацией, нужно вознаграждать тех участников, которые внесли наиболее существенный вклад в «открытую инновацию». Такое партнерство компании и сообществ становится свободным рыночным активом, превращая организацию в «инкубатор креативных людей, идей и технологий», способную продуктивно совмещать эффективность и креативность, использовать возможности новых ресурсов сейчас и в будущем.

Наблюдая опыт эффективных российских организаций, вспоминается наиболее удачный кейс с компанией Сбербанк, сумевшей осуществить цифровую трансформацию, пройдя путь от «сберкассы» до экосистемы. Построение принципиально новой бизнес-модели стало возможным благодаря радикальной смене парадигмы управления сотрудниками, системой и процессами.

Российские эксперты [Мильнер, 2010], опираясь на собственные наблюдения и многочисленные первичные (вторичные) исследования, приходят к выводу, что нужно создавать благоприятную креативную/инновационную среду как внутри собственной структуры (задача ор-

ганизационного менеджмента), так и во внешней среде (задача государства).

У этой среды есть показатели, которые указывают на степень ее благоприятности для субъектов (свободных агентов). Самая благоприятная креативная/инновационная среда, по мнению экспертов [Мильнер, 2010], – в США, с отрывом от лидера – в Финляндии и Ирландии. В России, к сожалению, это среда только формируется. И существует мнение, что на первых порах с этим придется смириться и взять на вооружение метод, называемый аутсорсингом.

С другой стороны, у отечественных организаций (к примеру, «ВКонтакте», «Тинькофф», «СБЕР», «Mail.ru», «Яндекс») есть серьёзное конкурентное преимущество – это стрессоустойчивость, российский бизнес лучше адаптируется и адаптирует ресурс кризиса. События последних дней убеждают нас, что российские компании обладают устойчивым иммунитетом к внешним шокам.

Раньше инновации двигались предсказуемой тропой глубокого осмысления одной темы. Сегодня – это все чаще путь рекомбинации неожиданных вещей, идей и людей из разных сфер. Этим способом создавать новое может овладеть только эффективная компания, т. е. организация с высоким качеством людей и менеджмента, независимо от национальной принадлежности.

Выводы

Всемирно известный бизнес-консультант Эдвардс Деминг (российскому читателю известен в большей степени как автор 14 принципов всеобщего управления качеством) утверждает, что фактическая причина любого банкротства – плохой менеджмент, т. е. отсутствие способности у высшего менеджмента управлять [Деминг, 2021].

Кризис – не только время, когда надо минимизировать потери, но и время возможностей. Первым шагом нужно осоз-

нать, что возможности существуют. Второй момент – необходимо улавливать первые сигналы кризиса, симптомы изменений. Третий момент – развивать собственную креативность/воображение.

Имеет смысл научиться работать по-новому в новых условиях. Речь идет о преобразовании существующего стиля менеджмента, о поиске новой философии и парадигмы управления, используя новые ресурсы, такие как кризис, креативность, технологии.

Организация должна научиться управлять креативным процессом, повышать высокую вероятность генерирования оригинальных идей и преобразовывать их в социально значимое событие – креативный продукт. Для привлечения и удержания креативных сотрудников организации нужно создавать благоприятную креативную среду: научиться понимать миллениалов, помогать им развиваться, выстраивать индивидуальные треки обучения, предоставлять в разной форме обратную связь, свободу, признание и продвижение по карьере, сохранять прозрачность в отношениях, в том числе в финансовых вопросах, легко с ними расставаться.

Эти задачи потребуют от организации гибкости в плане перехода с закрытого к открытому формату работы с креативными сотрудниками и с их собственными сообществами, если необходимо – трансформировать «социальный институт» в «движение», когда контролировать, а когда уступать контроль, при этом сохраняя высокое качество руководства людьми и управления системой и процессами. Речь идет не о революции или ревизии. Мы говорим о преобразовании моделей управления и организаций. Преобразование требует полностью обновлённой структуры сверху донизу.

Важно изучать, анализировать и использовать новые ресурсы, чтобы улавливать тренды быстрее, чем конкуренты.

Список источников:

1. Актуальные проблемы управления персоналом в современных организациях (на примере организаций Северо-Кавказского федерального округа): коллективная монография / под общей ред. М. А. Корговой. Москва – Пятигорск: РАО – ПГЛУ, 2013. С. 641.
2. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 417.

3. Еремина Л. И. Развитие креативности личности: психологический аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 1. С. 44.
4. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2009. С. 448.
5. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б.З. Мильнера. М., Россия: ИНФРА-М, 2010. С. 624.
6. Кавашима Р. Как заставить работать мозг в любом возрасте. Японская система развития интеллекта и памяти. СПб. : Питер, 2018. С. 160.
7. Комсток Б. Вообразить будущее: Креативный подход к изменениям в бизнесе. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 542.
8. Кравченко А. И. История менеджмента: учебник. М.: КНОРУС, 2010. С. 432.
9. Коргова М. А., Салогуб А. М. Менеджмент. История менеджмента: учебное пособие. М. : Издательство Юрайт, 2020. С. 160.
10. Корпоративная культура в зеркале организационного менеджмента коллективная монография / под общей редакцией А. М. Салогуб. Уфа. АЭТЕРНА, 2019. С. 135.
11. Кравченко А. И. История менеджмента: учебник. М.: КНОРУС, 2010. С. 432.
12. Лалу Ф. Открывая организации будущего. Иллюстрированное путешествие в мир организаций нового типа. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. С. 176.
13. Масалова Ю. А. Инновационный менеджмент в управлении персоналом: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2020. С. 191.
14. Пизано Г. Креативное созидание: Системный подход к инновациям в крупных компаниях. М.: Альпина Паблишер, 2020. С. 341.
15. Стивенсон Н. Лавина. Москва : Эксмо, 2022. С. 544.
16. Хейманс Дж. Новая власть: Какие силы управляют миром – и как заставить их работать на вас. М.: Альпина Паблишер, 2019. С. 504.
17. Purto J. Understanding Creativity. Scottsdale Ariz.: Great Potential Press, 2004. P. 539.

References:

1. . Actual problems of personnel management in modern organizations (on the example of organizations of the North Caucasian Federal District): collective monograph / ed. M. A. Korgovoi. Moscow – Pyatigorsk: RAO – PGLU, 2013: 641. (In Russ.)
2. Deming E. (2021) Out of the Crisis: A New Paradigm for Managing People, Systems and Processes. M.: Alpina Publisher: 417. (In Russ.)
3. Eremina L. I. (2018) Development of personality creativity: psychological aspect *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. No. 1: 44. (In Russ.)
4. Ilyin E. P. (2009) Psychology of creativity, creativity, giftedness. SPb. : Peter: 448. (In Russ.)
5. Innovative development: economics, intellectual resources, knowledge management / ed. B.Z. Milner. M., Russia: INFRA-M, 2010: 624. (In Russ.)
6. Kawashima R. (2018) How to make the brain work at any age. Japanese system of development of intelligence and memory. SPb. : Peter: 160. (In Russ.)
7. Comstock B. (2019) Imagine the Future: A Creative Approach to Business Change. M.: Alpina Publisher, 2019: 542. (In Russ.)
8. Kravchenko A. I. (2010) History of management: textbook. M.: KNORUS: 432. (In Russ.)
9. Korgova M. A., Salogub A. M. (2020) Management. History of management: textbook. M. : Yurait Publishing House: 160. (In Russ.)
10. Corporate culture in the mirror of organizational management collective monograph / under the general editorship of A. M. Salogub. Ufa. AETERNA, 2019: 135. (In Russ.)
11. Kravchenko A. I. (2010) History of management: textbook. M.: KNORUS: 432.

(In Russ.)

12. Lalu F. (2017) Discovering organizations of the future. An illustrated journey into a new type of organization. M.: Mann, Ivanov i Ferber: 176. (In Russ.)

13. Masalova Yu. A. (2020) Innovative management in personnel management: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House: 191. (In Russ.)

14. Pisano G. (2020) Creative creation: A systematic approach to innovation in large companies. M.: Alpina Publisher: 341. (In Russ.)

15. Stevenson N. (2022) Lavina. Moscow: Eksmo: 544. (In Russ.)

16. Heymans J. (2019) New power: What forces rule the world - and how to make them work for you. M.: Alpina Publisher: 504. (In Russ.)

17. Purto J. (2004) Understanding Creativity. Scottsdale Ariz.: Great Potential Press: 539.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 07.04.2022.

The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 25.03.2022; accepted for publication 07.04.2022.

Информация об авторе

А. М. Салогуб – доктор социологических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, главный научный работник Пятигорского государственного университета.

Information about the author

A. M. Salogub – Doctor of Sociology, Professor, the chair of creative and innovative management and law, chief researcher, the Pyatigorsk State University.

Научная статья

УДК 332.142.2

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-138-150

Один из приводов механизма выравнивания жизненного уровня населения Севера

Александр Алексеевич Пахомов¹, Михаил Прокопьевич Соломонов²

^{1,2} Федеральний исследовательский центр ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия

¹ a.a.pakhomov58@mail.ru

² slmnvm@mail.ru

Аннотация. В статье изложена аргументация приведения в действие одного из предложенных авторами в предыдущих номерах журнала (Пахомов, Соломонов, 2021) механизмов выравнивания жизненного уровня населения в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним. Одним из определяющих факторов повышения жизненного уровня населения на Севере является качественное теплоснабжение жилых, социальных и производственных объектов. Теплоснабжение на Севере одновременно является также фактором удорожания производства и жизни населения по сравнению со средней полосой России; его переход повсеместно на качественно новый уровень заложил бы равные условия для выравнивания государством тарифов на тепловую энергию до среднероссийского уровня. Выравнивание тарифов тепловой энергии до этого перехода создаст иждивенческие условия для поставщиков тепла. Основным тормозом перехода является отсутствие нормативов, полноценно учитывающих потерю ограждающими конструкциями зданий и сооружений сопротивления теплопередаче по мере износа. Высокие удельные затраты тепловой энергии по зданиям с износом побуждают их собственников препятствовать установке общедомовых приборов учета, соответственно всей кампании энергосбережения. В статье описывается опыт нормирования расхода тепловой энергии по зданиям с износом в Республике Саха (Якутия) и предлагаются меры стимулирования энергосбережения.

Ключевые слова: рост производства, нормирование и субсидирование теплоснабжения на Севере

Благодарность: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № 0297-2021-0037, ЕГИСУ НИОКТР №121020400168-1).

Для цитирования: Пахомов А. А., Соломонов М. П. Один из приводов механизма выравнивания жизненного уровня населения Севера // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 138–150. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-138-150>

One of the actuators of the living standard leveling mechanism population of the North

Aleksandr A. Pakhomov¹, Mikhail P. Solomonov²

^{1,2} The Federal research center of YSC SB RAS, Yakutsk, Russia

¹ a.a.pakhomov58@mail.ru

² slmnvm@mail.ru

Abstract. The article presents the arguments for the activation of one of the mechanisms proposed by the authors in previous issues of the journal to equalize the living standards of the population in the regions of the Far North and areas equated to

them. The state? Being in a symbiosis of liberal and dirigiste concepts of development, in the North, is forced to act as the main player in the market. In the long term, the main player is faced with the task of sustainable development of the living conditions of the population living in the North, because the real resource-based economy, after all, is the economy of a visible perspective, and not of future generations of Russians. The desire of people for comfort cannot be prevented and it is unlikely that it will be possible to increase the population in the North. The state needs to plan in the long run for today's current population in the North. The determining factor in improving the living standards of the population in the North is the high-quality heat supply of utility, social and industrial facilities. Heat supply in the North is at the same time a factor in the rise in production costs. Its transition everywhere to equal conditions for the government to equalize tariffs for thermal energy to the average Russian level. Equalization of heat energy tariffs prior to this transition will create dependent conditions for consumers. The main brake on the transition is the lack of standards that fully take into account the loss of resistance to heat transfer by the enclosing structures of buildings and structures as they wear out. High specific energy costs for expenses with wear and tear of observers have the ability to prevent the installation of common house meters, respectively, the entire article about the beginning of the experience of rationing energy consumption by growth with depreciation in the area of responsibility of Sakha (Yakutia) and mass events to stimulate energy conservation.

Keywords: production growth, regulation and subsidization of heat supply in the North

Acknowledgments: the work was carried out within the frameworks of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (subject No. 0297-2021-0037, EGISU NIOKTR No. 121020400168-1).

For citation: Pakhomov A. A., Solomonov M. P. One of the actuators of the living standard leveling mechanism population of the North // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 138–150. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-138-150>

Введение

После выравнивания тарифов на электроэнергию до среднероссийского уровня для коммерческих организаций Дальнего Востока авторами в предыдущей статье [Пахомов, Соломонов, 2021] были предложены шаги по субсидированию выравнивания тарифов на тепловую энергию, возмещение транспортных расходов северного завоза, районного коэффициента, северных надбавок к заработной плате и северных социальных льгот работникам коммерческих организаций. В данной статье будут представлены предварительные шаги государства для выравнивания тарифов на тепловую энергию до среднероссийского уровня для коммерческих организаций Севера.

Оценка ситуации

Правительством РФ регулярно утверждается перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним¹. Для точного определения предмета исследования авторами формируется база данных по ним, фрагмент которой представлен в таблице 1.

Как показывают данные таблицы 1, на 68,5% территории России, относящейся к районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним, проживает 6,53% населения, в том числе в регионах Сибири и Дальнего Востока 4,24% населения (61,2% территории России) с плотностью 1,7 чел. на 1 кв. км территории.

В анализе обстановки в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним, авторы исходят из сле-

¹ Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. N 1946 «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР»

дующих посылов:

а) исход населения России с северных территорий – естественный процесс стремления людей жить в более комфортных климатических условиях;

б) при плановой экономике в России наблюдалась явное перенаселение северных территорий;

в) дальнейшее освоение природных ресурсов, т. е. недровых залежей Севера будет преимущественно осуществляться вахтовым методом, и в долгосрочном периоде это оправдано исчерпаемостью невозобновляемых природных ресурсов, а также необходимостью для России временного лага и финансовых ресурсов для структурной трансформации к новой экономике России;

г) приведенная выше характеристика плотности населения (1,7 чел. на кв. км) может рассматриваться как возобновляемый природный ресурс;

д) реализацию Национальной программы развития Дальнего Востока целесообразнее увязывать с развитием всего Севера России;

е) главным тормозом развития макро-региона является излишняя централизация власти и ресурсов в стране, подавляющая предпринимательские инициативы широких слоев населения [Минакир, Прокапало, 2017].

Обзор литературы

«Великий потенциал роста российской экономики», отмеченный [Кудрин, Гурвич, 2014] на заре стагнации экономики страны, не реализуется [Минакир, 2021]. Хотя предложенный авторами [Кудрин, Гурвич, 2014] комплекс реформ, обеспечивающих рост экономики страны, аргументирован и убедителен, политическая власть страны, видимо, прислушалась только к отдельным его фрагментам. По опыту прошедших лет имеется некоторая возможность оценить их прогнозы. Так, прогноз в части снижения объемов добычи нефти, газа и угля по стране не только не оправдался, а даже имеется существенный рост².

Как показывают, обновленные показатели 2019 г. база данных авторов [Соломонов, Саввинова 2021], ВВП 80

субъектов РФ (без учета ВРП Москвы, Санкт-Петербурга, НАО, ХМАО и ЯНАО и с исключением с ВРП 80 регионов экспорта продукции ТЭК) показал среднегодовой прирост на 3,28% вместо спрогнозированного 1,3% [Кудрин, Гурвич, 2014], что отражено в таблице 2 в сопоставимых ценах 2002 г. [Пахомов, Соломонов, 2020. Табл. 2]. «Согласно опубликованному в октябре 2014 г. прогнозу МВФ, средний за ближайшие шесть лет темп роста российской экономики составит 1,3% (IMF, 2014)» цитировали авторы [Кудрин, Гурвич 2014].

Между тем таблица 2 показывает среднегодовой прирост ВРП 80 субъектов РФ без учета экспорта продукции ТЭК за шесть лет, равную 3,28%, что превышает почти в три раза расчет авторов прогноза в целом экономики РФ, равной 1,3%. Действительно, после международных санкций, синхронизированных с отпуском в свободное плавание курса рубля в 2014 г., приведшего к искусственному заводу трансфера технологий для предприятий МСП для рядовых 80 субъектов РФ в течение трех лет было допущено падение объемов производства. Тем не менее, последующие три года, благодаря активному государственному вмешательству, достигнут среднегодовой за шесть лет рост производства в 3,28%, укладываемаясь в монетаристский темп роста производства и денег в обращении от 3–5% [Фридмен, 1996].

Вышеприведенная статистика и методологии в статьях авторов показывают потенциальные возможности РФ по решению проблемы исхода населения с Севера по предлагаемым авторами сценариям [Пахомов, Соломонов 2021] «... первым шагом после выравнивания тарифов на электроэнергию могло бы стать субсидирование выравнивания тарифов на тепловую энергию с применением опыта и методик федерального бюджета по финансированию «северного завоза» не только для жизнеобеспечения населения, но и для коммерческих организаций. Следующим шагом могло бы быть субсидирование районных коэффициентов и северных надбавок к заработной плате и

² URL. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejagodnik_2020.pdf

Таблица 1

Население и территории районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним, Российской Федерации по состоянию на 01.01.2021 г.

№ п.п.	Субъекты РФ	Районы Крайнего Севера		Местности, приравненные к районам Крайнего Севера	
		Население**, чел.	территории**, тыс. кв. км	Население**, чел.	территории**, тыс. кв. км
1	Республика Алтай	0	0,0	31 887	38,2
2	Республика Бурятия	0	0,0	103 869	146,4
3	Республика Карелия	76 493	56,6	532 578	96,0
4	Республика Коми	234 409	120,8	615 510	241,4
5	Саха (Якутия)	982 000	3083,5	0	0,0
6	Республика Тыва	14 547	56,8	315 821	106,9
7	Забайкальский край	0	0,0	20 051	151,0
8	Камчатский край	311 700	464,3	0	0,0
9	Красноярский край	255 310	1899,7	181 523	213,3
10	Пермский край	0	0,0	27 994	21,1
11	Приморский край	0	0,0	95 018	61,4
12	Хабаровский край	7 963	330,1	490 757	349,3
13	Амурская область	0	0,0	91 197	217,6
14	Ненецкий АО	44 436	176,8	0	0,0
0	Архангельская обл	219 807	174,5	862 895	212,7
15	Иркутская область	3 214	139,2	514 979	335,3
16	Магаданская область	139 000	462,5	0	0,0
17	Мурманская область	732 900	144,9	0	0,0
18	Сахалинская область	55 282	36,6	430 339	50,5
19	Томская область	0	0,0	187 108	268,0
20	Чукотский автон. окр.	49 500	721,5	0	0,0
21	Ямало-Ненецкий АО	547 000	769,3	0	0,0
22	ХМАО-Югра	51 027	129,7	1 293 519	405,4
23	Тюменская область	0	0,0	19 243	48,3
	Всего:	3 724 588	8766,926	5 814 288	2 962,9

Всего населения и территорий Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним*:

9 538 876   11 729,9

Все население и территория России**

146 171 000   17 125,2

Доля населения и территорий Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним, %*:

6,53   68,5

Доля населения и территорий Крайнего Севера, %*:

2,55   51,2

*расчеты авторов

** <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst69/DBInet.cgi>

Таблица 2

**Динамика ВРП за 2014–2019 гг. (без учета экспорта продукции ТЭК)
80 регионов РФ (без учета г. Москвы, Санкт-Петербурга, НАО, ХМАО, ЯНАО)
в ценах 2002 г.**

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Инфляция	106,47	111,35	112,91	105,39	102,51	104,3	103,04
Инфляция нарастающим с 2002 г.	2,732	3,042	3,434	3,619	3,71	3,87	3,987
ВРП 80 субъектов РФ в текущих ценах, млрд руб.	35519	39067	43669	45962	49086	55065	62039
ВРП 80 субъектов РФ в сопоставимых ценах 2002 г., млрд руб.	13001	12842	12717	12700	13231	14229	15560
Коэффициент динамики ВРП	1	0,987809	0,978141	0,976861	1,017685	1,094446	1,196859

Источник: составлено авторами.

льгот работникам коммерческих организаций ДФО и Сибири» и посылам, приведенным выше.

Привод первого механизма

Субсидирование выравнивания тарифов на тепловую энергию для коммерческих организаций со стороны государства до среднероссийского уровня не в традициях либеральной экономической науки, тем не менее, цитаты Дж. Ю. Стиглица в статье [Пахомов, Соломонов 2021], думается, помогут читателю перешагнуть через эту традицию.

Если опыт и методика «северного завоза» фактически наличествует в экономике страны, остается вопрос: каким образом организовать субсидирование выравнивания тарифов (точнее, экономически обоснованных затрат) на тепловую энергию. Здесь, видимо, потребуется некоторый временной лаг, для приведения теплового хозяйства Севера на единый нормативный уровень. Дело в том, что в жилых зданиях, объектах социальной инфраструктуры с начисленным износом более 40% ограждающие конструкции значительно теряют свойства сопротивления теплопередаче. Как следствие, эти здания и сооружения не укладываются в нормативы удельных затрат тепловой энергии, отраженные в нормативных документах России³. Это является главным препятствием проведения в жизнь энергосберегающих мероприятий по таким объектам, т. к. компании, осуществляющие энергосберегающие мероприятия, и даже собственники зданий не могут определиться с базой расчета экономии расхода тепловой энергии. Более того, собственники зданий с износом препятствуют установке общедомовых приборов учета тепла в своих зданиях из-за превышения фактических расходов по счетчику против нормативных.

Очевидно, что необходимо проводить в соответствии с постановлением Пра-

вительства РФ № 306³ разработку региональных нормативов расхода тепловой энергии на отопление не только для жилых зданий, как оговорено в постановлении, но и для общественных зданий на основе Сводов правил строительной отрасли и ЖКХ⁴. Последнее отдельно оговаривается авторами из-за отличий в инженерных теплотехнических расчетах по общественным зданиям и сооружениям не по общей отапливаемой площади, как в жилых домах, а по внутреннему объему зданий. Как видно, нормативы необходимо разрабатывать ввиду следующих обстоятельств:

удельные нормативы расхода на кв. м общей площади жилого дома в Постановлении № 306⁴ зависят от трех параметров: этажности здания; расчетной температуры наружного воздуха в наиболее холодную пятидневку; от годов постройки до 1999 г. включительно и после 1999 г., т. е. на сегодняшний день дома 1999 г. постройки имеют: деревянные 46%, а каменные 23% износа. А фактически половина многоквартирных домов в стране или 1,2 млрд кв. м нуждаются в капитальном ремонте⁵;

в стране существенно расширена сеть гидрометеорологических станций по мониторингу климатических изменений, соответственно требуется новая привязка населенных пунктов к этой сети;

мониторинг станций обнаруживает потепление климата до 5°C и соответственное сокращение продолжительности отопительного периода, что в целом ведет к снижению градусо-суток отопительного периода (далее по тексту ГСОП);

установление региональных нормативов по единой федеральной методологии обеспечило бы реальные условия для расчета экономии расхода тепла от энергосберегающих мероприятий.

В Республике Саха (Якутия) началась данная работа по нормированию расхо-

³ «Правила установления и определения нормативов потребления тепловой энергии и нормативов потребления тепловой энергии в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме», утв. постановлением Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 306 (ред. от 29.09.2017) / *Электр. ресурс. Консультант плюс. Дата обращения 05.05.2021 г.* URL: <https://base.garant.ru/12147362/>

⁴ СП 345.1325800.2017 Здания жилые и общественные. Правила проектирования тепловой защиты. ГОСТ 30494-2011 Здания жилые и общественные. Параметры микроклимата в помещениях.

⁵ Официальный сайт Минстроя РФ. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/zhilishno-kommunalnoe-hozyajstvo/>

да тепловой энергии, в котором участвовали авторы и могут поделиться промежуточными результатами и опытом от этой НИР.

Методы исследования

Метод исследования основан на создании базы данных поставок теплоснабжающими организациями и потребления тепловой энергии объектами отопления и обработке данной базы теплотехническими расчетами по методикам регионального правительства⁶ и в соответствии с методикой постановления Правительства РФ № 306. Надо отметить, что в настоящее время в регионе руководствуются региональными нормативами теплоснабжения. В законченном виде работа будет представлять программный комплекс нормирования тепловой энергии по каждому объекту отопления республики по различным методам.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе были сформированы климатические параметры для теплотехнических расчетов по наблюдениям гидрометеостанций ФГБУ «Якутское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» (далее – ЯУГМС) за пять последних отопительных периодов.

В настоящее время ЯУГМС дислоцирует по территории региона 110 гидрометеостанций, тогда как в СНиП⁷ 1962 г. было всего 51, в 1972 г.⁸ – 63 гидрометеостанции, в 1999 г.⁹ – всего 50.

В связи с увеличением объектов наблюдения ЯУГМС авторам пришлось произвести новую привязку населенных пунктов региона к наиболее близким 75 гидрометеостанциям. По ним в соответствии с постановлением № 306 на первом этапе исследований были получены от ЯУГМС средние температуры зимних месяцев с октября по апрель и среднесуточные температуры месяцев межсезонья за 2015–

2020 гг. По ним авторами были рассчитаны основные климатические параметры для теплотехнических расчетов: а) даты начала и окончания отопительного периода, б) соответственно, продолжительность отопительного периода, в) средняя температура наружного воздуха за отопительный период. А расчетная температура наружного воздуха равная температуре наиболее холодной пятидневки с обеспечением 0,92, была задана в соответствии со Сводом правил (далее – СП)⁹, т. к. все здания и сооружения в стране проектируются в соответствии с расчетной температурой по данному СП. На их основе были рассчитаны средние ГСОП за пять последних отопительных периодов и произведено сравнение их с показателями по региональному и федеральному нормативам. Если в некоторых муниципальных районах (далее – МР) центральной Якутии и в южных МР межсезоньем являлись месяцы май и сентябрь, то по иным арктическим МР – июль и август, как например, по Тикси. Были рассчитаны также продолжительность отопительного периода и его средняя температура и, как их произведение, градусо-сутки отопительного периода, т. н. ГСОП.

Средневзвешенная температура отопительного периода по всем гидрометеостанциям (кроме г. Алдана) показывает повышение средней температуры отопительного периода от 5,5°C в Депутатском до 1,7°C в Чульмане. Характерно повышение температуры отопительного периода, особенно в арктических улусах, например, в Оленке на 5,3°C, в Черском на 4,2°C. В свою очередь повышение средней температуры отопительного периода вызывает снижение ГСОП, рассчитанных по методике Постановления № 306, против рассчитанных по Постановлению СМ ЯАССР № 186⁶.

Продолжительность в сутках отопи-

⁶ Нормирование расхода тепла и топлива на отопление и горячее водоснабжение зданий в Якутской АССР. – Якутск: Госкомиздат ЯАССР, 1987. – 110 с. / <https://base.garant.ru/48157386/>

⁷ СНиП II-A.6-62. Строительная климатология и геофизика. Основные положения проектирования. – М., 1963. / <https://base.garant.ru/71727256/>

⁸ СНиП II-A.6-72. Строительная климатология и геофизика. – М., 1973. / <https://base.garant.ru/71681214/>

⁹ Свод правил СП 131.13330.2018 «СНиП 23-01-99 Строительная климатология» / Электр. ресурс. Консультант плюс. Дата обращения 12.09.2021 г. / <https://base.garant.ru/72230718/>

тельного периода по результатам расчета за 5 последних отопительных периодов в целом снизилось против продолжительности по Постановлению СМ ЯАССР № 186 по всем гидрометеостанциям кроме 6 станций, в которых имеется увеличение продолжительности отопительного периода: в Черском на 6 суток, Олекминске на 5 суток, Нера на 4 суток, Томмот на 2 суток, Амга и Чурапча на 1 сутки. Наибольшее снижение продолжительности отопительного периода наблюдается в п. Тикси (на 26 суток).

Расчеты в целом показывают возможность снижения расходов отопления при применении расчетного метода по методике Постановления № 306 против Постановления СМ ЯАССР № 186, а ГСОП, рассчитанные по методике СП «Строительная климатология», находятся в промежуточном между ними положении. Снижение ГСОП в п. Депутатском составляет с 12439 до 10832 суток или на 13%, в п. Тикси с 12556 до 11103 суток или на 11,6%, тогда как на юге в п. Чульман всего на 5,2%.

На первом этапе параллельно велись работы по определению сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций жилых зданий.

Результаты

В регионе наиболее полная база данных поставщиков и потребителей тепловой энергии оказалась у Государственного комитета по ценовой политике по отчетности поставщиков тепловой энергии по форме 3(тх). Госкомцен РС (Я) собирает отчетность поставщиков тепловой энергии по тринадцати формам (тх), чтобы иметь полное представление по себестоимости тепловой энергии по каждому муниципальному образованию (далее по тексту МО), техническому состоянию источников тепловой энергии и тепловых сетей. В форме 3(тх) имеются все договорные объекты получателей тепловой энергии с их поставщиками, где отражаются: наименование поставщика, адрес получателя с указанием дома и корпуса, принадлежность объекта собственнику, МР или городскому округу (далее по тексту – ГО), МО, населенный пункт, наи-

менованние источника тепловой энергии, общая площадь и строительный объем здания или сооружения получателя, расчетная полная нагрузка от объекта отопления на источник с разделением на отопление и на горячее водоснабжение, текущие затраты тепловой энергии по объекту с разделением на отопление, на вентиляцию, на спутники, на ГВС, на потери, на теплообменники, количество проживающих по жилым зданиям, этажность, степень благоустройства, температура воздуха отапливаемых помещений, продолжительность отопительного периода и его средняя температура и то же на прогнозируемый период.

Необходимо отметить, что в регионе давно перешли к формированию тарифного регулирования по теплу отдельно по каждому МО, учитывая труднодоступность их большей части и дислокацию в различных климатических зонах, а также на три года вперед для устойчивости планирования их теплоснабжения¹⁰.

При разработке базы данных поставщиков и потребителей тепловой энергии (далее по тексту – БДППТЭ) региона разработчики столкнулись с рядом проблем. Во-первых, технические проблемы: исходная форма отчетности в Excel не была отсортирована и не сгруппирована. Препятствием этому служили начальные проблемы автоматизации: пустые ячейки и строки, пробелы, грамматические ошибки в наименовании МР, МО и населенных пунктов, наличие защиты листов и блокировки ячеек, отсутствие единообразия обозначения категории собственности объекта получателя тепловой энергии, попытки частичного применения макросов и т. д. Во-вторых, организационные проблемы: не было единого требования по версии Excel для заполнения таблиц, отсутствовало требование и принципы начальной сортировки и группировки данных от поставщиков тепловой энергии. В-третьих, проблемы нормативного регулирования: имелись в температурных параметрах, применяемых в теплотехнических расчетах, расхождения между региональным и федеральным нормативными актами, что может вызывать бес-

¹⁰ Официальный сайт Госкомцен РС (Я). URL: <http://tdb.regportal-tariff.ru/TariffDecisions?reg=RU.7.14>

конечные судебные разбирательства.

В результате отсортированная и сгруппированная БДППТЭ приняла формы двух книг Excel, первая книга – расчет климатических параметров (с 77 листами), вторая – расчет нормативов расхода тепловой энергии (с 9 листами, где 2 листа с результатами расчетов были перенесены с первой книги) и климатические параметры с постановления № 306 и со СП на 3-х листах для удобства написания макросов. БДППТЭ фактически разместилось на двух листах второй книги, на первой – МР, на второй – городские округа.

Написанные макросы БДППТЭ позволили разнести 11-значные коды населенных пунктов региона с Общероссийского классификатора территорий муниципальных образований (далее по тексту – ОКТМО) по всем 642 населенным пунктам региона, свести промежуточные итоги по МР, МО и отдельно по каждой котельной на первом листе и по теплоснабжающим организациям, МО и котельным на втором листе по ГО.

В результате обработки данных инструментального обследования жилищного фонда был рассчитан удельный расход тепловой энергии на отопление жилых зданий. Как видно из таблицы 3, удельные расходы тепловой энергии на отопление жилых зданий в условиях Якутии в 1986–1999 гг. практически идентичен с показателями Постановления Правительства РФ № 306. А по зданиям постройки 1985 г. и более поздних лет вследствие длительной эксплуатации и ветшания зданий удельный расход значительно увеличился.

На данном этапе исследования авторы ограничились нормированием тепловой энергии для отопления только для жилых зданий.

Все показатели базы данных рассчитывались по формуле Постановления № 306 и Постановления СМ ЯАССР № 186:

$$Q_o = q_{max} \times \frac{(t_{вн} - t_{срo})}{(t_{вн} - t_{po})} \times 24 \times n_o \times 10^{-6}, \quad (1)$$

где:

q_{max} – часовая тепловая нагрузка на отопление многоквартирного дома или жилого дома (ккал/час);

$t_{вн}$ – температура внутреннего воздуха

отапливаемых жилых помещений многоквартирного дома или жилого дома (°С);

$t_{срo}$ – среднесуточная температура наружного воздуха за отопительный период (°С);

t_{po} – расчетная температура наружного воздуха в целях проектирования систем отопления (°С) (наиболее холодная пятидневка);

n_o – продолжительность отопительного периода (суток в год), характеризующегося среднесуточной температурой наружного воздуха, равной 8°С и ниже;

24 – количество часов в сутках;

10^{-6} – коэффициент перевода из ккал в Гкал.

Количественные значения $t_{вн}$, $t_{срo}$, t_{po} и случаи их применения определяются «на основании сведений, предоставляемых органами гидрометеорологической службы за предыдущие 5 отопительных периодов подряд как среднеарифметическое средних суточных температур наружного воздуха за отопительный период. При отсутствии такой информации средняя температура наружного воздуха в отопительный период определяется исходя из климатических параметров, применяемых при проектировании зданий и сооружений, систем отопления»^{4, п. 44}; $t_{вн}$ – согласно ГОСТ 30494-2011 «Параметры микроклимата в помещениях. Здания жилые и общественные»; $t_{срo}$ и t_{po} – Свод правил СП 131.13330.2018 «СНиП 23-01-99 Строительная климатология».

Часовая тепловая нагрузка на отопление многоквартирных домов или жилых домов, не оборудованных приборами учета тепловой энергии, определяется исходя из показателей, содержащихся в проектной документации домов. В случае отсутствия проектной документации часовая тепловая нагрузка определяется по паспортам домов. При отсутствии указанной документации и данных часовая тепловая нагрузка (ккал в час) определяется по следующей формуле:

$$q_{max} = q_{уд} \times S_{общ}, \quad (2)$$

где:

$q_{уд}$ – нормируемый удельный расход тепловой энергии на отопление многоквартирного дома или жилого дома (ккал в час на 1 кв. м), предусмотренный в та-

блице 8 Постановления 306 и таблицы 3 настоящей статьи;

S – общая площадь жилых и нежилых помещений многоквартирного дома, а также помещений, входящих в состав общего имущества в многоквартирном доме, или площадь жилого дома (кв. м).

Отсутствие полноты данных не дало объективной характеристики положения дел с расходом тепловой энергии. Соответственно было принято решение для сравнения результатов различных методик отобрать идентичные 2-х этажные 12-квартирные многоквартирные дома по температурным зонам региона в разрезе трех интервалов годов постройки: до 1985 г. включительно; 1986–1999 гг. постройки; 2000 г. и позднее годов постройки. Фрагмент расчетов представлен в табл. 4.

Опыт по результатам

Для автоматизации нормирования расхода тепловой энергии по каждому объекту отопления в соответствии с По-

становлением № 306 необходимо: добиться единообразия заполнения форм отчетности теплоснабжающих предприятий в лицензионной актуальной версии Excel (пример в табл. 4).

Установленные авторами удельные расходы тепловой энергии на 1 кв. м общей площади жилых домов (см. таблицу 3) позволяют теплоснабжающим организациям объективно доказать фактические затраты на производство тепловой энергии перед регулятором, а энергосервисным организациям иметь нормативную базу для определения базовых расходов по отоплению объектов.

Показатели таблицы 4 по трем методикам в разных температурных зонах отчетливо показывают существенную экономию расхода тепловой энергии при переходе на федеральный норматив по постановлению № 306 по домам постройки после 1999 г., которая будет перекрывать перерасход энергии при применении нормативов расхода по удельным

Таблица 3

Показатели удельного расхода тепловой энергии на отопление жилых зданий в условиях Якутии, рассчитанные на основе инструментальных замеров сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций, ккал/(ч·м²)

Число этажей в здании	Расчетная температура наружного воздуха, °С				
	-40	-45	-50	-55	-60
Многоквартирные дома и жилые дома до 1985 года постройки включительно					
1-2	237	242	255	271	287
3-4	150	160	169	179	189
5 и более	102	109	115	122	129
Многоквартирные дома и жилые дома с 1986 до 1999 года постройки включительно					
1	156	162	168	174	180
2	125	130	135	141	146
3-4	110	115	120	125	130
5-9	89	104	109	115	120
10	76	94	99	105	110
11	75	80	85	89	94
12	74	79	83	88	92
Многоквартирные дома и жилые дома с 2000 года постройки					
1	68	74	81	86	92
2	58	63	68	73	78
3	57	62	67	72	77
4-5	49	54	58	62	66
6-7	46	50	54	58	62
8	44	48	52	55	60
9	44	48	52	55	60
10	41	45	49	52	56
11	41	45	49	52	56
12 и более	40	43	47	50	53

Источник: составлено авторами.

Таблица 4
Фрагмент расчета нагрузок и годового расхода тепловой энергии по годам постройки 2-этажных, 12-квартирных жилых домов по температурным зонам региона

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Наименование РСО	Адрес потребителя	Дом №	Корпус №	Муниципальный район	Муниципальное образование	Населенный пункт	Код ОКТМО в.п.	Котельная	Код котельной	Продолжительность отопительного периода по Пост СМ ЯАССР №186, n ^о сут	Продолжительность отопительного периода по СП 131.13330.2018, n ^о сут
ГУП «ЖКХ РС(Я)»	Туприна	21	23	Анабарский	Саскылахский	Саскылах	98610411101	Нагорная	АНВ 01/001	306	309
ГУП «ЖКХ РС(Я)»	Курилова	12	2	Нижнеколымский	Халарчинский	Колымское	98637437101	Колымское	НКА 03/007	291	297
ГУП «ЖКХ РС(Я)»	Дзержинского	2	3	Нижнеколымский	Черский	Черский	98637151051	Новая - 1	НКА 01/014	291	297
Показатели по 6 температурной зоне											
ГУП «ЖКХ РС(Я)»	Спортивный	18	15	Момский	Момский	Хонуу	986333423101	Новая Квартальная	МОМ 01/028	272	268
ГУП «ЖКХ РС(Я)»	Спортивный	22	27	Момский	Момский	Хонуу	986333423101	Новая Квартальная	МОМ 01/028	272	268
ГУП «ЖКХ РС(Я)»	Школьная	13	26	Эвено-Бытантайский	Тугеирский	Багагай-Алыта	98659420101	Центральная 1	ЭБТ 01/011	272	272
Показатели по 4 температурной зоне											

Продолжение таблицы 4

13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33
Продолжительность отопительного периода по Пост Прав. РФ № 306, n ^о сут	Средняя температура в отопительный период по Пост СМ ЯАССР № 186, t ^{ср}	Средняя температура в отопительный период по СП 131.13330.2018, t ^{ср}	Расчетная температура по Пост СМ ЯАССР № 186 t ^{по}	Расчетная температура СП 131.13330.2018 t ^{по}	Этажность	Общая площадь здания, кв. м	Средняя общая площадь 2 этажного жилого дома	Год постройки	Температура воздуха отапливаемых помещений по Пост СМ ЯАССР № 186, t ^{по}	Температура воздуха отапливаемых помещений по ГОСТ 30494-2011, t ^{по}	Удельный расход тепловой энергии на 1 кв. м	Удельный расход тепловой энергии на 1 кв. м	Удельный расход тепловой энергии на 1 кв. м	Удельный расход тепловой энергии на 1 кв. м	Тепловая нагрузка на ЯАССР № 186, ккал/час	Тепловая нагрузка на РФ	Тепловая нагрузка на ЯАССР № 186, ккал/час	Тепловая нагрузка на ЯАССР № 186, ккал/год	Удельный расход тепловой энергии по Пост Прав. РФ № 306, kкал/год	Удельный расход тепловой энергии по Пост Прав. РФ № 306, kкал/год
301	-18,6	-19	-15,9877	-52	-53	2	667,3	642,9383	1982	20	21	137,4	164,6	264,6	88339,7	105827,6	170121,5	347,8	382,1	614,3
314	-17,2	-19,6	-12,7172	-46	-51	2	654,8	645,7628	1989	20	21	131	162,2	136,2	84594,9	104742,7	87952,9	333,0	369,6	310,4
297	-17,2	-19,6	-13,0068	-46	-51	2	646,0	645,7628	2008	20	21	131	69	69	84594,9	44557,6	44557,6	333,0	150,0	150,0
Показатели по 6 температурной зоне																				
268	-24,3	-23,7	-20,6971	-58	-56	2	652,4	645,7628	1985	20	21	144	167,6	274,2	257529,6	255128,0	302632,0	1013,8	901,8	1074,7
268	-24,3	-23,7	-20,6971	-58	-56	2	641,1	645,7628	1991	20	21	144	167,6	142	92989,8	108229,8	91698,3	344,8	377,0	616,7
287	-25,2	-24,9	-18,8652	-59	-58	2	596	645,7628	2010	20	21	145	76	76	93635,6	49078,0	317844,4	1039,3	924,5	1106,7
Показатели по 4 температурной зоне																				

Источник: составлено авторами

затратам в домах до 1985 г. постройки, отраженных в табл. 3.

Дальнейшие исследования будут направлены на определение нормативов потребления тепловой энергии объектами общественных зданий и сооружений, а также народного хозяйства и на облачное размещение норм расхода тепловой энергии.

Заключение

Государству как основному игроку на рынке Севера, учитывая экстремально жесткие условия ведения хозяйственной деятельности, в целях выравнивания субъектов теплового хозяйства Севера со средними условиями по России, прежде всего, следовало бы завершить вялотекущую реформу ЖКХ. Вялость реформ в ЖКХ демонстрирует текущее состояние ЖКХ, например, оснащенность общедомовыми приборами учета тепла¹¹, где только около половины субъектов РФ добились оснащенности ими до 35% за 13 лет. Вышеизложенный опыт нормирования расхода тепловой энергии Республики Саха (Якутия) требует тиражирования по Северу страны. Установка реальных нормативов по домам с износом, как в Якутии 1987 г. и позднее годов постройки, приведет к активному внедрению энергосберегающих технологий в тепловом хозяйстве и на объектах отопления, т. к. появится стимул для внедрения энергосберегающих мероприятий по этим домам.

Авторы также считают необходимым разделение транспортировки тепла от его генерации. Со времен Адама Смита [Смит, 2009] говорится о разделении труда, о специализации для повышения производительности труда. Именно разделение генерации тепла (где специфические условия производства, связанные с горением топлива) от транспортировки тепла (где совершенно другие функции производства, связанные с сохранением тепла и передачей его конечному потребителю) связано повышение не только производительности труда, но в целом повышение эффективности теплового хозяйства. Хозяйствующий субъект, занимающийся транспортировкой тепла до конечного потребителя, будет заинтересован не только в снижении потерь в транспортировке тепла, но и установке общедомового учета тепла, чтобы рассчитаться с потребителем. Публикации коллег за рубежом [Mattia De Rosa и др., 2014] показывают наше разительное отставание в цифровизации отрасли ЖКХ, тогда как Россия – северная страна должна была бы быть на передовых позициях в данной отрасли производства.

Дальнейшие исследования по основной тематике механизмов выравнивания жизненного уровня будут касаться других приводов этих механизмов, прежде всего, комфортности проживания населения на Севере.

Список источников:

1. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. ; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с. URL: [http://cathedra.dgu.ru/Content/files/Экономический%20факультет/Блауг%20Методология%20экономической%20науки%20или%20Как%20экономисты%20объясняют%20\(2-е%20изд\).pdf](http://cathedra.dgu.ru/Content/files/Экономический%20факультет/Блауг%20Методология%20экономической%20науки%20или%20Как%20экономисты%20объясняют%20(2-е%20изд).pdf)
2. Кудрин А. Л., Гурвич Е. Т. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36. URL: https://www.iep.ru/files/text/nauchnie_jurnali/kudrin_vopreco_12-2014.pdf
3. Любимов Л. И. От универсализма к индивидуализму: новые подходы к решению проблем экономического роста // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 108–126. <https://doi.org/10/32609/0042-8736-2019-11-108-126>
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том второй. Книга II: Процесс обращения капитала. / Под ред. Энгельс Ф. М.: Госиздат. 1961. 650 с.
5. Минакир П. А., Прокапало О. М. Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России // Экономические

¹¹ Официальный сайт ГИС ЖКХ (дата обращения 28.02.2022) <https://dom.gosuslugi.ru/#!/common-meters>

и социальные перемены: факты. тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 24–41. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.2

6. Минакир П. А. «Восточная государственная социально-экономическая политика»: миссия (не)выполнима? // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 2. С. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015>

7. Пахомов А. А., Соломонов М. П. О механизмах выравнивания жизненного уровня населения Дальнего Востока и Сибири // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 2 (95). С. 47–59. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-95-2-47-59>

8. Пахомов А. А., Соломонов М. П. Анализ влияния факторов на экономический рост регионов // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 3 (95). С. 107–119. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-107-119>

9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2009. 956 с. <https://bookshake.net/b/issledovanie-o-prirode-i-prichinah-bogatstva-narodov-adam-smit-9d583>

10. Соломонов М. П., Саввинова Н. А. Оценка влияния факторов на валовой региональный продукт регионов России за период 2002-2018 гг. / Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021620043 Федеральной службы по интеллектуальной собственности.

11. Фридмен М. Количественная теория денег / перевод с англ. М.: Эльф-пресс, 1996. 131 с. URL: <https://klex.ru/332>

12. Mattia De Rosa, Vincenzo Bianco, Federico Scarpa, Luca A. Tagliafico Heating and cooling building energy demand evaluation; A simplified model and a modified degree days approach // *Applied Energy*. 2014. Vol. 128: 217–229 <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2014.04.067>

References:

1. Blaug M. (2004) The Methodology of Economics or how economists explain Second Edition. Sci. editor and introductory article V. S. Avtonomov. NPP “Journal Voprosy Ekonomiki”. М.: 416. URL: [http://cathedra.dgu.ru/Content/files/Экономический%20факультет/Блауг%20Методология%20экономической%20науки%2С%20или%20Как%20экономисты%20объясняют%20\(2-е%20изд\).pdf](http://cathedra.dgu.ru/Content/files/Экономический%20факультет/Блауг%20Методология%20экономической%20науки%2С%20или%20Как%20экономисты%20объясняют%20(2-е%20изд).pdf) (In Russ.)

2. Kudrin A. L., Gurvich E. T. (2014) A New Growth Model for the Russian Economy] *Voprosy ekonomiki* [Economic questions]. М. No. 12: 4-36. https://www.iep.ru/files/text/nauchnie_jurnali/kudrin_vopreco_12-2014.pdf (In Russ.)

3. Lyubimov L. I. (2019) From universalism to individualism: New approaches to economic growth analysis *Voprosy ekonomiki* [Economic questions]. No 11: 108-126. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-108-126> (In Russ.)

4. Marx K. Capital. Criticism of political economy. Volume two. Book II: The Process of Capital Circulation. Ed. Engels F. M., Gosizdat, 1961, p. 650/

5. Minakir P. A., Prokapalo O. M. Centralization and autonomization as factors of socio-economic development of the Russian Far East *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty. tendencii, prognoz* [Economic and social change: the facts. trends, forecast] 2017. Vol. 10. No 6: 24–41. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.2 (In Russ.)

6. Minakir P. A. Eastern State Socio-Economic Policy”: is the mission (not) feasible? *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2021. Vol. 17. No. 2: 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015> (In Russ.)

7. Pakhomov A. A., Solomonov M. P. (2021) Mechanisms equalization of the living standards the population of the Far East and Siberia *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 2 (95): 47–59. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-47-59. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-95-2-47-59> (In Russ.)

8. Pakhomov A. A., Solomonov M. P. (2020) Analysis of the influence of factors on the economic growth of regions *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 3 (92): 107–119. DOI 10.22394 / 1818- 4049-2020-92-3-107-119 <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-92-3-107-119> (In Russ.)

Russ.)

9. Smith A. (2009) *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. М., Эксмо: 956. <https://bookshake.net/b/issledovanie-o-prirode-i-prichinah-bogatstva-narodov-adam-smit-9d583> (In Russ.)

10. Solomonov M. P., Savvinova N. A. Assessment of the influence of factors on the gross regional product of Russian regions for the period 2002–2018 / Certificate of state registration of the database No. 2021620043 of the Federal Service for Intellectual Property. (In Russ.)

11. Friedman M. (1996) *Quality theory of money*. translation from English. М., El'f-press: 131. (In Russian) <https://klex.ru/332> (In Russ.)

12. Mattia De Rosa, Vincenzo Bianco, Federico Scarpa, Luca A. (2014) Tagliafico Heating and cooling building energy demand evaluation; A simplified model and a modified degree days approach. *Applied Energy*. Vol. 128: 217–229 <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2014.04.067>

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 20.04.2022.

The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 14.04.2022; accepted for publication 20.04.2022.

Информация об авторах

А. А. Пахомов – доктор экономических наук, главный научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных исследований, Федеральный исследовательский центр ЯНЦ СО РАН;

М. П. Соломонов – кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных исследований, Федеральный исследовательский центр ЯНЦ СО РАН.

Information about the authors

A. A. Pakhomov – Doctor of Economics, chief scientific researcher the department of regional economic and social researches, the Federal research center of YSC SB RAS;

M. P. Solomonov – Candidate of Economics, scientific researcher, the department of regional economic and social researches, the Federal research center of YSC SB RAS.

Научная статья

УДК 339.371:330.59

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-151-161

Розничная торговля как индикатор качества жизни населения

Татьяна Васильевна Мазанкова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия,
mazankova-tv@ranepa.ru

Аннотация. В статье показана роль розничной торговли в удовлетворении потребностей населения в товарной продукции и услугах. Невысокие цены, широкий ассортимент товаров в магазинах, территориальная доступность магазинов – это важные составляющие качества жизни населения. Отмечено, что в развитии торгового обслуживания наблюдаются как позитивные (увеличение реализации молочной продукции, мясных продуктов, рыбы, морепродуктов; снижение реализации алкогольных напитков и пива), так и негативные (увеличение реализации табачных изделий, практически отсутствует рост реализации овощей и фруктов, наблюдается снижение потребления яиц) тенденции. Несмотря на рост покупательской способности населения, часть продукции сельского хозяйства остается дорогой для населения, по сравнению с другими видами товаров (творог, молоко, масло сливочное, говядина). В работе показывается связь между уровнем развития розничной торговли и уровнем торгового обслуживания населения Хабаровского края и динамикой численности населения. Несмотря на увеличение численности магазинов, положительные тенденции в развитии товарной структуры розничного оборота и покупательской способности среднедушевых доходов населения, уровень удовлетворенности торговым обслуживанием является невысоким, что снижает качество жизни населения. По мнению автора, невнимание к вопросам торгового обслуживания населения сельских населенных пунктов является одним из факторов, способствующих миграционному оттоку и снижению численности населения Хабаровского края. Комплексный подход к развитию розничной торговли будет способствовать повышению качества жизни населения, что, в свою очередь, может оказать влияние на преломление негативных миграционных тенденций.

Ключевые слова: розничная торговля, качество жизни, продажа товаров на рынках, товарная структура розничного оборота, покупательская способность среднедушевых доходов населения, удовлетворенность торговым обслуживанием, численность населения. Хабаровский край

Для цитирования: Мазанкова Т. В. Розничная торговля как индикатор качества жизни населения // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 151–161. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-151-161>

Retail trade as an indicator of the quality of life of the population

Tatyana V. Mazankova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia,
mazankova-tv@ranepa.ru

Abstract. Retail trade performs important economic and social functions, including meeting the needs of the population for marketable products and services. This is one

of the important components of the quality of life of the population. Inattention to the issues of trade services for the population of rural settlements leads to a migration outflow and a decrease in the population of the Khabarovsk Territory. The paper shows the relationship between the level of retail trade development and the level of trade services for the population of the Khabarovsk Territory and the dynamics of the population. Despite the increase in the number of stores, positive trends in the development of the commodity structure of retail turnover and the purchasing power of the average per capita income of the population, the level of satisfaction with trade services is low, which reduces the quality of life of the population.

Keywords: retail trade, quality of life, sale of goods in markets, commodity structure of retail turnover, purchasing power of per capita incomes of the population, satisfaction with trade services, population

For citation: Mazankova T. V. Retail trade as an indicator of the quality of life of the population // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 151–161. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-151-161>

Введение

Выполняя важную функцию обеспечения населения товарами и услугами, розничная торговля является одним из основных индикаторов уровня и качества жизни населения. Продовольственная безопасность страны зависит от снабжения населения продуктами питания. То, что розничная торговля играет значимую роль во всех происходящих социально-экономических процессах страны, подчеркивают в своих работах многие отечественные ученые. Отмечается значение торговли в экономическом развитии [Васильчук, 2017], роль торговли в формировании покупательского поведения [Депутатова, Малых, 2017], социальный характер функций сельских магазинов потребительской кооперации [Хабаху, 2016] и др.

Большинство авторов подчеркивают роль торговли с точки зрения продовольственной безопасности [Кострова, Шибаршина, 2018]. С точки зрения автора, представленной в настоящей статье, возможность покупки продовольственных и непродовольственных товаров является существенным фактором качества жизни населения. Низкая плотность расселения населения, недостаточная транспортная доступность малых сельских поселений, небольшая численность жителей населенных пунктов приводят к тому, что деятельность частных торговых предприятий становится нерентабельной, они закрываются. В этих условиях происходит «обезлюдивание» терри-

торий, отток населения в города и более крупные населенные пункты. В связи с этим при разработке программ развития потребительского рынка региональным органам власти следует учитывать влияние торговли на показатели уровня жизни населения.

Методы и материалы

Для изучения развития розничной торговли, товарной структуры оборота, уровня торгового обслуживания и динамики численности населения были использованы методы статистического анализа, анализа причинно-следственных связей, сравнения, описания и др. Для представления результатов анализа использованы табличные и графические методы.

Информационной основой исследования явились общедоступные статистические данные, а также материалы исследований других отечественных ученых.

Исследуемые показатели сравнивались в динамике с 1998, 2008 и 2018 гг. Выбор показателей и периода для анализа обусловлен следующими основаниями: во-первых, имеющимися в открытом доступе статистическими показателями; во-вторых, периоды для сравнения выбраны в соответствии с этапами постсоциалистической трансформации розничной торговли. 1998 год относится к периоду рыночной реформации (1991–2000 гг.) [Попов, 2018] и характеризуется активным развитием частных торговых предприятий, приходящих на смену государственной торговли, сокращением государственных торговых предприятий,

либерализацией и ростом цен. Плановая государственная система торгового обслуживания была разрушена, либерализация цен и свобода частной торговли существенно снизили товарный дефицит и оздоровили ситуацию на потребительском рынке. 2008 год относится к завершению периода рыночной адаптации (2001–2010 гг.) [Попов, 2018], для которого характерны построение нового механизма государственного регулирования и принципиально новой системы товародвижения. Во многом это позволило увеличить возможности учета потребительского выбора и потребительских предпочтений населения. 2018 год соответствует периоду «рыночной устойчивости».

Результаты

По сравнению с Российской Федерацией в Хабаровском крае наблюдается более высокая доля реализации в торгующих организациях и индивидуальными предпринимателями и более низкая доля реализации товаров на розничных рынках¹ и ярмарках (табл. 1). Это объясняется более сложными климатическими

условиями; неразвитостью рынка сельхозпроизводителей; наличием неорганизованной торговли мелкими сельхозпроизводителями (дачниками) вдоль дорог, на остановках в неприспособленных для торговли местах.

И в Российской Федерации, и в Хабаровском крае доля реализации на рынках сокращается. Причем темпы сокращения в Хабаровском крае выше, чем в России в целом. Этот подтверждается и существенным снижением количества розничных рынков в районах края (табл. 2). Количество магазинов на протяжении исследуемого периода увеличилось на 3476 единиц или на 78,7%, при этом в районах края (за исключением городов Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре) количество магазинов увеличилось только на 43,7%. Увеличение торговой площади магазинов произошло на 875,1 тыс. кв. м или на 287,1%, при этом площадь магазинов в районах края увеличилась только на 101,7%. Как было отмечено автором ранее [Мазанкова, 2021. С. 82], только в городах Комсомольске-на-Амуре и Ха-

Таблица 1

Динамика структуры оборота розничной торговли в разрезе хозяйствующих субъектов (в %)

Показатель	1998	2008	2018	Изменение 2018 от 1998
Оборот розничной торговли Российской Федерации	100,0	100,0	100,0	-
оборот розничной торговли торгующих организаций	70,6	86,9	94,4	+23,8
продажа товаров на розничных рынках и ярмарках	29,4	13,1	5,6	-23,8
Оборот розничной торговли Хабаровского края	100,0	100,0	100,0	-
оборот розничной торговли торгующих организаций	76,9	92,5	97,9	+21,0
продажа товаров на розничных рынках и ярмарках	23,1	7,5	2,1	-21,0
Разрыв между показателем «доли продажи товаров на розничных рынках и ярмарках» в РФ и в Хабаровском крае	6,3	5,6	3,5	-2,8

Источник: Торговля в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 44; Торговля в России. 2011: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 53; Розничная торговля и общественное питание в Хабаровском крае с 1991–2000 гг. Статистический сборник / Хабаровскстат г. Хабаровск, 2009. С. 9; Розничная торговля и общественное питание в Хабаровском крае в 2004–2008 годах. Статистический сборник / Хабаровскстат. Хабаровск, 2009. С. 11, Торговля и общественное питание в Хабаровском крае. Статистический сборник / Хабаровскстат. Хабаровск, 2020. С.10

¹ Розничный рынок (далее – рынок) – имущественный комплекс, предназначенный для осуществления деятельности по продаже товаров (выполнению работ, оказанию услуг) на основе свободно определяемых непосредственно при заключении договоров розничной купли-продажи и договоров бытового подряда цен и имеющих в своем составе торговые места.

Таблица 2

Динамика количества розничных рынков и магазинов в Хабаровском крае

Показатель	2000*	2008	2018	Изменение 2018 к 1998 году	
				абсолютное	темп прироста, %
Количество рынков в крае, единиц	62	27	4	-58	-93,5
в том числе количество рынков исключая гг. Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре	27	6	1	-26	-96,3
Число мест на рынке, мест	9724	9911	288	-9436	-97,0
в том числе количество мест на рынках исключая гг. Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре	1086	506	40	-1046	-96,3
Количество магазинов всего, единиц	4417	6668	7893	3476	+78,7
в том числе количество магазинов исключая гг. Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре	2802	3856	4027	1225	+43,7
Торговая площадь, тыс. кв. м.	304,8	635,7	1179,9	875,1	+287,1
в том числе площадь магазинов исключая гг. Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре	129,4	187,2	261	131,6	+101,7

* на 31.12.2020 г.

Источник: Торговля и общественное питание в Хабаровском крае. Статистический сборник./ Хабаровскстат. Хабаровск, 2020. С.17; Розничная торговля и общественное питание в Хабаровском крае в 2004–2008 гг. Статистический сборник./ Хабаровскстат. Хабаровск, 2009. С. 9, 15; Розничная торговля и общественное питание в Хабаровском крае с 1999–2000 гг. Статистический сборник./ Хабаровскстат. Хабаровск, 2001. С. 17.

баровске, а также в двух районах края (Ванинском и Верхнебуреинском) обеспеченность торговыми площадями является высокой, а в шести районах Хабаровского края обеспеченность торговыми площадями ниже минимального норматива. Можно сделать вывод, что основным источником снабжения продовольствием населения Хабаровского края является магазинная розничная торговля.

Количество рынков в муниципальных образованиях Хабаровского края² сократилось с 62 до 4. По данным министерства сельского хозяйства торговли, пищевой и перерабатывающей промышленности Хабаровского края за 2020 г. оборот розничной торговли на 99,3% формировался торгующими организациями и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность в стационарной торговой сети (вне рынка), доля рынков составила всего 0,3 процента. Причин снижения количества

розничных рынков несколько. Это и быстрое развитие торговых сетей (к 2018 г. оборот розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки, и табачными изделиями розничных торговых сетей в общем объеме оборота розничной торговли пищевыми продуктами, включая напитки, и табачными изделиями составлял 38,6%), и ужесточение законодательства в этой области, и переход основного количества рынков в статус торговых центров.

В структуре розничного оборота в Российской Федерации произошли существенные изменения. Самое значимое – снизилась доля продовольственных товаров в общем объеме оборота на 7,2 пункта (табл. 3): доля торговли хлебом и хлебобулочными изделиями (-3,5), алкогольными напитками и пивом (-2,3), мясом животных и домашней птицы (-1,8), яйцом (-1,7), мукой (-0,9), растительными маслами (-0,7), сахаром (-0,5), животны-

² В Хабаровском крае 2 городских округа и 17 муниципальных районов, на территории которых располагаются 22 городских и 191 сельских поселений.

ми маслами (-0,3). Возрос удельный вес следующих групп товаров: цельномолочной продукции (+3,5), продуктов из мяса (+1,1), табачными изделиями (+0,8), рыбы и рыбопродуктов (+0,7), кондитерских изделий (+0,5), свежих фруктов (+0,2).

В товарной структуре выделяются следующие позитивные тенденции: увеличение реализации молочной продукции, мясных продуктов, рыбы, морепродуктов; снижение реализации алкогольных напитков и пива. К негативным тенденциям можно отнести увеличение реализации табачных изделий, практически отсутствие роста реализации овощей и фруктов, снижение потребления яиц.

Снижение реализации муки, животных и растительных масел, сахара объяс-

няется изменением покупательского поведения населения, переходом от самостоятельного изготовления кондитерских изделий дома к их покупке в магазинах (наблюдается рост реализации кондитерских изделий, а также увеличение доли расходов на питание вне дома).

Анализ возможности населения приобретать потребительские товары свидетельствует о том, что покупательская способность среднедушевых доходов населения РФ существенно возросла. Все группы товаров стали доступнее по цене (табл. 4).

Наименьшее увеличение покупательской способности произошло по таким товарам как: творог (+1,5 раза), молоко (+1,8 раза), масло сливочное (+1,9 раза), говяди-

Таблица 3

Динамика товарной структуры розничного оборота в РФ
(%, по отдельным группам товаров)

Наименование товара	1998	2008	2018	Изменение, 2018 от 1998
Все товары	100	100	100	
Пищевые продукты, включая напитки, и табачные изделия	54,9	46,6	47,7	-7,2
Мясо животных и домашней птицы	5,1	4,0	3,3	-1,8
Продукты из мяса (продукты из мяса и мяса птицы*), (колбасные изделия**)	3,0	3,8	4,1	+1,1
Рыба и морепродукты (рыба, ракообразные и моллюски*), (товарная пищевая рыбная продукция**)	1,4	1,8	2,1	+0,7
Животные масла	1,1	0,7	0,8	-0,3
Растительные масла	1,3	0,9	0,6	-0,7
Цельномолочная продукция (молочные продукты и молоко питьевое*)	2,0	2,1	5,5	+3,5
Яйцо птицы	2,3	0,7	0,6	-1,7
Сахар	1,2	0,9	0,7	-0,5
Кондитерские изделия	2,9	2,8	3,4	+0,5
Хлеб и хлебобулочные изделия	5,8	2,3	2,3	-3,5
Мука	1,3	0,5	0,4	-0,9
Свежий картофель	0,5	0,6	0,5	0
Свежие овощи	1,6	1,4	1,5	-0,1
Свежие фрукты	1,7	1,4	1,9	+0,2
Алкогольные напитки и пиво	7,0	7,6	6,8	-2,3
Табачные изделия	1,9***	1,2	2,7	+0,8

*название в 2018 году; ** название в 1998 году; *** табачные изделия показывались в 1998 году в структуре непродовольственных товаров.

Источники: *Торговля в России. 2019.: Стат.сб./Росстат. М. 2020. С. 48; Торговля в России. 2011: Стат.сб./Росстат. М. 2012. С. 57–58; Российский статистический ежегодник. Стат.сб./Росстат. М. 1999. С. 444; Розничная торговля и общественное питание в Хабаровском крае с 1991–2000 гг. Статистический сборник./ Хабаровскстат. Хабаровск, 2009. С. 30.*

Таблица 4

Динамика покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения по продовольственным товарам в РФ (в месяц, кг)

Наименование товара	1998	2008	2018	Изменение 2018 к 1998
Говядина	41,1	82,2	85	в 2,0 раза
Картофель	428,2	826,0	1231,6	в 2,9 раза
Капуста белокочанная свежая	319,3	840,6	1353,1	в 4,2 раза
Крупы	195,7	646,6	852,7	в 4,6 раза
Лук репчатый	203,7	760,9	1308,8	в 6,4 раза
Масло сливочное	32,1	90,0	61,7	в 1,9 раза
Масло подсолнечное	70,2	209,8	332,8	в 4,7 раза
Молоко питьевое 1), л	296,5	614,7	530,9	в 1,8 раза
Морковь	282,1	599,5	900,8	в 3,2 раза
Мука пшеничная	303,9	731,2	1033,3	в 3,4 раза
Свинина	44,6	77,0	109,6	в 2,5 раза
Рис шлифованный	137,9	387,3	528,2	в 3,8 раза
Рыба	76,1	204,3	187,5	в 2,5 раза
Сахар-песок	161,2	635,5	823,1	в 5,1 раза
Свекла столовая	322,5	699,5	1025,8	в 3,2 раза
Сыры сычужные твердые	30,7	68,7	68,3	в 2,2 раза
Творог	74,8	123,3	109,9	в 1,5 раза
Хлеб и булочные изделия из пшеничной муки	204,7	489,4	576,9	в 2,8 раза
Яблоки	113,6	264,3	341,5	в 3,0 раза
Яйца куриные, шт.	1447	4286	5912	в 4,1 раза

1) В 2010 г. – молоко питьевое и молочный напиток. С 2013 г. – молоко питьевое.

Источник: Торговля в России: Стат. сб./ Росстат. М., 2019. С. 82–83. Торговля в России. 2009: Стат. сб./ Росстат. М., 2009. С. 121; Российский статистический ежегодник. 2001: Стат. сб./ Росстат. М. 2002. С. 186

на (+2,0 раза). Животноводческая продукция сельского хозяйства остается для населения дорогой по сравнению с другими видами товаров. Наибольшее увеличение покупательской способности наблюдается по следующим товарам: лук (+6,4 раза), сахар-песок (+5,1 раза), крупы (+4,6 раза).

Несмотря на то, что продовольственные товары стали более доступны по цене, уровень торгового обслуживания высоко не оценивается населением страны (табл. 5).

В среднем каждый десятый россиянин не удовлетворен уровнем торгового обслуживания. При этом среди горожан процент недовольных составляет всего 6,7%, но в сельской местности доля неудовлетворенных жителей значительно выше: каждый пятый сельанин не удовлетворён торговым обслуживанием. В числе основных проблем торгового обслуживания респонденты называют: ограниченный ассортимент, плохое качество товаров, высокий уровень цен. Почти четверть опрошенных жителей сельских населенных пунктов (23,6 %) указали на

большую отдаленность магазинов.

Как итог, малое количество магазинов в сельской местности, их удаленность, высокие цены по сравнению с городскими магазинами сказываются на качестве жизни населения. Жители малых сел переезжают в город. Эта ситуация характерна как для России в целом, так и для Хабаровского края. В динамике с 1998 по 2018 гг. численность населения Хабаровского края снизилась на 181,2 тыс. человек, в том числе городское население снизилось на 125,1 тыс. человек (10,3%), сельское – на 56,1 тыс. человек (19,9%) (табл. 6).

При отсутствии внимания к проблемам обеспечения продовольственными и непродовольственными товарами сельских малонаселенных пунктов край, по мнению автора, будет и дальше продолжать терять население. Хабаровский край относится к регионам с явной урбанизацией населения. Удельный вес городских жителей края превышает показатели по России в целом и Дальневосточному федеральному округу. Уменьшение численно-

Таблица 5

**Динамика удовлетворенности торговым обслуживанием
в населенном пункте в 2018 году в РФ**

(в %, по итогам комплексного наблюдения условий жизни населения)

Показатели	Все респонденты	в том числе проживают		Разница в оценках городских и сельских жителей
		в городских населенных пунктах	в сельских населенных пунктах	
Лица в возрасте 15 лет и более – всего	100	100	100	-
из них указали, что в своем населенном пункте не удовлетворены торговым обслуживанием	9,9	6,7	19,5	-12,8
Из числа лиц в возрасте 15 лет и более, не удовлетворенных торговым обслуживанием назвали причины:	100	100	100	-
ограниченный ассортимент товаров и услуг	56,0	48,6	63,7	-15,1
плохое качество товара, услуг	30,9	37,5	24,1	+13,4
уровень цен выше, чем в других местах	61,8	63,6	60,0	+3,6
большие очереди, неудобный режим работы	2,6	3,8	1,3	+2,5
другая причина	8,0	5,7	10,4	-4,7
не определено	0,1	0,2	0,1	+0,1
Из числа лиц в возрасте 15 лет и более, при оценке наличия проблем, связанных с условиями проживания в своем населенном пункте (районе проживания), указали на большую отдаленность торговых точек	11,6	7,1	23,6	-16,5

Источник: Составлено по: Торговля в России : Стат. сб./ Росстат. М., 2019. С. 85.

Таблица 6

Динамика численности населения Хабаровского края в 1998–2018 годы

Показатель	1998	2008	2018	Изменение 2018 к 1998, тыс. чел.	Темп роста 2018 к 1998, %
Всего населения, на начало года, тыс. чел.	1 509,5	1 354,9	1 328,3	-181,2	88,0
городское население, на начало года, тыс. чел.	1 216,1	1 106,4	1 091,0	-125,1	89,7
сельское население, на начало года, тыс. чел.	293,4	248,5	237,3	-56,1	80,1

Источник: Динамика численности населения по Хабаровскому краю // <https://habstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%94%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%A5%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D1%83%20%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%8E.pdf> (дата обращения 14.05.2022)

сти населения края фиксируется за счет миграционного оттока населения в другие регионы Российской Федерации. Край имеет отрицательное миграционное сальдо. Динамику населения определяют и естественное, и механическое движение населения, но, как отмечают дальневосточные ученые [Мотрич, 2020], «приоритет» в сокращении численности населения принадлежит миграционному оттоку.

Обсуждение

Подводя итоги анализа, видим, что:

1. Услуги розничной торговли в Хабаровском крае предоставляются преимущественно торгующими организациями и индивидуальными предпринимателями, работающими вне рынка, доля реализации товаров на розничных рынках и ярмарках очень низка.

Наблюдаемые в последние годы процессы консолидации субъектов рынка приводят к слияниям и расширению сетевых розничных организаций, использующих эффект масштаба, сокращающий долю постоянных издержек обращения, позволяющих снизить цены на продукты питания для потребителей. Негативным следствием этих процессов является рост влияния на рынке крупных игроков и практически вытеснение с рынка малого и среднего бизнеса в сфере розничной торговли продуктами питания. Примеры таких последствий показаны в работах Ю. Б. Костровой, О. Ю. Шибаршиной [Кострова, Шибаршина 2018]. Усиление конкуренции между самостоятельными и сетевыми розничными организациями в краткосрочной перспективе приводит к увеличению ценовой доступности товаров, но в долгосрочной перспективе, после закрытия низкодоходных несетевых магазинов, могут привести к ценовому диктату «сетевиков».

2. Выделенные позитивные тенденции в изменении товарной структуры (увеличение реализации молочной продукции, мясных продуктов, рыбы, морепродуктов; снижение реализации алкогольных напитков и пива) могут положительно сказываться на качестве жизни населения. В то же время в товарной структуре розничного оборота наблюдаются негативные тенденции: увеличение реализации табачных изделий, практически

отсутствие роста реализации овощей и фруктов, снижение потребления яиц.

3. Анализ покупательской способности среднедушевых доходов населения РФ показывает ее существенное увеличение. Все группы товаров стали доступнее по цене. Наименьшее увеличение покупательской способности произошло по продуктам животноводства: творог, молоко, масло сливочное, говядина. Эта продукция сельского хозяйства остается дорогой для населения по сравнению с другими видами товаров.

4. Уровень удовлетворенности населения страны торговым обслуживанием является невысоким. Почти десять процентов россиян не удовлетворены уровнем торгового обслуживания. Среди городского населения процент недовольных меньше, чем на селе. Около двадцати процентов сельских жителей не удовлетворены уровнем торгового обслуживания. Нарекания потребителей вызывают: ограниченный ассортимент, плохое качество товаров, высокий уровень цен. Каждый четвертый опрошенный сельский житель указал на большую отдаленность магазинов.

5. Территории Хабаровского края продолжают терять население. Хабаровский край является одним из «лидеров» среди регионов Дальнего Востока по отрицательному сальдо. Переезжают дальневосточники в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. Наблюдается значительное отставание дальневосточных территорий по качеству жизни [Мотрич, 2020. С. 272–282]. Социологические опросы жителей Хабаровского края о причинах переезда свидетельствуют о желании уехать в регионы с более высоким уровнем жизни. В работе В. В. Зубкова, П. Г. Сидорова [Зубков, Сидоров, 2020. С. 220–222] дана оценка факторов, определяющих миграционные настроения; основной причиной опрошенные указали низкий уровень жизни (48% от числа всех опрошенных респондентов), и эта оценка выше, чем следующий по значимости фактор – низкая заработная плата. Сравнивая ситуацию в регионе проживания с ситуацией в России, В.В. Зубков, П. Г. Сидоров [Зубков, Сидоров, 2020. С. 220–222]

приводят результаты ответов на вопрос «Сравните, пожалуйста, ситуацию в регионе, в котором вы живете, с ситуацией в России в целом?», где максимальную оценку «хуже, чем в России» получил фактор «цены на продукты и необходимые товары» (72% опрошенных), следом за которым с разрывом в 10-11 пунктов отмечены факторы «цены на жильё» (61% опрошенных), «уровень жизни людей» (60% опрошенных), «перспективы для молодежи» (60% опрошенных).

Заключение

Понимая, что демографические интересы регионов Дальнего Востока, в том числе и Хабаровского края нужно решать с точки зрения общегосударственных интересов в части обеспечения роста экономики и достижения демографического роста населения и закрепления населения в связи с продолжающейся тенденцией его оттока из региона [Галичанин, 2018], следует усилить внимание, в том числе, и к вопросам развития розничной торговли.

Необходимо поддерживать:

1. Дальнейшее развитие в сетевой тор-

говле сегмента собственных торговых марок и производства собственных брендов с привлечением местных товаропроизводителей, в том числе развитие торговли экологически чистыми продуктами питания, произведенными местными фермерскими хозяйствами;

2. Развитие онлайн-торговли продовольственными и непродовольственными товарами в сельской местности по двум направлениям: реализация товаров с длительными сроками хранения, не требующими особых условий доставки, и реализации продукции с малыми сроками хранения

3. Развитие розничной торговли потребительской кооперации, реализующей целый ряд значимых экономических и социальных функций в сельской местности селе.

Комплексный подход к развитию розничной торговли будет способствовать повышению качества жизни населения, что, в свою очередь, может оказать влияние на преломление негативных миграционных тенденций.

Список источников:

1. Беркович М. И., Ермолаев М. Н. Социально-экономический аспект розничных торговых сетей в регионе (на примере Костромской области) // Социально-политические исследования. 2021. № 1 (10). С. 70–85. DOI 10.20323/2658-428X-2021-1-10-70-85 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44932578_90091378.pdf
2. Галичанин Е. Н. Закрепление населения на Дальнем Востоке – ключевая задача Национальной программы развития региона // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 151–156. URL: <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2018-4/151-156.pdf>
3. Депутатова Е. Ю., Малых Т. В. Социальная роль розничной торговли в формировании покупательского поведения // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 1–5 С. 49–51. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28290417_75518014.pdf
4. Васильчук Е. С. Роль розничной торговли в экономическом развитии региона // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 1(19) С. 49–54. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28416611_86206338.pdf
5. Зубков В. В., Сидоров П. Г. Миграционные представления жителей Хабаровского края: опыт пилотного социологического исследования // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 215–226. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-215-226 URL: <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2020-4/21.pdf>
6. Кострова Ю. Б., Шибаршина О. Ю. Роль розничной торговли продуктами питания в обеспечении доступности продовольствия в Рязанской области // Modern economy success. 2018. № 3. С. 68–71 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36412349_20175759.pdf
7. Мазанкова Т. В. Дифференциация потребления услуг розничной торговли в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 73–

85. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-73-85

8. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России // Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России : материалы международной научной конференции (Хабаровск, 4–5 декабря 2019 г.) / под ред. П.А. Минакира ; Институт экономических исследований ДВО РАН ; Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 72–82.

9. Попов Д. А. Дальневосточный ритейл: этапы и процессы постсоциалистической трансформации // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. № 1. С. 24–36.

10. Хабаху С. Н. Социальный характер функций розничной торговли потребительской кооперации // Aspectus. 2016. № 3. С. 93–102. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27237766_53700539.pdf

References:

1. Berkovich M. I., Ermolaev M. N. (2021) Socio-economic aspect of retail trade networks in the region (on the example of the Kostroma region) *Sotsial'no-politicheskiye issledovaniya* [Socio-political studies]. No. 1 (10): 70–85. DOI 10.20323/2658-428X-2021-1-10-70-85 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44932578_90091378.pdf (In Russ.)

2. Galichanin E. N. (2018) Consolidation of the population in the Far East is a key task of the National Program for the Development of the Region *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (85): 151–156. URL: <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2018-4/151-156.pdf> (In Russ.)

3. Deputatova E. Yu., Malykh T. V. (2018) The social role of retail trade in the formation of consumer behavior *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern trends in the development of science and technology]. No. 1–5: 49–51. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28290417_75518014.pdf (In Russ.)

4. Vasilchuk E. S. (2017) The role of retail trade in the economic development of the region *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects for development and improvement]. No. 1(19): 49–54. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28416611_86206338.pdf (In Russ.)

5. Zubkov V. V., Sidorov P. G. (2020) Migration perceptions of residents of the Khabarovsk Territory: the experience of a pilot sociological study *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (93): 215–226. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-215-226 URL: <http://vlastdviu.ru/download/rio/j2020-4/21.pdf> (In Russ.)

6. Kostrova Yu. B., Shibarshina O. Yu. (2018) The role of food retail in ensuring the availability of food in the Ryazan region *Uspekhi sovremennoy ekonomiki* [Modern economy success]. No. 3: 68–71. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36412349_20175759.pdf (In Russ.)

7. Mazankova T. V. (2021) Differentiation of consumption of retail trade services in the Khabarovsk Territory *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 2 (95): 73–85. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-73-85 (In Russ.)

8. Motrich E. L. (2020) Migration in the demographic development of the Russian Far East in New Asian policy and development of the Russian Far East: materials of the international scientific conference (Khabarovsk, December 4–5, 2019) / ed. P.A. Minakira; Institute of Economic Research FEB RAS; The Far Eastern Institute of Management is a branch of the RANEPА under the President of the Russian Federation. Khabarovsk: IEI FEB RAN: 72–82. (In Russ.)

9. Popov D. A. (2018) Far Eastern retail: stages and processes of post-socialist transformation *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*

[Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law]. No. 1: 24–36. (In Russ.)

10. Khabahu S. N. (2016) The social nature of the functions of retail trade in consumer cooperation *Aspekt* [Aspectus]. 2016. No. 3: 93–102. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27237766_53700539.pdf (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 17.05.2022; accepted for publication 20.05.2022.

Информация об авторе

Т. В. Мазанкова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

T. V. Mazankova – Candidate of Economics, Associate Professor of the chair of management and business law, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 021(510)

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-162-168

Исследование инновационных издательских услуг китайских библиотек в эпоху больших данных и Интернета

Лю Бо

Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян КНР, Харбин, КНР, 1909008612@qq.com

Аннотация. Развитие больших данных (Big Data) и Интернета открывает возможности для новаторских моделей издательской деятельности китайских библиотек. В данной статье проводится анализ осуществимости библиотечных издательских услуг в условиях больших данных и Интернета, излагаются возможности развития, предоставляемые большими данными и Интернет-средой для библиотечных издательских услуг, а также объединяются типы моделей библиотечных издательских услуг на фоне больших данных и Интернет и выдвигается стратегия инновационной модели библиотечных издательских услуг в Китае.

Ключевые слова: большие данные; Интернет; китайская библиотека; модель издательских услуг

Для цитирования: Лю Бо. Исследование инновационных издательских услуг китайских библиотек в эпоху больших данных и Интернета // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 162–168. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-162-168>

Exploring the China's innovative library publishing services in the age of big data and the Internet

Liu Bo

The Institute of Russia of the Academy of Social Sciences, Harbin, China, 1909008612@qq.com

Abstract. Development of big data and the Internet opens up opportunities for the innovative publishing models for Chinese libraries. This article analyzes feasibility of the library publishing services in the context of big data and the Internet, outlines the development opportunities provided by big data and the Internet environment for the library publishing services, and combines the types of library publishing service models against the background of big data and the Internet and puts forward a strategy for innovative model of the library publishing services in China.

Keywords: big data; Internet; Chinese library; publishing services model

For citation: Liu Bo Exploring the China's innovative library publishing services in the age of big data and the Internet // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 162–168. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-162-168>

Введение

Сегодня словосочетание «большие данные» имеет значительную популярность. Практически все отрасли находятся на этапе перехода к цифровым интеллектуальным технологиям. Можно сказать, что наступила эра больших данных. Начиная с 2013 г. технология больших данных распространилась на все сферы жизни, открывая новые возможности и принципиально новые концепции услуг в традиционных отраслях [Ван Синчжоу, 2014. С. 52–54]. Для традиционной издательской индустрии технологии больших данных имеют отличительные особенности, характеризующиеся большим объемом информации, большей емкостью и более высокой скоростью передачи данных, что обогащает смысл издательской деятельности. Она не только ограничивается «бумажными» публикациями, но и открывает возможности сферы цифровых электронных публикаций. В результате граница между библиотечной деятельностью и издательской индустрией еще больше стирается. Как «центр концентрации» ресурсов документов библиотека имеет условия и возможности для оказания издательских услуг. Одним словом, большие данные и Интернет-технологии расширили сферу библиотечных услуг, открыв новый период развития, сделав возможными библиотечные издательские услуги. Настоящая статья посвящена вопросам исследования инновационных издательских услуг китайских библиотек в эпоху больших данных и Интернета.

1. Техничко-экономический анализ издательских услуг библиотек в условиях больших данных и Интернета

1) Новые методы публикации способствуют интеграции библиотечной и издательской индустрии

В эпоху больших данных и Интернета традиционные бумажные публикации больше не в состоянии удовлетворять растущие потребности читателей в чтении, что способствует появлению и популярности цифровых публикаций. Технология электронных публикаций снизила порог интеграции библиотек и издательской индустрии, сократила издательские расходы и позволила библиотекам оказывать и развивать издательские услуги. Кроме того, сильное конкурентное давление оказало влияние на традиционную

издательскую отрасль. Столкнувшись с реальной ситуацией резкого падения продаж и сокращения рынка, традиционная издательская отрасль и ее цепочка поставок также вынуждают соответствующие отрасли перейти к цифровым технологиям, сетям и более широкому кругу потенциальных партнеров для издательских услуг библиотеки.

2) Поддержка и руководство соответствующей политикой

Согласно концепции «Интернет+» интеграция Интернета и традиционных отраслей стала общей тенденцией. Эта тенденция, опираясь на технологии больших данных, проявилась также в переходе библиотек в цифровую отрасль [Чэнь Ин, 2018. С. 86–90]. В то же время развитие цифровых и интеллектуальных средств массовой информации получило высокую поддержку в рамках государственной политики. В 2014 г. в целях реализации плана Государственного совета по возрождению культурной индустрии Главное государственное управление по делам прессы, радио, кино и телевидения выпустило «Руководящие заключения по укреплению построения и управления платформой доставки цифрового контента для публикаций», в которых четко указывается необходимость интеграции контента ресурсов и усиления создания и управления платформой доставки контента электронных публикаций с целью создания платформы цифровых публикаций, объединяющей публичное и профессиональное чтение. Эти политики обеспечили хорошую внешнюю среду для библиотек для оказания издательских услуг и создания платформы публикации цифрового чтения, а также способствовали перспективам развития библиотечных издательских услуг.

3) Потребности читателей в чтении создают рынок для трансформации издательских моделей библиотек

В эпоху больших данных и Интернета количество групп аудитории цифровых публикаций продолжает расти — с 56% в 2014 г. до 72% в 2017 г. Оборот цифровых публикаций также увеличился с 334 млрд юаней в 2014 г. до 521,8 млрд юаней в 2017 г. [Сунь Сюфан, 2018. С. 65–68]. Приведенные выше данные показывают, что цифровые публикации имеют широкий рынок, и темпы их роста на-

много превышают темпы роста традиционных отраслей, что дает возможность и направляющую поддержку для преобразования режима публикации библиотек и ускоряет инновации и развитие библиотечных издательских услуг.

2. Возможности для развития библиотечных издательских услуг в условиях больших данных и Интернета

1) Цифровая трансформация академических журналов

В среде больших данных объем информации стремительно растет, и результаты исследований академических институтов также сохраняются в форме данных. В условиях развития цифровизации, цифровая трансформация академических журналов, редактируемых с помощью сетевых технологий и отображаемых на сетевой платформе, стала обычным явлением. Это обеспечивает библиотеке богатую материальную основу для развития цифровых издательских услуг. В настоящее время в Китае существуют два основных способа цифровой публикации научных журналов. Первый: редакционный отдел журналов, уполномоченный научным издательством, обрабатывает существующие бумажные результаты исследований и журнальные работы с помощью цифровых технических средств и собирает их в базы данных для создания академических ресурсов в цифровом формате. Второй: создаются независимые веб-сайты периодических изданий, такие как HowNet, Wanfang, которые собирают огромные академические ресурсы на веб-сайте, а также загружают и передают их полностью в цифровом формате. Как учреждение академической литературы, библиотека может сортировать научные ресурсы в соответствии с реальной ситуацией и предоставлять читателям богатые информационные ресурсы, используя два вышеуказанных способа [Дун Хунли, 2017. С. 247–248].

2) Открытие политики рождает платформу для самостоятельной публикации

Правительство упростило администрирование и делегировало полномочия издательской индустрии, которая в результате приобрела большую автономию и инициативу, что, несомненно, является благоприятной политикой для библио-

тек. В эпоху больших данных и Интернета библиотека может полагаться на собственные технические возможности и богатые резервы библиотечных ресурсов, эффективнее использовать удобство сети, интегрировать ресурсы данных, эффективно сотрудничать с новыми СМИ и создавать платформу для самостоятельной публикации ресурсов с уникальными характеристиками и подходящими читательскими предпочтениями. В этом отношении у США уже есть случай, на который мы можем сослаться. В 2015 г. появление платформы Author Solutions стало успешной попыткой услуг цифровой публикации библиотеки [Бай Яньи, 2016. С. 27–29].

3) Возникновение и развитие в Китае движения за открытый доступ

В последние годы бурно развивается движение за открытый доступ. В 2010 г. в Пекине была проведена Международная конференция по открытому доступу, как и было запланировано, создана открытая интегрированная платформа журналов в Китае. Впоследствии китайские ученые изучили и обсудили движение за открытый доступ, а также всесторонне проанализировали текущую ситуацию и будущую тенденцию движения за открытый доступ. В этом процессе некоторые ученые пытались раскрыть ресурсы библиотеки, способствовать социализации академических исследований и максимизировать общественный интерес, выдвинули точку зрения об участии библиотеки в цифровых публикациях и предоставили теоретические рекомендации для издательской службы библиотеки. В 2013 г. на семинаре «Исследования библиотековедения» была опубликована декларация, в которой пропагандируется модель публикации с открытым доступом и поощряется распространение академических ресурсов. Одним словом, с ростом внутреннего движения за открытый доступ также распространились концепции открытия ресурсов и открытия публикаций, которые были приняты китайскими учеными и библиотеками, создавая хорошую среду библиотечных издательских услуг.

4) Концепция, ориентированная на читателя, указывает путь к издательским услугам библиотеки

Библиотека является важным куль-

турным учреждением для построения социализма. Она сохраняет и производит большое количество ценных литературных источников. На нее возложена важная задача повышения культурной грамотности граждан и содействия построению социалистической духовной цивилизации. В прошлом, из-за ограничения концепции обслуживания и средств распространения документации, библиотека формировала нисходящий режим обслуживания и в определенной степени допускала ошибки эмпиризма и догматизма [Линь Линь, 2020. С. 121]. Однако с появлением Интернет-среды стандарт чтения постепенно заменил исходную концепцию обслуживания, что также делает библиотеку более склонной к тому, чтобы исходить из точки зрения читателей при принятии решений. Затем, полагаясь на технологию больших данных, библиотека может удовлетворить потребности читателей в чтении, своевременно и эффективно общаться с читателями и предоставлять гибкие, персонализированные и инновационные бесплатные издательские услуги, которые могут не только повысить эффективность использования цифровых ресурсов библиотеки, но также улучшить удовлетворенность читателей и предоставить больше движущих сил для развития модели публикации библиотеки.

3. Типы моделей библиотечных издательских услуг на фоне больших данных и Интернета

Издательская модель сотрудничества библиотеки и издательства

Опираясь на собственные ресурсы коллекции и технические преимущества, библиотека может взять на себя работу по организации контента, выбору тематики журнала, корректуре текста и обработке информации в определенной степени, в то время как заявка на номер книги и авторские права могут быть переданы профессиональным издательствам. В издательской модели сотрудничества между библиотекой и издательством в полной мере используются большие данные и Интернет-технологии. Два основных органа (библиотека и издательство) используют цифровые технологии в качестве связующего звена для создания эффекта сотрудничества «1 + 1 > 2». С одной стороны, накопленные в библиотеке доку-

менты: цифровая публикация коллекций может значительно усилить влияние и доступность ресурсов. С другой стороны, эта модель не нарушает исходную систему библиотечных услуг, а ее издательские услуги не станут дополнительным бременем для библиотеки. Тем не менее, способ сотрудничества между библиотекой и издательством при публикации имеет прикладную предпосылку, то есть библиотека должна иметь определенные характерные ресурсы, такие как рукописи знаменитостей, ценные документы и др. Только эти ценные и популярные темы могут гарантировать, что цифровые публикации будут иметь высокую привлекательность и широкий рынок. В противном случае обычные литературные ресурсы не смогут привлечь читателей, а цифровые публикации издателей потеряют смысл сотрудничества с библиотеками. Вообще говоря, сотрудничество библиотеки и издательства больше склоняется к механизму сильного взаимодействия и разделения труда. Оба субъекта, связанные с сетевыми платформами и передающие их в цифровом формате, публикуют цифровые данные о ценных и уникальных ресурсах в целях расширения потока публикаций и устранения препятствий для читателя в плане чтения литературы.

Издательская модель, объединяющая библиотеку и издательство

Интеграция библиотеки и общества представляет собой модель издательской деятельности, объединяющую как библиотеку, так и издательство, что делает их более тесными и взаимоподкрепляющими издательские услуги. С наступлением эры больших данных и Интернета общение между библиотеками и издателями стало более плавным, а цифровые технологии также дают библиотекам возможность оказывать издательские услуги. В частности, в библиотеке создан издательский отдел, который теоретически подчиняется библиотеке и управляется ею в централизованном порядке. Затем, от выбора темы публикации до обзора контента, и далее до цифровой публикации, формируется стандартизированный процесс, который эффективно повышает результативность цифровой публикации и сокращает время, необходимое для соединения звеньев. В настоящее время издательский дом Националь-

ной библиотеки Китая применяет этот метод, который стал типичной попыткой инновационного способа публикации библиотек на фоне Интернета с большими данными [Бао Хунпин, 2020. С. 43–48].

Модель публикации открытого доступа

С быстрым развитием движения за открытый доступ в Китае и за рубежом эта концепция также напрямую влияет на процесс отечественной цифровой публикации. Модель публикации с открытым доступом является одним из направлений инноваций в сфере публикации библиотеки в сетевой среде. Модель публикации с открытым доступом означает, что библиотека предоставляет услуги открытого доступа, а затем сотрудничает с редакторами для переноса публикации литературных ресурсов на платформу цифровой публикации, формируя автоматизацию и оцифровку редактирования и публикации, значительно сокращая сложные связи издательской работы и формируя модель точечных публикаций. Поскольку публикации в открытом доступе предъявляют строгие требования к профессионализму ресурсов, большинство учреждений, таких как университетские библиотеки и архивы, принимают режим публикации в открытом доступе. Например, Университет Линнань в Гонконге сотрудничает с учреждениями цифровой публикации, чтобы публиковать свои академические ресурсы и результаты исследований на цифровой платформе и распространять их по всему миру. В отличие от первых двух моделей публикации, в модели публикации с открытым доступом больше внимания уделяется «открытости», позволяя авторам вносить свои собственные вклады на платформе публикации. После утверждения экспертами по оценке они могут быть приняты и опубликованы, что значительно повышает эффективность публикации и подчеркивает преимущества эпохи Интернета.

4. Стратегия развития издательской модели библиотеки на фоне больших данных и Интернета

Увеличение капитальных вложений для создания интегрированной платформы облачных публикаций

Для издательской индустрии, будь то традиционная бумажная публикация или цифровая публикация в среде Ин-

тернета, качество и частота публикации определяют продолжительность ее существования. В среде больших данных взаимодействие библиотечной деятельности и издательской индустрии – это не только внешнее сотрудничество, но также трансформация мышления и обновление механизма предоставления услуг. С одной стороны, большое количество литературных ресурсов требует профессиональных кадров для выбора тем. С другой стороны, публикация и распространение ресурсов и доступ читателей к ресурсам также требуют соответствующих сетевых платформ. Затраты на рабочую силу, строительство платформы и затраты на обслуживание сети, возникшие в этот период, также являются значительными расходами, которые требуют от библиотеки увеличения капитальных вложений и создания интегрированной сервисной платформы для цифровых публикаций. Платформа должна полностью полагаться на преимущества больших данных и сети, иметь возможность хранить огромные литературные ресурсы, а также гибко классифицировать и редактировать публикации с помощью технологии облачных вычислений, чтобы читатели могли просто получить целевые ресурсы. Одним словом, увеличение капиталовложений и создание интегрированной облачной службы публикации может систематически и в долгосрочной перспективе поддерживать и управлять ресурсами цифровых публикаций, что также является предпосылкой для обеспечения развития режима публикации библиотеки.

Усиление публикации характерных коллекционных ресурсов и повышение осведомленности о защите авторских прав

При выборе тем для публикации библиотека должна всесторонне учитывать факторы читательских предпочтений аудитории и рыночного спроса. Конечная цель цифровых публикаций – способствовать более широкому распространению литературных ресурсов. Чем более характерны коллекции, тем выше на них спрос и тем очевиднее значение публикации. Следовательно, библиотека должна сосредоточиться на тематическом выборе ресурсов и на выборе специальных ресурсов, таких как древние книги,

дефицитные документы, местные документы, народные ресурсы и т. д., чтобы сформировать уникальное ядро конкурентоспособности. Кроме того, именно потому, что характерные ресурсы очень ценны, библиотека должна обращать внимание на проблему авторского права в процессе публикации, чтобы избежать ущерба авторам и ресурсам, вызванного злонамеренным плагиатом, подделкой, кражей и другими незаконными действиями. В частности, библиотека может формировать цифровую защиту на техническом уровне публикации, чтобы обеспечить безопасность ресурсов и данных авторов. Кроме того, библиотека также может повысить порог доступа к ресурсам. Например, читатели должны получать ресурсы через назначенную платформу или платить за чтение, выходящее за рамки указанного объема, чтобы улучшить производственную цепочку цифровой публикации и стандартизировать процесс ее обслуживания, чтобы обеспечить целостность и конфиденциальность библиотечной цифровой публикации и противостоять угрозам безопасности в открытой сетевой среде.

Улучшение взаимодействия с читателями и расширение читательского рынка

В контексте больших данных и Интернета библиотеки улучшили цепочку услуг в модели публикации и могут иметь эффективное взаимодействие и прямой диалог с читателями. Опираясь на Интернет-платформу, читатели могут своевременно отправлять в библиотеку свои мнения и предложения, как правило, следующими способами: платформа веб-сайта, общедоступная учетная запись в чате или микроблоге, библиотечное приложение. Таким образом, би-

блиотека может распознать недостатки, существующие в процессе публикации и обслуживания, и исправить их. Улучшая взаимодействие с читателями, библиотека может проверять и устранять недостатки, постоянно совершенствовать и улучшать издательские услуги, производить положительное впечатление у читателей, формировать эффект бренда, повышать удовлетворенность читателей и расширять читательский рынок, что имеет хорошие перспективы развития.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что в цифровой среде сочетание библиотеки и цифровой публикации является общей тенденцией, оказавшей революционное и далеко идущее влияние на издательскую отрасль. Как организация, занимающаяся специальной информационной службой, библиотека имеет большое количество ценных коллекций и ресурсов документов. Благодаря сотрудничеству с издательскими учреждениями эти ресурсы могут быть опубликованы в цифровом формате, что позволит большему количеству читателей читать и получать информацию. Поскольку цифровая публикация определила научное стратегическое направление, модель цифровой публикации с библиотеками в качестве базы ресурсов и большими данными и Интернетом в качестве технологической платформы стала центром библиотечной и информационной индустрии, осуществляет цифровую трансформацию библиотечных продуктов для публикации в цифровом формате и точно улавливает потребности читателей и пользователей в чтении. Это позволит библиотеке завершить модернизацию цифровых издательских платформ и еще больше повысить качество публикаций в цифровом формате.

Список источников:

1. Бай Яньи Стратегия интеграции библиотеки и цифровых изданий в среде Интернет плюс // Журнал библиотечного дела. 2016. № 6. С. 27–29.
2. Бао Хунпин Исследование трансформации и инноваций модели обслуживания электронных книг библиотек в среде цифровых изданий // Библиотека нового века. 2020. № 7. С. 43–48.
3. Ван Синчжоу Изменения в публикации и редактировании с точки зрения больших данных // Научная и техническая информация Ганьсу. 2014. № 8. С. 52–54.
4. Дун Хунли Анализ сотрудничества университетских библиотек и цифровых изданий в среде Интернет плюс // Информация о науке и технологиях. 2017. № 31. С. 247–248.

5. Линь Линь Исследование инновационных моделей обслуживания электронных книг в библиотеке в среде цифровых публикаций // Компьютерная продукция и тираж. 2020. № 10. С. 121.

6. Чэнь Ин Исследования по библиотечному обслуживанию научных данных и издательскому делу на базе «Интернет +» // Тушугуань Сюэкань (Journal of Library Science). 2018. № 11. С. 86–90.

7. Сунь Сюфан Строительство и развитие служб цифровой издательской деятельности мобильной библиотеки на фоне Интернета + // Тушугуань Сюэкань (Journal of Library Science). 2018. № 40(02). С. 65–68.

References:

1. Bai Yanyi (2016) Strategy for integrating libraries and digital publications in the Internet Plus environment *Zhurnal bibliotchnogo dela* [Journal of Library Science]. No. 6: 27–29. (In Chin.)

2. Bao Hongping (2020) Investigation of the transformation and innovation of the library e-book service model in the digital publishing environment *Biblioteka novogo veka* [New Century Library]. 2020. No. 7: 43–48. (In Chin.)

3. Wang Xingzhou (2014) Changes in publishing and editing in terms of big data *Nauchnaya i tekhnicheskaya informatsiya Gan'su* Scientific & Technical Information of Gansu. No. 8: 52–54. (In Chin.)

4. Dong Hongli (2017) Analysis of cooperation between university libraries and digital publications in the Internet plus environment *Informatsiya o nauke i tekhnologiyakh* [Science & Technology Information]. No. 31: 247–248. (In Chin.)

5. Lin Lin (2020) Research of innovative models of service of electronic books in the library in the environment of digital publications *Komp'yuternaya produktsiya i tirazh* [Computer products and circulation]. No. 10: 121. (In Chin.)

6. Chen Ying (2018) Research on scientific data library services and publishing on the basis of “Internet +” *Zhurnal bibliotchnogo dela* [Journal of Library Science]. No. 11: 86–90. (In Chin.)

7. Sun Xiufang (2018) Construction and development of digital publishing services of the mobile library against the backdrop of the Internet + *Zhurnal bibliotchnogo dela* [Journal of Library Science]. No. 40(02): 65–68. (In Chin.)

Статья поступила в редакцию 04.01.2022; одобрена после рецензирования 22.03.2022; принята к публикации 06.04.2022.

The article was submitted 04.01.2022; approved after reviewing 22.03.2022; accepted for publication 06.04.2022.

Информация об авторе

Лю Бо – научный сотрудник института России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян.

Information about the author

Liu Bo – researcher, the Institute of Russia of the Academy of Social Sciences, the Heilongjiang Province.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.4.051(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-169-180

Межнациональные отношения в Хабаровском крае в социологическом измерении: состояние, проблемы, перспективы

Юрий Владимирович Березутский¹, Кирилл Владимирович Мугдин²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ berezutskiy-yv@ranepa.ru

² fox_6151@mail.ru

Аннотация. Социологическое измерение социальных показателей, определяющих степень удовлетворенности граждан состоянием межнациональных отношений, уровень общегражданской идентичности, а также социально-культурной адаптации иностранных граждан, является важным инструментом оценки и профилактики социальных конфликтов (в том числе потенциальных) на межнациональной и межконфессиональной почве. Опираясь на масштабный анкетный опрос и серию фокус-групповых исследований жителей Хабаровского края, а также серию экспертных интервью со специалистами, в статье представлен анализ состояния межнациональных отношений в крае. Установлено, что в целом при бесконфликтном состоянии межнациональных отношений в Хабаровском крае выявлен определенный потенциал конфликтности и напряженности. Это актуализирует необходимость реализации более эффективной политики этнокультурного развития народов России в регионе как инструмента гармонизации межнациональных отношений. Особый акцент целесообразно делать на совершенствовании информационной работы как с населением края в целом, так и с молодежью, в частности. Отдельно проведен анализ социальной и культурной адаптации иностранных граждан в оценках местных жителей. Определенный потенциал конфликтности связан с неприятием части населения поведенческих характеристик трудовых мигрантов. В целом полученные результаты комплексного социологического исследования могут быть использованы органами государственной власти региона и органами местного самоуправления для учета при подготовке и реализации программ и проектов, направленных на укрепление гражданского мира и согласия, гармонизацию межнациональных отношений и этнокультурное развитие местных жителей.

Ключевые слова: межнациональные отношения, государственная национальная политика, гармонизация, межнациональные конфликты, этнокультурное развитие, социальная адаптация, миграция

Для цитирования: Березутский Ю. В., Мугдин К. В. Межнациональные отношения в Хабаровском крае в социологическом измерении: состояние, проблемы, перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 169–180. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-169-180>

Interethnic relations in the Khabarovsk territory in sociological dimension: state, problems, perspectives

Yuriy V. Berezutskiy¹, Kirill V. Mugdin²

^{1,2}The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹ berezutskiy-yv@ranepa.ru

² fox_6151@mail.ru

Abstract. Sociological measurement of social indicators determining the degree of satisfaction of citizens with the state of interethnic relations, the level of general civil identity, as well as the socio-cultural adaptation of foreign citizens, is an important tool for assessing and preventing social conflicts (including potential ones) on the interethnic and interfaith grounds. Based on a large-scale questionnaire survey and a series of focus-group studies of residents of the region, as well as a series of expert interviews with the specialists, we presented analysis of the state of interethnic relations in the Khabarovsk territory. It was established that in general, with a conflict-free state of interethnic relations in the Khabarovsk territory, a certain potential for conflict and tension was revealed. It actualizes the need to implement the more effective policy of ethno-cultural development of the peoples of Russia in the region as a tool for harmonizing interethnic relations. It is advisable to place special emphasis on improving information work both with the population of the region as a whole and with young people, in particular. Separately, analysis of the social and cultural adaptation of foreign citizens in the assessments of local residents was carried out. Certain potential for conflict is associated with the rejection of a part of population of the behavioral characteristics of labor migrants. In general, the results of comprehensive sociological study can be used by the regional and local authorities to take into account the preparation and implementation of programs and projects aimed at strengthening civil peace and harmony, harmonizing interethnic relations and ethno-cultural development of the local residents.

Keywords: interethnic relations, state national policy, harmonization, interethnic conflicts, ethno-cultural development, social adaptation, migration

For citation: Berezutskiy Yu. V., Mugdin K. V. Interethnic relations in the Khabarovsk territory in sociological dimension: state, problems, perspectives // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 169–180. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-169-180>

Введение

Проблемы межнациональных отношений для российского общества в современных условиях являются особенно актуальными. За последние годы страна столкнулась с новыми вызовами в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, связанных с изменением этнодемографической структуры под влиянием миграционного потока из стран СНГ (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и др.), экономическими кризисами, угрозами терроризма и экстремизма, проявлениями ксенофобии, национальной и религиозной нетерпимо-

стью в отношении отдельных групп населения [Благодатских, Керимов, 2017. С. 40–41]. Указанные проблемы нуждаются в мониторинге, в т. ч. с применением социологического инструментария, с целью оценки их состояния и динамики, организации профилактической работы путем корректива документов стратегического планирования в сфере межнациональных отношений.

Региональные социологические мониторинги в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, являясь одними из инструментов оценки состояния этноконфессиональных отношений в

конкретных регионах и стране в целом, направлены на повышение эффективности образовательно-информационных и профилактических мер, а также усиливают их адресность в отношении отдельных социальных групп [Завалишин, Ким, 2019. 63–64]. Кроме того, социологический мониторинг позволяет выявить конфликтный потенциал в обществе, спрогнозировать общественную реакцию на те или иные события и оценить вероятность возникновения межнациональных и религиозных конфликтов [Завалишин, Костюшина, 2018. С. 63–67].

Социологический мониторинг «Конфликтологический мониторинг этноконфессиональных и этнонациональных отношений в Хабаровском крае»¹ ежегодно проводится по заказу Правительства Хабаровского края и выступает одним из инструментов оценки реализации государственной национальной политики в регионе. В качестве правовых основ реализации указанного мониторинга выступают:

- Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666;

- краевая государственная программа «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в Хабаровском крае», утвержденная постановлением Правительства Хабаровского края от 29 декабря 2012 г. № 482-пр.

В соответствии с федеральным законодательством основными направлениями реализации государственной национальной политики на территории Российской Федерации являются: сохранение русского языка как государственного языка России; укрепление гражданского единства; сохранение этнокультурного многообразия народов России; предупреждение конфликтных ситуаций на национальной и религиозной почве; создание дополнительных

социально-экономических, политических и культурных условий для улучшения социального благосостояния граждан². С этих позиций нами был проведен социологический анализ состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, складывающихся на территории Хабаровского края.

Описание методики исследования

Аналитические материалы, представленные в статье, опираются на результаты социологического исследования «Конфликтологический мониторинг этноконфессиональных и этнонациональных отношений в Хабаровском крае», проведенного в IV квартале 2021 г. социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС по заказу Правительства Хабаровского края. В рамках исследования применялось три социологических метода: проведен анкетный опрос 3395 жителей Хабаровского края и экспертное интервью 25 специалистов в вопросах межнациональных отношений во всех 19 муниципальных районах и городских округах края; 10 фокус-групп: в г. Хабаровске (6 фокус-групп) и г. Комсомольске-на-Амуре (4 фокус-группы) с представителями различных возрастных групп (молодежь, средний возраст, пенсионеры). В анкетном опросе использована маршрутизированная, квотная, случайная на этапе отбора многоступенчатая выборка. Структура выборочной совокупности репрезентативна по отношению к генеральной совокупности (население Хабаровского края) по полу, возрасту и типу населенного пункта. Ошибка выборки не превышает 5%. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский.

Проблемы межнациональных отношений через призму условий жизнедеятельности жителей Хабаровского края

Проблемы межнациональных отношений на фоне существующих многочисленных проблем жизнедеятельности

¹ Исследование «Конфликтологический мониторинг этноконфессиональных и этнонациональных отношений в Хабаровском крае в 2021 году» проведено Дальневосточным институтом управления – филиалом РАНХиГС осенью 2021 г. по заказу Правительства Хабаровского края. Научный руководитель – к.с.н., доцент Ю.В. Березутский.

² Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/70284810> (дата обращения 05.05.2022 г.).

занимают нижние строки рейтинга «проблемного поля» в общественном сознании жителей края (ими обеспокоены порядка 10–15% опрошенных). Вместе с тем результаты фокус-групп показывают, что в рамках отдельных возрастных групп, особенно молодежи, в социальной практике имеют место бытовые конфликтные ситуации среди представителей разных национальностей и вероисповеданий, которые в случае их дальнейшего развития могут перерасти в межнациональные и (или) религиозные конфликты.

Основные проблемы жизнедеятельности в Хабаровском крае связаны с уровнем жизни и материальной обеспеченностью местного населения, качеством здравоохранения и представлениями об отсутствии перспектив как с точки зрения занятости, так и с точки зрения развития детей и молодежи.

В перечень самых важных проблем для жителей Хабаровского края (в сумме вариантов ответов «представляют очень большую проблему» и «довольно большую проблему») вошли такие, как рост цен на товары и услуги (91,9%), материальное положение, заработки (90,2%), жилищная проблема (82,5%), снижение уровня жизни людей (82,4%) и качество здравоохранения (79,6%).

Важным в социальном аспекте является понимание того, как структурируются указанные проблемы в сознании жителей Хабаровского края. Методом главных компонент с варимакс-вращением, направленным на группировку факторов под одну объединяющую их общую категорию, сформулировано 3 группы факторов, объясняющих 48,1% исходных переменных (табл. 1).

Представленная структура направлена на определение совокупностей приоритетных проблем, существующих в общественном сознании жителей региона и объединенных по смыслу тремя группами факторов.

Первая группа факторов, назовем ее «качество жизни», связана с качеством жизни населения и условиями его непосредственной жизнедеятельности. Речь идет о факторах, отражающих, по сути,

эффективность проводимой государством социальной политики («качество здравоохранения», «качество образования», «материальное положение», «рост цен на товары и услуги», «снижение уровня жизни людей» и др.).

Вторая группа факторов, назовем ее «общественная безопасность», связана с необходимостью удовлетворения потребностей населения в поддержании правопорядка и общественной безопасности («преступность и правонарушения», «общественная безопасность», «состояние общей культуры и нравственность», «наркомания» и др.).

Третья группа факторов, назовем ее «гармонизация взаимоотношений», связана с акцентуацией на систему взаимоотношений между людьми различных национальностей и вероисповеданий («взаимоотношения между коренным населением и иностранными гражданами», «взаимоотношения между людьми разной национальности», «взаимоотношения между различными религиозными течениями»).

Таким образом, проблемы этноконфессиональных отношений не входят в перечень приоритетных проблем жизнеобеспечения жителей Хабаровского края, а также не связаны с непосредственной угрозой общественной безопасности. Тем не менее эти проблемы выступают неотъемлемым и значимым элементом повседневной жизни населения, влияющим на качество их жизни и комфортность проживания на территории региона.

Этнокультурное просвещение населения как инструмент гармонизации межнациональных отношений

В целях гармонизации межнациональных отношений и развития межнационального диалога на территории Хабаровского края действует подпрограмма «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов в Хабаровском крае» краевой государственной программы «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в Хабаровском крае», утвержденной постановлением Правительства края от 29 декабря 2012 г. № 482-пр³.

³ Постановление Правительства Хабаровского края от 29 декабря 2012 г. № 482-пр «О государственной программе «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в Хабаровском крае». URL: <https://docs.cntd.ru/document/465300676> (дата обращения: 03.06.2022 г.).

Таблица 1

**Факторная структура проблем жизнедеятельности жителей
Хабаровского края**

Матрица повернутых компонент	Компонента			В % от числа опрошенных
	1	2	3	
Алкоголизм, пьянство	0,407			73,4
Бездомные животные	0,391			69,4
Благоустройство дворов, улиц (вывоз мусора, устранение последствий от осадков)	0,534			70,4
Взаимоотношения между коренным населением и иностранными гражданами			0,748	15,7
Взаимоотношения между людьми разной национальности			0,788	15,2
Взаимоотношения между различными религиозными течениями			0,762	11,3
Жилищная проблема (высокие цены на покупку/аренду жилья, его ветхость и изношенность)	0,583			82,5
Западные санкции в отношении России			0,488	32,6
Качество здравоохранения	0,697			79,6
Качество получаемого высшего образования	0,621		0,355	49,7
Качество получаемого среднего образования	0,608		0,358	45,5
Коррупция, кумовство во власти, произвол чиновников	0,438		0,331	63,9
Материальное положение, низкие заработки	0,616			90,2
Наркомания		0,575		54,0
Неустроенность детского и молодежного досуга	0,568			65,8
Общественная безопасность		0,615	0,300	42,2
Отсутствие перспектив для молодежи	0,603	0,310		72,0
Отток населения из Хабаровского края	0,530	0,316		69,5
Оформление собственности, в т. ч. на землю		0,564	0,351	27,4
Преступность и правонарушения		0,699		48,6
Работа общественного транспорта		0,547		45,8
Рост безработицы	0,461	0,462		73,4
Рост цен на товары и услуги	0,635	0,299		91,9
Снижение уровня жизни людей	0,639	0,351		82,4
Состояние общей культуры и нравственности	0,437	0,437		59,5
Состояние экологии	0,428	0,434		64,2
Уличные «пробки»		0,449	0,325	26,2

Источник: составлено авторами.

В рамках указанной подпрограммы при поддержке Хабаровской краевой общественной организации «Ассамблея народов Хабаровского края»⁴ ежегодно организуются многочисленные этнокультурные и общегражданские мероприятия, направленные на укрепление

единства российской нации, гармонизацию межнациональных отношений, этнокультурное развитие народов, проживающих на территории региона. Это государственные праздники, мероприятия, приуроченные к памятным датам, фестивали, дни национальных культур,

⁴ Ассамблея народов Хабаровского края. URL: <http://www.assembly27.ru> (дата обращения 01.05.2022 г.).

конкурсы и спортивные соревнования. За последние годы в крае стало традиционным отмечать такие национальные праздники как «Сагаалган» (бурятский новый год), «Сабантуй» (праздник окончания весенних работ у татар и башкир), «Навруз» (праздник прихода весны у иранских и тюркских народов), «Ысыах» (якутский праздник лета), «Международный день коренных народов мира», «Ханука» (еврейский «праздник света») и др.

Указанные мероприятия выполняют образовательно-просветительскую функцию, позволяя многонациональному сообществу региона лучше понять культуру и традиции других народов, тем самым снижая риски потенциальных конфликтов на национальной или религиозной почве.

В целях недопущения распространения новой коронавирусной инфекции на территории края с 2020 г. национальные культурно-массовые мероприятия были частично либо полностью переведены в онлайн формат с возможностью дополнительного информационного продвижения по каналам массовой коммуникации (региональное телевидение, социальные сети, видеохостинги), что привело к росту аудитории в десятки раз (в 2020 г. – 3785,6 тыс. чел.; в 2021 г. – 1131,4 тыс. чел.) по сравнению с «доковидным» 2019 г. (82,35 тыс. чел.)⁵.

Вместе с тем результаты проведенных фокус-групп в рамках нашего исследования показывают, что работа по информированности и вовлечению жителей региона в национально-культурные мероприятия является недостаточно эффективной.

Так, большинство участников фокус-групп, в особенности из числа молодежи, отмечают низкий уровень информированности о проводимых в крае национально-культурных мероприятиях: «в нашем городе отмечают преимущественно государственные праздники, то есть это День Народного единства, Первомай, День Победы в Великой Отечественной войне», «я не замечал, чтобы у нас проводились какие-то праздники для представителей других национальностей», «я не посещаю такие мероприятия, потому

что не знаю о них; я бы посетила, чтобы посмотреть, ради интереса», «я даже, честно говоря, в шоке, что у нас вообще есть какие-то реальные мероприятия других национальностей, мне бы было интересно в этом поучаствовать, но я впервые об этом слышу».

Вместе с тем некоторые из участников фокус-групп демонстрируют осведомленность о проводимых в крае мероприятиях, но отмечают необходимость усиления информационной работы по их освещению: «дни национальных культур проводят, но где это будет проводиться – за этим нужно наблюдать и отслеживать, как таковая информация для простого обывателя недоступна».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что информационная работа в рамках проводимых мероприятий, которые направлены на укрепление общегражданского единства и этнокультурное просвещение жителей региона, с целью формирования позитивных установок по отношению к представителям различных национальностей, имеет нереализованный потенциал развития в рамках расширения охвата целевой аудитории. На основании предложений участников фокус-групп можно выделить несколько вариантов обеспечения более эффективного информирования населения.

Во-первых, необходимо обеспечить комплексный характер информационной работы с населением. Это предполагает организацию систематической работы по выпуску новостного и культурно-образовательного контента, адаптированного под формат и целевую аудиторию социальных сетей, крупных региональных Интернет-ресурсов и мессенджеров. Дополнительно в качестве одного из инструментов этнокультурного просвещения населения можно рассмотреть возможность выпуска и распространения Ассамблеей народов Хабаровского края в местах массового скопления населения информационных листовок и буклетов о народах, проживающих в регионе.

Во-вторых, в рамках популяризации мероприятий этнокультурной направленности целесообразно рассмотреть возможность построения и дальнейшего про-

⁵ Отраслевая статистика комитета по внутренней политике Правительства Хабаровского края

движения этнокультурного «бренда» региона, который сможет вызвать интерес не только у местного населения, но и у туристов. Этнокультурный бренд в данном случае выступает современным инструментом реализации государственной национальной политики, направленным на формирование у людей позитивных представлений об этнокультурных особенностях региона, побуждая их посетить привлекательные национально-культурные места, попробовать блюда национальной (этнической) кухни и т. п. [Горлова, Бычкова, Костина, 2018. С. 80–84] В качестве одного из компонентов этнокультурного бренда для привлечения изначально незаинтересованной аудитории с репрезентацией определенной этнокультуры через гастрономический компонент в средствах массовой информации выступает проект «Национальная кухня», транслируемый на региональном телеканале «БТВ». Вместе с тем направление по построению и развитию этнокультурного бренда в настоящее время в крае недостаточно развито и требует поиска, оформления и дальнейшего продвижения других компонентов этнокультурной специфики нашего региона («самобытная культура коренных малочисленных народов Севера», «соревнования в национальных видах спорта среди народов Хабаровского края» и пр.).

В-третьих, в качестве одного из инструментов повышения эффективности социальной и культурной адаптации иностранных граждан, проживающих в регионе, а также в целях гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений можно предложить проект создания и продвижения специального мобильного приложения. Подобный проект уже успешно реализуется в Республике Саха (Якутия) и представляет собой информационный сервис с возможностью работы на семи языках, в том числе на китайском, таджикском, узбекском и киргизском. Данный проект направлен на помощь в трудоустройстве и оформлении документов⁶. При реализации подобного проекта на территории Хабаровского края целесообразно рассмотреть

возможность создания дополнительного информационного блока, посвященного культурам народов, проживающих в регионе, в том числе содержащего сведения о национальных праздниках, обычаях и традициях, а также актуальный событийный календарь национальных мероприятий для возможного их посещения.

Отношение населения к социальной и культурной адаптации и интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество

С 2007 г. Хабаровский край вошел в число 12 регионов России, где начал реализовываться «пилотный» проект государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. В период с 2007 по 2021 гг. численность соотечественников по программе переселения составила порядка 18 тыс. человек, из которых 1,4 тыс. человек переселились в Хабаровский край в 2021 г.⁷

Оценивая национальный состав миграционных процессов Е.А. Мотрич подчеркивает его дальневосточную специфику: «В структуре миграционного прироста на Дальнем Востоке за счёт стран СНГ преобладают выходцы из Киргизии, Узбекистана, Таджикистана. На их долю приходится 66,6% миграционного прироста. Ещё 19,0% в миграционном приросте от стран СНГ приходится на Армению и Казахстан. Фактически миграционный «костяк» на Дальний Восток составляют выходцы из стран Евразийского экономического союза, а также из стран постсоветского пространства, с которыми имеются договорённости о миграционном сотрудничестве» [Мотрич, 2022. С. 34].

Согласно информации от Управления МВД России по Хабаровскому краю в 2021 г. работодателями края трудоустроены 16,7 тыс. иностранных граждан, в том числе на основании патента – 7,9 тыс. человек, в рамках квоты по разрешению на работу – 2,0 тыс. человек, без разрешительных документов, а также на основании разрешения на временное проживание в Российской Федерации и

⁶ В Якутии запустили мобильное приложение на семи языках для трудоустройства мигрантов / Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/9900319>

⁷ Отраслевая статистика Комитета по труду и занятости Правительства Хабаровского края.

вида на жительство – 6,7 тыс. человек⁸. В свою очередь стоит отметить, что данные показатели не учитывают незаконную миграцию, охват которой, по мнению ряда опрошенных в рамках конфликтологического мониторинга экспертов, может быть значительно выше.

Согласно результатам исследования оценки жителей в отношении восприятия численности приезжих иностранцев на заработки в месте их проживания разделились на три части: для трети (34,2%) приезжих достаточно много; для 43,2% их либо нет, либо очень мало; а для пятой части жителей (20,6%) оценка была затруднительной.

Важными факторами снижения конфликтогенного потенциала выступают созданные условия для адаптации приезжих мигрантов. Лишь менее 10% жителей края отмечают недоступность получения иностранцами тех или иных возможностей.

В подавляющем большинстве жители региона считают, что для иностранцев практически нет никаких проблем и барьеров, чтобы пользоваться поддержкой общества, различными ресурсами и возможностями:

возможность поддерживать связь с семьей отмечают 77,4% против 5,1% считающих это недоступным;

возможность пользоваться социальной, жилищной, транспортной, культурной, экономической инфраструктурой города (села) отмечают 75,0% против 6,1%, считающих это недоступным;

информацию о рабочих местах и вакансиях считают доступной 73,0% против 5,7%, считающих это недоступным;

возможность получать необходимые услуги отмечают 72,7% против 7,8% считающих это недоступным;

информацию о законодательстве Российской Федерации, Хабаровского края считают доступной 72,3% против 5,6%, считающих ее недоступной;

возможность достичь приемлемого уровня жизни и потребления отмечают 71,2% против 8,4%, считающих это недоступным;

информацию о культурных особенностях и нормах поведения считают до-

ступной 69,8% против 7,4%, считающих ее недоступной;

информацию о механизмах правовой поддержки считают доступной 65,4% против 8,6%, считающих ее недоступной;

возможность получения легального правового статуса (оформление патента и т. п.) отмечают 62,3% против 9,5%, считающих это недоступным;

возможность пользоваться поддержкой государства отмечают 62,3% против 11,5%, считающих это недоступным;

возможность пользоваться поддержкой общества отмечают 57,7% против 15,5%, считающих это недоступным.

В большей степени жители Хабаровского края считают, что приезжающие на заработки иностранные граждане имеют право получить поддержку от специализированных госструктур (38,4%), органов местного самоуправления (36,3%), национальных диаспор, национально-культурных объединений (31,7%), обычных граждан (25,1%), религиозных диаспор и религиозных объединений (22,0%), образовательных организаций (18,1%), бизнес-структур (11,7%), некоммерческих организаций (11,1%).

При этом половина жителей Хабаровского края (51,0%) затруднилась с оценкой «пользы» или «вреда», которую приносят трудовые мигранты. Практически в равных соотношениях жители высказали свое отношение к приезжим: 26,5% видят в трудовых мигрантах больше пользы и 22,4% видят в них больше вреда. При этом, рассматривая вопросы привлечения иностранных трудовых мигрантов в качестве дополнительного и необходимого источника рабочей силы, А. С. Лада отмечает их востребованность и необходимость для регионального развития: «демографическая и экономическая ситуация на Дальнем Востоке ставит на повестку дня вопрос о расширении международной трудовой миграции, без которой смягчение количественных и структурных последствий сокращения численности трудовых ресурсов едва ли будет возможно» [Лада, 2018. С. 25]. Однако экономисты подчеркивают существенный и отрицательный аспект результата пребывания иностранной рабочей силы – «вывоз за-

⁸ Отраслевая статистика Комитета по труду и занятости Правительства Хабаровского края.

рабочих денежных средств» [Изотов, Мотрич, 2019. С. 133].

Мнения участников фокус-групп отражают определенную степень обеспокоенности жителей края относительно необходимости выстраивания эффективной системы адаптации иностранных граждан. Участники фокус-групп указали на недостаточно эффективно отрегулированные, по их мнению, механизмы реализации данной политики. Одни утверждают, что эти процессы должны в меньшей степени осуществляться за счет государственных бюджетных средств, а в большей – в рамках работы национальных диаспор, которые традиционно выступают ресурсом социальной и культурной интеграции мигрантов, обогащают региональный социум и позволяют эффективно вписаться в принимающее сообщество [Ким, Полюшкевич, 2017. С. 115–120]. Другие отмечают недостаточную готовность социальной инфраструктуры для приема такого большого количества мигрантов.

На основе мнений участников фокус-групп можно выделить ряд основных проблем, препятствующих социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов:

слабое вовлечение мигрантов в институты гражданского общества: «общественные институты не подходят для выстраивания взаимодействия в сфере адаптации трудовых мигрантов просто потому, что они находятся, так скажем, на своём «этаже». Трудовые мигранты очень мало контактируют с представителями гражданской общественности, мало общаются с ними. У них есть свой закрытый круг общения. Они замкнуты и не выходят за рамки своей общины»;

отношение мигрантов к базовым нормам и ценностям принимающей стороны: «у них вообще все другое, а они живут по своим законам и обычаям в нашей стране», «некоторые из них достаточно нагло ведут себя, что нарушает принятые в обществе нормы и правила»;

отрицательное отношение местного населения к трудовым мигрантам: «я считаю, что приезжие могут стать почвой для некоторых конфликтов», «очень много конфликтов происходит между местными жителями и приезжими, представителями других национальностей».

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о неоднородности общественного сознания жителей региона в отношении трудовых мигрантов, восприятия их «полезности», эффективности действующей системы их адаптации, необходимости получения социальных возможностей для трудовых мигрантов. Вместе с тем в обществе существует запрос на социальную и культурную адаптацию и интеграцию трудовых мигрантов в жизнь общества, которые выступают фактором гармонизации межнациональных отношений, профилактики конфликтов на национальной и религиозной почве.

Потенциал конфликтогенности в сфере межнациональных отношений

По данным социологического опроса населения Хабаровского края в 2021 году можно сделать общий вывод о достаточно положительном состоянии межнациональных отношений, но при наличии определенного конфликтного потенциала.

Большинство опрошенных (81,5%) положительно оценивают состояние межнациональных отношений, а также чуть более половины (66,1%) не испытывают негативного отношения к трудовым мигрантам, а по самооценкам в подавляющем своем большинстве мигранты не подвергаются дискриминации по признакам национальности, религии или языка.

Большая часть жителей Хабаровского края (52,9%) считает, что тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей в целом больше пользы. При этом каждый пятый (19,0%) считает, что этот факт приносит больше вреда. Каждый третий (28,1%) не имеет своей позиции на этот счет, затруднившись с ответом.

Подавляющее большинство жителей Хабаровского края (79,4%) не испытывает неприязнь по отношению к представителям какой-либо национальности. Однако 13,5% отметили наличие у них этой неприязни.

В большей степени эту неприязнь порождает вызывающая манера поведения (72,2%) и преступления и правонарушения (54,2%), совершаемые представителями различных национальностей, зачастую подчеркиваемых средствами массовой информации в своих заголовках и

публикациях. При этом следует отметить, что результаты нашего аналогичного исследования, проведенного пять лет назад, свидетельствуют об отсутствии особых изменений в оценках жителей по данному аспекту: «Среди причин, которые могут в наибольшей степени способствовать обострению отношений между представителями различных национальностей и вероисповеданий около половины опрошенных выделяют «... вызывающее поведение, игнорирование норм поведения, традиций и обычаев других культур и религий» [Березутский, Байков, Мачкарина, Мельницкая, 2016. С. 87]. Отсутствие особых изменений в общественном мнении в отношении актуальной проблемы, с одной стороны, выступает тревожным индикатором потенциала конфликтности, а с другой стороны, свидетельствует о слабой роли влияния субъектов межнационального взаимодействия на снижение остроты данной проблемы.

При этом те, кто испытывает неприязнь по отношению к представителям различных национальностей, демонстрируют избирательность в своем отношении. В большей степени они демонстрируют «хорошее» отношение (в сумме вариантов ответа «очень хорошее» и «скорее хорошее») к представителям славянской культуры и коренных малочисленных народов Севера, в меньшей степени – к выходцам из Средней и Восточной Азии: относятся «хорошо» к русским (97,6%), украинцам (82,0%), нанайцам (79,8%), корейцам (59,9%), китайцам (42,8%), киргизам (30,4%), узбекам (22,7%), цыганам (9,0%).

Восьмая часть жителей Хабаровского края (13,9%) считает, что за последний год отношения между людьми разных национальностей в Хабаровском крае улучшились против примерно такой же части (12,7%) отмечающих ухудшение. Треть опрошенных (36,3%) затруднились со своей оценкой (23,6%) и еще треть опрошенных (37,1%) не увидели каких-либо изменений.

Большинство жителей Хабаровского края (77,9%) не наблюдали за последний год каких-либо конфликтов на межнациональной почве. Однако каждый пятый житель (18,8%) отметил, что ему доводилось наблюдать за такими конфликтами, а 3,3% опрошенных еще и сами в них участвовали.

Около половины жителей Хабаровского края (44,1%) оценивают возможными конфликты на межнациональной почве в Хабаровском крае, что в очередной раз свидетельствует о потенциальной конфликтности.

В целом, чуть менее половины опрошенных жителей края (42,6%) считают невозможными в ближайшее время открытые конфликты между местными жителями и приезжими в Хабаровском крае. Однако о наличии потенциала конфликтности свидетельствуют оценки каждого третьего затруднившегося (36,4%) и каждого пятого (21,1%) о возможности таких конфликтов.

Несмотря на то, что половина жителей Хабаровского края (48,5%) не видит в своем населенном пункте противоречий или конфликтов между приезжими других национальностей и местными жителями, 13,3% отметили о наличии таковых конфликтов. При этом 4,1% отметили о наличии конфликтов с приезжими из других регионов России, а 9,2% – с приезжими из других стран.

Потенциалу конфликтности придают значение еще два фактора: это степень опасения и настороженности по отношению к приезжим и желание ограничить въезд иностранных граждан для заработков в Россию. Так, каждый третий житель края (33,9%) испытывает к приезжим опасение и настороженность, а 38,1% считает необходимым ограничить/сократить въезд иностранных граждан, прибывающих на заработки в Хабаровский край.

Ряд региональных исследователей не видят в притоке иностранной рабочей силы существенных проблем. Напротив, В. В. Зубков справедливо подчеркивает позитивный в этом тренд: «... положительное влияние использования иностранной рабочей силы проявляется в том, что ею заполняются вакансии с низким уровнем оплаты труда и неподходящими условиями, куда россияне идут крайне неохотно. В свою очередь, привлечение неквалифицированной рабочей силы создает для местного населения конкуренцию, а значит, стимулирует к повышению образовательного и профессионального уровня и занятию более интеллектуальной деятельностью, работой в организациях с высокотехнологическим производством товаров и услуг, и достойной заработной

платой» [Зубков, 2020. С. 80].

Заключение

Результаты проведенного социологического исследования жителей Хабаровского края, отражая в целом положительное состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в Хабаровском крае, демонстрируют определенную социальную напряженность в общественном сознании жителей региона.

Противоречиями в сфере межнациональных отношений в Хабаровском крае являются:

увеличение количества внешних трудовых мигрантов вместе с их низкой социокультурной адаптацией к условиям проживания и интеграцией в региональное сообщество;

недостаточно развитое кросскультурное взаимодействие, национальное и историческое самосознание как основа общероссийской гражданской идентичности вследствие отсутствия эффективной системы информирования населе-

ния о национально-культурных мероприятиях в сфере этнокультурного развития народов Хабаровского края.

Определенная конфликтность в общественном сознании формируется под влиянием ряда поведенческих характеристик приезжих мигрантов (вызывающие манеры поведения, этническая преступность и правонарушения).

Анализ проблемного поля межнациональных отношений свидетельствует о сохранении в регионе предпосылок, способствующих формированию социальной напряженности, росту потенциала межнациональных конфликтов. Результаты исследования актуализируют необходимость усиления системного взаимодействия всех субъектов межнациональных отношений на территории региона (органов власти всех уровней, национальных и религиозных общественных организаций) по созданию условий для совместной деятельности по их укреплению и позитивному развитию.

Список источников:

1. Березутский Ю. В., Байков Н. М., Мачкарина О. Е., Мельницкая Ю. А. Межнациональные отношения в городском округе: социологическое измерение // *Власть и управление на Востоке России*. 2016. № 4 (77). С. 87.
2. Благодатских В. Г., Керимов А. А. Межнациональные отношения в современной России: проблемы и пути решения // *Научный журнал «Дискурс-Пи»*. 2017. № 2 (27). С. 40–41.
3. Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. Этнокультурный брендинг территории как ресурс влияния региональной культурной политики // *Культурное наследие России*. 2018. № 3. С. 80–84.
4. Изотов Д. А., Мотрич Е. Л. Иностранная рабочая сила Дальнего Востока России // *Проблемы прогнозирования*. 2019. № 5. С. 133.
5. Заваляшин А. Ю., Ким А. С. Этнополитическая конфликтность в Хабаровском крае (по данным мониторинга, июнь 2019) // *Материалы Всероссийской научной конференции «Дальний Восток в зеркале этнополитики»*. Хабаровск, 2019. С. 63–64.
6. Заваляшин А. Ю., Костюшина Н. Ю. Мониторинг этнополитических и этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре Государственного Технического Университета*. 2018. № 4(36). С. 63–67.
7. Зубков В. В. Миграционная компонента демографического процесса в регионе: статистическое и социологическое измерение // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 1 (90). С. 80. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-90-1-74-82
8. Ким А. С., Полюшкевич О. А. Ресурсы диаспоры в формировании этнонационального единства регионов Сибири и Дальнего Востока // *Сборник материалов межвузовской научной конференции «Социокультурные аспекты деятельности силовых структур»*. Иркутск. 2017. С. 115–120.
9. Лада А. С. Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока // *Власть и управление на Востоке России*. 2018. № 4 (85). С. 25. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31
10. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Том 18. №1. С. 34. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.2

References:

1. Berezutsky Yu. V., Baykov N. M., Machkarina O. E., Melnitskaya Yu. A. (2016) Interethnic relations in the urban district: a sociological dimension *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 4 (77): 87. (In Russ.)
2. Blagodatskikh V. G., Kerimov A. A. (2017) Interethnic relations in modern Russia: problems and solutions *Nauchnyy zhurnal «Diskurs-Pi»* [Scientific journal "Discourse-Pi"]. No. 2 (27): 40–41. (In Russ.)
3. Gorlova I. I., Bychkova O. I., Kostina N. A. (2018) Ethnocultural branding of the territory as a resource for the influence of regional cultural policy *Kul'turnoye naslediyе Rossii* [Cultural heritage of Russia]. No. 3: 80–84. (In Russ.)
4. Izotov D. A., Motrich E. L. (2019) Foreign labor force of the Russian Far East *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting]. No. 5: 133. (In Russ.)
5. Zavalishin A. Yu., Kim A. S. (2019) Ethnopolitical conflict potential in the Khabarovsk Territory (according to monitoring data, June 2019) in Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "The Far East in the Mirror of Ethnopolitics". Khabarovsk: 63–64. (In Russ.)
6. Zavalishin A. Yu., Kostyushina N. Yu. (2018) Monitoring of ethno-political and ethno-confessional relations in the Khabarovsk Territory *Uchenyye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta* [Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University]. No. 4(36): 63–67. (In Russ.)
7. Zubkov V. V. (2020) Migration component of the demographic process in the region: statistical and sociological dimension *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 1 (90): 80. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-90-1-74-82 (In Russ.)
8. Kim A. S., Polyushkevich O. A. (2017) Diaspora resources in the formation of ethno-national unity of the regions of Siberia and the Far East in Collection of materials of the interuniversity scientific conference "Socio-cultural aspects of the activities of power structures". Irkutsk: 115–120. (In Russ.)
9. Lada A. S. (2018) Problems of attracting labor resources in the subjects of the Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 4 (85): 25. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31 (In Russ.)
10. Motrich E. L. (2022) Migration in the demographic development of the Russian Far East *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [The standard of living of the population of regions of Russia]. Volume 18. No. 1: 34. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.1.2 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 26.05.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 26.05.2022; accepted for publication 30.05.2022.

Информация об авторах

Ю. В. Березутский – кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

К. В. Мугдин – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

Yu. V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, Associate Professor, deputy director for scientific and educational work, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

K. V. Mugdin – graduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 316.4:378(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-181-193

Интернационализация образовательной деятельности российских вузов: дальневосточный вектор развития

Л. Г. Невеличко¹, Н. Г. Баженова¹, Н. Г. Богаченко¹, Р. И. Баженов¹, И. М. Воротилкина¹

¹ Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, Биробиджан, Россия

Автор, ответственный за переписку: Любовь Григорьевна Невеличко, lnevelichko@bk.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблеме привлечения иностранных студентов в российские вузы. Особое внимание уделено способам формирования позитивного имиджа и факторов привлекательности образовательных организаций высшего образования Дальнего Востока для потенциальных студентов. В статье рассматривается несколько направлений развития обозначенной проблемы. Прежде всего, интернационализация образования и увеличение числа иностранных студентов – это эффективное выполнение современного запроса социально-экономического развития на высокопрофессиональные кадры. В настоящее время наибольшую актуальность приобретают задачи создания необходимых условий для предотвращения оттока иностранных студентов из России, сохранив тем самым их контингент за счет поддержания высокого качества образования с освоением и широким внедрением в образовательный процесс новых форматов обучения: онлайн-технологий, гибридных форм образования. В статье отмечается, что для России, обладающей мощным экспортным потенциалом системы образования, поиск путей повышения конкурентоспособности российских вузов в мировом образовательном пространстве является текущей приоритетной задачей. Особое внимание в статье уделяется вопросу привлечения иностранных студентов в вузы Дальнего Востока, особенно из КНР. Непосредственная близость дальневосточного региона к Китаю и необходимость выявления ресурсов, обеспечивающих конкурентные позиции региональным вузам по привлечению китайских студентов, обосновывают перспективность социологических разработок данного направления. На основе опросов иностранных студентов, выпускников и потенциальных абитуриентов авторы статьи выявили приоритетные направления в развитии образовательного потенциала дальневосточных вузов и повышении их привлекательности для иностранных студентов, опровергли стереотипные представления о том, что в российские дальневосточные вузы поступают иностранные студенты из малообеспеченных семей и имеющие низкий уровень образования. Выводы, к которым приходят авторы, адресованы руководителям вузов, преподавателям, а также должностным лицам органов власти и бизнеса, заинтересованным в развитии дальневосточных территорий.*

Ключевые слова: *иностранцы студенты, экспорт образования, санкции, мотивы выбора вуза, социологические исследования, Дальний Восток России*

Для цитирования: Невеличко Л. Г., Баженова Н. Г., Баженов Р. И., Воротилкина И. М. Интернационализация образовательной деятельности российских вузов: дальневосточный вектор развития // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 181–193. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-181-193>

Internationalization of educational activities of the Russian universities: the Far-Eastern development vector

Lyubov G. Nevelichko, Natalya G. Bazhenova, Natalya G. Bogachenko, Ruslan I. Bazhenov, Irina M. Vorotilkina

The Sholom-Aleichem Priamurskiy State University, Birobidzhan, Russia

Corresponding author: Lyubov G. Nevelichko, lnevelichko@bk.ru

Abstract. *The article is devoted to the problem of attracting foreign students to the Russian universities. Particular attention is paid to the ways of forming a positive image and factors of attractiveness of educational organizations of higher education in the Far East for potential students. The article considers several areas of development of the indicated problem. First of all, internationalization of education and increase in the number of foreign students is the effective fulfillment of modern request for socio-economic development for the highly professional personnel. Currently, the most urgent tasks are to create necessary conditions to prevent the outflow of foreign students from Russia, thereby preserving their contingent by maintaining the high quality of education with the development and widespread introduction of new learning formats into the educational process: online technologies, hybrid forms of education. The article notes that for Russia, which has a powerful export potential of education system, finding the ways to increase the competitiveness of Russian universities in the world educational space is a current priority. The article pays special attention to the issue of attracting foreign students to the universities in the Far East, especially from the PRC. Close proximity of the Far-Eastern region to China and the need to identify resources that ensure competitive positions for the regional universities in attracting Chinese students justify the prospects for sociological developments in this area. Based on the surveys of foreign students, graduates and potential applicants, the authors of this article identified priority areas in the development of educational potential of the Far-Eastern universities and increasing their attractiveness for the foreign students, refuted stereotypical ideas that foreign students from the low-income families and having a low level of education enter the Russian Far-Eastern universities. The conclusions to which the authors come are addressed to the university leaders, teachers, as well as officials of the government and business bodies interested in the development of the Far-Eastern territories.*

Keywords: *foreign students, education exports, sanctions, motives for choosing a university, sociological research, the Russian Far East*

For citation: Nevelichko L. G., Bazhenova N. G., Bogachenko N. G., Bazhenov R. I., Vorotilkina I. M. Internationalization of educational activities of the Russian universities: the Far-Eastern development vector // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 181–193. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-181-193>

Введение

«Идеальный шторм»¹ событий, стремительно разрушающий систему сложившегося миропорядка и радикально меняющий приоритеты и ориентиры в нашей стране, позволяет с большой долей вероятности прогнозировать глобальные изменения в политико-экономической сфере, связанные с ослаблением взаимо-

действия и взаимозависимости стран и цивилизаций. Наша статья еще готовилась к печати, как в одночасье потенциал сложившихся устойчивых парадигм, формулирующих цели высшей школы с различных позиций, трансформировался в концептуальный рудимент, что потребовало радикальной переоценки высшего образования, сохранив при этом его ста-

¹ В Кремле оценили ситуацию в России фразой «нет худа без добра». URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/14/russia/>.

тус как важнейшего стратегического и экономического ресурса и отвечающего на образовательный запрос в профессиональных кадрах, способных эффективно соответствовать реалиям времени. Одним из решений становится задача привлечения в российские вузы иностранных студентов. Многолетняя практика показала, что при активной поддержке государств, заинтересованных в увеличении контингента иностранных студентов, инновационный потенциал образования становится основой динамичного развития национальных экономик, не уступая в этом по значимости производительным факторам, рабочей силе и капиталу.

Президентом РФ В. В. Путиным поставлена задача осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации и увеличения объёма ежегодного совокупного дохода от экспорта услуг, в том числе и образовательных, до уровня 100 млрд долларов². Одним из подходов в комплексном решении сформулированных задач является интернационализация образования, поскольку в условиях общественных поисков эффективных путей развития национальных экономик именно мигранты оказываются крайне приемлемым решением для принимающей стороны, и, в частности, для образования, которое в условиях ограниченности бюджетных средств получает инструмент к поиску внебюджетных источников финансирования. Так, принимаемая одинаковое с Австралией количество студентов, Россия зарабатывает менее 1 млрд долларов в год, тогда как Австралия – 18 млрд долларов³.

Однако сведение темы интернационализации отечественного образования исключительно к экономическим интересам было бы упрощённым пониманием проблемы. Внимание Правительства РФ к углублению международных контактов между странами проявляется в переносе акцентов с установления духовных связей между народами и интеграции в мировое сообщество на роль молодёжного участия. Помимо экономических

контекстов стремление отечественных вузов к увеличению числа иностранных студентов имеет стратегическое значение: через подготовку интеллектуальной элиты, распространение русского языка и культуры повышается международное влияние России в мировом сообществе [Вашурина, Вершинина, Газиева и др., 2016]. Получение образовательных услуг иностранными студентами является эффективным средством формирования softpower (мягкой силы) государства и реализации приоритетов внешней политики государства. Мировая практика показывает, что за период совместного обучения между студентами происходит обмен ценностными установками и взглядами, формируются определенные ценностные ориентиры, расставляются жизненные приоритеты. Вернувшись на родину, молодые люди, приобретшие связи, новых друзей, впитавшие ценности, привитые системой образования, становятся активными посредниками в распространении языка, культурных и духовных смыслов страны, где проходили обучение. Советский Союз, осуществляя масштабную подготовку иностранных специалистов на базе отечественных учебных заведений, выпускал не только высококлассных специалистов, но и будущих руководителей предприятий, политических деятелей, что в значительной степени способствовало установлению и развитию социально-экономических и политических отношений между странами, а также являлось движущим фактором экономического роста.

Кроме того, контакты с иностранными студентами побуждают российскую систему образования к модернизации и повышению конкурентоспособности, что, безусловно, является импульсом к академическому развитию университетов, а в условиях демографической ситуации современной России интернационализация образования является значимым ресурсом для сохранения преподавательского состава и улучшения материально-технической базы высших учебных заведений. Продуманный, взвешенный

² Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>.

³ Школа на экспорт: что Россия поставляет на мировой рынок?. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/12/09/818138-shkola-eksport>

подход к экспорту образования позволит стране-экспортеру не только сформировать существенный источник доходов, но и привлечь во все сферы общественной жизни высококлассных специалистов со всего мира.

Источниковая база

Теоретический качественный анализ сущности исследуемого явления основывается на статистических данных, опубликованных на официальных сайтах Института статистики ЮНЕСКО⁴, Департамента международного сотрудничества Минобрнауки РФ⁵, а также в статистических сборниках «Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации»⁶, «Иностранные студенты в российских вузах» [Арефьев, Шереги, 2014], «Экспорт российских образовательных услуг», издаваемых Центром мониторинга и статистики образования Минобрнауки РФ под редакцией А. Л. Арефьева, Ф. Э. Шереги⁷, Статистического сборника «Россия в цифрах, 2020»⁸, данные полузакрытого анкетирования иностранных студентов в рамках онлайн-опроса через сервисы Google Формы и Yandex Forms «Мотивы выбора дальневосточных вузов молодежью из стран АТР, СНГ, ближнего и дальнего зарубежья», открытого в течение ноября 2021 г. (1225 респондентов) и проведенного группой социологов Приамурского государственного университета имени Шолом Алейхема, г. Биробиджан.

Разработки проблематики мотивов выбора иностранными студентами российских вузов представлены в материалах социологических исследований С. В. Деметьевой, Е. В. Никитенко, Э. Л. Леонтьевой; проблемы адаптации иностранных студентов в университетской среде изучались О. Е. Пискун, А. А. Ясюковой, Н. А. Полихиной, И. Б. Тростянской, А. Г. Лариной, Н. Н. Зыковой, А. Н. Полухи-

ной, М. Ю. Абабковой, В. Л. Леонтьевой, В. Н. Петровым. Проблемы студентов-иностранцев в России в условиях современных реалий развития высшего образования изучались П. С. Гавриловым, Д. Г. Арсеньев, В. В. Краснощеков, Т. И. Коваленко определяли наиболее перспективные направления интернализации вузов. В работах М. А. Ивановой, И. В. Хариной, О. В. Веревкина представлен социологический портрет иностранных студентов, в частности, студентов из КНР.

Основные результаты исследования

Глобальные явления в российской политико-экономической сфере актуализировали запрос на инновационные решения, способные обеспечить привлечение финансовых ресурсов для эффективного развития экономики. Как показывает практика, именно инновационный потенциал образования становится основой динамичного развития зарубежных национальных экономик, не уступая в этом по значимости производительным факторам, рабочей силе и капиталу. Это обстоятельство усиливает конкуренцию на международном рынке образовательных услуг: вузы конкурируют за иностранных студентов, а следовательно, за влияние и деньги. Именно этот фактор обусловил включение государств в разработку мер по увеличению контингента иностранных студентов и стал триггером многочисленных исследований по выявлению наиболее эффективных методов по привлечению иностранных студентов.

Какие факторы побуждают личность принять решение о переезде в другую страну? Побудительные мотивы международной миграции населения, в частности, молодежи, принявшей решение о продолжении обучения за рубежом, преломляются в концепции американского демографа Э. Ли, который рассматривал миграцию как отражение push/pullfactors (факторы

⁴ *Data for the Sustainable*. URL: <http://uis.unesco.org>; *Finance*. URL: <https://www.education-progress.org/en/articles/finance>

⁵ *Образование в Российской Федерации для иностранных граждан*. URL: [/www.russia.edu.ru](http://www.russia.edu.ru).

⁶ *Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований. 2019. 208 с.*

⁷ *Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 9 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований. 2019. 536 с.*

⁸ *Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. // Росстат. М., P76 2020*. URL: <https://rosstat.gov.ru/>. С.147.

притягивающие и выталкивающие).

Притягивающими факторами Э. Ли называет высокий уровень развития, высокие доходы, а выталкивающими – бедность, безработицу, низкий уровень доходов [Lee, 1966. P. 47–57.].

Решение потенциального студента о продолжении образования в другом государстве с позиций Модели Pull – Push-factors происходит под влиянием отрицательных факторов (факторы отталкивания), наличествующих в стране его проживания:

отсутствует возможность получения нужной специальности;

сложные вступительные испытания;

недостаточное для осуществления профессиональной карьеры качество образования.

Одновременно с факторами отталкивания на принятие решения за пределы своей страны оказывают влияние факторы притяжения государства, рассматриваемого как возможную территорию для миграции:

язык страны, который хочет выучить студент;

культура страны;

социально-экономический статус страны на мировой арене;

перспектива миграции;

престижность диплома вуза. [Савоскул, 2015. С. 56–65.]

Экономическая модель Pull – Push-factors объясняет направление движения студентов характером сложившейся современной мировой системы, когда молодые люди из периферийных стран, желающие получить хорошее образование, мигрируют либо в страны ядра, либо полупериферии, где реализуют свои потребности в условиях высокотехнологичного производства или где им предлагают лучшие образовательные услуги [Сафонова, 2012. С. 98–121]. И если Pull-факторы являются проблемой страны иностранного студента, то усиление привлекательности и формирование привлекательных для иностранных студентов Push-факторов – задача для решения государством и рос-

сийскими вузами. С целью сохранения и увеличения контингента иностранных студентов задействуются различные инструменты, самые эффективные из которых – международные рейтинги вузов⁹.

Стремление вузов к участию в престижных рейтингах обусловлено перспективами привлечения зарубежных ученых и абитуриентов, интеграции в мировое научное сообщество, приобретения солидной академической репутации. Помимо повышения статусности вуза, все это напрямую способствует социально-экономическому развитию страны и региона. Но рейтингование по единым показателям не является универсальным методом, позволяющим отразить реальный уровень деятельности вуза, поскольку содержание любой образовательной системы обусловлено характером конкретной экономической и политической среды, в которой она функционирует. Так, сложившаяся западная практика позиционирует университеты как центры научных исследований и ориентируется на показатели их публикационной активности, тогда как основная деятельность российских вузов направлена на ведение образовательных процессов. Формирование рейтингов исключительно на основании количественных, а не качественных показателей образовательного учреждения не является объективным, тем не менее именно этот фактор и являлся основным препятствием для размещения наших университетов в верхних строчках рейтингов [Махмутова, 2020. С. 78].

Современная ситуация сделала неактуальным для российских вузов стремление попасть в верхние строчки международных рейтингов: наличие публикаций в зарубежных изданиях исключено из перечня ведущих факторов при оценке эффективности научных исследований образовательного учреждения. Это стало ответом на объявление рейтингового агентства QS о прекращении работы в России и исключении из новых рейтингов российских и белорусских вузов из-за ситуации на Украине¹⁰.

⁹ Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований. 2019. 208 с.⁵ Образование в Российской Федерации для иностранных граждан. URL: /www.russia.edu.ru.

¹⁰ Университетам потребуются другие рейтинги. URL: https://www.ng.ru/education/2022-03-09/8_8386_ratings.html

Приходится констатировать, что именно рейтинговые позиции являются преимущественным ориентиром для молодежи мира при выборе ими вуза для обучения [Веревкин, 2017. С. 126–144.]. И тем не менее число иностранных студентов, выбирающих российские вузы для получения высшего образования, до набора 2022 г. неуклонно росло. Количество студентов из-за рубежа в российских вузах в 2010 учебном году составляло 153 тыс. человек; а в 2019/2020 учебном году общее количество иностранных студентов в российских университетах составило уже 315 тыс. человек – это около 8% от общего числа студентов в России, в 2019 г. в России училось 298 тысяч иностранных студентов, в 2020 г. – 315 тысяч, в 2021 г. – 324 тысячи, то есть число иностранных студентов в российских вузах за 10 лет увеличилось почти вдвое. Такие показатели являются убедительным подтверждением повышения имиджа российского образования за рубежом.

Традиционно лидером по обучению иностранных студентов является Центральный федеральный округ (далее – ФО), который принимает около трети всего контингента. По пятой части иностранных студентов приходится на Приволжский и Северо-Западный ФО. Около 10% иностранных студентов обучается в Сибирском ФО. Наименьшее число иностранных студентов принимают Уральский, Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа. По данным социологических исследований, при выборе российских вузов иностранные студенты ориентируются прежде всего на престижность дипломов. Традиционно – это вузы городов Москва, Санкт-

Петербург, Казань¹⁰.

В контексте нашего исследования особого внимания заслуживают результаты опросов, которые свидетельствуют что выбор потенциальными студентами вузов Урала, Сибири и Дальнего Востока обусловлен высоким качеством образовательных услуг, обеспечиваемым вузами отдалённых от центра регионов [Веревкин, 2009. С. 229–238]. Это обстоятельство является аргументом в пользу продуктивности изучения образовательного потенциала дальневосточных вузов для привлечения иностранных студентов. Данные, приведённые в таблице 1, демонстрируют рост сегмента международных мобильных студентов в дальневосточных вузах, что является проявлением доверия к их конкурентоспособности среди вузов других регионов страны.

Статистика показывает, что основной состав иностранных студентов представлен студентами из Китая. Но если на 130 тыс. иностранных студентов в европейской части РФ приходится порядка 20 тыс. китайцев, то на Дальнем Востоке ситуация иная¹¹: подавляющее большинство иностранных студентов вузов Дальнего Востока составляют китайские студенты, что вполне оправдано: Китай – ближайший зарубежный сосед российского Дальнего Востока [Веревкин, 2017. С. 126–144].

В общей сложности на вузы Урала, Сибири и Дальнего Востока приходится около четверти общего количества китайских студентов, обучающихся в России. Эти учебные заведения могут и должны стать неким форпостом продвижения российского образования в Китай [Леонтьева, 2015. С. 229–238].

Таблица 1

**Численность иностранных граждан, обучавшихся в вузах ДФО
в 2007/2008–2017/2018 учебных годах, человек**

2007/ 2008	2008/ 2009	2009/ 2010	2010/ 2011	2011/ 2012	2012/ 2013	2013/ 2014	2014/ 2015	2015/ 2016	2016/ 2017	2017/ 2018
3109	3740	4352	4555	3281	3649	4288	5173	6036	6848	7057

Источник: составлено авторами на материалах источника «Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник». Выпуск 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2019. С. 121–122.

¹¹ Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тыс. чел. 25 ноября 2020. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/new>

Между тем в среде научно-педагогических работников, должностных лиц, причастных к образовательному процессу, нередко выражается мнение о том, что образовательный уровень потенциальных абитуриентов дальневосточных вузов из Китая низок, и будущий выпускник не сможет составить достойную конкуренцию специалистам, имеющим дипломы столичных вузов. Эти вопросы становятся причиной острой полемики, снижая значимость мероприятий по привлечению студентов из Китая.

Действительно, в исследованиях о качестве подготовки китайских студентов есть немало стереотипных утверждений о том, что основная масса иностранных студентов, поступающих в вузы России, есть результат сложившегося в системе образования КНР «отбора», при котором определенное число выпускников школ не могут преодолеть высокий порог требований для поступления в вузы Китая: средний балл их аттестатов ниже 60%, и это закрывает им дорогу как в большинство престижных вузов Китая, так и в вузы европейских стран. Такие студенты, приезжающие на учёбу в вузы Дальневосточного региона, имеют узкий кругозор и низкую учебную мотивацию [Харина, 2013. С. 478.]. Данная точка зрения основывается на более ранних выводах О. А. Веревкина, который утверждает, что мотивы выбора иностранными гражданами учебных заведений России по-прежнему отличает престижность

дипломов столичных вузов, а мотивом поступления в региональные вузы являются щадящие условия поступления и относительно низкая оплата обучения [Веревкин, 2009. С. 247].

Подобные утверждения о принадлежности китайских студентов к нижним социальным слоям и имеющих слабую общеобразовательную подготовку отчасти опровергают данные исследования мотива выбора дальневосточных вузов иностранными гражданами, проведённого учёными Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск) в 2016, 2018 гг. [Никитенко, 2016. С. 103–109].

В ходе исследования Никитенко Е. В. выяснилось, что средний балл аттестатов обучающихся в вузах г. Хабаровска китайских студентов вполне конкурентоспособен на родине и позволял им претендовать на поступление в хорошие вузы страны, но они целенаправленно готовились к поступлению именно в российские вузы, изучая для этого русский язык не менее трех лет. Значительная часть респондентов даже проходили на родине испытание «вэньбао» и успешно справились с ним, но после получения результатов выбрали для поступления учебные заведения России. Это говорит о достаточно хорошей базовой подготовке тех, кто приезжает учиться на Дальний Восток¹² (табл. 2).

Не подтверждается исследованиями Е. В. Никитенко и не менее популярное утверждение, что из Китая на Дальний Восток едут студенты из семей с низким

Таблица 2

Мотивы выбора китайскими студентами российского вуза

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Кол-во ответов	Варианты ответов	Кол-во ответов
Желание родителей	40,6	Хочу заниматься бизнесом	18,6
Нравится русская культура	38,9	Много земляков	16,9
Перспективно	32,2	Устраивает цена за обучение	8,47
Желание учить русский язык	23,7	Хочу жить в России	5,1
Удобно, близко от дома	23,7	Высокое качество обучения	3,4
Хочу работать в России	22,0	-	-

Источник: составлено авторами на основании данных исследования: Никитенко Е. В. Мотивы поступления студентов из КНР в высшие учебные заведения российского Дальнего Востока // *Almatater (Вестник высшей школы)*. 2016. № 7. С. 107.

¹² Почему китайские студенты едут в дальневосточные вузы // *Общество AmurMedia ГОРОД12* октября 2018//. UR: <https://amurmedia.ru/news/741827/>

материальным достатком. Опрос показал, что для абсолютного большинства респондентов стоимость обучения не имела первостепенную важность и не являлась определяющей, когда принималось решение о выборе страны для продолжения обучения.

Большая часть студентов (57,0%) относят доходы своих семей к среднему достатку, четвертая часть (23,7%) опрошенных студентов отмечают, что денег хватает на все, и лишь один из десяти (9,3%) респондентов признались, что испытывают некоторые материальные затруднения (табл. 3).

Студенты пояснили, что они не знакомы не только с ценами в вузах Европы или Америки, но и с предложениями университетов этих стран, так как Россия была единственным вариантом, а связать свою дальнейшую карьеру с Россией они планировали заранее. Решение принималось по совету родителей (40,6%), которые утверждали, что развитие отношений между нашими странами имеет положительную динамику и работа в русско-китайской компании – наиболее перспективный вариант. [Никитенко, 2016. С. 103–109].

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что актуальность проблемы привлечения иностранных студентов активизировала исследовательский интерес к этой теме. Но современные российские разработки в данной области в большинстве своем основаны на количественной методологии; трудов, включающих содержательный анализ, в российской исследовательской практике значительно меньше. Внешние и внутренние факторы, влияющие на выбор вуза иностранными

студентами, выявленные 5, а тем более 10 лет назад, сегодня уже недостаточно релевантны, так как современный мир меняется стремительно, и ориентация образовательного учреждения на непродуктивные критерии может существенно снизить эффективность кейс-мероприятий, проводимых вузом в этом направлении.

Для получения более точных и объективных данных в ноябре 2021 г. Приамурским государственным университетом был проведен социологический онлайн-опрос «Мотивы выбора дальневосточных вузов молодежью из зарубежных стран» (метод – самозаполнение анкет посредством открытого онлайн-опроса с помощью сервисов Google Forms и Yandex Forms; выборка – мужчины и женщины от 16 до 36 лет, иностранные студенты и те, кто намерен продолжить обучение в России, в частности, в вузах Дальнего Востока; география – страны АТР, СНГ, ближнего и дальнего зарубежья, 1225 чел., выборка случайная) (табл. 4).

Анализ полученных данных и сравнение их с результатами проводимых ранее аналогичными исследованиями не выявил существенных различий в мотивах принятия иностранными студентами решения о продолжении учёбы в российских вузах.

Как следует из ответов респондентов, по-прежнему основным мотивирующим фактором для поступления в вузы Дальнего Востока является мнение родных и знакомых (47,5%), следующие по значимости мотивы, влияющие на принятие решения потенциальным студентом, – внешние: наличие общежития (33%). При этом мотив «доступная стоимость обучения» (32%), вошедший в тройку са-

Таблица 3

Оценки уровня доходов своих семей у себя на родине студентами из КНР

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Денег хватает только на продукты	5,0
Денег хватает на продукты и одежду, не можем позволить себе предметы длительного пользования (бытовая техника и проч.)	13,6
Денег хватает на продукты, одежду и товары длительного пользования, но не можем позволить себе дорогие покупки (квартира, машина)	57,6
Денег хватает практически на всё	23,7

Источник: составлено авторами на основании данных исследования Е. В. Никитенко «Мотивы поступления студентов из КНР в высшие учебные заведения российского Дальнего Востока» // *Altamater (Вестник высшей школы)*. 2016. № 7. С. 103–109.

мых привлекательных факторов для потенциальных студентов, обусловил отличие от проведённых ранее исследований Е. В. Никитенко. Думаем, что это связано с охватившей большую часть планеты пандемией COVID – 19, существенно снизившей уровень материального достатка значительной части населения. Справедливо, что на этом фоне доступные цены в городе, где находится вуз (25,7%), также являются привлекательным фактором для респондентов. Безопасность проживания (25,1%), наличие в вузе знакомых студентов (25,0%) являются равноценными по силе мотива выбора вуза.

Нельзя не отметить тот факт, что четвертая часть (26%) респондентов хорошо владеют русским языком, что говорит о целенаправленной сознательной подготовке к поступлению в российские вузы.

Выявление эффективных информационных каналов – одно из ведущих направлений в продвижении информации о вузе среди его потенциальных потребителей образовательных услуг. Результаты исследования источников информации об обучении в вузе Дальнего Востока представлены в таблице 5.

Каналом выбора страны и вуза обучения для каждого третьего является

информация в Интернете, в том числе размещённая на сайте вуза (36,0%). Четвертая часть опрошенных указала на наличие знакомых в стране и университете (25%). Но самыми эффективными каналами выбора страны и конкретного вуза обучения эффективным являются, согласно опросам, советы друзей, родственников (47,5%).

Логично предположить, что рекламирование вуза его выпускниками, а также обучающимися студентами является наиболее эффективным и малозатратным средством рекрутирования учащихся. Но данный канал продвижения вуза несёт в себе определенные риски. Как показало исследование Е. В. Никитенко, даже среди студентов, которые в целом полученное в России образование плохим не считают, выявились такие, которые заявили, что обучение в данном вузе ни в коем случае не порекомендуют ни своим родственникам, ни знакомым. Причиной такой категоричности являются условия учебного заведения, в которых проходило их обучение [Никитенко, 2016. С. 103–109].

Такое высказывание не может не насторожить: как показывают исследования, для потенциальных студентов из Китая одним из самых убедительных

Таблица 4

Мотивы принятия решения учиться на Дальнем Востоке и в данном вузе

(в % от числа опрошенных. По методике опроса респонденты имели возможность отметить несколько вариантов ответов)

Варианты ответов	%	Варианты ответов	%
Совет родственников и знакомых	47,5	Доступные цены в городе, где находится вуз	25,7
Наличие условий для проживания (общежитие)	33,0	Безопасность проживания	25,1
Доступная стоимость обучения	32,5	Наличие в вузе знакомых студентов	25,0
Хорошее владение русским языком	26,0	Возможность трудоустроиться в России после окончания обучения	20,3

Источник: составлено авторами.

Таблица 5

Источники информации об обучении в вузе Дальнего Востока

(в % от числа опрошенных. По методике опроса респонденты имели возможность отметить несколько вариантов ответов)

Варианты ответов	%	Варианты ответов	%
Родственники и знакомые	47,5	Социальные сети	21,5
Наличие информации в Интернете	36,0	Национальное министерство образования нашего государства	14,4
Сайт вуза в Интернете	32,0	СМИ (буклеты, информация по ТВ)	9,0
От тех, кто учился здесь раньше	30,1	Рекламные проспекты	7,9

Источник: составлено авторами.

источников информации о зарубежном вузе являются отзывы прошедших в нем обучение земляков. И один негативный отзыв может перевесить несколько положительных. Поэтому руководству вузов необходимо учитывать: важно, чтобы китайские студенты, в подавляющем большинстве своем опирающиеся на социальные сети, выносили из вуза только положительное впечатление.

Какие же факторы для зарубежных студентов являются наиболее значимыми? Из шести предложенных нами (хорошее общежитие; современный кампус; высокое качество обучения; безопасность города; дружелюбность студентов и преподавателей; возможности города (кафе, магазины, спортивные объекты)) респонденты выбрали пять, расположив приоритеты по степени важности: безопасность города (85%); высокое качество обучения (81%); хорошее общежитие (45%); современный кампус (39%); дружелюбие студентов и преподавателей (20%).

Считаем заслуживающим особое внимание тот факт, что социокультурные, социально-экономические возможности города не указаны респондентами среди предпочтительных условий, что при определенных условиях повышает шансы вузов небольших дальневосточных городов на привлечение иностранных студентов (рис. 1).

И если качество обучения, взаимоотношение студентов и преподавателей – в основном задачи вуза, то хорошее общежитие, современный кампус, безопасность города – забота преимущественно региональных и федеральных структур,

органов власти.

Приходится констатировать, что конкурентоспособность вузов Дальнего Востока на рынке экспорта образовательных услуг существенно осложнилась охватившей большую часть планеты пандемией COVID-19, которая ощутимо затормозила процессы интернационализации и экспорта российского образования. С большой долей вероятности можно говорить о наибольшем спаде численности студентов из Китая. Такая перспектива представляет серьезную угрозу вузам Дальнего Востока, для которых китайцы составляют основной контингент иностранных студентов [Минаева, 2020. С. 3].

Осложняет ситуацию с набором иностранных студентов (если не сказать, что она близка к катастрофической) беспрецедентная санкционная политика Запада по отношению к России: запрет на авиаперелеты, отключение от системы банковской системы SWIFT. Добавило драматизма в ситуацию намерение России выйти из Болонского процесса, что прогнозируемо приведет к сокращению студентов из стран СНГ.

В складывающихся условиях наибольшую актуальность приобретают задачи создания необходимых условий для предотвращения массового оттока иностранных студентов из России, сохранив тем самым их контингент за счет поддержания высокого качества образования с освоением и широким внедрением в образовательный процесс новых форматов обучения: онлайн-технологий, гибридных форм образования. Это позволит сохранить численность иностранных студен-

Рис. 1. Значимые факторы, влияющие на выбор вуза Дальнего Востока (в % от числа опрошенных)

тов, не имеющих возможность выехать к месту учёбы, создать привлекательные, востребованные ими условия.

Выводы

Обучение иностранных студентов в вузах Российской Федерации – положительный фактор не только для экономики страны, но и для повышения престижа отечественного образования за рубежом. Устойчивый растущий интерес иностранных граждан к получению российского образования обусловлен оптимальным соотношением цены и качества образования; большим выбором программ и вузов; высоким статусом выпускника российского вуза на родине студента и, следовательно, лучшими карьерными перспективами; возможностью иммигрировать в Россию после учёбы.

Основа хорошей репутации вуза – качество образования. Репутацией вузов, обеспечивающих высокое качество обучения, среди иностранных студентов пользуются вузы Урала, Сибири и Дальнего Востока, что обеспечивает им конкурентное преимущество перед престижными вузами центральных регионов России. Кроме того, у вузов Дальнего Востока есть реальное преимущество перед столичными благодаря доступной стоимости обучения и проживания, приемлемому уровню безопасности, что даёт хороший ресурс влияния на мотивацию выбора иностран-

ным студентом именно регионального вуза для получения образования.

Имманентное свойство небольших по численности студентов дальневосточных вузов обеспечивает возможность осуществления индивидуально ориентированного подхода к иностранному студенту: вести контроль за учебной деятельностью и бытовой устроенностью, своевременно выявлять его проблемы и потребности, реагировать на запросы, принимать превентивные меры для предотвращения конфликтов – все это позволяет существенно понизить градус родительской тревоги за своего ребёнка, уехавшего учиться далеко за пределы родной страны. Такой подход отвечает запросу объективных общественных процессов, сформированных в зарубежных странах, в частности Китае, которые обозначили направленность концепции обучения иностранных студентов на усиление личностной компоненты.

Не подлежит сомнению, что интенсивное поощрение процесса учебной миграции иностранных студентов в вузы Дальнего Востока России в условиях непростой социально-политической ситуации требует комплексного подхода к объединению государственных и частных интересов на всех уровнях, без чего успешность российского образования на международном рынке будет существенно затруднена.

Список источников:

1. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранные студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований. 228 с.
2. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Особенности формирования контингента иностранных учащихся в Российской Федерации // Современные исследования миграции населения: сборник статей / Под ред. Е. В. Донец, О. С. Чудиновских. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. 2015. 150 с.
3. Арефьев А. Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. М. ЦСП. 2007. С.452–456.
4. Вашурина Е. В., Вершинина О. А., Газиева Ч. Ф., Евдокимова Я. Ш., Крылов А. А., Мухамедиева С. А., Павлова О. В., Хайдаров Ф. А. Привлечение иностранных студентов в Российские университеты. Практическое руководство: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2016. 234 с.
5. Веревкин О. Л. Использование потенциала российских вузов для подготовки иностранных студентов // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3. С. 126–144.
6. Веревкин О. Л. Мотивы приезда иностранцев на учёбу в Россию // Мониторинг

общественного мнения. 2009. № 4(92). С. 245–251.

7. Леонтьева Э. О., Никитенко Е. В. Иностранцы студенты как потенциальный ресурс российских университетов: есть ли шанс у дальневосточных вузов // Вестник ТОГУ. 2015. № 2. С. 229–238.

8. Махмутова Е. В. Особенности интеграции иностранных студентов в российское образовательное пространство // Власть. 2020. Том 28. № 1. С. 77–84.

9. Минаева Е. А. Изменения в работе вузов по привлечению иностранных студентов в период пандемии // Мониторинг экономики образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 2020. С.3.

10. Никитенко Е. В. Мотивы поступления студентов из КНР в высшие учебные заведения российского Дальнего Востока // Almamater (Вестник высшей школы). 2016. № 7. С. 103–109.

11. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 2019. 208 с.

12. Савоскул М.С. Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // Региональные исследования. 2015. № 4(50). С. 56 – 65.

13. Сафонова М. А. Институционально-исторические основания системы международной студенческой мобильности // Социология науки и технологий. 2012. С. 98– 121.

14. Харина И. В. Региональные особенности формирования поликультурной компетентности иностранных студентов в образовательном пространстве российского дальневосточного вуза // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 478.

15. Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. № 3. P 47–57.

References:

1. Arefiev A. L., Sheregi F. E. Foreign students in Russian universities. Section one: Russia in the international education market. Section two: Formation of a contingent of foreign students for Russian universities [Electronic resource] / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Moscow: Center for Sociological Research: 228. (In Russ.)

2. Arefiev A. L., Sheregi F. E. (2015) Peculiarities of formation of the contingent of foreign students in the Russian Federation in Modern studies of population migration: collection of articles / Ed. E. V. Donets, O. S. Chudinovskikh. M.: Faculty of Economics of Moscow State University named after M. V. Lomonosov: 150. (In Russ.)

3. Arefiev A. L. (2007) Russian universities in the international market of educational services. M. TsSP.: 452–456. (In Russ.)

4. Vashurina E. V., Vershinina O. A., Gazieva Ch. F., Evdokimova Ya. Sh., Krylov A. A., Mukhamedieva S. A., Pavlova O. V., Khaidarov F. A. (2016) Foreign students to Russian universities. Practical guide: monograph. Yekaterinburg: Publishing House Ural. university: 234. (In Russ.)

5. Verevkin O. L. (2017) Using the potential of Russian universities to train foreign students *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice]. No. 3: 126–144. (In Russ.)

6. Verevkin O. L. (2009) Motives for the arrival of foreigners to study in Russia *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion]. No. 4(92): 245–251. (In Russ.)

7. Leontieva E. O., Nikitenko E. V. (2015) Foreign students as a potential resource of Russian universities: is there a chance for Far Eastern universities *Vestnik TOGU* [Bulletin of the TOGU]. No. 2: 229–238. (In Russ.)

8. Makhmutova E. V. (2020) Features of the integration of foreign students in the Russian educational space *Vlast'* [Power]. Vol. 28. No. 1: 77–84. (In Russ.)

9. Minaeva E. A. (2020) Changes in the work of universities to attract foreign students during the pandemic *Monitoring ekonomiki obrazovaniya Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»* [Monitoring the Economics of Education National Research University Higher School of Economics]: 3. (In Russ.)

10. Nikitenko E. V. (2016) Motives for students from China to enter higher educational institutions of the Russian Far East *Almamater (Vestnik vysshey shkoly)* [Almamater (Vestnik vysshei shkoly)]. No. 7: 103–109. (In Russ.)
11. Education of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation: Statistical compendium. Issue 16 / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Moscow: Center for Sociological Research, 2019: 208.
12. Savoskul M. S. (2015) Review of theories of international migration of the population in the second half of the 20th century *Regional'nyye issledovaniya* [Regional studies]. No. 4(50): 56–65. (In Russ.)
13. Safonova M. A. (2012) Institutional and historical foundations of the system of international student mobility *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of science and technology]: 98–121. (In Russ.)
14. Kharina I. V. (2013) Regional features of the formation of multicultural competence of foreign students in the educational space of the Russian Far East University *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 1: 478. (In Russ.)
15. Lee E. A Theory of Migration (1966) *Demografiya* [Demography]. No. 3: 47–57.

Статья поступила в редакцию 28.04.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 17.05.2022.

The article was submitted 28.04.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 17.05.2022.

Информация об авторах

Любовь Григорьевна Невеличко – кандидат социологических наук, доцент кафедры сервиса, рекламы и социальной работы, Inevelichko@bk.ru;

Наталья Геннадьевна Баженова – кандидат педагогических наук, доцент, ректор Приамурского государственного университета им.Шолом-Алейхема, rectorat@pgusa.ru;

Наталья Геннадьевна Богаченко – кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе и инновациям, nataliya-bogachenko@yandex.ru;

Руслан Иванович Баженов – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой информационных систем, математики и правовой информатики, r-i-bazhenov@yandex.ru;

Ирина Михайловна Воротилкина – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы, btb-irina@rambler.ru.

Information about the authors

Lyubov G. Nevelichko – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of service, advertising and social work, Inevelichko@bk.ru;

Natalya G. Bazhenova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Rector the Sholom-Aleichem Priamurskiy State University, rectorat@pgusa.ru;

Natalya G. Bogachenko – Candidate of Philology, Associate Professor, Vice-Rector for research and innovation, nataliya-bogachenko@yandex.ru;

Ruslan I. Bazhenov – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the chair of information systems, mathematics and legal informatics, r-i-bazhenov@yandex.ru;

Irina M. Vorotilkina – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the chair of service, advertising and social work, btb-irina@rambler.ru.

Научная статья

УДК 316.3:351.75

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-194-209

Социальный потенциал участия граждан в деятельности народных дружин: региональный аспект

Евгений Алексеевич Клеймёнов

Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия,
yevgeni-kl1@yandex.ru

Аннотация. Статья написана с целью определения ключевых направлений расширения участия граждан в деятельности народных дружин на региональном уровне: в Хабаровском крае. Эмпирической базой представленного анализа послужили массовые и экспертные социологические опросы, индивидуальные экспертные интервью. В качестве главного объекта исследования выступило студенческое сообщество региона. Автором установлено, что социальный потенциал студенческого сообщества Хабаровского края по участию в народных дружинах обширен, о чем свидетельствуют стабильно высокий уровень доверия полиции, а также степень готовности молодых людей прийти на помощь людям, чьи права нарушают в общественных местах. Изменение данного потенциала может происходить под воздействием ряда выявленных факторов. К ним относятся способы участия потенциальных членов народных дружин в предупреждении и пресечении противоправного деяния, форма содействия полиции, половая принадлежность опрошенных, специальность (направление подготовки) обучающихся, характер и каналы освещения деятельности сотрудников полиции. Базовым условием увеличения числа желающих вступить в ряды народных дружинников должен стать рост уровня доверия полиции. Залогом такого роста, по мнению опрошенных обучающихся, является повышение эффективности, качества работы сотрудников полиции, достигаемого в том числе за счет развития навыков уважительного, корректного общения с гражданами. В свою очередь, принявшие в исследовании правоохранители указывают, что результативность их деятельности, прежде всего, зависит от степени укомплектованности подразделений органов внутренних дел личным составом.

Ключевые слова: народные дружины, социальный потенциал, студенческое сообщество, полиция

Для цитирования: Клеймёнов Е. А. Социальный потенциал участия граждан в деятельности народных дружин: региональный аспект // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 194–209. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-194-209>

Social Potential of Citizens' Participation in the Activities of People's Teams: Regional Aspect

Evgeniy A. Kleymyonov

The Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia, yevgeni-kl1@yandex.ru

Abstract. The article was written in order to identify the key areas for expanding participation of the citizens in the activities of people's squads at the regional level: in the Khabarovsk territory. Empirical basis of the presented analysis was the mass and expert sociological surveys, individual expert interviews. The student community

of the region acted as the main object of the study. The author found that the social potential of the student community of the Khabarovsk territory to participate in the people's squads is extensive, as evidenced by the consistently high level of trust in the police, as well as the degree of willingness of young people to come to the aid of people whose rights are violated in public places. A change in this potential can occur under the influence of a number of identified factors. These include ways of participation of potential members of the people's squads in the prevention and suppression of an illegal act, the form of assistance to the police, the gender of the respondents, the specialty (field of training) of students, the nature and channels of coverage of the activities of police officers. Basic condition for increasing the number of people wishing to join the ranks of people's squads should be an increase in the level of confidence in the police. The key to such growth, according to the students surveyed, is to increase the efficiency and quality of work of police officers, which is achieved, among other things, through the development of skills of respectful, correct communication with citizens. In turn, the law enforcement officers who took part in the study indicate that the effectiveness of their activities, first of all, depends on the degree of staffing of the departments of the internal affairs bodies with personnel.

Keywords: people's squads, social potential, student community, police

For citation: Kleymyonov E. A. Social Potential of Citizens' Participation in the Activities of People's Teams: Regional Aspect // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 194–209. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-194-209>.

Актуальность исследования

В условиях нормативного закрепления в современной России партнерской модели взаимодействия полиции и общества¹, одним из базовых принципов деятельности указанной правоохранительной структуры стал принцип взаимодействия и сотрудничества (статья 10 Закона «О полиции»²). Он предполагает двунаправленную коммуникацию: с одной стороны, органы власти и управления, организации и граждане оказывают содействие полиции в решении возложенных на нее задач, в том числе в деле охраны общественного порядка, с другой – полиция способствует реализации инициатив, исходящих от перечисленных социальных субъектов, по вопросам обеспечения законности и правопорядка.

Механизм содействия полиции гражданами был конкретизирован в 2014 г.³

Ключевыми формами содействия полиции стали информирование правоохранительных органов о правонарушениях и об угрозах общественному порядку, внештатное сотрудничество с полицией, поиск людей, пропавших без вести, участие в мероприятиях по охране общественного порядка, в том числе в составе объединений правоохранительной направленности, народных дружин.

Результаты возрождения народных дружин в современной России оцениваются исследователями неоднозначно. Одни ученые, как правило, в области юриспруденции, свидетельствуют, что формы совместной деятельности полиции и граждан [Ханин, 2016; Маркина, Сосновская, 2017], в том числе по линии работы народных дружин [Ильченко, 2020; Калинина, 2020; Парамонов, Харин, 2020] сегодня развиваются и по-

¹ Полиция и дружина. Статс-секретарь МВД России Игорь Зубов: Готовятся новые законопроекты об участии граждан в охране порядка // Российская газета. 2013.

² Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

³ Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Справочная правовая система «Консультант Плюс» (далее – «Закон об участии граждан в охране общественного порядка»).

казывают достаточно высокий уровень эффективности обеспечения правопорядка. В других научных изысканиях, как правило, основанных на результатах социологических опросов, более критично оцениваются результаты и условия работы народных дружин (далее также – «НД»). К ключевым преградам деятельности народных дружин, выявленным в результате анализа социальных практик, отражающих такую деятельность, относятся невысокая степень информированности населения о деятельности дружин [Вайсбург, 2021], слабая мотивированность граждан на работу в их составе⁴, формальный характер создания народных дружин, недостаточное желание отдельных сотрудников полиции взаимодействовать с дружинниками [Ходжаева, 2019].

Возникновение и воспроизводство обозначенных сложностей, на наш взгляд, обусловлено, в том числе недооценкой готовности, социального потенциала взаимодействия общества с органами власти и управления, граждан и полиции. Необходимость измерения такого потенциала обоснована доктринально [Половинкин, 2012; Меньшикова, 2019].

В литературе социальный потенциал типично понимается как находящиеся в резерве латентные возможности того или иного объекта, которые способны реализоваться при благоприятно разворачивающихся условиях [Лесина, 2015].

Эмпирическая база исследования

С учетом данного определения и обозначенной гносеологической потребности автором был проведен ряд социологических исследований в Хабаровском крае, направленных на изучение социального потенциала участия граждан в деятельности народных дружин.

Главным объектом исследований вы-

ступили студенты образовательных организаций высшего образования Хабаровского края (далее также – «ВУЗы»)⁵. Почему именно они? Дело в том, что в рамках интервью представителей научно-педагогического сообщества региона⁶ по проблемам взаимодействия полиции и общества в крае, студенческая молодежь отмечалась большинством интервьюируемых как наиболее перспективная социальная группа для пополнения рядов народных дружин: «дружинниками должны быть, скорее всего, люди из числа молодёжи, студенты старших курсов. Есть же волонтерские отряды, студотряды», «студенты, молодежь ... ей нужно самореализоваться», «студенческая молодёжь самая активная, потому что она организованная. С ней проще работать», «встречи по привлечению людей к работе в народных дружинах должны приоритетно проходить в тех организациях, где есть студенты, волонтеры, поскольку они ищут точку применения, возможность проявить себя», «В связи с тем, что крупных промышленных предприятий практически нет, коллективов рабочих нет, а с других структур у нас остаются либо, учащиеся в школе, либо студенты. Школьников к этому делу привлечь нельзя. Значит, только студентов». Данный вывод подтверждается исследованиями и других авторов, проведенными в Хабаровском крае [Зубок, Березутский, 2020].

В качестве экспертов нами были также опрошены сотрудники полиции, курирующие деятельность народных дружин в муниципальных образованиях края: в двух городских округах и в шестнадцати муниципальных районах края (n=18, 2021).

Кроме того, в качестве экспертов нами рассматривались и были опрошены на-

⁴ Аналитический обзор «Волонтеры помогают пострадавшим от пандемии» // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-pomogayut-postradavshim-ot-pandemii>.

⁵ Массовый опрос студентов (апрель-май 2021 года, n = 404) в 9 образовательных организациях высшего образования Хабаровского края по многоступенчатой выборке, репрезентативной по местам обучения студентов (города Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре), полу обучаемых и профилю подготовки студентов (социально-гуманитарный и технический (естественно-научный)).

⁶ В интервью приняли участие специалисты в области социально-гуманитарного знания (социологи, политологи, правоведы, историки) из числа научно-педагогических работников ВУЗов Хабаровского края (2021, n = 10).

родные дружинники, поскольку они в наибольшей степени погружены в социальные практики, возникающие в работе народных дружин. Нами были опрошены члены народных дружин, функционирующих в краевой столице, г. Комсомольска-на-Амуре, а также в муниципальных районах края (далее также – «дружинники», «народные дружинники») (2021, n = 35).

Анализ результатов исследования

В связи с тем, что деятельность народных дружин нормативно ориентирована, прежде всего, на совместную с органами власти и управления охрану общественного порядка⁷, в качестве критериев, определяющих потенциал взаимодействия с полицией, нами были определены, во-первых, способность опрошенных прийти на помощь другим людям, в отношении которых совершаются или могут совершаться правонарушения в общественных местах, во-вторых, ориентации обучающихся оказать содействие полиции в реализации, возложенных на неё функций, и в-третьих, готовность вступить в ряды народной дружины.

Характеризуя первый индикатор, следует отметить, что абсолютное большинство респондентов (92,3%) выразили желание прийти на помощь другим людям, в отношении которых совершаются или могут совершаться противоправные действия (насилие, угрозы его применения, хищение или повреждение имущества и т. д.) в общественных местах (на улицах, парках, скверах, подъездах многоквартирных домов).

В основе коллективных установок студентов по защите интересов других людей лежит прагматическое понимание того, что на месте потерпевшего в следующий раз может оказаться сам опрошенный или его родные и близкие (65,1%). Около половины опрошенных также указали на то, что не могут пройти мимо чуждой беды, поскольку жертвенные навыки поведения приобрели в результате первичной социализации – так воспитаны

(49,1%), при этом каждый третий указал на то, что злу необходимо сопротивляться активно, в этом случае оно может быть остановлено и наказано (32,9%).

Несмотря на то, что практически все респонденты сообщили о том, что не останутся в стороне в случае посягательств на права других граждан, большинство из них не готово лично заступиться за интересы другого человека. Это вполне объяснимо: чем выше вероятность вступления в непосредственный очный контакт с правонарушителями, тем выше вероятность наступления неблагоприятных последствий для самого пресекающего лица (табл. 1).

В связи с этим опрошенные студенты приоритетно предпочитают привлечь третьих лиц (правоохранителей, прохожих, друзей, знакомых) к пресечению противоправного деяния (табл. 1).

Причем, к таким, более безопасным, формам защиты прав других граждан закономерно более склонны опрошенные женского пола. Напротив, физически воспрепятствовать противоправным деяниям нацелены, прежде всего, студенты-мужчины. Вместе с тем последние в меньшей степени ориентированы на контакты со стражами правопорядка, равно как и на реализацию иных форм правозащитной деятельности (табл. 2), что во многом соответствует ранее выявленным проявлениям социальной активности молодежи в распределении по полу [Зубок, Березутский, 2020].

Примерно такое же распределение по полу фиксируется и в ответах на вопрос о формах, в рамках которых студенты готовы прийти на помощь сотрудникам полиции в решении, стоящих перед ними задач: за исключением содействия в задержании правонарушителя, сопряженного, как правило, с применением физической силы, более высокую готовность помогать полиции показывают студенты женского пола. При этом любопытно, что повышенный уровень потенциальной вовлеченности студентов-девушек в содей-

⁷ Народная дружина – основанное на членстве общественное объединение, участвующее в охране общественного порядка во взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления (статья 2 Закона об участии граждан в охране общественного порядка).

ствие полиции проявляется не только по линии относительно пассивных форм такого содействия (участие в процессуальных действиях в качестве понятого, сви-

детеля), но и по направлениям активной помощи стражам правопорядка (поиск лиц, пропавших без вести, охрана общественного порядка) (табл. 3).

Таблица 1

Результаты ответов опрошенных студентов на вопрос: «Если Вы готовы прийти на помощь другим людям, в отношении которых совершаются или могут совершаться противоправные действия (насилие, угрозы его применения, хищение или повреждение имущества и т. д.) в общественных местах (на улицах, парках, скверах, подъездах многоквартирных домов), то в какой форме Вы, как правило, готовы были бы это сделать?» (в %)

Вариант ответа	%
1. Сообщить по телефону о возникшей ситуации в правоохранительные органы, в «службу спасения» (112)	58,2
2. Обратиться за помощью к находящимся рядом другим гражданам, привлечь их внимание к возникшей ситуации	44,6
3. Лично вмешаться в ситуацию и при помощи устного замечания, окриков, жестов воспрепятствовать противоправным деяниям или предупредить их	43,3
4. Лично вмешаться в ситуацию и, если необходимо, физически воспрепятствовать противоправным деяниям или предупредить их	35,1
5. При помощи средств фото- и видеофиксации (мобильного телефона, фотоаппарата) заснять происходящую ситуацию для дальнейшего доказательства характера и степени опасности совершаемого деяния	33,7
6. Сообщить друзьям, знакомым и попросить их о помощи	7,4

Источник: результаты социологических опросов, проведенных автором.

Таблица 2

Распределение форм помощи опрошенных студентов другим людям, в отношении которых совершаются или могут совершаться противоправные действия в общественных местах, по полу (в %)

Вариант ответа	пол	
	мужской	женский
1. Лично вмешаться в ситуацию и, если необходимо, физически воспрепятствовать противоправным деяниям или предупредить их	52,3	18,8
2. Сообщить по телефону о возникшей ситуации в правоохранительные органы, в «службу спасения» (112)	46,2	69,6
3. Лично вмешаться в ситуацию и при помощи устного замечания, окриков, жестов воспрепятствовать противоправным деяниям или предупредить их	43,7	43,0
4. Обратиться за помощью к находящимся рядом другим гражданам привлечь их внимание к возникшей ситуации	33,5	55,1
5. При помощи средств фото- и видеофиксации зафиксировать происходящую ситуацию для дальнейшего доказательства характера и степени опасности совершаемого деяния	28,9	38,2
6. Сообщить друзьям, знакомым и попросить их о помощи	6,6	8,2

Источник: результаты социологических опросов, проведенных автором.

Таблица 3

Распределение по полу ответов на вопрос: «В каких формах содействия полиции Вы бы могли принять участие, если бы к Вам за помощью обратился сотрудник полиции?»

(в % от числа опрошенных соответствующей категории)

Вариант ответа	ПОЛ		всего
	мужской	женский	
1. Участие в качестве свидетеля в установлении обстоятельств правонарушения	40,6	53,1	47,0
2. Участие в качестве свидетеля в опознании правонарушителя	34,5	48,8	41,8
3. Поиск людей, пропавших без вести	31,5	48,8	40,3
4. Оказание первой помощи гражданам при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью.	31,5	34,8	33,2
5. Участие в процессуальных действиях в качестве понятого	26,9	35,7	31,4
6. Содействие в задержании правонарушителя	33,5	25,6	29,5
7. Информирование сотрудников правоохранительных органов о правонарушениях и об угрозах общественному порядку	20,3	24,6	22,5
8. Участие в распространении правовых знаний, разъяснении норм поведения в общественных местах (проведение просветительских бесед в образовательных организациях, участие в акциях, флешмобах по гражданскому воспитанию и т. д.)	11,7	20,8	16,3
9. Внештатное сотрудничество с полицией на постоянной основе	16,8	13,5	15,1
10. Участие в мероприятиях по охране общественного порядка (патрулирование улиц, проведение профилактических бесед с гражданами и т. д.)	10,2	15,0	12,6
11. Охрана места происшествия, в том числе обеспечение сохранности вещественных доказательств совершения правонарушения	13,2	7,7	10,4
12. Участие в работе совещательных органов по вопросам охраны общественного порядка, создаваемых в правоохранительных органах	8,1	9,7	8,9
13. Ни в каких формах – в чем-либо помогать полиции желания нет	8,1	3,4	5,7

Источник: результаты социологических опросов, проведенных автором.

Несмотря на это в целом студенческая молодежь региона, как видим, ориентирована, главным образом, на условно пассивные формы работы с полицией: участие в процессуальных действиях в качестве свидетеля, понятого. Центральное направление деятельности народных дружин, охрана общественного порядка, не находит значимой поддержки в кол-

лективных установках опрошенных. Не вызывают энтузиазма и другие активные формы содействия полиции: распространение правовых знаний, внештатное сотрудничество с полицией.

Наиболее востребованным среди таких форм выступает поиск людей, пропавших без вести. В этом помочь полиции готовы 40,3% опрошенных респондентов.

Если говорить предметно о готовности участия студенческого сообщества края в деятельности народных дружин, то необходимо отметить, что коллективное сознание студентов в этом плане немонолитно (табл. 4).

Как видим, относительное большинство опрошенных (49,5%), несмотря на то, что признают важность существования народных дружин в регионе (48,3%), вероятнее всего, откажутся от участия в работе дружин. Вместе с тем каждый десятый выразил желание работать в народных дружинах безвозмездно для выполнения всех задач, стоящих перед данными объединениями правоохранительной направленности, столько же сообщили о готовности работать в составе

народных дружин в целях поиска людей, пропавших без вести, а каждый восьмой изъявил желание вступить в ряды дружинников для разрешения конкретной ситуации, требующей вмешательства граждан, общественности.

При этом интересно, что среди тех, кто доверяет полиции, откажется от участия в работе НД 8,1% опрошенных, тогда как среди тех, кто не доверяет полиции – в относительном выражении в три раза больше: 23,0%. Данное замечание позволяет заключить, что доверие полиции в значительной степени предопределяет вероятность вступления представителей студенческого сообщества в НД.

Распределение тех, кто доверяет полиции по полу, показало, что с большим

Таблица 4

Результаты ответов опрошенных студентов на вопрос: «Если бы Вам предложили участвовать в деятельности народной дружины, то, как бы Вы, скорее всего, отреагировали на такое предложение?» (в %)*

вариант ответа	%
1. Ни при каких обстоятельствах не принял бы участия в деятельности народной дружины	13,4
2. Скорее всего, отказался от участия в деятельности народной дружины	36,1
3. Вступил бы в народную дружину безусловно – без дополнительных вознаграждений для выполнения всех задач, стоящих перед дружинниками, в том числе функции по охране общественного порядка (патрулирование улиц, участие в процессуальных действиях в качестве понятого и т.д.)	10,4
4. Вступил бы в народную дружину безвозмездно – для выполнения функции по поиску людей, пропавших без вести	11,1
5. Вступил бы в народную дружину безвозмездно – для выполнения функции по пропаганде правовых знаний, разъяснения вопросов безопасности (личной, противопожарной и др.), проведения воспитательных бесед	6,2
6. Принял бы участие в деятельности народной дружины, но не на постоянной основе, а для разрешения конкретной проблемной ситуации, требующей вмешательства простых людей, общественности	15,8
7. Вступил бы в народную дружину при условии наличия определенных вознаграждений, льгот, гарантий, компенсаций	7,4
8. Принял бы участие в работе народной дружины при наличии большего количества свободного времени	13,1
9. Вступил бы в народную дружину, если бы знал о том, что дружины реально кому-то помогают, делают жизнь сограждан более безопасной (кого-то нашли, спасли, задержали и т.д.)	8,9
10. Вступил бы в народную дружину, если бы у дружинников были реальные полномочия по пресечению и предотвращению правонарушений – если бы дружинники гарантированно защищались в правовом отношении	9,7

* Сумма ответов превышает 100%, поскольку по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Источник: результаты социологических опросов, проведенных автором.

доверием к правоохранителям относятся девушки (рис. 1), а значит, последние в большей степени готовы к сотрудничеству с полицейскими. Данный вывод подтверждается и другими эмпирическими изысканиями⁸ [Потапов, 2013].

С учетом данного обстоятельства, принимая во внимание, что народным дружинникам при участии в охране общественного порядка по общему правилу запрещается применять физическую силу для пресечения правонарушений⁹, а их деятельность осуществляется в неразрывном взаимодействии с ОВД, рекрутация кадров для народных дружин среди девушек в студенческом сообществе в количественном отношении представляется более перспективной.

Если говорить о распределении студенческого сообщества по специальностям (направлениям подготовки), то исследование показало, что в наибольшей степени склонны к солидарности с правоохранителями обучающиеся гуманитарного профиля, в меньшей степени – студенты технических специальностей. Связано это, на наш взгляд, не с более высоким уровнем гражданского правосознания гуманитариев, заданным обществоведческим уклоном их подготовки, а с соотношением полов по гуманитарным и техническим специальностям. Общеизвестно,

что студенты женского пола преимущественно обучаются по специальностям гуманитарного цикла, а студенты-мужчины в численном выражении доминируют при обучении по техническим специальностям. Из этого следует, что набор волонтеров для работы в народных дружинах, как нам представляется, должен осуществляться, прежде всего, на факультетах образовательных организаций социально-гуманитарного профиля просто потому, что там обучается больше студентов женского пола, которые, как показывают вышепредставленные данные, более ориентированы на сотрудничество с правоохранительными органами.

Обозначенное соотношение полов при обучении по гуманитарным и техническим специальностям (направлениям подготовки) подтверждается и параметрами квотной выборки проведенного опроса, рассчитанными в соответствии со статистическими данными, представленными Минобрнауки Хабаровского края: среди гуманитариев 33,1% – студенты-мужчины, 66,9% – студенты-девушки, напротив, среди обучающихся по техническим специальностям 71,4% – студенты-мужчины, 28,6% – студенты-женщины.

С учетом перечисленного закономерно выглядит распределение ответов опро-

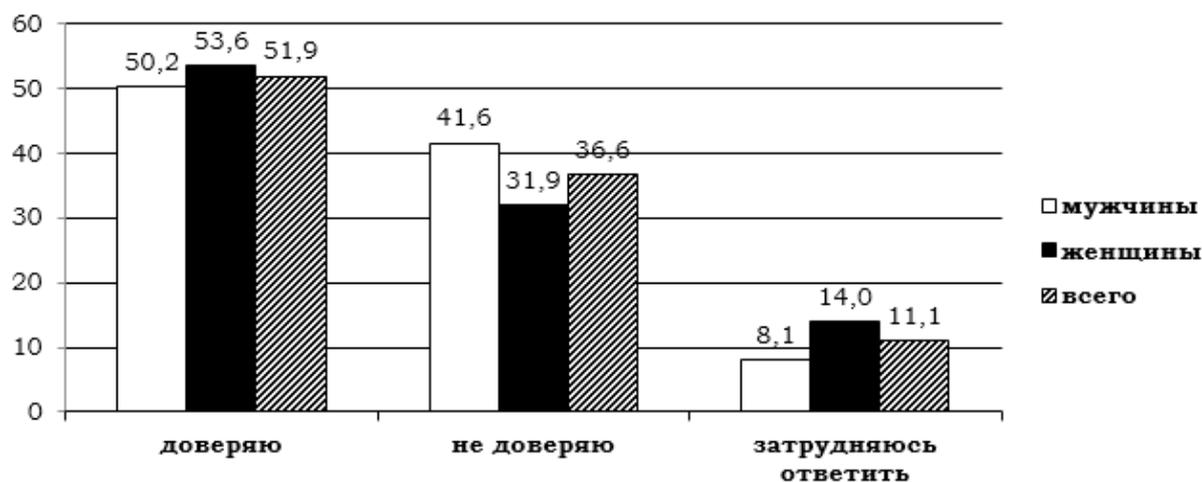

Рис. 1. Распределение уровня доверия полиции по полу в студенческом сообществе региона

⁸ Российский полицейский – 2021 (массив данных) // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-policeiskii-2021>.

⁹ Закон об участии граждан в охране общественного порядка (часть 7 статьи 19).

шенных по специальностям о формах сотрудничества с полицией: о готовности к такому сотрудничеству сообщают, прежде всего, студенты гуманитарных направлений подготовки (табл. 5).

При наложении данных таблицы 3, разграниченных по мужскому и женско-

му полу, со сведениями, полученными из таблицы 5, распределенными соответственно по техническому и гуманитарному профилям обучения, обнаруживается их примерное тождество, что еще раз свидетельствует о правомерности вывода о преимущественном поиске участников

Таблица 5

Распределение по специальностям, направлениям подготовки ответов на вопрос: «В каких формах содействия полиции Вы бы могли принять участие, если бы к Вам за помощью обратился сотрудник полиции?»
(в % от числа опрошенных соответствующей категории)

Вариант ответа	профиль обучения	
	технический	гуманитарный
1. Участие в качестве свидетеля в установлении обстоятельств правонарушения	41,0	51,5
2. Участие в качестве свидетеля в опознании правонарушителя	32,9	48,1
3. Поиск людей, пропавших без вести	32,3	45,6
4. Оказание первой помощи гражданам при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью	29,8	34,7
5. Участие в процессуальных действиях в качестве понятого	26,9	34,7
6. Содействие в задержании правонарушителя	23,0	33,9
7. Информирование сотрудников правоохранительных органов о правонарушениях и об угрозах общественному порядку	18,6	25,5
8. Участие в распространении правовых знаний, разъяснении норм поведения в общественных местах (проведение просветительских бесед в образовательных организациях, участие в акциях, флешмобах по гражданскому воспитанию и т.д.)	14,9	17,6
9. Внештатное сотрудничество с полицией на постоянной основе	13,0	16,3
10. Участие в мероприятиях по охране общественного порядка (патрулирование улиц, проведение профилактических бесед с гражданами и т.д.)	6,8	16,3
11. Охрана места происшествия, в том числе обеспечение сохранности вещественных доказательств совершения правонарушения	9,9	10,5
12. Участие в работе совещательных органов по вопросам охраны общественного порядка, создаваемых в правоохранительных органах	9,3	8,8
13. Ни в каких формах – в чем-либо помогать полиции желания нет	8,7	3,8

Источник: результаты социологического опроса, проведенного автором.

народных дружин среди гуманитариев.

Если говорить о мероприятиях, способных расширить потенциал взаимодействия полиции и студенческого сообщества, пробудить его к содействию полиции, то приоритетным направлением в этом отношении должны стать усилия по увеличению уровня доверия полиции.

Основанием для такого утверждения являются не только обширные теоретические построения [Лысенко, 2005; Титаренко, 2015; Звонкина, 2016], но и прикладные социологические исследования [Ильченко, 2016; Юдина и др., 2016], в том числе и опросы, проведенные автором. Так, по мнению большинства опрошенных дружинников (51,4%), студентов (65,1%) и половины сотрудников-экспертов (50,0%) расположить граждан к содействию полиции, можно, прежде всего, за счет повышения уровня доверия к ней (65,1%). Во-вторую очередь, необходимо решить вопросы процедурно-правового характера: обеспечить правовую и личную безопасность лица, содействующего полиции, а также сделать механизм оформления содействия, помощи полиции более простым – менее бюрократизированным. Об этом сообщили соответственно 42,8% и 38,1% опрошенных студентов.

Кроме того, студенты считают, что серьезное значение будут иметь масштабные просветительские и воспитательные мероприятия, ориентированные на повышение общего уровня нравственности в стране, формирование уважительного, равнодушного отношения граждан друг к другу, моделей порядочного поведения (35,6%), а также внедрение в массовое сознание идеи о том, что безопасность другого человека (обывателя, соседа) является залогом личной безопасности гражданина, потенциально содействующего полиции (27,2%).

Как было показано выше (рис. 1), уровень доверия полиции достаточно высок не только в коллективном сознании женской половины студенческого сообще-

ства края, но и в целом в студенческой среде региона: каждый второй доверяет полиции, при том, что каждый третий не доверяет. Данные показатели отражают общероссийское восприятие полиции: согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в 2021 году, доверяют сотрудникам полиции своего региона 57% опрошенных россиян, не доверяют – 35%.¹⁰

При этом уровень доверия полиции в студенческом сообществе, несмотря на трансформации социально-политического пространства региона в последние годы [Демьяненко, Клиценко, 2022; Бляхер, Ковалевский, 2020], является стабильно достаточно высоким. О таком постоянстве говорят данные о динамике уровня доверия полиции в коллективном сознании опрошенных в последние год-два: у 53% респондентов отношение к правоохранителям не претерпело изменений, 14% опрошенных сообщили о росте доверия, примерно столько же (17%) – о его сокращении.

Вместе с тем ситуация, когда треть опрошенных не доверяет полиции, сложно назвать идеальной. В связи с этим важно наметить пути повышения доверия к полиции. Последние усматриваются в причинах доверия/недоверия полиции.

Большинство опрошенных из числа тех, кто доверяет полиции сообщили, что их доверительные установки в отношении полиции обусловлены пониманием того, что полиция – правоохранительный орган, который стоит на страже закона и правопорядка в нашей стране (56,2%), а также массовыми представлениями о том, что в случае совершения противоправных действий в нашем обществе принято обращаться, прежде всего, в полицию (60,5%).

Неслучайно в связи с этим оценки эффективности деятельности полиции студенческим сообществом в сопоставлении с результативностью деятельности других правоохранительных органов выглядят достаточно высоко (табл. 6), уступая традиционным лидерам рейтингов тако-

¹⁰ Российский полицейский – 2021 (Результаты инициативного всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник», 29 октября 2021 г., опрошены 1600 россиян в возрасте от 18 лет). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/rossiiskii-policeiskii-2021>

го рода: суду и прокуратуре¹¹.

Вместе с тем доверие, основанное на сведениях об эффективной работе полиции, транслирует меньшее число опрошенных. Так, о том, что сотрудники полиции помогали в защите, восстановлении, реализации прав опрошенных сообщили 11,4% от общего количества тех, кто выразил доверие полиции, об аналогичной помощи в восстановлении прав друзей, знакомых родственников указали 14,8% доверяющих полиции, слышали в СМИ, сети «Интернет» о том, что сотрудники полиции помогали людям 16,2% участников опроса, обозначивших доверие полиции.

В то же самое время, убежденность в недостаточной эффективности работы полиции, выраженной, в том числе в продолжительном ожидании разрешения проблем граждан, является одним из ключевых оснований, подпитывающих недоверие полиции. Об этом сообщили 72,9% опрошенных от числа не доверяющих полиции.

Исходя из изложенного, можем заключить, что повышение результативности работы полиции, а также мер по освещению такой работы, являются базовыми условиями формирования доверительного отношения к ней, а, значит, расширения социального потенциала содействия полиции, в том числе по линии участия в деятельности народных дружин.

Справедливость данного вывода в части доминантного повышения эффективности деятельности полиции в решении поставленных перед ней задач следует и из результатов ответов опрошенных студентов на прямой вопрос о способах повышения доверия населения (табл. 7).

Представленные данные показывают, что закономерно эффективность деятельности полиции населением в лице опрошенных студентов оценивается, прежде всего, по внешнему контуру – по линии взаимодействия с гражданами: через своевременность исполнения обязанностей сотрудниками, а также корректность и

Таблица 6

Оценки эффективности обращения граждан в различные правоохранительные органы с целью защиты своих прав и прав других лиц, потерпевших от противоправных посягательств в общественных местах (в %)

Правоохранительный орган	Эффективно	Неэффективно	Коэффициент эффективности*
1. Суд	68,9	27,7	41,2
2. Прокуратура	67,6	28,9	38,7
3. Следственный комитет России	63,6	32,9	30,7
4. Полиция	62,4	34,2	28,2
5. Росгвардия	47,1	49,5	-2,4
6. Уполномоченные (по правам человека, ребенка, предпринимателей)	57,7	38,9	18,8
7. Правозащитные общественные организации	53,2	43,3	9,9
8. Народные дружины	39,9	56,7	-16,8

* Рассчитывается как разница между теми, кто полагает, что обращение в соответствующий правоохранительный орган, является эффективной и теми, кто полагает обратное

Источник: результаты социологических опросов, проведенных автором

¹¹ Гражданские права и свободы («ФОМнибус» – опрос граждан России от 18 лет и старше. 10 июня 2018 г. 53 региона России, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6%. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14053>; Байков Н.М., Березутский Ю. В., Сидорова Н.П., Пшиватова Ю. А. Доклад о состоянии и развитии гражданского общества в Хабаровском крае. 2018 год // [Электронный ресурс], сайт Общественной палаты Хабаровского края. URL:<http://opkhv.ru/files/files/2019/12e6ce46fc26c975de36.pdf>.

Таблица 7

Результаты ответов студентов и экспертов-сотрудников на вопрос: «На Ваш взгляд, за счет каких мер можно повысить уровень доверия граждан к полиции?» (в %)

Вариант ответа	студенты	эксперты-сотрудники
1. Обеспечение более корректного и уважительного отношения сотрудников к гражданам	61,6	11,1
2. Улучшение морально-нравственных качеств сотрудников полиции	49,5	22,2
3. Повышение качества работы полицейских, обеспечение своевременного исполнения обязанностей	61,6	22,2
4. Увеличение численности подразделений полиции, достижение их полного укомплектования	16,3	77,8
5. Усиление контроля за деятельностью сотрудников полиции	45,8	0,0
6. Ужесточение наказаний за совершение правонарушений полицейскими	39,6	5,8
7. Формирование благоприятного образа полиции путем использования средств массовой информации, сети «Интернет», кинематографа	18,3	38,9
8. Совершенствование профессиональной подготовки и кадрового отбора сотрудников полиции	36,9	44,4
9. Улучшение уровня социальных гарантий сотрудников полиции для повышения престижа их службы (повышение денежного содержания, их социальной защищенности)	18,1	38,9
10. Повышение уровня культуры общения сотрудников полиции, уровня их коммуникативных навыков	35,9	16,7
11. Преодоление коррупции в полиции	46,0	16,7
12. Улучшение социально-экономической ситуации в стране и крае	28,0	38,9
13. Улучшение материально-технического обеспечения подразделений полиции	14,9	55,6

Источник: результаты социологических опросов, проведенных автором.

уважительность общения с населением.

В то же время, как следует из таблицы, эксперты из числа сотрудников полиции, понимая, что повышение эффективности их работы полиции как цели без внутриведомственных изменений как средства, маловероятно, настаивают на приоритетной реализации последних. К таким внутрисистемным преобразованиям большинство опрошенных относят увеличение численности подразделений полиции, достижение их полного укомплектования (77,8%), а также улучшение материально-технического обеспечения

подразделений полиции (55,6%).

Как нам представляется, улучшение ситуации посредством совершенствования работы полиции (обозначенными внутриведомственными изменениями) и повышение качества работы полиции не будут достаточными, если не будут обеспечены соответствующей информационной поддержкой. Данный тезис находит свое научное подкрепление в социально-гуманитарных исследованиях [Боровикова, Боровиков, 2018; Богданова, 2021].

Исходя из этого, особо значимым ста-

новится понимание того, какие каналы освещения деятельности полиции должны стать основными. Исследование показало, что наиболее пристальное внимание в целях расширения потенциала участия студенческой молодежи в содействии полиции следует уделить социальным сетям в сети «Интернет» – именно этот источник информации является для большинства опрошенных студентов (67,8%) главным ресурсом, из которого они черпают информацию о деятельности ОВД. Во-вторую очередь, должны быть отлажены новостные ленты в сети «Интернет», а также информационные потоки на телевидении. О востребованности данных средств массового информирования о работе полиции сообщили по 45% опрошенных студентов.

Заключение

Исследование позволило прийти к ряду практически значимых выводов, реализация которых позволит скорректировать агитационно-просветительскую работу по набору новых членов народных дружин, расставить правильные акценты в освещении работы полиции, обосновании необходимости содействия ей, в том числе в рамках участия в работе народных дружин.

Социальный потенциал студенческого сообщества Хабаровского края по участию в народных дружинах обширен, о чем свидетельствуют стабильно высокий уровень доверия полиции, а также степень готовности молодых людей прийти на помощь людям, чьи права нарушают в общественных местах. Трансформация данного потенциала происходит под воздействием ряда выявленных факторов.

1. Характер участия в предупреждении и пресечении противоправного деяния. Исследование показало, что чем более вероятно привлечение к взаимодействию с полицией на постоянной основе – в составе народных дружин, тем меньшую готовность к этому проявляют опрошенные. Так, по личной инициативе помочь другому человеку, оказавшемуся в трудной ситуации в общественном месте, выразил желание каждый девятый респондент, дать свидетельские показания полиции по поводу правонарушения готов только каждый второй, а стать народным дружинником – лишь каждый де-

сятый.

2. Форма содействия полиции. Чем более активной является форма помощи полиции, тем меньше желания её оказывать у опрошенных студентов. Охрана общественного порядка, внештатное сотрудничество с полицией, распространение правовых знаний нашли отклик у относительного меньшинства опрошенных, участие в процессуальных действиях в качестве понятого, свидетеля – у относительного большинства.

3. Половая принадлежность опрошенных. Студенты мужского пола в целом в меньшей степени ориентированы на содействие полиции, а, значит, и на участие в работе народных дружин. При этом парни в силу природных начал оправданно проявляют большую готовность к задержанию правонарушителя, использованию физической силы для этой цели.

4. Специальность (направление подготовки) обучающихся. В силу того, что студенты-девушки обучаются в регионе преимущественно по гуманитарным специальностям, а студенты-парни на специальностях технических, то поиск потенциальных дружинников в целях их численного наполнения должен осуществляться, прежде всего, среди гуманитариев.

5. Уровень доверия полиции. Чем выше уровень такого доверия, тем выше вероятность сотрудничества опрошенных с правоохранителями.

Исследование позволило выявить главное направление положительного изменения такого уровня: повышение качества и оперативности решения возложенных на полицию задач, достигаемого за счет увеличения фактической численности подразделений ОВД, совершенствования их материально-технического обеспечения.

6. Освещение деятельности сотрудников ОВД. Информационное сопровождение деятельности сотрудников полиции в целях формирования адекватного восприятия студенческой молодежью должно осуществляться преимущественно через социальные сети системы «Интернет», поскольку для опрошенных они являются основным источником получения сведений о работе полиции.

Список источников:

1. Вайсбург А. В. Информированность населения Тверского региона о социально ориентированных некоммерческих организациях // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3.
2. Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В. Что это было? Предварительная рефлексия о хабаровских митингах // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2020. № 4. С. 108–136 DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-108-136
3. Богданова К. В. Организационно-правовой аспект взаимодействия сотрудников органов внутренних дел со средствами массовой информации // Научный портал. 2021. № 3.
4. Боровиков В. Б., Боровикова В. В. Об освещении в средствах массовой информации деятельности сотрудников ГИБДД МВД России // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 7.
5. Гимпельсон В., Монусова Г. Доверие к полиции: межстрановой анализ // Вопросы экономики. 2012. № 11.
6. Демьяненко А. Н., Клиценко М. В. Хабаровский протест: опыт социологического анализа // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 125–133. DOI: 10.31857/S013216250016854-2
7. Звонкина О. В. Социальные коммуникативные практики в формате «Граждане-власть»: институциональный аспект формирования доверия местного сообщества // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. № 9.
8. Зубок Ю. А., Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2. С. 89–105. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105
9. Ильченко В. А. Общественное мнение о полиции: к проблеме формирования общественного доверия к полиции в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 2.
10. Ильченко В. А. Роль народных дружин в обеспечении общественного порядка // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2.
11. Калинина С. В. Особенности деятельности народных дружин и внештатных сотрудников полиции в охране общественного порядка // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 241–246. DOI: 10. 24411/2073-0454-2020-10360
12. Лесина Л. А. Социальный потенциал молодежи как важнейший ресурс социально-экономического развития региона // Материалы Юбилейной Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы». Екатеринбург : Издательство Уральского федерального университета, 2015.
13. Лысенко Г. В. Коммуникативные аспекты взаимодействия власти и общества: проблема доверия // Социология власти. 2005. № 4
14. Маркина Э. В., Сосновская Ю. Н. Сотрудничество с гражданами как одно из основных положений, реализуемых Федеральным законом «О полиции» // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3.
15. Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2019.
16. Парамонов А. В., Харин В. В. Роль народных дружин в совершенствовании системы предупреждения правонарушений на территории Тамбовской области в условиях городской среды // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 15. С. 390–398. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-15-390-398
17. Половинкин В. А. Перспективы социального механизма взаимодействия полиции и институтов гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3.
18. Потапов В. В. Доверие населения к органам МВД как элемент социально-

психологического взаимодействия // Вестник университета. 2013. № 7.

19. Титаренко А. П. Общественное доверие к полиции как фактор, способствующий индивидуальной профилактической работе с гражданами // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393.

20. Ханин С. В. Развитие социально-правовых основ партнерских отношений между полицией и обществом в суверенной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2.

21. Ходжаева Е. А. Возрождение ДНД (добровольных народных дружин) в России: пример навязанной сверху мобилизации // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2019. С. 105–141. DOI 10.25285/2078-1938-2019-11-3-105-141

22. Юдина Т. Н., Бондалетов В. В., Мазаев Ю. Н., Бормотова Т. М., Яковлев О. В. (2016) Сельские участковые уполномоченные полиции: доверие населения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. № 4. С. 119–128.

References:

1. Weissburg A. V. (2021) Awareness of the population of the Tver region about socially oriented non-profit organizations *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology]. № 3. (In Russ.)

2. Blyakher L. E., Kovalevsky A. V. (2020) What was it? Preliminary reflection on the Khabarovsk rallies *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki «Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz»* [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics «Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast»]. № 4: 108–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-108-136 (In Russ.)

3. Bogdanova K. V. (2021) Organizational and legal aspect of the interaction of employees of internal affairs bodies with the media *Nauchnyy portal* [Scientific portal]. № 3. (In Russ.)

4. Borovikov V. B., Borovikova V. V. (2018) On media coverage of the activities of traffic police officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal* [Gaps in Russian legislation. Legal Journal]. № 7. (In Russ.)

5. Gimpelson V., Monusova G. (2012) Trust in the police: a cross-country analysis *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. №. 11. (In Russ.)

6. Demyanenko A. N., Klitsenko M. V. (2022) Khabarovsk protest: experience of sociological analysis *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. № 1: 125–133. DOI: 10.31857/S013216250016854-2 (In Russ.)

7. Zvonkina O. V. (2016) Social communication practices in the «Citizen-Power» format: the institutional aspect of building trust in the local community *Russian Journal of Education and Psychology* [Russian Journal of Education and Psychology]. № 9. (In Russ.)

8. Zubok Yu. A., Berezutsky Yu. V. (2020) Social activity of youth: ideological foundations of self-regulation *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia]. № 2: 89–105. DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105 (In Russ.)

9. Ilchenko V. A. (2016) Public opinion about the police: to the problem of forming public confidence in the police in Russia *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky]. № 2. (In Russ.)

10. Ilchenko V. A. (2020) The role of people's squads in ensuring public order *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky]. № 2. (In Russ.)

11. Kalinina S. V. (2020) Peculiarities of the activities of people's squads and freelance police officers in the protection of public order *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. № 6: 241–246. DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10360 (In Russ.)

12. Lesina L. A. (2015) The social potential of youth as the most important resource for the socio-economic development of the region in Proceedings of the Anniversary All-Russian Scientific and Practical Conference «Socio-cultural development of the Greater Urals: trends, problems, prospects». Yekaterinburg: Ural Federal University Press. (In Russ.)
13. Lysenko G. V. (2005) Communicative aspects of the interaction of power and society: the problem of trust *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power]. № 4. (In Russ.)
14. Markina E. V., Sosnovskaya Yu. N. (2017) Cooperation with citizens as one of the main provisions implemented by the Federal Law «On Police» *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. № 3. (In Russ.)
15. Menshikova N. S. (2019) Police and civil society: problems of forming partnerships in the Russian Federation (theoretical and legal aspect): dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.01. SPb. (In Russ.)
16. Paramonov A. V., Kharin V. V. (2020) The role of people's squads in improving the system of crime prevention on the territory of the Tambov region in an urban environment *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava* [Actual problems of state and law]. Vol. 4. № 15: 390–398. DOI 10.20310/2587-9340-2020-4-15-390-398 (In Russ.)
17. Polovinkin V. A. (2012) Prospects for the social mechanism of interaction between the police and civil society institutions *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. № 3. (In Russ.)
18. Potapov V. V. (2013) Public confidence in the bodies of the Ministry of Internal Affairs as an element of socio-psychological interaction *Vestnik universiteta* Bulletin of the University. № 7. (In Russ.)
19. Titarenko A. P. (2015) Public confidence in the police as a factor contributing to individual preventive work with citizens *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* Tomsk State University Bulletin. № 393.
20. Khanin S. V. (2016) Development of the social and legal foundations of partnerships between the police and society in sovereign Russia *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. № 2. (In Russ.)
21. Khodjaeva E. A. (2019) The revival of DND (voluntary people's squads) in Russia: an example of mobilization imposed from above *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Research] (In Russ.)
22. Yudina T. N., Bondaletov V. V., Mazaev Yu. N., Bormotova T. M., Yakovlev O. V. (2016) Rural precinct police officers: trust of the population *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University]. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies. № 4: 119–128. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 16.05.2022.

The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 16.05.2022.

Информация об авторе

Е. А. Клеймёнов – канд. социол. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин, Дальневосточный юридический институт МВД России.

Information about the author

E. A. Kleymyonov – Candidate of Sociology, associate professor, chief of the chair of social and humanitarian and economic disciplines, the Far-Eastern legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья

УДК 37.014

doi:10.22394/1818-4049-2022-99-2-210-219

Формирование здоровьесберегающего поведения у студентов медицинского университета: к разработке концепции исследования

Екатерина Кирилловна Федорищева

Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России, Владивосток, Россия, katrina.kosilova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты внедрения инновационных здоровьесберегающих технологий при подготовке высшего звена медицинской отрасли дальневосточного региона. На основании компаративного анализа результатов научных исследований и фундаментальных источников, освещающих вопросы личностного и группового поведения студентов медицинских университетов в отношении здоровья, предпринимается попытка осмысления и концептуализации здоровьесформирующего алгоритма в медицинском университете. Выделяются основные направления поведенческих стереотипов и шаблонов студентов. Обосновывается концепция, предполагающая принципиально новую схему внедрения ранее не использовавшихся методов здоровьесбережения в студенческой среде для снижения частоты их заболеваемости. Структурно-функциональный подход позволяет определить и ранжировать значимость функциональных взаимосвязей в образовательной среде медицинского университета, аксиологический – выявить наиболее важные ценностные установки студентов при принятии решений в отношении собственного здоровья. В работе актуализируется необходимость использования интерактивных технологий и активных интервенций со стороны IT-подразделений университета в сетевые публички, популярные в студенческой среде, генерации оригинальных месседжей, инициирующих формирование у студентов потребности в самоанализе, получении новых знаний о ценности здоровьесберегающего поведения.

Ключевые слова: студенты медицинских специальностей, образовательное пространство, здоровьесберегающее поведение, аксиологический подход, структурно-функциональный подход, социальные процессы.

Для цитирования: Федорищева Е. К. Формирование здоровьесберегающего поведения у студентов медицинского университета: к разработке концепции исследования // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2 (99). С. 210–219. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-210-219>

Formation of healthy behavior among the students of medical university: to the development of the concept of research

Ekaterina K. Fedorishcheva

The Pacific state medical university of the Ministry of Health of Russia, Vladivostok, Russia, katrina.kosilova@yandex.ru

Abstract. *The article discusses theoretical and applied aspects of introduction of the innovative health-saving technologies in preparation of the highest echelon of medical industry in the Far-East region. Based on a comparative analysis of the results of current research and fundamental sociological sources covering the issues of personal and group behavior of the students of medical universities in relation to health, as well as the results of previously published own observations, taking into account the newly identified factors that affect the behavioral models of the modern student youth, in this article an attempt to comprehend and conceptualize the health-forming algorithm at the medical university, highlight the main directions of influence on the behavioral stereotypes and patterns of students, the formation of a rational attitude to the physical and psychological status, and the reduction of morbidity in the educational space is made. The proposed concept assumes a fundamentally new scheme for reducing the incidence rate and introducing previously unused methods of health saving among students. The structural-functional approach used in the development of the postulates of the concept makes it possible to determine and rank the significance of new functional relationships in the educational environment of a medical university, and the axiological approach to identify the most important values of students when making decisions regarding their own health. The article pays great attention to the applied aspects of health saving: the necessity of using interactive technologies and active interventions by the IT departments of the university in the existing network publics, popular among the students, generating original messages that initiate the formation of the need for introspection, obtaining new knowledge among students of medical specialties is substantiated. About the social value of health-saving behavior as a tool to improve social status, ways to implement the information are received.*

Keywords: *students of medical specialties, educational space, health-saving behavior, axiological approach, structural-functional approach, social processes*

For citation: Fedorishcheva E. K. Formation of healthy behavior among the students of medical university: to the development of the concept of research // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 2 (99). Pp. 210–219. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-210-219>

Введение

Значимым индикатором эффективности системы здравоохранения является компетентный уровень врачей, что вполне закономерно, так как ни одна практическая задача по обеспечению качественной диагностики, лечения и профилактики заболеваний не может быть решена без специалистов здравоохранения высокого уровня даже при наличии самого современного оборудования и лекарственных препаратов последних поколений.

Реализация национального проекта «Здравоохранение» в предыдущие годы позволила существенно продвинуться в решении вопросов закупки современной медицинской техники, обновления имеющегося и формирования нового коечного фонда. В соответствии с задачей улучшения качественных и количественных

показателей деятельности системы здравоохранения за последние годы в стране были введены в действие десятки узкоспециализированных диагностических и лечебно-профилактических центров, сельских фельдшерско-акушерских пунктов, городских поликлиник [Зудин, 2017. С. 68–72]. Однако для обеспечения работы уже функционирующих и открывающихся медицинских учреждений, равно как и для замены уходящих на пенсию медицинских кадров высшего звена, требуется все большее число молодых специалистов высокой квалификации.

Не вызывает сомнения тезис, согласно которому продуктивность процесса освоения студентами-медиками профессиональных знаний, умений и навыков коррелирует с множеством переменных, причем одним из наиболее сильных корреляторов является состояние их физического и

психологического статуса, текущая хроническая заболеваемость [Бабина, 2015. С. 572–575]. Собственно, это касается студентов всех направлений обучения: по данным социально-медицинских исследований до половины студентов страдает различными нозологиями пищеварительной, дыхательной, нервной систем, болезнями желез внутренней секреции, опорно-двигательного аппарата, системы мочеобразования и т. д. [Зудин, 2017. С. 68–72; Картышева, Попова, Грошева, 2015. С. 18–20]. Высокий уровень хронической заболеваемости, наличествующий у исследуемой когорты, несмотря на молодой возраст, детерминируется большим числом социальных, психологических, финансовых, бытовых и иных переменных. Причем социально-средовые факторы оказывают не только прямое влияние на физиологические переменные и константы организма, но и детерминируют поведенческие стереотипы, социальные и психологические стереотипы в отношении собственного здоровья [Миннибаев, 2015. С. 57–60].

Результаты социально-медицинских исследований указывают на высокую распространенность (40–72%) в студенческой среде медицинских университетов таких негативно влияющих на состояние здоровья привычек как табакокурение, неумеренный прием алкогольных напитков, эпизодическое употребление наркосодержащих препаратов, нарушение рациональной пропорции труда и отдыха, активного и пассивного отдыха и т. д. [Гареева, 2016. С. 275–278; Бруснева, 2012. С. 82–86; Гареева, 2017. С. 16–19]. Между тем результаты ряда последних замеров подтверждают предположение, постулирующее достоверность различий между количественными оценками физиологических констант, физического и психологического статуса у студентов-медиков, которые следуют рекомендациям по здоровому образу жизни (далее – ЗОЖ) и их ровесниками, придерживающимися нерационального, негативно влияющего на здоровье образа жизни [Картышева, Попова, Грошева, 2015. С. 18–20].

Содержательные аспекты ЗОЖ представляют собой определенную стилистику личностного поведения в отношении

соотношения сна и бодрствования, активного и пассивного отдыха, времени, отводимого на труд и отдых, занятий физической культурой и фитнесом, выполнения назначений врача в случае заболевания, выполнения гигиенических процедур и т. д. По нашим наблюдениям, студенты часто не воспринимают как значимую ценность свое здоровье, хорошее физическое и психологическое состояние пока не сталкиваются непосредственно с патологическими симптомами, начинают испытывать боль, выходят из зоны физиологического комфорта. Исходя из этих представлений, может быть постулирована необходимость активной социально-психологической интервенции со стороны администрации учебного заведения позитивно ориентированной части студенческого социума в мировосприятии молодого человека, касающейся отношения к своему физическому и психическому здоровью.

В свою очередь, в понятийном пространстве социологии, здоровьесберегающее поведение (далее – ЗСП) идентифицируется как сумма актов генерации и фиксирования в сознании индивида решений в отношении конкретных действий. Они формируются под влиянием средовых факторов, и выполнение, реализация этих действий непосредственно или опосредованно влияет на состояние здоровья. Однако в социологической литературе, посвященной здоровьесбережению, имеются определения, подразумевающие под ним только лишь осуществление поведенческих стереотипов в отношении здоровья и исключающие из него формирующую, мотивационную часть поведенческого рисунка [Киенко, 2015. С. 1443]. Подобное разделение представляется нам не вполне рациональным, не оправданно использующим редукционистский подход, и, в итоге, усложняющим понимание процессов, связанных с практикой здоровьесбережения, искусственно разъединяющим целостный механизм формирования и реализации поведения в отношении здоровья. Более обоснованной, возможно, могла бы стать артикуляция ЗСП, подразумевающая под подобным поведением индивидуальный психосоциальный процесс, включающий

как формирование мотивации, детерминированной социально-средовыми факторами, так и ее практическую реализацию, направленную на восстановление, сбережение и усиление функциональных ресурсов организма, нейтрализацию влияния эндогенных и экзогенных негативных стрессоров.

Ранее нами был проведен ряд исследований и компаративный анализ широкого спектра социально-средовых факторов, детерминирующих здоровьесберегающее поведение и негативно влияющих на поведенческие шаблоны в отношении физического и психологического статуса студентов. [Кузнецов, Кузина, Косилов, Косилова (Федорищева) и др., 2018. С. 110–117; Кузнецов, Кузина, Косилов, Косилова (Федорищева) и др., 2019. С. 49–62; Кузнецов, Косилов, Байрамов, Косилова (Федорищева) и др., 2019. С. 76–92.] В настоящей статье с учетом вышеизложенных нерешенных вопросов и обозначения имеющегося проблемного поля поставлена следующая цель: сформулировать принципиальный концепт алгоритма, детерминирующего формирование здоровьесберегающего поведения студентов медицинского университета.

Методологические подходы

Фундаментальным теоретическим основанием исследования формирования и закрепления устойчивых поведенческих комплексов и стереотипов в отношении здоровья в когорте студентов медицинских специальностей являлась комбинация нескольких методологических конструктов. Конкретно-научный и философский уровень обеспечивался ценностным и синергическим подходами; при обосновании структурно-функциональной модели был использован соответствующий подход. В процессе формулировки отдельных положений концепции также привлечены парадигмальные установки ценностного подхода и диалектизма. Проведенный анализ позволил определить основные этапы и значимые вехи в формировании современных взглядов на здоровьесберегающее поведение как важный элемент вторичной инсоциализации и подтвердить консенсусность текущих представлений экспертного сообщества о единстве и конкурентности социального и биоло-

гического при «включении» индивида в социально-ролевые отношения; актуальность принципов подражательности и научения при формировании навыков здоровьесберегающего поведения.

Материалы и методы исследования

В данной работе была предпринята попытка теоретического осмысления и выработки практических рекомендаций результатов эмпирического социологического исследования, проведенного в Тихоокеанском государственном медицинском университете (далее – ТГМУ) и Дальневосточном федеральном университете (далее – ДВФУ) в соответствии с принципами стратифицированной рандомизации с пропорциональным гендерным и возрастным представительством. Объем выборки составил 827 студентов медицинских специальностей. Расчет объема выборки осуществлялся исходя из дисперсии верифицируемых переменных в ранее проведенных, близких по смыслу исследованиях. Поведенческие стереотипы и установки в отношении здоровья и здоровьесбережения исследовались с использованием анкеты самооценки качества жизни студента университета, предложенной Т. В. Поздеевой (2008) в авторской модификации, а также вопросника по тематическим предпочтениям респондентов при работе с различными сетевыми платформами. Предварительные результаты эмпирических исследований, не содержащие теоретических выводов и попыток конструирования на их основе концептуальных положений здоровьесберегающего поведения студентов, были опубликованы нами ранее [Кузнецов, Кузина, Косилов, Косилова (Федорищева) и др., 2018. С. 110–117; Кузнецов, Кузина, Косилов, Косилова (Федорищева) и др. 2019. С. 49–62; Кузнецов, Косилов, Байрамов, Косилова (Федорищева) и др., 2019. С. 76–92]. При их ранжировании и верификации использовались статистические методы, в частности, расчет коэффициента Спирмена и теста Вальда для определения значимости неполных данных.

Дискуссия

Как показал компаративный анализ результатов исследований, представленных как в научной литературе социально-медицинского профиля, так

и собственных, состояние здоровья студентов медицинских специальностей остается серьезной социальной проблемой, коррелирующей с их поведенческими стереотипами и установками.

Текущее администрирование и организация социально-медицинской помощи в условиях современного медицинского образовательного пространства подразумевает использование традиционных, сложившихся за последние десятилетия концептов и моделей, в которых делается акцент на формировании преимущественно «позитивистских» установок и стандартов в отношении здоровья и здоровьесбережения [Бакаев, 2013. С. 36–39]. Однако практика показывает, что традиционные подходы далеко не всегда дают возможность сформировать осознанное отношение студентов-медиков к своему физическому и психологическому статусу как к важному личностному и общественному ресурсу и сочетать превентивный вектор медицинской помощи с оперативным реагированием на возникающие затруднения и проблемы со здоровьем. Динамика социально-экономических, финансовых, экологических, информационно-коммуникативных средовых факторов, оказывающих влияние на процесс приобретения студентами профессиональных навыков и умений, предполагает и детерминирует дальнейшую оптимизацию, совершенствование, а в ряде случаев – принципиальную смену представлений о валидных критериях эффективности системы охраны здоровья студентов, подходах к здоровьесберегающим технологиям, механизмах обратной связи.

Высокий уровень заболеваемости и слабая мотивация к здоровьесберегающему поведению, пренебрежительное и самонадеянное отношение многих студентов к своему здоровью требуют повышения эффективности методов стимуляции потребности к переосмыслению и переоценке своих поведенческих стереотипов в отношении здоровья. Необходим комплексный подход к проблеме с учетом новых реалий образовательного пространства медицинского университета, внедрения доступных и точных индикаторов эффективности, с реализацией, помимо прочего, возможностей интерак-

тивных коммуникативных сервисов и мессенджеров [Бакаев, 2013. С. 36–39].

Учитывая вышеизложенное и на основании проведенных эмпирических исследований, сформулированы ключевые тезисы новой концепции алгоритма формирования и закрепления здоровьесберегающего поведения у студентов медицинских специальностей, а также базовые направления защиты и укрепления их здоровья. К ним относятся:

разработка и внедрение, с использованием имеющейся доказательной базы, рациональной, опирающейся на результаты отечественных и зарубежных исследований, комплексной системы управления здоровьем студентов;

внедрение новой системы менеджмента здоровья, предполагающее активное использование здоровьесберегающих технологий и методов, имеющих только высокий и высший уровень доказанности с исключением «интуитивных», традиционных и «ориентировочных» подходов;

использование регулярного сплошного и выборочного мониторинга динамики поведенческих алгоритмов в отношении здоровья среди студентов медицинского университета;

внедрение в административную и организационную практику образовательного пространства университета исследования состояния здоровья в определенном временном интервале, не превышающем 3–6 месяцев, для оперативной терапевтической интервенции – оперативную подстройку применяющихся моделей сбережения здоровья и поведенческих особенностей, связанных с реакцией студентов на те или иные эндогенные и экзогенные стрессоры;

включение в протокол мониторинга самооценки текущего физического и психологического статуса студентов интерактивных сервисов, актуальных и востребованных в студенческой среде;

внедрение в алгоритм мониторинга ранее предложенного Индекса здоровьесберегающего поведения [Кузнецов, Косилов, Байрамов, Косилова (Федорищева) и др., 2019. С. 76–92] для объективизации оценки динамики активности факторов, влияющих на поведение студентов в отношении здоровья;

внедрение в алгоритм мониторинга

систематической самооценки текущего состояния физического и психологического статуса студентов как значимого фактора, детерминирующего поведение в отношении здоровья;

стимуляция формирования и закрепления у студентов ценностных ориентаций на ответственное отношение к здоровью (своему и окружающих значимых других), осознанной и подкрепленной мотивации на ЗСП через наиболее востребованные в студенческой среде интерактивные форумы и коммуникативные площадки;

формирование ориентированного на студенческую аудиторию контента, публикуемого на видеохостингах, иных сетевых актуальных ресурсах, с регулярной индикацией востребованности и обязательным ранжированием их актуальности силами университетских IT-подразделений;

сочетание профилактической направленности мероприятий с активными диагностическими и терапевтическими интервенциями.

Предполагаемая эффективность данной концепции формирования и закрепления ЗСП студентов медицинских специальностей связана с анализом результатов внедрения отдельных составляющих компонентов концепции в форме ограниченных программ ЗСП в 2019–2021 гг. на базе ТГМУ [Кузнецов, Косилов, 2020. С. 88-97]. Сферой прикладного использования концепции могут стать медицинские университеты и иные высшие образовательные учреждения медицинской направленности: академии, институты, школы (к примеру, Школа медицины ДВФУ), высшие образовательные учреждения смежных профилей, лечебно-профилактические организации, являющиеся клиническими базами обучения студентов медицинских специальностей; спортивные клубы, секции, фитнес-сообщества, востребованные в студенческой среде. Экономическим следствием внедрения может стать сокращение отчислений из медицинских страховых организаций в качестве оплаты на лечение и ежегодное снижение числа дней нетрудоспособности. Важными следствиями внедрения концепции и программы здоровьесбере-

жения может быть изменение к лучшему психологического климата в университетских микро- и макро-коллективах, сокращение влияния маргинальной и криминальной составляющей образовательного пространства.

Итак, основной целью заявленной концепции является систематизированное формирование у студентов медицинских специальностей осознанного здоровьесберегающего поведения, объективно приводящего к улучшению психологического и физического здоровья, снижению заболеваемости и, в конечном счете, к подготовке в университете молодого врача, владеющего не только обширными и устойчивыми познаниями в избранной профессии, высоким уровнем социальной адаптации, но и имеющего оптимальный физический и психологический статус.

К основным задачам предложенной к рассмотрению концепции относятся:

формирование у студентов-медиков привычки к рефлексии, рационального и осознанного отношения к своему здоровью, навыков самоанализа состояния здоровья и анализа рисков, связанных с девиантными формами поведения;

формирование у студентов медицинских специальностей навыков критического осмысления и анализа источников информации, касающихся здоровья и безопасного поведения;

формирование у студентов рутинных навыков регулярной самооценки своего состояния здоровья и результатов его объективной диагностики;

внедрение в практику административных подразделений медицинского университета активного мониторинга поведенческих мотиваций с использованием механизмов обратной связи через востребованные и актуальные интерактивные коммуникативные платформы;

предоставление университетом материальных и технических возможностей для практической реализации элементов ЗОЖ в соответствии с апробированными и внедренными рекомендациями;

организация силами административных подразделений университета и профессорско-преподавательского состава зоны психоэмоционального и физического комфорта в образовательном

пространстве: студенческих группах, факультетах, аудиториях, общежитиях;

организация программ и факультативов по оптимальной реализации репродуктивного потенциала студентов обоих полов;

организация обсуждения, координации деятельности всех заинтересованных организаций, учет позиции и установок членов семьи, друзей, значимых для индивида, и трендсеттеров при формировании модели здоровьесберегающего поведения конкретного студента.

Принципы внедрения предложенной концепции включают:

высокий уровень достоверности и репрезентативности исходных данных, открытость, доступность и проверяемость информационных массивов, исходя из которых генерируются положения концепции;

гибкость и индивидуализация при реализации используемых методик, возможность их корректировки в зависимости от полученной способом обратной связи информации;

анализ активности познавательных функций (памяти, восприятия, праксиса, речи, интеллекта), самоанализ студентами своего физического и психологического состояния при выработке рекомендаций по использованию тех или иных приемов закрепления мотивации на здоровый образ жизни;

исследование корреляции индивидуальных и групповых акцентуаций при определении определенной конфигурации приемов, направленных на мотивацию ЗОЖ;

прикладной вектор концепции, подразумевающий постоянную корректировку методических подходов в зависимости от интеллектуальных и материальных потребностей студента в процессе обучения, анализ их соотношения с имеющимися и доступными возможностями.

Главным результатом внедрения данной концепции может стать:

значимое (достоверное) улучшение физического и психического состояния студентов, осознание необходимости в рефлексии и адекватной самооценке ими своего физического и психического статуса;

самоанализ приемлемости и успешно-

сти своего поведенческого рисунка в отношении здоровья;

внедрение осознанной и стабильной мотивации к здоровому образу жизни и неприятию девиантных форм поведения, который базируется на адекватном информировании и взвешенной оценке негативных последствий вредных привычек и навыков;

разработка, апробация и внедрение в практику университета номенклатуры процедур и действий по адекватному информационному обеспечению как самих студентов, так и их родителей, «значимых других», а также профессорско-преподавательского состава данными, касающимися ЗСП.

Безусловно, перечисленные направления могут корректироваться и видоизменяться, структурироваться в зависимости от информации, получаемой в процессе обратной связи и реальных возможностей того или иного образовательного учреждения. Однако основной целью концепции, по мнению автора, должно оставаться систематическое и комплексное формирование у студентов устойчивых навыков и стереотипов бережного и осознанного поведения в отношении собственного здоровья.

Заключение

Итак, на основании эмпирического исследования и его теоретического осмысления, по мнению автора, можно сделать предварительные выводы о том, что значительная часть студентов не имеет ценностных ориентаций на здоровьесберегающее поведение и относится пассивно по отношению к своему физическому и психологическому статусу до тех пор, пока какой-либо патологический симптом не выводит их из зоны комфорта. В свою очередь, значительный информационный поток, интенсивные учебные нагрузки отвлекают их от рефлексии, а удовлетворительное текущее состояние здоровья воспринимается не как значимая социальная ценность, а как неотъемлемая и имманентная, раз и навсегда данная часть бытия. Одновременно структура функциональных взаимосвязей в образовательном пространстве университета, несмотря на наличие определенных усилий со стороны административных, общественных организаций,

не предполагает акцентуации на здоровьесберегающем поведении, не стимулирует формирование рационального и осмысленного отношения к здоровью.

Исходя из этих предпосылок и учитывая безусловную актуальность принципов подражательности и научения в формировании коллективных и индивидуальных поведенческих стратегий в отношении здоровья, предложенная концепция делает акцент на обязательном включении в образовательную среду медицинского университета механизма информационно-интервенционных со стороны администрации, общественных студенческих организаций с использованием современных интерактивных технологий, комфортных для восприятия студентами сетевых платформ. В концепцию включено также обязательное наличие обратной связи для своевременной подстройки и коррекции информационно-интервенционных воздействий и де-формализаций целого ряда рутинных мероприятий по превентивному снижению заболеваемости и девиантных форм поведения.

Основным вектором внедрения меди-

цинскими университетами новой принципиальной схемы здоровьесбережения и сокращения частоты заболеваний среди обучающихся может стать формирование и закрепление у них осознанного, опирающегося на достоверную информацию и рациональные мотивы, поведенческого рисунка в отношении здоровья, закрепление и фиксация в сознании этой социальной группы поведенческих нормативов и шаблонов, укладывающихся в понятие «здорового образа жизни», резко негативная реакция на девиантные и связанные с высокими рисками для здоровья формы поведения. Целесообразно также провести имплементацию в образовательную среду медицинского университета первичной и вторичной профилактики различных заболеваний, де-формализацию диспансерного наблюдения и учета; осуществление внедрения регулярных «замеров» объективного состояния и самооценки физического и психологического статуса; выявить установки на здоровьесберегающее поведение через актуальные в студенческой среде интерактивные мессенджеры и платформы.

Список источников:

1. Бабина В. С. Проблемы здоровья студенческой молодежи // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 572–575.
2. Бакаев В. В. Показатели готовности студентов к здоровьесберегающему поведению // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2013. № 12 (106). С. 36–39.
3. Бруснева В. В., Клименко Т. В. Значимые факторы и условия жизни, влияющие и формирующие состояние здоровья студенческой молодежи города Ставрополя // Медицинский вестник Северного Кавказа, 2012. Т. 27 № 3. С. 82–86.
4. Гареева И. А. Неравенства в социальном пространстве здравоохранения // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках III Всерос. науч. форума «Наука будущего – наука молодых». Нижний Новгород, 14-15 сент. 2017. Т. 2. С. 16–19.
5. Гареева И. А. Социальные барьеры современной системы здравоохранения // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Изд-во ТОГУ. 2016. С. 275–278.
6. Зудин А. Б. Различные аспекты изменений российского здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. Т. 25. № 1. С. 68–72.
7. Картышева С. И., Попова О. А., Грошева Е. С. Самооценка здоровья и образа жизни студентов педагогического университета // Гигиена и санитария. 2015. № 9. С. 18–20.
8. Киенко Т. С. Институциональные и неинституциональные факторы формирования здоровьесберегающего поведения // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (1). С. 1443.

9. Кузнецов В. В., Косилов К. В. Модель программы здоровьесберегающего поведения и оптимизации состояния здоровья студентов медицинских направлений // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2020, №11 (1). С. 88–97. DOI: 10.24411/2220-8453-2020-11006

10. Кузнецов В.В., Косилов К.В., Байрамов Р. А., Косилова (Федорищева) Е.К. и др. Новый индекс здоровьесберегающего поведения // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2019. Т. 10. № 4. С. 76–92. DOI: 10.24411/2220-8453-2019-14010

11. Кузнецов В. В., Кузина И. Г., Косилов К. В., Косилова (Федорищева) Е. К. и др. Корреляция параметров самооценки и объективного состояния здоровья у студентов старших курсов медицинских специальностей // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2018. №4, С. 110-117.

12. Кузнецов В.В., Кузина И.Г., Косилов К.В., Косилова (Федорищева) Е.К. и др. Взаимосвязь успеваемости, академической мотивации и профессионального выгорания с самооценкой качества жизни у студентов старших курсов медицинских специальностей // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2019. Т. 10. № 2. С. 49–62. DOI: 10.24411/2220-8453-2019-12002

13. Миннибаев Т.Ш., Мельниченко П.И., Прохоров Н.И. и др. Изучение влияния условий и организации обучения на показатели успеваемости и здоровья студентов // Гигиена и санитария. 2015. № 4. С.57-60.

References:

1. Babina V. S. (2015) Health problems of student youth *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. No. 11: 572–575. (In Russ.)

2. Bakaev V. V. (2013) Indicators of students' readiness for health-saving behavior *Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgaft]. No. 12 (106): 36–39. (In Russ.)

3. Brusneva V. V., Klimenko T. V. (2012) Significant factors and living conditions that influence and shape the health status of student youth in the city of Stavropol *Meditinskiy vestnik Severnogo Kavkaza* [Medical Bulletin of the North Caucasus]. Vol. 27. No. 3: 82–86. (In Russ.)

4. Gareeva I. A. (2017) Inequalities in the social space of healthcare in Transformation of human potential in the context of the century: materials of the Intern. scientific-practical. conf. in the framework of the III All-Russian. scientific Forum "Science of the Future - Science of the Young". Nizhny Novgorod, 14-15 Sept. Vol. 2: 16–19. (In Russ.)

5. Gareeva I. A. (2016) Social barriers of the modern health care system in Modern problems of economic development of enterprises, industries, complexes, territories: materials of the international. scientific-practical. conf. Khabarovsk: Publishing House of Togu: 275–278. (In Russ.)

6. Zudin A. B. (2017) Various aspects of changes in Russian health care *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and the history of medicine]. Vol. 25. No. 1: 68–72. (In Russ.)

7. Kartysheva S. I., Popova O. A., Grosheva E. S. (2015) Self-assessment of health and lifestyle of students of the Pedagogical University *Gigiyena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation]. No. 9: 18–20. (In Russ.)

8. Kienko T. S. (2015) Institutional and non-institutional factors in the formation of health-saving behavior *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. No. 1 (1): 1443. (In Russ.)

9. Kuznetsov V. V., Kosilov K. V. (2020) Model of the program of health-saving behavior and optimization of the state of health of medical students *Meditinskoye obrazovaniye i professional'noye razvitiye* [Medical education and professional development]. No. 11 (1): 88–97. DOI: 10.24411/2220-8453-2020-11006 (In Russ.)

10. Kuznetsov V.V., Kosilov K.V., Bairamov R.A., Kosilova (Fedorishcheva) E.K. et al. (2019) New index of health-saving behavior *Meditinskoye obrazovaniye i professional'noye razvitiye* [Medical education and professional development]. Vol. 10. No. 4: 76–92. DOI: 10.24411/2220-8453-2019-14010 (In Russ.)

11. Kuznetsov V. V., Kuzina I. G., Kosilov K. V., Kosilova (Fedorishcheva) E. K. et al. (2018) Correlation of parameters of self-assessment and objective health status in senior students of medical specialties *Kremlevskaya meditsina. Klinicheskiy vestnik* [Kremlin medicine. Clinical Bulletin]. No. 4: 110–117. (In Russ.)

12. Kuznetsov V. V., Kuzina I. G., Kosilov K. V., Kosilova (Fedorishcheva) E. K. (2019) Interrelationship between academic performance, academic motivation and professional burnout with self-assessment of the quality of life among students of senior courses in medical specialties *Meditinskoye obrazovaniye i professional'noye razvitiye* [Medical education and professional development]. Vol. 10. No. 2: 49–62. DOI: 10.24411/2220-8453-2019-12002 (In Russ.)

13. Minnibaev T.Sh., Melnichenko P.I., Prokhorov N.I. et al. (2015) Study of the influence of conditions and organization of education on the performance and health indicators of students *Gigiyena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation]. No. 4: 57–60. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 19.05.2022; принята к публикации 23.05.2022.

The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 19.05.2022; accepted for publication 23.05.2022.

Информация об авторе

Е. К. Федорищева – ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России.

Information about the author

E. K. Fedorishcheva – assistant, the chair of public health, The Pacific state medical university of the Ministry of Health of Russia.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2022 г. № 2 (99)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 01.07.2022 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 26,0

Учетн.-изд. л. – 28,0

Тираж – 500 экз.

Заказ № 4

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
